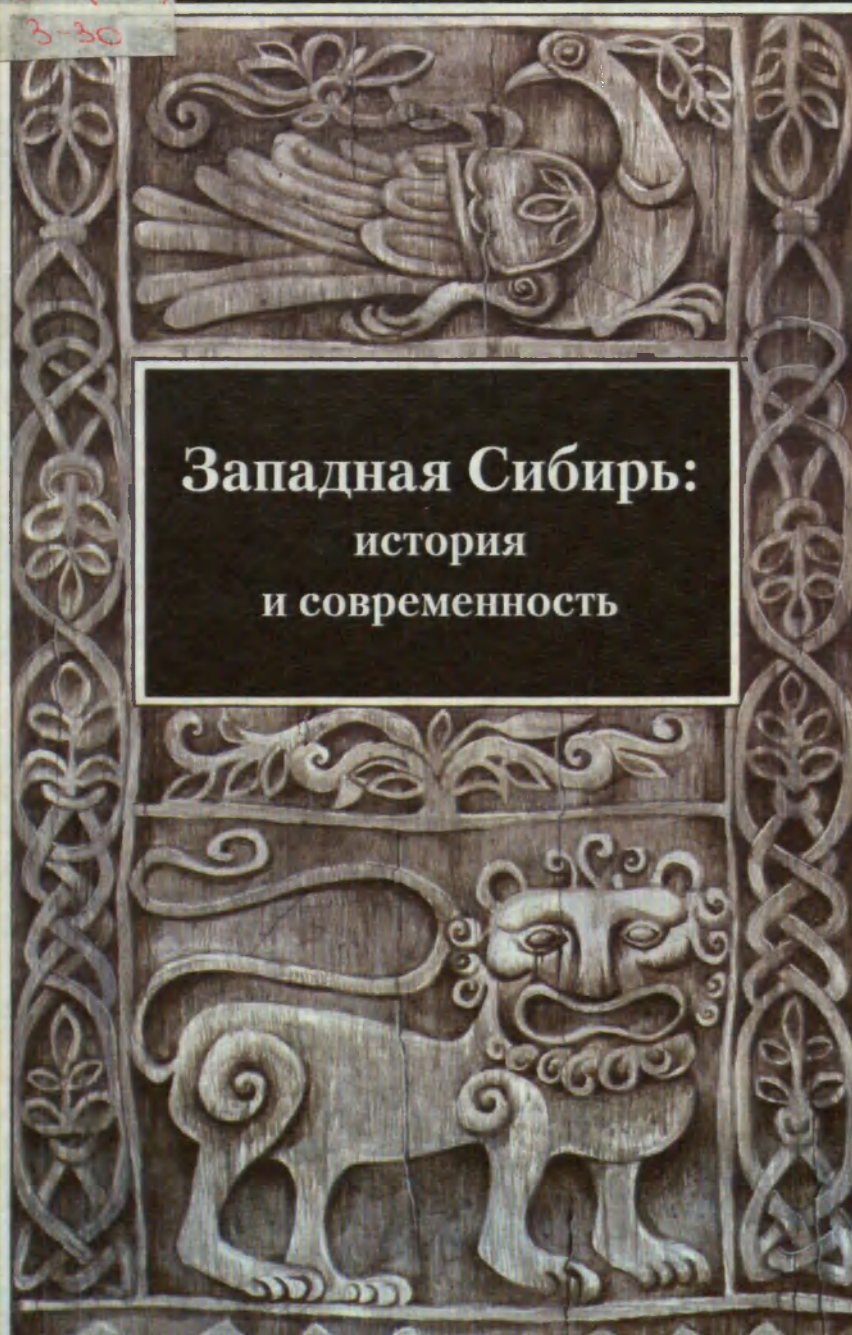

К 26.89(258.3)

3-30

The book cover features intricate wooden relief carvings. The top panel shows a bird, possibly a crane or heron, standing on a branch. The bottom panel shows a lion standing on a base. The entire design is framed by a decorative border of interlocking knotwork and floral motifs.

Западная Сибирь:
история
и современность

К 26.29(253.3)

3-30

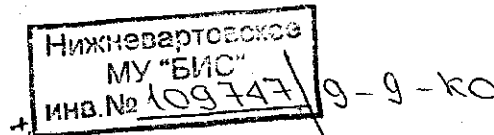
Муниципальное учреждение
«Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный педагогический институт

Мира не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки. Выпуск V

Ответственный за выпуск: Чернышова В.И.

Мандрика
Тюмень
2003

ББК 63.3 (253)

3 30

3 30 ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: Краеведческие записки. Вып.5 /МУ «БИС»; НГПИ — Тюмень: Мандрика, 2003. — 416 с.

Пятый выпуск краеведческих записок «Западная Сибирь: история и современность» продолжает публикации исследовательских материалов, подготовленных как известными учеными, так и начинающими краеведами, по истории, этнологии, социологии, экологии, лексикографии.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

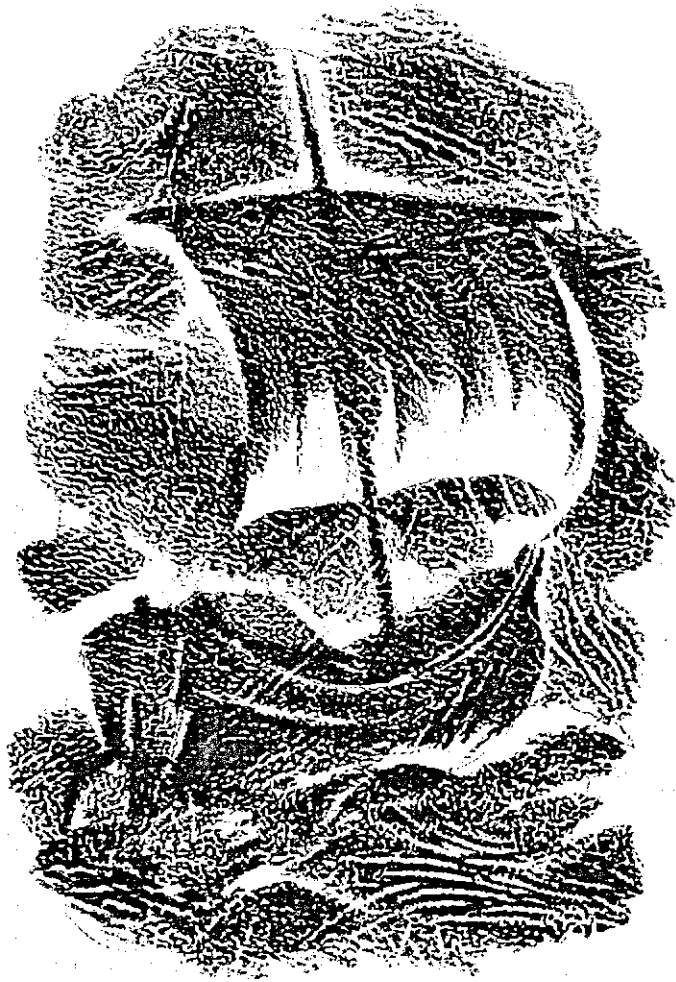
Редакционная коллегия

Солодкин Я.Г., профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного педагогического института (ответственный редактор); **Смирнов Н.П.**, член Союза журналистов России и член Союза писателей России; **Семенова Л.Ф.**, заведующая отделом краеведения Нижневартовской центральной городской библиотеки; **Мокшина Н.Ю.**, заведующая реставрационно-издательским отделом муниципального учреждения «Библиотечно-информационная система»

© Кухтерин А.С. (обложка, иллюстрации), 2003.

© Мандрика (оформление), 2003.

ISBN 5-93020-140-4

1. История. Историография

Я. Г. Солодкин

Воеводы и письменные головы Пельма первых лет его существования

В 1593 г. при впадении Пельма в Тавду была заложена русская крепость, ставшая вскоре центром обширного уезда. «Пельмский город» вначале представлял собой лишь военный опорный пункт. Основанная на месте старого вогульского городища крепость сразу приобрела важное стратегическое значение¹.

В течение первых двенадцати лет существования Пельма (до начала московской «смуты») им управляли четырнадцать воевод и письменных голов², которые сыграли важную роль в становлении города и сложившегося вокруг него уезда. Изучение биографий этих администраторов составляет цель настоящей статьи, примыкающей к выполненным нами ранее исследованиям о «начальных людях» Сургута, Березова и Мангазеи того же времени.

Во главе русской экспедиции за Урал, в ходе которой был построен Пельм, находился князь Петр Иванов сын Горчаков. Он стал и первым воеводой нового города³.

Принадлежавший к роду черниговских князей, Горчаков упоминается в источниках с 1581–82 гг. Три года спустя, будучи тестюшеским «жилецом», он имел поместье у реки Пьяны (ранее этим «селищем» владел И. Балабанов), а также мог «сечь» «хоромный и дровяной лес» в мордовских уожьях⁴. Документально о землях Петра Иванова в Арзамасском уезде известно за 1586–1601 гг. В «государевом разряде» конца XVI в. есть запись о «головстве» князя в Тетюшах в 1585–86 гг.⁵ В официальных «разрядах» сообщается и про «полевую службу» Горчакова несколько лет спустя. 22 мая 1589 г. с казачьим головой из Пронска И. Губинным (с которым вступил в местнический спор) и дашковским головой «в судех з запасы» О. Нарышкиным он был послан «на поля (точнее, поле. — Я.С.) за черкасы в конной рати». Благодаря одному документу выясняется, что Горчакова в чине головы направили из Шацка против «воровских» донских казаков и черкас атамана Б. Татаринова⁶.

Сохранилось известие о том, что в царствование Федора Ивановича князь Петр служил на Чусовой вместе с Ф.А. Хлоповым⁷. Последний был «ото[слан] в Чусовую» в 1588 или 1589 г.⁸ Видимо,

следом в головах «у наряду» Горчаков участвовал в шведском походе «святоцаря» Федора⁹. В списке выборных дворян начала 1590-х годов Петр Иванов сын значится среди «выведенных» «из попизовых городов»¹⁰, то есть Поволжья. Горчаков четырежды давал вклады в серпуховский Высоцкий монастырь. Первый из них во вкладной книге этой обители не датирован; остальные приурочены там к 1581–82, 1591–92 и 1594–95 гг. Князь передал Высоцкому монастырю лошадей (в том числе «кобылицу сибирскую», вероятно, привезённую из Пельма), овец, хлеб, пчелиные улья, деньги, одежду, церковные облачения, два колокола, рукописный Устав, иконы Богородицы, «царя» Константина и его матери Елены. В 1591–92 гг. князь купил у некоего Митрофана церковный Устав, который тогда же передал в Высоцкий монастырь по детям «Елферию убиенному (*не татарами ли на «Низу»?* — Я.С.), младенцу Григорию», а также родителям¹¹. В самом конце 1592 или начале следующего года вместе с Н.В. Траханиотовым и М.К. Волконским Горчакова послали за «Камень»¹², предписав «в Тоборах» выстроить новый город или укрепить старый и «промышлять» над пельымским князем Аблегиримом — союзником непокорного Кучума. После основания крепости в «месте нужном, безхлебном»¹³ табарниские татары жаловались на воеводу, что он заставил их «государеву пашню пахать и поимал» принадлежавшие им «особинные пашнишка в... государеву пашню»¹⁴.

Вскоре Горчакову вновь пришлось побывать в Сибири. С приказом «воевать» слушников князя направили к Березову, осажденному не желавшими платить ясак московскому государю остяками. 10 декабря 1618 г. в приказе Казанского дворца Горчаков показал, что был в Березове двадцать пять лет тому назад (точнее, двадцать три, ибо мятеж «инородцев» относится к 1595 г.) и попал туда из Москвы через Соль Вычегодскую, Вымью, Турью, Печорой (так называемой зырянской дорогой). О многочисленности карательного отряда, включавшего, между прочим, донских казаков и располагавшего артиллерией, свидетельствует то обстоятельство, что в подчинении у Петра Иванова сына находились головы А.В. Хрущов, П.И. Толстой и Ф.И. Жихарев. Мятеж был подавлен; отказавшихся вносить ясак казнили, некоторых князцов и «лутчих людей» с «ясачной казной» «прислали» к Москве¹⁵. По заключению А.Т. Шашкова, тогда Горчаков основал в низовьях Оби Обдорский острог¹⁶.

В боярском списке начала царствования Бориса Годунова князь Пётр упомянут среди выборных дворян Алексинского уезда с поместой «в Сибирь»¹⁷. Вероятно, именно в этот уезд «вывели» Горчакова из «Низовской» земли, что объясняет и факт его вклада в Высоцкий монастырь. В числе воевод и голов сибирских городов и острогов первых лет «самодержавства» Бориса Федоровича Петра Иванова сына мы не встречаем. Быть может, он выполнял тогда не административ-

ные, а военные функции проде тех, что в берёзовском походе, если только назначение князя на «сибирскую Украину» состоялось. (Это служебное назначение, как нельзя исключать, отменили вслед за появлением соответствующего указания в перечне алексинских дворян). В том же перечне назван Горчаков составителем боярского списка 1602–1603 гг., где определяется и поместный оклад бывшего пельмского воеводы (500 четвертей). В 1607 г. князь входил уже в число московских дворян. Из-под Тулы, в осаде которой он участвовал, Горчакова и боярина М.Б. Шенна отправили на воеводство в Смоленск¹⁸, — с точки зрения И.С. Шепелева, чтобы удержать город от сдачи Лжедмитрию II и подавить там антиправительственное движение.

Вторым воеводой Пётр Иванов сын являлся и в период героической обороны Смоленска от польско-литовской армии. И.М. Карамзину представлялось, что при захвате города в июне 1611 г. Горчаков попал в плен, где, уже в Речи Посполитой, — добавлял Л.М. Савёлов, — и скончался¹⁹. О том, что Пётр Иванов сын оказался в плену (вместе с архиепископом Сергием) при падении Смоленска, говорится в «Истории Дмитрия, царя Московского, и Марини Мнишек» М. Стадницкого. О пленении князя наряду с М.Б. Шенным во время последнего штурма Смоленска королевскими войсками читаем в Пискаревском летописце, вышедшем из кругов московских приказных людей, и хранившейся в киевском Михайло-Златоверховском монастыре записи, передающей версию о взрыве Успенского собора, в котором укрылись смольняне²⁰. Эта версия не отличается достоверностью²¹. Создатель же повествовательного источника Пискаревского летописца в части на конец XVI—начало XVII вв. сообщал о падении Смоленска, видимо, следуя молве. М. Стадницкий, вероятно, тоже понаслышке писал о пленении Горчакова во время последнего штурма Смоленска королевской армией. Примечательно, что в Бельском летописце и Повести о победах (*сражениях*. — Я.С.) Московского государства, возникших среди западнорусских служилых людей, сообщается о взятии в плен поляками и «литвой» в «крепкостоятельном граде» одного воеводы Шенна. Об этом сказано и в официальном Новом летописце, автор которого поведал о содержании в «Прусах», причём «в великой крепости» (даже «в канданах»), боярина, руководившего «осадным сидением» смольнян²². Сослуживцем Шенна Горчаков являлся еще 12 мая 1611 г.²³ (Заметим, что в работах В.П. Мальцева о «борьбе за Смоленск» в годы «межусобной брани» роль второго воеводы «великого града» не раскрывается вовсе. И.О. Тюменцев лишь упоминает о пребывании Горчакова в осажденном армией Сигизмунда III Смоленске)²⁴. В документации Печатного приказа за 1614–1615 гг. приводится факт «здачи» князем Петром внуку имения (в 609 четвертей) в Вяземском уезде и говорится о поземельных делах, которые основатель Пельма вел «на

Угличе» и Кашире²⁵. Напомним, что в конце 1618 г. Горчаков давал показания о своей берёзовской службе при царе Фёдоре Ивановиче. Стало быть, во время последнего штурма Смоленска князю удалось избежать пленения. Пока остаётся только гадать, когда — в день этого «прислуга» или накануне — и каким образом Горчаков сумел выбраться из осаждённого города.

Князь Пётр умер не позднее 1626 г., ибо в составленном тогда боярском списке о нём умалчивается, зато назван его сын Дмитрий (каширский помещик, он был стряпчим ещё в царствование Шуйского²⁶).

О служившем с Горчаковым в Пельме голове Семёне Никифорове сыне Ушакове известно немного. В 1602–1603 гг. он являлся выборным дворянином по Туле с окладом 500 четвертей. В то время Ушаков был головой в Путивле. В 1610 г. Семён Никифоров сын служил в Серпухове²⁷.

По указанию Е.В. Вершинина, 1594 г. в Пельме воеводствовал Василий Степанов сын Толстой. Как время его назначения, так и срок пребывания в должности, — признаёт исследователь, — неясны. Е.В. Вершинин упустил из виду, что Толстой управлял Пельмом и в 1597 г. В отписке, полученной тогда в столице (6 сентября), воевода сообщил, что сделал погреб для казны, зелья и свинца под городской стеной²⁸.

В челобитной на имя польского королевича Владислава, избранного московским царём, Толстой уверял, что боярин и дворяцкий Г.В. Годунов «насильством» отнял у него вотчину в Новоторжском уезде — сельцо Чевакино с деревнями, — смежную с «Григорьевою вотчиною», а его самого сослал в Казань, потом в Сибирь, где он мучился двенадцать лет. (В разгар «смуты» Чевакино принадлежало княгине Анне — жене П. Урусова, служившего Лжедмитрию II и после его гибели «отъехавшего» «в Нагаи»). Владислав «Жигимонтович» распорядился передать эту вотчину Толстому, затем снова Анне; московские бояре в ноябре 1611 г. решили возвратить новоторжское сельцо с деревнями «Василью»). Согласно писцовой книге 1587–88 гг. Г.В. Годунов годом раньше купил Чевакино у Толстого²⁹. Последний, очевидно, зависил срок своей зауральской службы³⁰, которую (что не было редкостью) выдал за ссылку.

В 1582 г. Василий Степанов сын вместе с братом Григорием состоял в «особом» дворе Ивана Грозного³¹. Через два десятилетия, имея оклад 500 четвертей, Толстой принадлежал к «выбору» Зубцовского уезда; в 1604 г. бывший пельмский воевода находился «за заставою»³². Вскоре после убийства Лжедмитрия I и воцарения Шуйского Толстого отправили на Дон приводить казаков к присяге и «являти» им государево жалованье³³. В начале

XVII в. Василий Степанов сын владел поместьем в Ржевском уезде, на которое, как и на земли близ Торжка (но не Чевакино), он получил жалованную грамоту от Сигизмунда III³¹. В 1618–19 гг. прежний оклад Толстого (63 рубля) вырос до 88 «за погорельскую, боровскую и можайскую» службы предшествующего года³⁵.

Как узнаём из наказа воеводе и голове, назначенным в Сургут в феврале 1595 г., Пельмом в то время управлял Богдан Иванов сын Полев. В крепости на Тавде он воеводствовал по меньшей мере до конца июня следующего года³⁶.

Выходец из рядового дворянского рода, Полев в 1553 г. являлся стрелецким головой в походе на Луговую сторону Казанского «царства» и арские «места»; однажды — во время приёма крымских послов в Александровой слободе — находился среди опричников³⁷. К середине 1570-х он перешёл в земщину³⁸. В боярских списках, начиная с составленного в 1577 г., Богдан Иванов сын «писался» дворянином московским. В первые годы царствования Фёдора Полев являлся объезжим головой в столице и получил назначение в сторожевой полк армии, готовившейся выступить против шведов (этот поход был отменен), исполнял какое-то поручение в Астрахани. В 1592–93 гг. Богдан Иванов сын, которого Р.Г. Скрынников включает в число сподвижников правителя Бориса, почему-то принимая за дворового, управлял Белой. В царствование Годунова Полев приводил «ко кресту» новгородцев, участвовал в знаменитом серпуховском походе, на случай крымского вторжения посылался в Орёл и Болхов, являлся вторым воеводой в Ливнах и Царёве — Борисове³⁹. В конце XVI в. бывший опричник владел землями в Московском (свыше 466 четвертей), Дмитровском, Вяземском, Кашинском и Старицком уездах⁴⁰. В поход против «расстриги» он снарядил тринадцать всадников. (Стало быть, к осени 1604 г. за ним числилось около 1300 «четей»). В боярском списке 1606–07 гг. упоминание о Богдане Ивановё сыне сопровождается пометами «сказ[ался] болен. На Мос[кве]». Его дети Андрей и Фёдор в том же документе названы среди стольников. С указанием «болен» Полев значится и в боярском списке 1610–11 гг.⁴¹ В начале царствования Михаила Фёдоровича Богдан Иванов сын воеводствовал в Свияжске, Муроме, Ржеве Владимировой, Ельце⁴². Его служебная карьера продолжалась как минимум до 1618 г., то есть более 65 лет. В этом отношении Полев не имеет себе равных среди первых воевод «Пельмского города».

В декабре 1595 г., когда крепость ещё «дорубалась», письменным головой в Пельме нёс службу Григорий Иванов сын Микулин, вскоре переведённый на ту же должность в Берёзов. Биография Микулина — опричника, посланца царя Бориса к английской королеве Елизавете, думного дворянина Лжедмитрия I — неоднократно привлекала внимание исследователей⁴³. Весной 1584 г. Григорий Иванов сын

вместе с А.Ч. Митковым возглавлял отряд дворовых стрельцов в походе к Калуге против крымцев; на реке Выси татары были разбиты⁴⁴. В конце 1580-х годов Микулин являлся приставом у приехавших в Москву персидских послов. Тогда же выборный дворянин по Вязьме (его оклад составлял 600 четвертей) отправился «татар зби[рать]» в поход на шведов, а затем (в чине головы) находился в числе участников штурма Ругодыва. К 1602–1603 гг. поместный оклад Микулина вырос до 729 «четей»⁴⁵. (По наблюдению С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, Григорий Микулин, бывший стрелецким сотником в Смоленске при воцарении Бориса Годунова, служил в той же должности и в «смутное время»⁴⁶. Таким образом, его нельзя отождествлять с Григорием Ивановым сыном из вяземского «выбора»). В 1604 г. Микулин имел двор в Ярославле. В звании думного дворянина, полученном еще до воцарения Лжедмитрия, Григорий Иванов сын участвовал в свадьбе московского «песаря»⁴⁷. По свидетельству голландского купца И. Массы, оставившего «Краткое известие» о России начала XVII в., после убийства самозванца Микулин тайно бежал из столицы, но был арестован в Вязьме. Поскольку царь Василий обещал не преследовать «думных людей» без суда и следствия, — рассуждает И.О. Тюменцев, — спасти свою жизнь фаворита «расстриги» заставили веские обстоятельства. По заключению исследователя, скорее всего, Микулин был причастен к организации беспорядков в Москве 24–25 мая 1606 г., стоял у истоков очередной самозванческой интриги⁴⁸. Но Григорий Иванов сын мог бежать в свое вяземское поместье ещё до этих столычных волнений. Входивший в ближайшее окружение «царя Дмитрия», непосредственно причастный к расправе со стрельцами, усомнившимися в «прирожденности» нового государя, Микулин, безусловно, имел все основания тревожиться за собственную судьбу. Допустимо считать, что сразу после ареста любимец самозванца был убит.

Исполнителями воли московского самодержца в Пелыме с округой в 1597–1598 гг. являлись воевода Пётр Михайлов сын Шаховской (по прозвищу Кила) и письменный голова Дементий Григорьев сын Юшков.

Представитель многочисленной ветви ярославского княжеского дома, Шаховской в 1588–1589 гг. числился в выборных дворянах по Зубцову. Тогда, в канун войны со Швецией, его вместе с братом Мироном (впоследствии основателем Мангазейского острога) назначили в Новгород, где шло формирование московской армии. Ещё раньше в сторожевом полку с «парядом» и запасами Шаховского послали в Царевококшайск (осень 1584 г.); следом «в плавной рати» князь Пётр действовал против «луговой черемисы» в составе большого полка. В 1591–92 гг. он был вторым воеводой Терского города⁴⁹. Судя по боярскому списку нача-

ла «царства» Бориса Годунова, в Сибирь Шаховской отпирался в чине дворянина московского. Вернувшись из Пелыма, князь в головах «у обозу» находился на крымской «украине» (1600–01 гг.) и в течение трех лет воеводствовал в Чернигове — вплоть до захвата этой крепости отрядами самозванного «царевича Димитрия». Устрашенный казнью знатного дворянина Н.С. Воронцова-Вельяминова, Пётр Михайлов сын подобно первому черниговскому воеводе И.А. Татеву «целовал крест» «расстриге»⁵⁰.

Д.Г. Юшков, который в одной разрядной записи назван «козлитинном», то есть дворянином (вероятно, городовым) Козельского уезда, в 1589 г. в головах с детьми боярскими был послан из Ливен на Донец «в прибавку» к голове А.Ф. Зиновьеву⁵¹. Несколько лет спустя, будучи казачьим головой, Юшков «ставил» Кромы⁵². Согласно царской грамоте верхотурскому воеводе В.П. Головину от 4 октября 1598 г. Дементий Григорьев сын переводился в тюменские дети боярские «в ряд», надо думать, за какую-то провинность.

Та же грамота содержит предписание об «отпуске» из Верхотурья на место Юшкова Ивана Неелова⁵³, — как узнаём по другим документам, Ивана Ильина сына, который ранее вместе с воеводой И.В. Траханиотовым служил в Лозьве, а весной 1598 г. пришёл из этого заброшенного «городка» «на Верхотурье»⁵⁴, где, видимо, и остался. В самом начале XVII в. И.И. Неелов являлся выборным дворянином по Дорогобужу с окладом 500 четвертей⁵⁵. (К той же корпорации, кстати, принадлежал Иван Елизарьев сын Неелов).

Заметим, что в перечне пельмских администраторов, составленном Е.В. Вершининым, Неелов не фигурирует.

Преемником Ивана Ильина сына в роли письменного головы одного из первых сибирских городов оказался Пётр Григорьев сын Вердеревский. Обширным уездом он управлял совместно с воеводой Тихоном Ивановым сыном Траханиотовым.

Потомок византийских аристократов, Траханиотов весной 1577 г. «из земского» был направлен за служилыми людьми в Кострому. Тогда же этот столичный дворянин принял участие в Ливонском походе Ивана IV. В боярском списке 1588–1589 гг. рядом с указанием на Траханиотова читаем: «В Новгород»⁵⁶. Повторим, что в этом «граде святом, великом» (как писал дьяк Иван Тимофеев) собиралась русская армия для наступления на шведские владения в Прибалтике. Вскоре после избрания Бориса Фёдоровича на трон Тихон Иванов сын вместе с двоюродными братьями Иваном и Никифором Васильевыми детьми (первый, напомним, воеводствовал в Лозьве, второй основал Берёзов) подписал «Утверженную грамоту» о воцарении нового государя. В этом документе Траханиоты представлены членами Земского собора 1598 г. По возвращении из Сибири в Москву Траханиотов выполнял обязанности объезжего головы в

«Парёвом Камешном городе» столицы, посылался (1603–04 гг.) к тульским и калпирским засекам. Против Лжедмитрия I бывший воевода Пельма выставил шесть всадников. Тихон Иванов сын упомянут в боярском списке 1606–07 гг.⁵⁷ В аналогичном документе, возникшем через два десятилетия, отмечен лишь Иван Тихонов⁵⁸, а в боярской книге следующего года — и его брат Пётр⁵⁹ (дослужившийся до чина окольного и казённый во время «Соляного бунта»). Очевидно, к началу второй четверти XVII в. Т.И. Траханнотова уже не было в живых. Его поместья располагались в Калужском, Владимирском, Старицком, Московском уездах; про вотчины данных нет⁶⁰.

В грамоте от 5 октября 1601 г. «на Верхотурье» местным властям приказывалось отпустить П.Г. Вердеревского из Пельма к Москве⁶¹. Поэтому Е.Н. Ошанина сочла видного рязанского дворянина ссыльным. Такой взгляд — несомненная натяжка⁶². В царской грамоте, вопреки утверждению исследовательницы, не было речи об отсылке Вердеревского, причём тотчас, назад, в «Пельмский город». В первом сохранившемся боярском списке XVII столетия говорится о возвращении Петра Григорьева сына — выборного по Рязани с окладом 400 «четей» — «111(1602–03)-го из Сибири»⁶³, как подразумевается, со службы.

В начале восстания И. Болотникова Вердеревский был убит мятежниками. По-видимому, он служил тогда в одной из крепостей Рязанского края⁶⁴. Любопытно, что сын П.Г. Вердеревского Иван воеводствовал в Пельме в середине 1620-х годов⁶⁵.

В роли главного «начального человека» Т.И. Траханнотова в Пельмском «граде» сменил князь Василий Григорьев сын Долгорукий по прозвищу Чертёнок. В 1599–1600 гг. Долгорукий был объезжим головой столицы. В поход против «вора», называвшегося царевичем Дмитрием, князь Василий и его брат Алексей вывели шесть конных холопов. Вскоре самозванец решил отправить недавно вернувшегося из Пельма Долгорукого в Ливны, где размещался передовой полк русских войск, оборонявший от татар полевую «украину»⁶⁶. Василий Григорьев сын имел вотчины в Оболенском и Дмитровском уездах, а поместья — ещё в нескольких⁶⁷. Отец князя Василия Григорий Иванов сын Чёрт⁶⁸ в 1595–1596 гг. воеводствовал в Тюмени. Не исключено, что с ним находился и будущий «начальный человек» Пельмского «города»⁶⁹. В разрядной книге редакции 1636 г. сказано, что назначенный туда Долгорукий напомнил в челобитной о своём недавнем пребывании в Сибири, и вместо него послали Григория Потапова сына Викентьева⁷⁰. Однако последний (выборный дворянин Ярославского уезда) в 1601–1603 гг. служил письменным головой в Березове. Как сообщается в местническом деле Г.Г. и С.Г. Пушкиных с Ю.А. Долгоруким (середина XVII в.), посланный в Пельм Гаврила Григорьев сын Пушкин «на

князь Василия Долгорукова в отчестве был челом и [у] дела с ним не сидел, а жил всё у себя на дворе и в съезжую избу к нему не ездил»⁷¹. Свидетельство «государева разряда» сокращённой редакции, таким образом, не отличается точностью. По утверждению Ю.М. Эскина, князь Б.М. Лыков за местническое столкновение с Д.М. Пожарским в 1602 г. попал на воеводство в Пелым⁷². В действительности будущий первый судья Сибирского приказа, затеяв эту тяжбу, оплатился отправкой в недавно основанный Белгород⁷³.

Биография Г.Г. Пушкина, прозванного Слепым (возможно, оттого, что к концу жизни он лишился зрения), — пелымского письменного головы в 1601–1603 гг. — подробно изучена С.Б. Веселовским и особенно В.И. Корецким⁷⁴. Последний, как и в одной из работ Р.Г. Скрынников, считает пребывание Гаврилы Григорьева сына в Сибири ссылкой; и, думается, напрасно. Исследователь указал на то, что в середине — второй половине 1580-х годов и в самом начале XVII в. Пушкин входил в число выборных дворян по Дорогобужу, а раз в боярском списке 1598–1599 гг. среди них будущий сокольничий и думный дворянин не значится, налицо чиновное понижение его статуса перед «посылкой» в Пелым. В.И. Корецкий, однако, не учёл, что сохранившийся боярский список первых лет царствования Бориса «представляет собой, по всей вероятности, выборку из полного боярского списка, в который вошли не все, а лишь некоторые дворовые люди»⁷⁵. В частности, если в этом документе перечислено восемь дорогобужских дворян, то в боярском списке 1588–89 гг. — тридцать девять, а в аналогичной «росписи» 1602–1603 гг. — как минимум тридцать один (конец её утрачен). Вдобавок к приведенным в литературе сведениям о Гавриле Григорьеве сыне укажем, что в начале «междоусобия» он служил в Вологде, а в 1613–14 гг. — в Вязьме, позднее защищал Москву от войск королевича Владислава, встречал у звенигородского Савво-Сторожевского монастыря вернувшегося из польского плена митрополита Филарета («поставленного» следом в патриархи), в 1633–34 гг., то есть за несколько лет до смерти, был направлен в Путивль для размежевания земель России и Речи Посполитой⁷⁶. В окружении Г.Г. Пушкина, скорее всего (как находит В.И. Корецкий), им самим составлялась разрядная книга⁷⁷. Попытка усмотреть в ней «летописные черты»⁷⁸ выглядит искусственной.

В 1603–1605 гг. административную службу в Пелыме несли Алексей Иванов сын Зюзин и Максим Иванов сын Радилов.

Биография первого из них, являвшегося виршевым поэтом (его послание Стефану Матвеевичу — скорее всего, околичному Проестеву — «демонстрирует искусственность автора в технике изящной словесности»), изучена В.К. Былинным⁷⁹. Вне внимания исследователя, однако, осталось немало данных. В 1599–1600 гг. (накануне Зю-

зин участвовал в избрании Годунова «на Московское государство») будущий пельымский воевода выступал душеприказчиком княгини Марии — жены Ф.И. Кривоборского⁸⁰. Выходец из тверского боярского рода, Алексей Иванов сын перед отъездом на «сибирскую службу» получил четвертное жалование на два года; в то время он был выборным дворянином по Костроме и имел оклад 450 четвертей (такой же, как и у его брата Калишника)⁸¹. В январе 1608 г. Зюзин — участник свадьбы царя Василия. Лжедмитрий II передал поместье Алексея Иванова сына в Костромском уезде своему боярину Н.Д. Вельяминову. По предположению П.Г. Любомирова, оставивший в феврале 1613 г. каргопольское воеводство Зюзин участвовал в посольстве Земского собора к избранному на престол сыну Филарета. В самом начале царствования Михаила Фёдоровича за Зюзиным, однако, сохранялись земли в Костромском уезде; тогда же бывший воевода Пельма сумел получить жалованную грамоту на старую вотчину⁸². В боярской книге 1615 г. позвратившийся накануне из посольства в Англию Алексей Иванов сын значится дворянином московским⁸³. В 1618 г. он «являл» при дворе персидских дипломатов, вёл с ними переговоры, на Троицын день ел за государевым столом, «в королевичев приход» в Москве «за Яузюю острог ставил»⁸⁴. Пожалованный за подписание Столбовского мира в околыничие, Зюзин известен вкладками в Кирилло-Белозёрский монастырь⁸⁵ и как владелец разрядной книги⁸⁶. Вопреки мнению В.К. Былинкина о том, что сочинитель «епистолии» Стефану Матвеевичу был жив в начале 1630-х годов, полученная за «московское осадное сиденье» 1618 г. нижегородская вотчина Зюзина (село Вельдеманово, где насчитывалось 99 дворов, 536 четвертей) в 1624 г. принадлежала его вдове⁸⁷. Недаром в «свадебном разряде» 1624 г., боярском списке 1626 г. и боярской книге, составленной год спустя, числятся Никита и Григорий Алексеевы дети Зюзины, но об их отце умалчивается⁸⁸.

Пельымский голова кануна «смуты» Радилов на протяжении минимум полутора десятилетий, начиная с 1588—1589 гг., был выборным зубцовским дворянином с окладом 500 «четей». В боярском списке периода междоусобия Максим Иванов сын назван уже среди столичных дворян. Радилов состоял в рядах Второго ополчения, по крайней мере со времени пребывания освободительной рати в Ярославле⁸⁹. В царствование Фёдора Ивановича М.И. Радилов был пожалован вотчиной своих деда и отца — Матвея и Ивана — селом Шимоново с деревнями и пустошами в Верейском уезде. Всего Максим Иванов сын имел четыре родовых вотчины «на Верее», в Зубцовском и Нижегородском уездах. В 1615 г. ему выделили 200 четвертей в поместье «на Костроме». В 1620—1623 гг. Радилов — второй томский воевода; накануне и следом он служил в «царствующем граде»⁹⁰.

Таким образом, из воевод и голов, сменявших друг друга в Пельме в первые (до 1605) годы его существования, один — В.Г. Долгорукий — представлял княжескую корпорацию, двое (Б.И. Полев и Т.И. Траханнотов) олицетворяли московское дворянство, девять (а также, видимо, В.С. Толстой) — выборное (из Зубцова, Дорогобужа, Тулы, Вязьмы, Рязани, Костромы, надо думать, и Алексина), наконец, Д.Г. Юшков относился к городовому дворянству. Как минимум семь из них провели в «Пельымском городе» не менее двух лет. В.С. Толстому довелось управлять им дважды. Бывало, воевода (Б.И. Полев) и голова (Д.Г. Юшков) ведали уездом в одиночку. По принципам формирования и срокам деятельности пельымская администрация почти не отличается от воеводских коллегий Берёзова, Сургута, Мангазеи того же времени. Единственная, пожалуй, разница заключалась в том, что один из письменных голов Пельма состоял в рядах не выборного, а городского дворянства. Служба там П.И. Горчакова, Б.И. Полева, П.М. Шаховского, Г.Г. Пушкина, А.И. Зюзина, М.И. Радилова наверняка способствовала их дальнейшей административной карьере.

¹ *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // *Вестник истории мировой культуры.* 1960. №3 (21). С. 117, 124.

— Мнение о том, что вначале Пельым занимал промежуточное место между городом и острогом (*Овчинникова Б.Б.* О формировании русских острогов и городов на Урале в XVI в. // *Сургут, Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: докл. и сообщ.* Екатеринбург, 1995. С. 84), осталось необоснованным.

² Пельымские администраторы рассматриваемого времени перечислены в книге *Е.В. Вершинина «Воеводское управление в Сибири (XVII век)»* (Екатеринбург, 1998. С. 164–165). См. также: *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и головы Пельма // *Урал на пороге третьего тысячелетия.* Екатеринбург, 2000. С. 112–114.

³ *Солодкин Я.Г.* Строитель Пельма князь Петр Горчаков // *Югра.* 2000. №7–8. С. 106–107; *Он же.* Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования // *Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки.* Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 13–14. О Пельме рассматриваемого времени см.: *Соколовский И.Р.* Пельым — малый сибирский город XVII в. // *Таможенные книги сибирских городов XVII века.* Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 78, 79.

⁴ *Арамакские поместные акты (1578–1618 гг.)* / Собрал и редактировал *С.Б. Веселовский.* М., 1915. С. 581. Возможно, отцом Петра Горчакова являлся Иван Федоров сын, который находился среди детей боярских — участников полоцкого похода 1563 г. См.: *Витебская старина* / Составил и издал *Д. Сапунов.* Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 1. С. 63.

⁵ *Разрядная книга 1475–1598 гг.* М., 1966. С. 378.

⁶ Там же. С. 407; *Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества* / Собрал и издал *Д. Юшков.* М., 1898. Ч. 1. С. 262; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 95.

- ⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицие имп. Академии наук (*далее* — ААЭ). СПб., 1836. Т. 3. С. 165.
- ⁸ Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 137.
- ⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 417, и др.
- ¹⁰ Боярские списки... Ч. 1. С. 327.
- ¹¹ *Воронцова Л.* Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря // Древности: Труды Археографической комиссии имп. Моск. Археолог. общества. М., 1898. Т. 1. Вып. 2. Стлб. 325; *Костюхина Л.М.* Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник (*далее* — АЕ) за 1960 год. М., 1962. С. 279.
- ¹² Разрядная книга 1475—1605. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 41. По свидетельству С. Жолковского, Горчаков палил в сражении будущего казимировского царя (Памятники «смутного времени»: Тушинский вор: личность, окружение, время: Документы и материалы. М., 2001. С. 43), т.е. Ораз-Мохаммада. Из других источников, однако, выясняется, что последний был захвачен в Тобольске головой Д.Д. Чулковым и следом доставлен в Москву.
- ¹³ ААЭ. Т. 3. С. 479.
- ¹⁴ *Корецкий В.И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI—начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 39. Е.К. Ромодановская произвольно отнесла наказ П.И. Горчакову об «устроении» города «в Тоборах» к 1586 г. (*Ромодановская Е.К.* Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 25).
- ¹⁵ Русская Историческая Библиотека (*далее* — РИБ). СПб., 1875, Т. 2. Стлб. 1068; Разрядная книга 1550—1636 гг. (*далее* — РК). М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 123; Разрядная книга 1475—1605. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 112; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Издание подготовили Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 183—184. Не зная об этом походе, А.И. Андреев предположил, что П.И. Горчаков восродствовал в Берёзове в конце 1580-х годов (*Андреев А.И.* Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв. // Изв. Всесоюзного географического общества. 1940. №2. С. 152—155).
- ¹⁶ *Шашков А.Т.* К истории основания Берёзова и Пельма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 253. Примеч. 7; *Он же.* Берёзовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога // Югра. 1999. №1. С. 21.
- ¹⁷ Боярские списки... Ч. 1. С. 190.
- ¹⁸ Там же. С. 230, 260; РК. М., 1976. Т. 2. Вып. 2. С. 242.
- ¹⁹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 12. Стлб. 180; *Савёлов Л.М.* Родословные записи. М., 1908. Вып. 2. С. 246.
- ²⁰ *Шапов Я.Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы 1150 г. // Новое в археологии: Сборник статей, посвященный 70-летию Артемию Владимировичу Арциховскому. М., 1972. С. 282; Полное собрание русских летописей (*далее* — ПСРЛ). М., 1978. Т. 34. С. 215; Памятники «смутного времени»... С. 152.
- ²¹ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленский детинец и его памятники // Советская археология. 1967. №3. С. 289—290; *Воронин Н.Н.* Следы раннего смоленского летописания // Новое в археологии. С. 274.

- ²² ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 111; Т. 34. С. 259; Повесть о победах Московского государства / Издание подготовил Г.П. Елин. Л., 1982. С. 27, 65–66.
- ²³ Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. М., 1912. С. 131, 132.
- Согласно росписи московских воевод и приказных людей из Литовской метрики, Смоленском управляют М.Б. Шени и Г.К. Волконский (Акты временн междуцарствия (1610 г. 17 июля–1613 г.) / Под ред. С.К. Боголюбского и И.С. Рябинина. М., 1915. С. 201). Последним, видимо, намечалось заменить П.И. Горчакова.
- ²⁴ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 403–404.
- ²⁵ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Составил академик С.Б. Весселовский. М., 1994. С. 196, 384–385, 415. В августе 1610 г. король пожаловал поместье Горчакова в Волоколамском уезде (село Кузьминское с деревнями) как «изменничье» своему стороннику И. Дядькову.
- ²⁶ Тюменцев И.О. Смута... С. 290; Д.П. Горчаков имел вотчины в Капшинском и Костромском уездах (Швайтченко О.А. Светские феодалыные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 131).
- ²⁷ Боярские списки... Ч. 1. С. 224; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 255.
- ²⁸ РИБ. Т. 2. Стлб. 138.
- ²⁹ Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610–1611 гг. / Под ред. и с предисл. Л.М. Сухотина. М., 1911. С. 86. Примеч. 1; С. 97–99, 101–102. Ср.: Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 107, 110.
- Как пишет А.П. Павлов, новоторжская вотчина у В.С. Толстого была куплена или отнята Г.В. Годуновым (Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 187). Первое кажется более вероятным, учитывая показания писцовой книги.
- ³⁰ Солодкин Я.Г. Опала или служба? (К ранней истории сибирской ссылки) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1999. Тюмень, 2000. С. 45.
- ³¹ Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 63.
- ³² Боярские списки... Ч. 1. С. 241; М., 1979. Ч. 2. С. 9.
- ³³ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 24.
- ³⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 323, 364, 368. Какой-то Роман Васильев сын Толстой в «смутное время» был пленён крымцами. См.: Майорова Т.В., Ильинская Н.В. Ономастикон «Десятины Тульской...» 1622 года // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. Седьмой научно-практической конференции (Тула, ноябрь, 1999). М., 1999. С. 194.
- ³⁵ РИБ. М., 1912. Т. 28. Стлб. 690.
- ³⁶ Сторожев В. Материалы... Вып. 2. Прилож. С. 6; РИБ. Т. 2. Стлб. 120–123.
- ³⁷ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 64. А.П. Павлов выводит Б.И. Полева из рода смоленских князей (Павлов А.П. Государев двор... С. 114).
- ³⁸ Мордовити С.П., Станиславский А.Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симсона Бскбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 160. Примеч.

- ³⁰ Местнические дела 1563–1605 гг. / Собраны и изданы Н.П. Лихачёвым. СПб., 1894. С. 46, 47; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 25, 26, 110, 155, 167, 168, 179, 189; Боярские списки... Ч. 1. С. 89, 127, 185; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 23; Разрядная книга 1475–1605. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 36, 66, 67; М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 41, 52, 63, 104, 109, 117, 118, 131, 139, 147; ПСРЛ. Т. 34. С. 233.
- ⁴⁰ *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора... С. 64; *Павлов-Сильванский В.Б.* Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584–1586 гг. Т.А. Хлопова «товарищи» // Источниковедение отечественной истории: 1984. М., 1986. С. 238, 241; *Он же.* Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1991. С. 35–37, 39.
- ⁴¹ *Сторожева В.* Материалы... Вып. 2. С. 87; Боярские списки... Ч. 1. С. 251, 255; Ч. 2. С. 57. Сын Б.И. Полева Иван (быть может, старший), в конце XVI в. воеводствовал в Ливнах и Курске, погиб в походе на Тарки в 1604 г.
- ⁴² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографию русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869. С. 363; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 270, 275, 288, 303.
- Об участии Полева в местнических спорах см.: *Эскин Ю.М.* Местничество... С. 80, 83, 104, 116, 117; *Павлов А.П.* Государев двор... С. 135. Примеч. 90.
- ⁴³ См., напр.: *Кобеко Д.Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях «смутного времени». СПб., 1908. С. 12–16. В.О. Ключевский не вполне точно называл его большим дворянином (*Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве: 1872–1875 / Под ред. Р.А. Киреевой и А.Ф. Киселёва. М., 1997. С. 473).
- ⁴⁴ *Корсунский В.И.* История русского летоисчисления второй половины XVI–начала XVII вв. М., 1986. С. 81.
- ⁴⁵ Боярские списки... Ч. 1. С. 140, 205, 283. Ср.: С. 312, 330; *Павлов А.П.*, *Эскин Ю.М.* Местническое дело дьяков И.В. Неслова и Г.И. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия: Сборник статей в честь Натальи Фёдоровны Демидовой. М.: Новосибирск, 2000. С. 80, 81, 86.
- ⁴⁶ *Мордовина С.П.*, *Станиславский А.Л.* Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 133, 143. Ср.: С. 166. Заметим, что в конце XVI в. Григорий Микулин и его брат Пётр владели землями в Подмоскovie. См.: *Павлов А.П.* Государев двор... С. 148. Примеч. 21.
- ⁴⁷ *Богатырев С.Н.* «Мой честнейший и дорогой друг Григорий Иванович Микулин» (Шестью английского государственного деятеля к русскому дипломату начала XVII в.) // Отечественные архивы. 1995. №6. С. 88; *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1999. Т. 1. С. 194, 198. Считать, что в мае 1606 г. Г.И. Микулин был уже окольным [Дракохруст Е.И. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века / Сборник статей по истории СССР XVI–XVIII вв. М., 1941. С. 68. (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 14)], не приходится.
- ⁴⁸ *Тюменцев И.О.* Смута... С. 66, 84, 279, 527. Утверждение, что Г.И. Микулин был пожалован Лжедмитрием I в думные дворяне за искоренение измены и умер в 1607–08 гг. (Хроники «смутного времени». М., 1998. С. 522), не отличается точностью.
- ⁴⁹ Боярские списки... Ч. 1. С. 170; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 12, 101; Разрядная книга 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 47, 197. См. также: *Газенвинкель К.* Материалы для справочно-биографического словаря сибирских деятелей

- // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1893. Вып. 1. С. 72; Павлов А.П. Государев двор... С. 169.
- Кпла — это грыка, оухоль, напльв, пшшка на дереве (*Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 139).
- ⁵⁰ Боярские списки... Ч. 1. С. 185; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 191, 196, 220; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в.: «Смута». Л., 1988. С. 146–147; *Он же.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1990. С. 85. Утверждение, будто князь П.М. Шаховский сдал Чернигов самозванцу (*Морозова Л.Е.* Смутное время в России (конец XVI — начало XVII вв.). М., 1990. С. 50–51), малоосновательно.
- ⁵¹ Акты XIII–XVII вв... Ч. 1. С. 259, 260, 262. Донец тогда являлся естественной границей между Россией и Крымским ханством. См.: *Пирко В.А.* Роль народных миграций в заселении и освоении Северного Причерноморья (XVI — начало XVII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX вв.). Таллин, 1986. С. 91.
- ⁵² РК. Т. 2. Вып. 1. С. 107, 124. Один сын Д. Юшкова. — Пимен — в 1611 г. являлся жильцом, другой — Фёдор — пятнадцать лет спустя был стряпчим с платьем (*Сторожев В.* Материалы... Вып. 2. С. 118; *Седов Н.В.* Реконструкция жидецкого списка 7119/1611 года // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб.; Киев, 1993. С. 64).
- ⁵³ *Андреев А.* Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии Наук СССР // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 346; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 87.
- ⁵⁴ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. М., 1982. Вып. 1. С. 21, 22, 27. См. также: РИБ. Т. 2. Стлб. 149–150. Как узнаём из отписки Т.И. Траханнотова туринскому голове Ф.О. Язову от 15 июля 1600 г., И. Неелов в 1598–99 гг. в Пельме «росписал» местных служилых людей на две статьи (Архив СПб. Ин-та истории РАН. Русская секция. Колл. 177. Оп. 2. Ед. хр. 638. Л. 1, 2). О И. Неелове как пельменском письменном голове упомянуто в выполненном Н.Н. Парфёновой «Лексикографическом описании зауральских фамилий. По архивным источникам конца XVII — XVIII веков» (Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 164); Разрядные книги 1598–1638 гг. — М. С. 87; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 190. Примеч. 84–85; С. 191, 259, 316.
- ⁵⁵ Боярские списки... Ч. 1. С. 243, 340.
- ⁵⁶ Там же. С. 89, 127; Разрядная книга 1475–1605. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 434.
- ⁵⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50; Разрядные книги... С. 119, 154, 165; Боярские списки... Ч. 1. С. 255; Ч. 2. С. 91.
- ⁵⁸ *Сторожев В.* Материалы... Вып. 2. С. 109. Иван Тихонов сын Траханнотов, служивший в стольниках, имел родовую вотчину во Владимирском уезде (*Швабченко О.А.* Светская феодалная вотчина... С. 168). В родословных сообщается его прозвище — Хромой.
- ⁵⁹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 35. См. также: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2. С. 277; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 181. №173. Л. 321; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

- Ф. 178. №734. Л. 147. об; Ф. 228. №182. Л. 164. В одной из родословных Траханшотовых Тихон ошибочно выдаётся за сына Ивана Васильевича (Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. Собр. Строгановых. №23. Ч. 2. Л. 141. об., 142).
- ⁶⁰ Павлов А.П. Государев двор... С. 196–197.
- ⁶¹ Верхотурские грамоты... Вып. 1. С. 108; *Ошанина Е.Н.* Архив Верхотурской приказной избы кон. XVI–нач. XVIII вв. в собрании И.П. Румянцева // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина (далее — ЗОР ГБЛ). 1980. Вып. 41. С. 42.
- ⁶² Солодкин Я.Г. Опала или служба?... Ср. также: Андреев А. Описание актов... С. 349; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 374.
- ⁶³ Боярские списки... Ч. 1. С. 209.
- ⁶⁴ Назаров В.Д. К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова // Город и горожане России в XVII–первой половине XIX вв. М., 1991. С. 158.
- ⁶⁵ Газеншигель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII века. Казань, 1892. С. 38.
- ⁶⁶ Боярские списки... Ч. 1. С. 256; Ч. 2. С. 58; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 181, 223.
- ⁶⁷ Павлов А.П. Государев двор... С. 176.
- ⁶⁸ См. о нём: Солодкин Я.Г. Первые посевды и головы Воронежа // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 8–9.
- ⁶⁹ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 180. Ср.: С. 33.
- ⁷⁰ РК. Т. 2. Вып. 1. С. 187.
- ⁷¹ Корещкий В.И. История... С. 243; Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 151.
- ⁷² Эскин Ю.М. Смута и местничество // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 110.
- ⁷³ См.: Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. Кн. 1–4. С. 270.
- ⁷⁴ Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 142, 143, 146, 206, 288–289. Примеч. 13; Корещкий В.И. История... С. 193, 232, 233, 24, 243–246, 250–265. См. также: Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 292; Скрынников Р.Г. Борис Годунов и предки Пушкина // Русская литература. 1974. №2. С. 133; Швайтченко О.А. Светские феодальные вотчины... С. 160; Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 169; Эскин Ю.М. Местничество... С. 131, 137, 150.
- Г.Г. Пушкин в 1605 г. по жене Марии дал вкладом 50 рублей в Троице-Сергиев монастырь, за что её похоронили в этой обители (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 106).
- ⁷⁵ Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки конца XVI–начала XVII веков как исторический источник // Советские архивы. 1973. №2. С. 92, 93; / Они же. / Вступительная статья // Боярские списки... Ч. 1. С. 37.
- Выборным по Дорогобужу Г.Г. Пушкин назван и в одном неучтённом издательском списке. См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. №52. Столпик 1.
- ⁷⁶ Старожев В. Материалы... Вып. 2. С. 89; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 276, 314, 320, 399. В брошюре В.И. Шербаченко «Пушкины в Сибири» (СПб., 1999. С. 19–20) ошибочно говорится о том, что Г.Г. Пушкина назначили в Белгород с появлением Лжедмитрия I, а Устюжну в 1613 г. бывший пельменский голова заступил в ополчении Д.Т. Трубецкого. Неточно и утверждение В.И. Шербаченко, что Г.Г. Пушкин служил в Сибири только в

- 1601 г. (*Там же*. С. 57). Авторская оценка Гаврилы Григорьева сына как выдающегося государственного деятеля — явное преувеличение.
- ⁷⁷ *См. также: Петров К.В.* Археографические особенности издания «Дворцовые разряды» // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 107.
- ⁷⁸ *Корецкий В.И.* История... С. 253, 254, 257, 258, 265. Она заметно отличается от «Домашних записок» С.И. Шаховского, сочетающих «в себе летописные приемы с элементами «разрядов» (*Лукичев М.И., Морозов Б.Н.* К истории организации официального летописания XVII в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 137).
- ⁷⁹ *Былинин В.К.* Стихотворные «предисловия многообразны» в рукописях первой половины XVII в. // ЗОР ГБЛ. 1983. Вып. 44. С. 11–14; *Он же.* Русская поэзия первой половины XVII века: Проблемы развития. Автореф. диссе... канд. филол. наук. М., 1985. С. 13; *Виршневая поэзия* (первая половина XVII века). М., 1989. С. 108–110, 414. *См. также: Зиборов В.К.* Зюзин Алексей Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 406–407.
- ⁸⁰ Акты Суздальского Евфимьева Монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. С. 483.
- ⁸¹ Боярские списки... Ч. 1. С. 199; Четвертчики «смутного времени» (1604–1617) / Материалы, собранные и редактированные Л.М. Сухотным. М., 1912. С. 23.
- ⁸² Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 126; Документы Печатного приказа... С. 159, 168; *Любимиров П.Г.* Очерк... С. 190; *Тюменцев И.О.* Смута... С. 364. О земельных владениях А.И. Зюзина. *См. также: Станиславский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 124. Примеч.
- ⁸³ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 145.
- ⁸⁴ Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых. М., 1848. С. 115; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 304, 305, 310, 314. *См. также: Эскин Ю.М.* Местничество... С. 146, 147.
- ⁸⁵ *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. С. СII, CIV, CVI. А.И. Зюзин упоминается в синодике Чудова монастыря (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. IV. 194. Л. 94).
- ⁸⁶ *Буланов В.И.* «Взятие Полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. 1969. Вып. 31. С. 221.
- ⁸⁷ *Швайтченко О.А.* Светские феодальные вотчины... С. 215. Примеч. 47.
- ⁸⁸ Разрядные записки о лицах, бывших на вторых свадьбах царя и великого князя Михаила Федоровича в 1622 году и царя и великого князя Алексея Михайловича в 1671 году / Сообщил Архимандрит Леонид. СПб., 1855. С. 11 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 55); *Сторожков В.* Материалы... С. 110; Боярская книга 1627 г. С. 33; РГАДА. Ф. 210. Московский стол. №886. Ч. 2. Л. 11, 43. У А.И. Зюзина был ещё один сын — Василий.
- ⁸⁹ Боярские списки... Ч. 1. С. 170, 241. Ср.: С. 324; *Сторожков В.* Материалы... Вып. 2. С. 94; *Любимиров П.Г.* Очерк... С. 132, 292; *Швайтченко О.А.* Светская феодальная вотчина... С. 29, 161.
- ⁹⁰ *Газеновицель К.Б.* Книги разрядные... С. 14, 42, 43; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление... С. 176; Документы Печатного приказа... С. 386.

Я. Г. Солодкин

Начало Пелымской ссылки

В 1593 г. при впадении Пельма в Тавду, там, где прежде размещалось вогульское городище, отряд князя П. И. Горчакова и бывшего чердынского воеводы Н. В. Траханиотова «срубил» новую русскую крепость. «Пелымский город» с самого начала стал местом ссылки, едва ли не первым на «сибирской уkraine» Московского царства.

Уже в шедшей из столицы за Урал рати П. И. Горчакова находились девять «каргопольцев», которых воеводе следовало определить на «государеву пашню»¹. Это были не крестьяне, как подобно В. И. Шункову считают некоторые историки², а московские «всенцы» — посадские люди из «царствующего града»³, поплатившиеся за какое-то выступление против правителя Бориса Годунова (с точки зрения В. И. Корецкого, мая 1586 г.) ссылкой в далекий северный город (возможно, летом того же года⁴), а оттуда направленные в Сибирь.

В 1596 г. «каргопольцы» Степан Мартынов (видимо, тот Степан Мартынов Подошевник, который являлся «послухом» в поручной записи пелымских стрельцов Б. Т. Вяткинина и М. Т. Пермгина от 14 июня 1594 г., и целовальник Степан Подошевник, посланный в 1595–96 гг. пелымским воеводой Б. И. Полевым для сбора ясака в Большую Конду⁵) и семь его товарищей обратились с челобитной к царю Федору Ивановичу. (В. И. Корецкий полагал, что к тому времени один из опальных умер или же был переведен в другой сибирский город⁶. Но позднее из Пельма на родину отпустили с семьями девять москвичей⁷. Поэтому можно думать, что один ссылный, которого не «посадили на пашню», а, скажем, сделали целовальником, оценивавшим казенное имущество и сдаваемый «инородцами» ясак, отказался присоединиться к челобитчикам). Не занимавшиеся прежде хлебопашеством, «каргопольцы», умирая «голодной смертью», просили освободить их от обработки земли, соглашаясь выступать целовальниками (как, вероятно, уже бывало) и выполнять другие сходные обязанности. Власть отклонила «челобитье» опальных; московские приказы только подписали Б. И. Полеву увеличить выдачу хлеба «каргопольцам» и предоставлять зерно займы особо нуждающимся.

Следующую партию ссыльных, оказавшуюся в Пельме, составили угличане, расправившиеся, как им казалось, с убийцами царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. В это «место нужное, безхлебное»⁸ они, однако, попали не тотчас после «смятения» в удельной столице⁹, а со временем¹⁰. К тому же, напомним, «Пельмский город» был заложен в 1593 г. Ранее 1597–98 гг. «угличане», отправленные туда подобно «каргопольцам» «жити... в жильцах и ...пашина пахать», среди жителей нового сибирского уезда не упоминаются. Исключение — поп, которого П.И. Горчакову надлежало взять с собой в «Тоборы» из Перми¹¹.

Согласно московскому «Новому летописцу» угличанами, вынужденными покинуть родной город, власти «насадиша» «поставленный» накануне Пельм. В Сибирском летописном своде утверждается, что выходцы из последнего удела строили крепость на Тавде¹². Другие источники этого сообщения не подтверждают. Скорее всего, оно служит результатом осмысления известия официальной летописной «Книги» середины царствования Михаила Федоровича. На основании позднего «Угличского летописца»¹³ Ф.Х. Киссель думал, что на реке Пельме опальные населили целый город¹⁴. Издатель следственного дела о гибели младшего сына Ивана Грозного В.К. Клейн указывал на принудительную отправку туда сорока тысяч угличан. В оценке С.Б. Веселовского такое мнение «совершенно неправдоподобно», ведь в 1631 г. в старинном верхневолжском городе насчитывалось только 215 дворов¹⁵. И.А. Голубцов и А.А. Зимин писали о ссылке за Урал сотен мятежных угличан¹⁶. В 1622–23 гг. жители бывшей удельной столицы во главе с земским старостой Василием Столбовым заявили, что оттуда в Сибирь послали шестьдесят семей¹⁷. На взгляд В.И. Корецкого, ровно половина из них обрабатывала «государеву пашню», остальных, видимо, зачислили в стрельцы и казаки, часть ссыльных могла разбежаться по дороге в Пельм¹⁸. (Последнее допущение, заметим, в сохранившихся материалах подтверждения не находит). Л.П. Казарян на основании грамоты в Туринский острог от 27 февраля 1603 г. утверждает, что в Пельме папанными крестьянами сделались все угличане (шестьдесят семей), и вместе с тем туда отправили тридцать жителей «царевичева» удела вслед за тридцатью восемью «ссылочными»¹⁹. В действительности благодаря названному документу известно о пребывании этих «ссылочных» «на Таре» и переводе двадцати пермичей в Туринск «с» Пельма, где оставались три десятка выходцев из Углича²⁰. А.Т. Шашкову представляется, что в основанный П.И. Горчаковым и Н.В. Траханиотовым город направили шестьдесят семей взбунтовавшихся посадских «мужиков», свыше двухсот человек²¹. Однако из «Истории вкратце» Авраамия Палицына мы узнаем про две-

сти с лишним пострадавших по угличскому делу вообще, включая брошенных в тюрьмы. (К таковым можно отнести дворового малолетнего царевича П. Баллина, высланного в Чердынь и там постриженного в монахи²²).

Следуя данным местных краеведов, В.И. Ульяновский пишет об отправке крамольных угличан в Сибирь в апреле 1592 г., одновременно с «отсылкой» инокини Марфы на Выксу. Но, как указывает сам исследователь, мать царевича Дмитрия оставалась в Угличе и в следующем месяце²³.

По замечанию В.И. Корецкого, впервые о пелымском изгнании посадских людей, которые «смятошася» из-за гибели младшего брата московского государя, сообщается в грамоте от 19 марта 1600 г., привезенной в город на Тавде местным «жильцом» «угличенным» Т. Мокеевым. О его земляке пелымском пашенном крестьянине Т. Скобянникове имеется, впрочем, документальное упоминание за 1597–98 гг. Возможно, угличане попали в Сибирь из Перми после 14 декабря 1596 г.²⁴

Некоторые историки скептически отнеслись к версии о ссылке жителей древнего удельного центра в Пелым. Так, В.И. Лествицын полагал, что угличан послали туда «набором», как из других мест. В.С. Иконников склонен был разделять эту мысль²⁵. Она же может считаться весомой. Об отправке горожан, учинивших расправу, по их убеждению, над убийцами царевича (признававшегося многими наследником престола), в «Закаменскую страну» говорится не только в упомянутых источниках, но и в «Повести о разорении града Углича», во «Временнике» Ивана Тимофеева (правда, иносказательно), а также в записках шведа П. Петрея²⁶. Кроме того, сообщая в Казанский приказ о постройке Пелымского «города», местный воевода И.Я. Вельяминов напоминал об «отпуске» оттуда на родину Лжедмитрием I, причем уже летом 1605 г., девяти москвичей и сорока угличан с женами и детьми (1623 г.)²⁷. Поскольку в отпуске воеводы перечислены потери, которые понес гарнизон вверенной ему крепости начиная с 1594–95 гг. (когда в Сургут перевели станицу Т. Иванова), Н.И. Никитин заключил, что угличане в конце XVI в. несли в Пельме военную службу²⁸. Не обративший внимания на донесения И.Я. Вельяминова В.И. Корецкий держался подобного же мнения (относительно максимум тридцати семей). В других документах, как мы видели, поневоле оказавшиеся в Зауралье выходцы из удела царского сына представлены пашенными крестьянами. Последними и сочли «пелымских» угличан П.Н. Буцинский, В.И. Корецкий (тридцать семей), П.Л. Казарян. Не исключено, конечно, что бывшие жители Углича, как и Москвы, попав на Тавду, привлекались к выполнению повинностей, которые являлись обычными для казаков и стрельцов. Возможно, однако,

что И.Я. Вельяминов причислил ссыльных к служилым людям пельмского гарнизона по незнанию (составление интересующей отписки и «отпуск» москвичей с угличанами из Пельма разделены 18-ю годами), если даже не намеренно. Примечательно, что воевода известил столичных приказных о возвращении на родину по воле «расстриги» сорока семей из удела царевича Димитрия, тогда как в грамоте 1603 г. упоминается о тридцати таких семьях («пашенных людей»). Быть может, приведенная И.Я. Вельяминовым цифра включает угличан, состоявших в пельмском гарнизоне. Что касается заявления В. Столбова и других посадских «мужиков» о ссылке в Сибирь шестидесяти семей, то челобитчики могли иметь в виду и пребывание «ональных людей» «на Чердыни». (Откуда, кстати, один из них, угличанин Михаил Григорьев с женой и детьми, в 1600 г. был «отослан» в Тобольск). Во всяком случае, сведений о проживании выходцев из старинного города Верхневолжья в Сибири рубежа XVI–XVII вв., помимо Пельма, нет. (Небезынтересно, что в 1609–1610 гг. в Пельмском «граде» торговали угличские «купеческие люди» И.Т. и О.И. Быковы²⁹).

П.Н. Буцинский, П.М. Головачев, Г.Н. Тарасенков считали первыми сибирскими ссыльными «каргопольцев», появившихся на берегах Тавды с экспедицией князя П.И. Горчакова. В работах И.В. Щеглова, М.Е. Бударина, Ф.Г. Софронова, В.Ф. Ретунского, А.С. Белобородова такую же оценку получили угличане, явно не по своей воле переселившиеся в Пельм. На каком-либо из этих суждений вряд ли можно настаивать. В сибирскую ссылку угодил А.Т. Быкасов «з братнею», арестованный по «делу Шуйских», если верить «Новому летописцу», в 1585–86 гг. Участниками названного «заговора» являлись и московские посадские люди Березовские, тоже очутившиеся в Зауралье. (В.И. Корецкий относил их к первым сибирским ссыльным³⁰). Двинувшемуся «в Тоборы» П.И. Горчакову «наказывалось» взять с собой из Вологды ржевитина Игнатия Хрипунова, его жену, детей и «животы» и без царского повеления не отпускать этого служилого человека обратно. Согласно другой памяти князю Петру на службу в Сибирь (опять «в Тоборы») посылался с семьей Михаил Глазов из Московского уезда³¹. Вслед за А.Т. Шашковым можно думать, что ссыльные дети боярские Хрипунов и Глазов принимали участие в сооружении «Пельмского города»³². Таким образом, ни мятежные угличане, вынужденные переселиться туда, видимо, из «Перми», не ранее последних лет XVI в. (за исключением попа, включенного в отряд П.И. Горчакова), ни москвичи, переведенные в Каргополь, не должны считаться первыми сибирскими изгнанниками. Но они, насколько известно, образовали «партию» ссыльных, более многочисленную, чем предыдущие (состоявшие из Быкасовых и Березовских).

- ¹ Утверждение, будто «переведенцы» из Каргополя прибыли в Пелым со временем (Резун Д.Я., Васильевский Р.С. *Летопись сибирских городов*. Новосибирск, 1989. С. 227), не точно.
- ² См.: Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVI века // *Вопросы истории (далее — ВИ)*. 1969. №12. С. 115; Скрынников Р.Г. *Сибирская экспедиция Ермака*. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 273; *Очерки истории Тюменской области*. Тюмень, 1994. С. 50.
- ³ Корейский В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI—начало XVII вв.) // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М., 1973. С. 38.
- ⁴ Корейский В.И. *История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в.* М., 1986. С. 96, 99. В книге П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» (Харьков, 1889. С. 199–200) высылка в Каргополь москвичей, вскоре очутившихся за Уралом, отнесена к 1586 г. По утверждению И.П. Кулаковой, восьми посадским людям с семьями пришлось покинуть столицу за участие в антиправительственном выступлении 1585 г. (Кулакова И.П. *Взаимоотношения государства и сословий в России второй половины XVI—начала XVII веков (терминологические заметки)* // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*. М., 1994. С. 69). Сведениями о таком выступлении мы не располагаем. О ссылке московских торговых людей в 1586 г., кстати, писала сама И.П. Кулакова. См.: Кулакова И.П. «Москвичи торговые люди» конца XVI—начала XVII вв. // *Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой*. М., 1994. С. 88. Заметим, что о восьми москвичах, сосланных вначале в Каргополь, а потом в Пелым, говорится и в книге Р.Г. Скрынникова «Россия накануне «смутного времени» (М., 1981. С. 39).
- ⁵ См.: Солодкин Я.Г. Первые годы сибирской ссылки // Югра, 1999. №13. С. 16–17; Он же. Ссылка и формирование русского населения Сибири (конец XVI—начало XVII вв.) // *Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Тюбальск; Омск, 2000. С. 330. Подошевниками называли ремесленников, занимавшихся изготовлением либо также продажей подошв (Бахрушин С.В. *Научные труды*, М., 1952. Т. 1. С. 30, 80–82, 155, 197; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1990. Вып. 16. С. 33).
- В 1610–1620-х годах в гостиную сотню состоял Степан Подошевников (Голикова Н.Б. *Привилегированные купеческие корпорации России XVI—первой четверти XVIII вв.* М., 1998. Т. 1. С. 241), быть может, тот самый, которому поневоле довелось побывать в Каргополе и Пелыме. Кстати, в разгар «смуты» из этого сибирского города «на Верхотурье» посылался «для его нужи» торговый человек «москвитин» Семен Подошевников (Андреев А. *Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии Наук СССР // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы*. Л., 1929. Вып. 33. С. 266), по-видимому, родственник Степана Мартынова.
- ⁶ Корейский В.И. Из истории заселения... С. 38, Примеч. 7.
- ⁷ Миллер Г.Ф. *История Сибири*. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 305.
- ⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 3. С. 479.
- ⁹ См., напр.: Голубцов И.А. «Измена» Нагих // *Уч. зап. Ин-та истории Рос. ассоциации научно-исслед. ин-тов обществ. наук*. М., 1929. Т. 4. С. 64; Мо-

- розова Л.Е. Василий Иванович Шуицкий // ВИ. 2000. №10. С. 77; Она же. История России в лицах: Первая половина XVII в.: Государственные деятели «смутного времени». М., 2000. С. 31; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 126.
- ¹⁰ Любимов С.В. Князь Пельмские (Генеалогическая заметка) // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1913. Вып. 2. С. 63; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись... С. 227.
- ¹¹ Буцицкий П.Н. Заселение... С. 164. Мнение о носылке в 1593 г. с П.И. Горчаковым угличан-«веденцев» (Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 177) — явная ошибка.
- ¹² Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14. С. 42; М., 1987. Т. 36. С. 139, 369; Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 77. Иногда считается, что о заселении угличанами Пелыма известно по преданию (Нецаев В. Смерть царевича Дмитрия // «Смутное время» в Московском государстве: Сб. статей с илл. М., 1913. С. 62).
- ¹³ Угличский летописец. Углич, 1911. С. 25–26. Об этом произведении см.: Севастьянова Л.А., Смирнов Я.Е. Угличский летописец — памятник городского летописания последней трети XVIII в. // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII ввекв. Ярославль, 1992. С. 140–148.
- ¹⁴ Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844. С. 247.
- ¹⁵ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 317. Примеч. Впрочем, следует помнить, что Углич пережил сильное разорение в «смутное время». См., напр.: Линский М.А. Угличские акты XVII века // Временник Демидовского юрид. лицея. Ярославль, 1889. Кн. 48. С. 41, 54, 76, 78–80.
- ¹⁶ Голубцов И.А. «Измена» Нагих. С. 64; Зимин Л.А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // ВИ. 1978. №9. С. 92; Он же. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России, М., 1986. С. 154.
- ¹⁷ АЛЭ. Т. 3. С. 216.
- ¹⁸ Корецкий В.И. Из истории заселения... С. 39; Он же. История... С. 167. О ссылке в Пельм 30 семей из Углича говорится и в «Заселении Сибири...» П.И. Буцицкого (С. 200).
- В статье П. Миненко «Держать под крепким и осторожным караулом»: Бояре Романовы в Пельме и Ныробе» (Родина. 1993. №7. С. 18), как и в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера (Т. 2. С. 14), сказано про отправку «на Пельм» 30 угличан.
- ¹⁹ Казарян П.Л. Ссылка в Сибирь (Конец XVI—начало XIX вв.): Уч. пос. Владивосток, 1999. С. 14, 15.
- ²⁰ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 178, 551. Не подтверждается источниками и мнение, будто после угличских событий 1591 г. в Пельму сослали родственников погибшего царевича Нагих (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 103. Ср.: С. 379).
- ²¹ Очерки истории Югры. С. 126. О ссылке шестидесяти семей угличан в Пельм сказано и в брошюре И.А. Ковалева и И.Б. Пурнишева «Углич: Путеводитель по городу и окрестностям» (3-е изд. Ярославль, 1978. С. 9).
- ²² См., напр.: Преображенский А.А. Заметки о частных актах XVII—начала XVIII вв. // У источника: Сб. статей в честь члена-корреспондента Рос-

- сийской Академии наук С.М. Каптанова. М., 1997. Вып. 1. Ч. 2. С. 431–432.
- ²³ *Ульяновский В.И.* Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Книжные центры Древней Руси: XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 129. *Л.Ф. Соловьёв*, писавший о высылке угличан из родного города 1 апреля 1592 г., утверждал, будто их отправили к воеводе П.И. Горчакову в Пелым, куда они прибыли поздней осенью того же года, причём к ним по пути присоединился боярин Никита Романович; П.И. Горчаков согласно наказу заставил выходцев из Углича «рубить» крепость на Тавде взамен сгоревшей; около двухсот других опальных вместе со знаменитым «корноухим» колоколом много позднее очутились в Тобольске (Краткая история города Углича (с рисунками) / Составил Л.Ф. Соловьёв. СПб., 1895. С. 35–36). Однако П.Р. Юрьев умер ещё весной 1586 г., в Пелыме, заложенном в 1593 г., отбывали ссылку сыновья популярного среди московских посадских людей боярина (дяди «святопаря» Фёдора) Иван и Василий в самом начале XVII в. Произвольны и остальные из приведённых утверждений углического краеведа.
- ²⁴ *Солодкин Я.Г.* Мятёжные угличане в перемском изгнании // Пермский регион: история, современность, перспективы (материалы международной научной конференции). Березники, 2001. С. 112.
- ²⁵ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1458. Примеч. 1. Статью В.И. Листвицына «Ссылали ли Борис Годунов угличан в Пелым?» опубликовали «Ярославские губернские ведомости» (1872. №17).
- ²⁶ Отдел рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Собр. Титова. №2433. Л. 61об.; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 29, 44–45; О начале войны и смуты в Московии. М., 1997. С. 273.
- ²⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 305; *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. №3(21). С. 116–117. В «Истории русского летописания...» В.И. Корецкого (С. 146) отрицается факт освобождения Лжедмитрием I опальных угличан.
- ²⁸ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26. Ср.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 100.
- ²⁹ См.: *Андреев А.* Описание актов... С. 265, 270–271. В 1624 и 1653 гг. среди верхотурцев были Угличениновы (*Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 78; *Мосин А.Г.* Антропонимическое наследие Верхотурья // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 64), возможно, до ссылки сыновья кануна и начала «смуты».
- ³⁰ *Корецкий В.И.* Из истории заселения... С. 38. Примеч. 9; *Солодкин Я.Г.* О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI–начало XVII вв.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 13–14. О Березовских см.: *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 295; *Андреев А.* Описание актов... С. 267.
- ³¹ Русская Историческая Библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 114–115.
- ³² Очерки истории Югры. С. 198.

О. В. Вишкова

О служилых обязанностях ратных людей Западной Сибири

На рубеже XVI–XVII веков в Зауралье начинает формироваться сибирское «войско». В исторической литературе данный вопрос рассматривался в контексте процесса освоения Сибири. В частности в работах Г.Ф. Миллера¹, П.Н. Буцинского², Н.А. Мищенко³, В.А. Александрова и Н.Н. Покровского⁴ затрагивается процесс складывания «войска» в Западной Сибири, но в обобщающем виде. Отдельная монография Н.И. Никитина⁵ посвящена сибирским служилым XVII столетия. История казачества неразрывно связана с колонизацией сопредельных территорий Московского государства и Российской империи. Поскольку любое продвижение на другие земли неизбежно сопровождается борьбой, в той или иной форме казачьи, представлявшие передовые отряды колонистов, неизбежно должны были выступить на историческом поприще главным образом как вооруженная сила⁶. Военная организация помогала отстаивать свое право на существование, противостоять «диким кочевым ордам», а военное искусство долгое время являлось своеобразным «промыслом».

Московское правительство, немало натерпевшись от своеволия казаков, довольно быстро оценило функциональную пользу от вооруженного населения, скопившегося на окраинах, и уже во второй половине XVI века стало принимать станичников на правительственную службу⁷. Противник русских в Сибири не был в основной массе ни беззащитен, ни малодушен. Огнестрельное оружие, конечно, давало преимущество, но из-за конструктивных недостатков этого оружия в то время и «малолюдства» русских за Уралом «огненный» бой чаще всего лишь позволял поддерживать определенный паритет сторон⁸. Наиболее грозное оружие той поры — артиллерия — было представлено в Сибири в весьма ограниченном количестве. Русский «огненный бой» за Уралом долгое время олицетворяли главным образом казачьи пшцали. Вооружение сибирского служилого человека нередко и ограничивалось одной пшцалью, тем более что в ближнем бою ее, принимая во внимание массивность ствола, можно было использовать как оружие

«ударного действия». Но у казаков в ходу было, разумеется, и холодное оружие. Самым распространенным его видом в Сибири являлись копья и их разновидности. С самого начала освоения Сибири русские прибегали к весьма выигрышному для них способу ведения боевых действий — «судовой войне». Поскольку развитого речного флота за Уралом не было ни у степных кочевников, ни у таежных охотников, казаки в своих «плавающих крепостях» были вездесущи и непобедимы. В лесостепных и степных районах Сибири практиковались, кроме того, комбинированные походы, когда пехота со всеми припасами плыла по реке на судах, а конница шла налегке «горою». Этим достигалась взаимодополняемость всех родов войск и эффективность их действий.

Без определенной согласованности действий в бою казаки не могли бы одержать за Уралом ни одной крупной победы, ибо такой серьезный противник, как кочевники юга Сибири, сражались тоже не хаотично. Тактика кочевников была традиционной: массированный обстрел из луков в ходе следовавших друг за другом конных атак с быстрым, в случае сильного отпора, отступлением и завершающий удар по рядам измотанного непрерывными атаками врага. Русские обычно противопоставляли этой тактике интенсивную встречную стрельбу с последующей контратакой, позволявшей в подходящий момент навязать степнякам ближний бой, и быстрое сооружение укрытий от вражеских стрел. Вообще же без прочного тыла, без опоры в случае осложнения обстановки на какое-либо защитное сооружение — будь то стены острога, борта струга или всего лишь поставленные в круг телеги — русские ратники в XVI—XVII вв. чувствовали себя неуверенно, особенно когда численное соотношение было не в их пользу, а в Сибири почти всегда было именно так. Отсюда стремление сибирских служилых на каждой более или менее длительной стоянке «срубить» себе какую-нибудь «крепь»⁹.

Сибирское казачество никогда не было «вольным», а всегда исключительно «служилым». Самый же обычный способ локализации служилых людей — по тому городу, в гарнизоны которого они входили. Внутри гарнизонов служилые люди могли объединяться в специальные подразделения: «списки», «сотни», «пятидесятни», «полусотни», «десятки». Точного соответствия десятичной системе, положенной в основу управления войсками, не соблюдалось ни на высшем, ни на низшем уровне. В сотне в реальности редко бывало ровно 100 человек, «пятидесятни» и «десятки» также не всегда состояли из 50 и 10 служилых.

Гарнизоны находились в ведении местных воевод, которые действовали через «начальных людей» — голов и сотников. Тер-

миш «голова» был довольно многозначным. Прежде всего так называли лиц, стоявших во главе казачьих приказов.

Кроме того, в документах встречается выражение «сотенные головы» для обозначения следующего командного звена — сотников, атаманов. Строгого разграничения в правах и обязанностях высших должностных лиц в гарнизонах Сибири не существовало. Статьи инструкций казачьим и стрелецким головам содержали в основной своей части «наказные памяти» воеводам городов, а в небольших гарнизонах последние исполняли функции голов.

Общенризанной особенностью казачьих войск была их универсальность. Педифференцированность, широчайший спектр служебных обязанностей делали казачье дело незаменимым в Сибири, где в течение нескольких столетий властям приходилось в ходе решений сложнейших задач по колонизации края широко маневрировать его более чем скудными людскими ресурсами.

В XVI—XVII веках последние исполняли функции голов вообще не регламентировался, ограничиваясь лишь традицией да физическими возможностями исполнителей.

Важной функцией «войска» нередко становился контроль за доставкой и выдачей жалованья. С государственным обеспечением сибирских казаков часто возникали серьезнейшие проблемы. Годовые оклады служилых варьировались от чина, рода службы, местоположения города, индивидуальных заслуг, а также от семейного положения (на жену полагалась небольшая прибавка в продовольствии). У большинства казаков в год выходило от 4 до 8 рублей, от 30 до 50 пудов хлеба, от 1,5 до 2 пудов соли (годовая норма потребления муки составляла около 25 пудов на человека). За «государев» счет служилые, кроме того, вооружались: им выдавали огнестрельное оружие, а на время походов — боеприпасы. Коней и фураж казаки должны были приобретать за свой счет. У большинства казаков Сибири жалованья едва хватало на пропитание двух человек при условии бесперебойной выдачи окладов¹⁰. Но выплата жалованья сибирским служилым не была регулярной. Материальное положение казаков Сибири в известной мере облегчалось некоторыми льготами сверх окладов. Сибирские служилые могли, например, торговать и привозить «на Русь» и обратно товары на сумму до 50 руб. «бестаможенно и беспошлинно»¹¹. При устройстве на новом месте казакам могли выдать «подмогу на дворы»¹², за успешные боевые действия полагалось «наградное жалованье»; «для посылок» служилые могли получать «прогонные деньги» на подводы и гребцов. По прибытии в Москву сибирским служилым людям выдавали деньги на «подеиный корм», определенную сумму «за выход» и «по сукну по доброму».

Официально брать на «государеву службу» разрешалось с 15 лет, и хотя на практике бывали случаи верстания с более раннего возраста, чаще всего казаками становились в 18–25 лет. Правила верстания требовали зачислять на службу лишь тех, «которые были бы не воры, сами были б молоды и с пищалей стрелять горазди». Необходимым условием верстания являлось поручительство. Служилые обязывались «не изменяти», «никаким воровством не воровати» и т.д., а поручители отвечали за благонадежность новоприборного служилого своим имуществом. Военная служба не ограничивалась ни количеством отданных ей лет, ни возрастом. В сибирских гарнизонах встречались казаки старше 70 и даже 80 лет. Отставка следовала в случае потери трудоспособности из-за старости, болезни, увечий.

Служебная загруженность сибирских казаков была чрезвычайно велика. На них лежала масса обременительных, а часто и разорительных обязанностей. Наименьших затрат сил, времени и средств, естественно, требовала «служба в городе»: караулы и дежурства на крепостных башнях, у пороховых погребов, «государевых» амбаров и других казенных зданий, мелкие административные поручения. Однако несение только «городовой службы» рассматривалось как большая льгота и позволялось лишь старым и увечным. В абсолютном большинстве казаки несли различные «отъезжие службы» — наиболее обременительные и опасные.

Собственно, и само возникновение служилого сословия в Сибири было связано с этим видом отъезжей службы. Первые гарнизоны за Уралом составили ратные люди из экспедиционных корпусов, посланных «ставить» в Сибири города — опорные пункты русской колонизации, явившиеся в свою очередь базой для строительства новых городов. Казаки, таким образом, основали практически все города Сибири XVII века — Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару, Сургут, Березов и другие, множество мелких острогов, зимовий.

Специальные экспедиции для сооружения новых опорных пунктов были распространены лишь на начальном этапе колонизации того или иного региона. В уже отстроенные города и остроги казачьи отряды из других гарнизонов посылались на временную, так называемую «годовую службу». «Годовальщички» пополняли малочисленные, а «по опасным вестям» и значительные гарнизоны или вообще заменяли гарнизон там, где «своих» служилых людей не было, причем на «годовой» казаки могли находиться до «перемени» и по году, и по многу лет. В частности, в Нарымском и Кетском острогах «своих» служилых не было совсем, и на «годовую службу» в эти остроги присылались казаки из Сургута¹³.

В жизни некоторых гарнизонов большое место занимала служба на «заставах» — и таможенных, и перекрывавших «заказные» (запретные) пути. Сибирским казакам часто приходилось сопровождать казенные грузы, партии ссыльных, охранять русские посольства, направлявшиеся в сопредельные страны. Да и сами они нередко несли «посольскую службу», проводя годы среди кочевий в городах Средней Азии, их постоянно использовали и как гонцов.

Важнейшей функцией сибирского войска был сбор ясака — пушной подати с аборигенов, особенно в северных, контролируемых таежную зону гарнизонах. Разновидностью такой службы можно считать и экспедиции, организованные для «приску новых пеясачных землиц»¹⁴.

Сбор ясака стал важнейшей функцией казачьего войска далеко не во всех сибирских уездах, и гарнизоны таких городов, как Верхотурье, Туринск или Тюмень, если и занимались сбором ясака, то в неизмеримо меньшей степени, чем гарнизоны Березова, Сургута, Мангазея.

В Верхотурском уезде, имевшем крупную верфь, служилым людям приходилось выполнять множество поручений, связанных с организацией «судового дела», а также с отправкой «хлебных запасов» в другие города. Последний род деятельности был важнейшим и для небольшого гарнизона Туринска; с верхотурским его также сближала необходимость контроля за «заповедными» дорогами.

От Верхотурского гарнизона требовалось много сил и для обеспечения «таможенного дела» (служилых прикрепляли к таможенным «для розысков и выимки»). В тех городах, где не было посадских, например, в Березове, Сургуте, Таре, казакам приходилось нести и специфические посадские «службы», в том числе в качестве «верных целовальников».

На гарнизонах южной полосы Сибири — тюменском, тарском, томском и других — лежала постоянная забота о «сторожевой и станичной службе», то есть о системе разъездов и караулов, обеспечивавших своевременное оповещение о набегах кочевников. Из казаков Тобольского разряда формировались ежегодные экспедиции вверх по Иртышу за самоосадочной солью на «Ямыш-озеро».

Гарнизон сибирской столицы был знаком со всеми видами осуществляемых за Уралом служб. Тобольск рассылал своих служилых по всей Сибири, и им приходилось выполнять самые различные поручения «в ряд» с представителями местных гарнизонов. Но у гарнизона главного города Сибири были и специфические обязанности. Тоболькам, например, чаще, чем представителям дру-

гих городов, поручались почетные и ответственные «службы», прежде всего «посольская».

Главным образом силами тобольского гарнизона осуществлялась транспортировка в Мангазею «морским путем» (по Обской губе) всякого рода «припасов».

В Верхотурье служилым людям приходилось чаще, чем в других городах, выполнять таможенные обязанности (например, «для розсылок и выимки»), а также поручения, связанные с «судовым делом» и организацией сбора и отправки хлебных запасов в другие города.

Решение задач колонизации Сибири при довольно скудных людских ресурсах обуславливало необходимость использовать ратных людей в разнообразных «службах». Во всех сибирских городах казаки, стрельцы, черкасы несли караульную службу, выполняли полицейские функции. Ратные люди всюду привлекались для транспортировки и сопровождения казенных грузов (и «в провожатых», и в «гребцах»), для конвоирования ссыльных. Последнее часто поручалось группам служилых, возвращавшимся в Сибирь «с Руси» (обычно из Москвы), при этом конвоировать партии «колодников» нередко приходилось представителям различных городов: стрельцам, казакам, «литве» из Сургута, Тюмени, Пелыма, Березова. Возвращавшимся из Москвы служилым поручали доставлять попутно в сибирские города грамоты, денежную казну, «припасы»: Сами же поездки в Москву «с ясачной казной», воеводскими отписками и другими документами были как бы поощрением, ведь служилые люди могли использовать свое пребывание не только для получения поденного «корма», но и для обращения с челобитными непосредственно в Сибирский приказ. На обратном пути служилые люди могли закупать редкие для Сибири товары и привозить оставшихся «на Руси» родственников.

В Зауралье приборные служилые рассматривались не только как военная и полицейская, но и как рабочая сила. Сибирские стрельцы и казаки, так же, как и служилые других частей русского государства, были загружены поручениями, не имевшими ничего общего с ратным делом. Им приходилось ловить рыбу «на государя», строить различные казенные здания, морские и речные суда, производить их разгрузку, а также выполнять такую общую для всех категорий сибирского населения повинность, как «городовое дело». Первые сибирские города и остроги строили в основном служилые люди, в дальнейшем такие работы возлагались на всех жителей города. Если численность последних была недостаточной, присылались служилые из других городов.

Экспедиции за солью осуществлялись силами служилых людей всех городов Тобольского разряда. Из числа служилых разных

гарнизонов выбирали несколько десятков человек и отправляли «по переменам» в небольшие остроги для защиты русских слобод и ясачных волостей от набегов «воинских людей». «Годовальщики» также посылали и в такие крупные города, как Тару, Томск.

Строгого разграничения служебных обязанностей ратных людей на рубеже XVI–XVII вв. не было¹⁵. В челобитных и донесениях того времени часто встречаются перечисления служб: «И был я, Государь; во всяких твоих службах... и в пешей, и в конной, и в лыжной, и в стружной, и в пушкарях, и в толмачах, и у проведовании новых земель, и у подведения неверных под Твою высокую руку...». Сибирские гарнизоны сближало разнообразие видов «служб», приходившихся на одного человека. Однако некоторые отличия служебных обязанностей у отдельных категорий ратных людей все же были.

Конные казаки, «литва», новокрещены и юртовские служилые татары выполняли поручения, связанные прежде всего с конной службой. Их отправляли главным образом в военные походы в степь, посылали «для скорых вестей» в другие города и остроги, из них состояли проезжие станицы и «отъезжие караулы». Конные служилые рассылались из городов со всевозможными поручениями: сопровождать кого-либо, «для сыского дела», «для высылки денежных, и хлебных, и ясачных всяких сборов», для оповещения жителей в случае военной опасности, для поимки беглых колодников.

Юртовских служилых татар использовали в экспедициях за солью. Другие категории конных служилых посылали «по соль» лишь в случае тревожной военной обстановки, поэтому большую часть экспедиции составляли пешие казаки и стрельцы, развозившие соль по своим городам; к ним часто добавлялись и пушкарки. Общая численность таких экспедиционных корпусов насчитывала несколько сот служилых из разных гарнизонов. На стрельцов и пеших казаков обычно возлагались караульная служба и всякого рода «мелкие посылки», все обязанности, выполнение которых не требовало быстрого передвижения на лошадях; сопровождение казенных грузов, ссыльных, «годовая служба», сбор ясака. Большой спецификой отличалась служба пушкарки: Стрельба из орудий требовала особых навыков. Количество орудий в городах Тобольского разряда очень часто превосходило численность пушкарки. Пушкарки иногда участвовали в ясачном сборе и «высылке», время от времени они как служилые других категорий отправлялись в Москву с ясачной казной и отписками.

Наиболее ответственные поручения административного характера выполняли в основном дети боярские. Их обычно ставили во главе небольших посольств и отрядов, рассылавшихся в различные районы с военными целями. Наравне с детьми боярскими подобные поручения выполняли и «начальные люди»: головы, сотники, ата-

маны. Однако нередко поручения, входившие обычно в круг обязанностей детей боярских, давали даже рядовым служилым людям (в городах с небольшим гарнизоном). Например, им поручали «досмотр» земель и устройство слобод и даже «розыск» по некоторым делам:

Загруженность служилых людей всякого рода «посылками» резко снижала обороноспособность сибирских городов и уездов. Сибирская администрация была обеспокоена этим и неоднократно сетовала на то, что «за службами» ратных людей остается мало и даже «на караулы не достает». В 1600 и 1604 гг. верхотурский воевода писал, что из 46 стрельцов «остается от посылок... человек по 10 и по 15, и иногда остается человек с 5 или 6», «и те стрельцы стоят на стороже беспрестанно день и ночь»¹⁶.

В небольших гарнизонах были нередки случаи, когда «за розсылками» в распоряжении воеводы оставалось всего 5–6 служилых, а то и вовсе ни одного, и «на караулы» ставили крестьян, посадских, ямщиков, даже гулящих людей.

Сильная загруженность ратных людей служебными поручениями создавала серьезные препятствия для приобщения к хозяйственной деятельности. Все же определенный резерв свободного времени у сибирских служилых был вследствие сложившегося в русском государстве порядка, который предполагал поочередное выполнение служебных обязанностей, и не только давал возможность чередовать длительные и тяжелые «посылки» с более легкими, но и позволял совсем освободиться на некоторое время от служебных поручений. В Западной Сибири также стремились придерживаться установленного порядка: в документах того времени есть немало указаний на службу «по переменам»¹⁷. Но тем не менее сложившийся порядок легко нарушался какой-нибудь государевой грамотой или тобольской отпиской, предписывающей, например, поход на кочевников или отправку «годовальщиков» в новый острог.

Особенно напряженным для западносибирских гарнизонов был весенне-летний период, когда ратные люди рассылались в разных направлениях на судах, посылались в степь и для охраны ясачных волостей и русских слобод. Съезжаться со «служб» начинали лишь к началу зимы¹⁸. Но и зима была лишь периодом относительного отдыха: на гарнизонах лежала «городовая служба» и сбор ясака.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. 1937. Т.1.

² Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

³ Митенко Н.А. Сургут в системе русских городов. II. Сургут, Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995.

- ⁴ Александров В.А. Русское население Сибири. М. (Енисейский край); 1964. С. 50–58.
- ⁵ Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1988.
- ⁶ Катанав Г.Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в облеодовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. С. 67–69.
- ⁷ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995, Т. 1. С. 57–58.
- ⁸ Александров В.А. Русское население... С. 47, 50–57.
- ⁹ Катанав Г.Е. Западносибирское служилое казачество... С. 58.
- ¹⁰ Никитин Н.И. Служилые люди... С. 103–105.
- ¹¹ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 44.
- ¹² Акты Исторические. Т. 2. СПб., 1841. №24.
- ¹³ Миненко Н.А. Сургут в систем... С. 91.
- ¹⁴ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1901. Ч. 3. С. 213–214.
- ¹⁵ Катанав Г.Е. Западносибирское служилое казачество... С. 81–83.
- ¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. С. 182–185.
- ¹⁷ Никитин Н.И. Служилые люди... С. 98–99.
- ¹⁸ Там же.

О. И. Цысь

Миссионерская деятельность среди мусульман Тобольской епархии во второй половине XIX—начале XX вв.

Русская православная церковь начиная с XVIII в. пыталась распространить христианство среди коренного населения Западной Сибири. Христианизация народов Севера (ханты, манси, ненцев) прошла несколько этапов развития, потребовала значительных миссионерских усилий и больших казенных расходов, но успешного завершения так и не получила. Вторая половина XIX — начало XX вв. ознаменовалось активизацией миссионерской работы среди мусульман Азиатской России, что было вызвано несколькими причинами. Во-первых, определенную роль сыграл так называемый личностный фактор. История многих миссий показывает, что успех часто зависит от людей, которые обладают качествами харизматического лидера и недюжинным организаторским талантом (таких, как Стефан Пермский, Филофей Лещинский, Иннокентий Вениаминов, Макарий Глухарев). В отношении мусульманского населения России такими подвижниками стали vicарный епископ Казанской епархии Гурий Карпов и профессор Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминский. Первый из них был инициатором учреждения миссионерского братства святого Гурия в 1867 г. Братство развернуло энергичную деятельность по созданию школ, храмов, обучению миссионеров и переводу богослужебной литературы на татарский язык. Вопросами методики обучения в русско-татарских школах, организации этих школ занимался Н.И. Ильминский. Он же создал письменность для крещеных татар, переводил богослужебные книги, стараясь уделять внимание их простоте и доступности. По инициативе Н.И. Ильминского и на его средства в 1863 г. в Казани открылась Центральная крещено-татарская учительская школа. Затем возникают в ряде деревень Казанской губернии филиалы этой школы. В дальнейшем именно крещеные татары — выходцы из Поволжья — являлись организаторами миссионерской работы среди казахов и сибирских татар. Казанская епархия стала кузницей подготовки кадров противомусульманских миссионеров.

Во-вторых, в результате присоединения Средней Азии территория Казахстана оказалась окончательно закрепленной за Росси-

ей. Началось активное освоение земель, включенных в состав российского государства. Распространение православия должно было этому способствовать. Христианизация края уже не могла вызвать противодействия со стороны исламских государств Туркестана. Ранее попытки миссионерства вызвали бы неизбежные ответные шаги со стороны Бухары, Коканда и Хивы и привели бы к дестабилизации ситуации на южных рубежах империи.

В-третьих, события на Кавказе показали, что ислам может быть знаменем, сплачивающим антирусские силы. Объединительные этнические процессы, происходившие у народов Поволжья, привели к складыванию национальной интеллигенции, росту национального самосознания, распространению пантюркистских и панисламистских идей. Поэтому христианизация рассматривалась как важная политическая задача, решение которой должно было нейтрализовать эти негативные тенденции. Как отмечал епископ Уфимский Андрей (Ухтомский): «Если татаризация иноязычных народов пойдёт дальше, если киргизы, башкиры, ногайцы и вотяки усилят татарскую народность и соединятся с нею, то в самом центре России возникнет страшный враг, который вместе с беспокойным Кавказом сможет в критические часы принести русским тяжелейшие беды»¹. Аналогичная мысль высказывалась докладчиками на миссионерском съезде в Казани: «Мусульманский вопрос в последние годы приобрел политическое значение и притом столь серьезное, что я страшусь не только за будущее благоденствие Русской православной церкви, но и за неразделенность нашего Отечества»².

На территории Тобольской епархии во второй половине XIX в. насчитывалось более 50 тысяч сибирских татар, которые в этнографическом плане распадалась на несколько этнических групп — тюменские, тобольские, туринские, ялutorовские и др. Межэтнические интеграционные процессы привели к тому, что в состав сибирских татар вошли сибирские бухарцы и другие выходцы из Средней Азии, чувлымские тюрки, ханты, манси, татары и башкиры, переселившиеся из Поволжья и Приуралья. Консолидация их в единый этнос не завершилась. Также можно говорить и о складывании в рассматриваемый период у тюркского населения Западной Сибири мусульманской конфессионально-этнографической общности, которой противостояла православная конфессионально-этническая общность русских.

Киргизскую степь, включенную в состав Тобольской и Томской епархий, занимали казахи, которые в источниках того времени именовались «киргизами-кайсаками». К 1864 г. на территории 10 округов указанных епархий проживало до 490 тысяч казахов. Как и татары, они не являлись единым этносом, распадаясь на несколько племенных групп. Ислам широко распространился среди казахов в течение XVII–XVIII вв. Однако большую роль продолжали играть и пережит-

ки языческих верований. Как отмечалось в одном из отчетов Братства св. Дмитрия Солунского: «Из религии магометанской среди киргиз привились только многоженство и ненависть к нечтущим пророка, но обрядность магометанства (посты, омовения и проч.) почти вовсе ими не исполняется: по условиям же кочевой жизни у киргиз нет мечети»³. По свидетельству епископа Туркестанского Александра, у казахов из ислама сохраняются только легенды и обряды, «но и этим они, видимо, не дорожат, легко поддаваясь всяким соблазнам при первом столкновении с русскими». Низшие сословия, находясь несколько лет в услужении у русских, «ничем и ни в чем уже не отлучаются от своих товарищей по службе», высшие — «охотно участвуют вместе с русскими в пикниках, присутствуют на наших вечерах и концертах»⁴. Таким образом, ислам не успел глубоко укорениться в духовной культуре степняков, особенно у северных групп казахов. Это открывало, казалось бы, хорошие перспективы миссионерской работы Русской православной церкви. Предложения о необходимости учреждения противомусульманской миссии среди казахов были сделаны еще в 60-е гг. XIX в. В 1864 г. екатеринбургский купец Пшеничников направил митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору докладную записку, в которой отмечалось, что «киргизы хотя и значатся по гражданской географии исповедующими магометанство, но это несправедливо; они не знают исламизма, а держатся какого-то шаманства, причем имеют склонность к христианству и если его не исповедуют, то только потому, что оно им не разъяснено... Поэтому необходимо устройство в г. Петропавловске миссии и снабжение оной священными книгами, переведенными на азиатский, т.е. татарский язык, близкий к наречию киргиз»⁵. Мнение по данному вопросу было предложено высказать епархиальному начальству. Тобольский преосвященный Варлаам посчитал, что учреждение Киргизской миссии является преждевременным, о чем 20 ноября 1865 г. было сообщено митрополиту Исидору. В следующем году аналогичное предложение поступает от совета миссионерского общества. Но и на этот раз последовал отказ, мотивированный тем, что «хотя миссия среди киргиз и не открыта, тем не менее с умножением русских... с устройством во многих местах степи православных храмов свет христианского учения между киргизами постепенно и постоянно распространяется»⁶.

Совет миссионерского общества и Св. Синод вновь возвращаются к проблеме христианизации казахов в 80-х гг. XIX в. Руководитель Алтайской миссии архимандрит Владимир Петров посчитал, что опыт, накопленный его миссией, может с успехом использоваться и в казахской степи. В этом решении его утвердила ознакомительная поездка в район Семипалатинска — Усть-Каменогорска. В 1882 г. с разрешения императора Синод добился открытия в Томской епархии Киргизской миссии как отделения Алтайской. Ее местом пребывания

были выбраны Семипалатинск и Усть-Каменогорск, а с 1884 г. — посёлок Буковский⁷. Возглавил миссию Филарет Алексеевич Сеньковский, хорошо знакомый с миссионерским делом по предыдущей своей службе в Алтайской духовной миссии. В Тобольской епархии от организации миссии опять отказались. Аргументация выдвигалась все та же: «Киргизы не имеют никакой склонности к христианству и относятся к нему с предубеждением... Недоверие к русским еще не вполне исчезло...»⁸. Подобные доводы вряд ли следует признать убедительными, т.к. ситуация в районе действия Алтайской миссии была аналогичной. Лишь в 1888 г. Тобольский преосвященный Авраамий решил, что условия для развертывания миссионерской работы наконец-то созданы. Им был приглашен каркалинский священник Шестаков, которому предложили «взяться за это дело». Шестаков выразил готовность заняться организацией миссии. Он выступает с проектом, согласно которому центром распространения «света истинной веры» должен стать основанный при Баккаринском руднике монастырь. Предполагалось, что иноки своими добрыми делами вызовут расположение к себе казахов, овладеют их языком, а затем уже приступят к выполнению своих прямых обязанностей. Средства на содержание монастыря обещали выделить владельцы рудника и несколько добровольных жертвователей. Кроме того, преосвященный обратился с отношением к Степному генерал-губернатору, в котором указывал, что во время экспедиционной поездки в города Кокчетав и Атбасар и станицу Щучинскую он неоднократно там беседовал с «киргизами» и убедился, что они «расположены слушать и воспринимать сердцем рассказы о христианских истинах»; в связи с чем «открытие миссии среди них является желательным»⁹. Генерал-губернатор согласился открыть миссию, но при этом попросил обратить внимание на подбор миссионерских кадров. Местом пребывания миссии стала станица Щучинская Кокчетавского уезда. Этот выбор не был случайным. Еще в январе 1887 г. здесь Тобольским комитетом РПМО открывается школа-интернат для обучения киргизских детей под руководством приходского священника Ф. Рубцова. На ее нужды было выделено 300 рублей Тобольским комитетом РПМО и средства, ежегодно собираемые с Акмолинской, Атбасарской, Щучинской, Кокчетавской церквей. Миссионерские цели учредителями школы первоначально не провозглашались. Однако в перспективе предполагалось, что ее выпускники станут проповедниками русской культуры, в том числе и православия. Следует отметить, что создание подобных русско-киргизских школ со времен Екатерины II мыслилось как важнейшее средство русификации края. Ученики должны были пойти пионерами в святое дело в родные аулы, где в кибитках будут читать своим отцам и матерям христианские священные книги, чтобы укрепить их в новой вере. Чтение священных книг на родном языке

отвлечёт киргиза от мечети с ее арабской непонятной мудростью...»¹⁰. К началу 90-х гг. XIX в. в киргизской степи насчитывалось 74 мектеба и медресе с 2000 учениками и всего лишь 8 русско-киргизских школ со 181 учеником¹¹. Казахи отнеслись к новому просветительскому начинанию заинтересованно и без предубеждения. Курс обучения проходили 14 казахских мальчиков в возрасте от 8 до 12 лет. Но в 1888 г. умирает основатель и руководитель школы Ф. Рубцов. Достойной замены ему не нашлось. Ущерб школе нанесло выступление преосвященного Авраамия перед казахами Кокчетавы, из которого следовало, что предполагается насильственное крещение мусульман. Вспыхнувшие антирусские волнения в Кокчетавском, Атбасарском, Акмолинском уездах погубили начатое Ф. Рубцовым дело. Школа была закрыта. Позднее Авраамий в оправдание объяснял, что его речь была «неправильно переведена» инородцам¹².

Новый глава епархии Иустин, понимая необходимость киргизской миссии, решил ознакомиться с опытом миссионерской работы Томской епархии. Из переписки с Томским преосвященным Исаакием были получены сведения «относительно киргизской миссии, т.е. на каких началах она учреждена, какой состав миссии, какое вознаграждение получают миссионеры» и т.д. В августе 1891 г. в Св. Синод было направлено ходатайство об учреждении православной миссии среди казахов, кочующих в Акмолинской и части Семипалатинской областях. Св. Синод, рассмотрев рапорт из Тобольска, разрешил указом от 30 апреля 1894 г. №1022 открыть «православную миссию среди киргиз, населяющих Тобольскую епархию; на тех самых основаниях, кои изложены были в рапорте бывшего преосвященного Иустина»¹³.

Таким образом, киргизскую степь Акмолинской области курировало два стана православной миссии — Акмолинский и Атбасарский, третий — Каркалинский — располагался в Семипалатинской области. Организация миссии и ее финансирование были возложены на Тобольский комитет РПМО и миссионерское отделение при Братстве св. Дмитрия Солунского. Совет РПМО постановил выделять ежегодно на содержание киргизской миссии в Тобольской епархии 4470 рублей. Единовременно было ассигновано на обустройство школ и разъезды миссионеров 1500 рублей. Более сложным оказался вопрос миссионерских кадров. По аналогии с Томской епархией предполагалось, что каждый стан должен быть укомплектован миссионером-священником и его помощником — псаломщиком, который будет еще совмещать обязанности школьного учителя и переводчика. Должность последнего предполагалось со временем упразднить, после того как миссионер освоит казахский язык. Преосвященный обратился за помощью к руководителю миссионерских курсов при Казанской духовной академии протоиерею Е.А. Малову и

преподавателю восточных языков на этих же курсах профессору Машанову. По их рекомендации и с согласия самих выпускников миссионерами во вновь открытую миссию были назначены Сергей Целерицкий — миссионером Каркалинского стана, Александр Миропольский — псаломщиком и переводчиком в этот же стан. В Акмолинский стан миссионером направляется благочинный Березовских церквей протоиерей М.П. Путищев, служивший ранее миссионером в Кульдже и на Алтае. Одновременно он выполнял функции старшего миссионера, представлявшего от себя и своих сотрудников отчеты по делам миссии. Псаломщиком к нему был определен казах по происхождению О. Власов. Знание языка, собственный пример перехода в христианство делали его полезным для миссии. В Атбасарском стане должности миссионеров остались вакантными.

Миссия приступила к работе осенью 1894 г. Однако с самого начала миссионеры столкнулись с рядом серьезных проблем. Еще до их прибытия к месту службы среди казахов Петропавловска, Акмолинска и Каркалинска распространились слухи о том, что всех исповедывающих ислам будут насильственно крестить, на мечети повесят колокола, не желающие менять веру будут подвергаться телесным наказаниям и т.п. Эти слухи в основном распускались местными татарами, являвшимися наиболее организованной и образованной частью мусульман региона и имевшими существенное влияние на казахов. Татары признавались священниками самыми фанатичными приверженцами веры пророка. По словам миссионера Буковского стана Е. Елисеева, «татары не упускают удобного случая наказать чего-либо из своего шаригата (закона) киргизам. Татарин обо всем говорит с точки зрения своего закона: где бы он ни был и что бы ни делал, он все заключает словами Корана»¹⁴. Поэтому миссионеры встретили крайне настороженный прием. Казахи всячески избегали встреч с ними, в разговоры на религиозные темы не вступали. При всем своем «природном» любопытстве отказывались от посещения квартир, в которых останавливались миссионеры. Но при этом не было отмечено случаев враждебного отношения к сотрудникам миссии. Руководство Киргизской миссии понимало, что приступать к проповеди, а тем более к обращению мусульман в христианство в таких условиях — значит, не реализовать в дальнейшем замыслы РПМО. С благословения архиепископа миссионеры «усиленно занимались изучением киргизского языка, вероучения и истории мусульманства, теоретическими приготовлениями себя к возможному впоследствии полемическим беседам с магометанскими муллами и учеными, знакомились с правилами и бытом киргиз»¹⁵.

Делу христианизации края оказывал покровительство почетный член Братства св. Дмитрия Солунского, генерал-губернатор Степного края барон М.А. Таубе. За все это время было отмечено три

случая перехода казахов в православие. Материалы свидетельствуют о том, что, во-первых, чаще крестились несостоятельные казахи (джатаки) в надежде на получение материальной выгоды. Во-вторых, к добровольному крещению прежде всего стремились те люди, которые по разным причинам поселились в городах, сблизившись с русскими, переняли их образ жизни, обычан и занятия, по всей видимости, навсегда порвав связь с сородичами. Однако таких было немного. Поэтому переходы в православие не принимали широких масштабов. Тем не менее, по свидетельству источников, эти единичные случаи постоянно имели место. Данное положение подтверждается рядом конкретных фактов. Из упомянутых трех человек, перешедших в православие, один (Хуснадин Гиматудинов Хабибулин, 20 лет) являлся петропавловским мещанином, хорошо знавшим русский язык и грамоту. Жителями Петропавловска были и два других крещеных — Джейсук Байгузов (25 лет), Ниспай Кулбаев (17 лет). Все трое находились в услужении у русских хозяев, т.е. были вырваны из семьи и привычной среды обитания. Часто новокрещеные преследовались соплеменниками, объявлялись отступниками от веры отцов, лишались права пользования землей и другими родовыми угодьями. Прозелиты не имели уважения и авторитета у казахов, не могли «нести свет христианской веры» тем из них, кто сохранял традиционный образ жизни. Все крещения состоялись в Акмолинском стане Константино-Еланской церкви. В Каркалинском стане Киргизской миссии обращений в православие в 1894 г. не было. Кроме того, еще трое казахов изъявили желание перейти в христианство, но миссионеры решили выждать некоторое время, чтобы убедиться в искренности их намерений. Проследить, как новокрещеные следовали заветам новой веры, выполняли канонические религиозные устои, по документам Тобольской епархии не представляется возможным. С открытием Омской епархии в 1895 г. Киргизская миссия была передана в подчинение Омскому епископу и местному комитету РПМО. К 1898 г. эта миссия располагала 5 станами, к 1908 г. — 7, с центром в Семипалатинске. Просуществовав до гражданской войны, миссия не добилаь сколько-нибудь существенных успехов в деле христианизации казахов. Так, к 1908 г. общее количество крещеных составило всего лишь 296 человек¹⁶.

После административно-территориальных изменений в 1895 г. в Тобольской епархии основной компактно проживающей группой населения, исповедующей ислам, остались сибирские татары. К концу XIX в. консолидационные процессы среди различных этнических групп сибирских татар усилились. Не последнее место в укреплении их самосознания играл ислам. Сибирские татары, как и народы степей Казахстана, испытывали сильное влияние пришедшего мусульманского населения, проповедников-мулл из Казани. Миссионерс-

кая деятельность Русской православной церкви пыталась противостоять этим процессам. Считалось, что «господствующая церковь имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию ее вероучения»¹⁷. Кроме того, преследовались цели политического характера: «Обращая иноверца, мы улучшаем его душевный мир и делаем подданным монарху, не по телу только, но и по духу; наставляя мусульманина в христианской вере, мы укрепляем тот камень, который заложен «во главу угла» Русского государства. Иначе подданный иноверец-магометанин будет всегда враждебен к христианам и будет глядеть не в сторону Москвы и Петербурга, а в Стамбул, Медину и Мекку»¹⁸.

Епархиальными властями и местным комитетом РПМО решено было опыт, накопленный Киргизской миссией, использовать в христианизации татарского населения региона. С этой целью в июне 1900 г. в Тобольской епархии была открыта Центральная противомусульманская миссия. Первоначально миссия состояла из священника и толмача. Епархиальным архиереем на должность начальника миссии назначен Ефрем Константинович Елисеев 33 лет, хорошо знакомый с миссионерским делом по предшествующей своей службе в Киргизской миссии Томской епархии. Е.К. Елисеев происходил из крещеных татар. В свое время он закончил Казанскую учительскую семинарию. С 1892 по 1899 гг. Е.К. Елисеев возглавлял Буковский стан и не без успеха потрудился над усовершенствованием методов распространения христианства среди казахов. Как свидетельствовала практика, православные миссионеры, татары по национальности, лучше всего способны справиться с возложенными на них обязанностями. Это подтверждают слова директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей М. Филиппова: «Ранее я опасался приглашать воспитанников [из крещеных татар] из боязни, чтобы они не усилили в киргизах татарского влияния, и без того достаточно влитого в них татарскими кулаками, но опасения мои... оказывались неосновательными»¹⁹. Помощником Е.К. Елисеева и одновременно переводчиком миссии назначается выпускник Центральной крещено-татарской учительской школы в г. Казани псаломщик И. Петров. В 1904 г. совет Тобольского комитета РПМО счел необходимым увеличить состав Центральной миссии. Потребность иметь специально подготовленных людей из «инородцев», знающих татарский язык, обычаи, культуру, поставила вопрос о введении должностей сотрудников миссии. Из Казанской епархии были приглашены священно- и церковнослужители, начавшие помогать работе миссии. В 1909 г. в состав Центральной миссии входило 13 человек: противомусульманский миссионер, переводчик, 11 сотрудников. Из них 10 были священниками, 2 — дьяконами, 1 — псаломщиком. К 1914 г. число сотрудников увеличилось до 13, из которых 12 являлись священниками и

1 — дьяконом. Все они происходили из крещеных татар, закончивших Центральную крещено-татарскую учительскую школу. Почти все приглашенные имели опыт работы в сельских инородческих школах²⁰. Необходимо отметить, что сотрудники миссии вынуждены были совмещать службу в приходах с нелегким трудом миссионера, за который они не получали вознаграждения.

По мнению епархиальных властей и комитета РПМО, в распространении православия среди мусульман следовало руководствоваться теми же способами и методами, которые использовались в работе других миссий. Предпочтение отдавалось беседам и проповедям. На плечи миссионеров легла забота о поиске верного пути общения, не вызывающего отчуждения между ними и мусульманами. Исходя из своего опыта, члены Центральной миссии отдавали предпочтение индивидуальным «домашним» беседам. По этому поводу Е.К. Елисеев отмечал: «Считая не особенно полезным публичные беседы, на которых о словах и буквах спорят до бесконечности и редко приходят к желаемому результату, я преимущественно вел домашние беседы, вел их чинно, бесшумно...»²¹. Другим миссионером, И. Петровым, была отмечена следующая особенность сибирских татар: «Многолюдные и публичные беседы разжигают в татарах фанатизм, да и толпа и мыслит и воспринимает иначе. Одно название миссионера приводит магометанские массы в неистовство»²². Одного владения языком было еще недостаточно для успеха. Расположение вызывали прежде всего те миссионеры, которые знали и чтити особенности вероучения ислама и принятые в мусульманском мире нормы поведения. В этом отношении Центральная миссия выгодно отличалась от миссий, действовавших на Тобольском Севере. В качестве примера можно привести описание одной из встреч Е.К. Елисеева с муллой: «4 мая мулла заехал ко мне... Встретив его, я выразил радость по случаю свидания с ним, принял гостя по всем правилам татарского этикета: отдал лошадь его в распоряжение своего работника, распорядился подать чай, и, чтобы показать свою любовь к чистоте, я до чая и после чая мыл руки, потому что обряды и всякие церемонии возведены магомстанами на степень важных заповедей»²³. В заключение одной из бесед мулла отметил: «Э-э, ума, оказывается, много у тебя, поэтому ты и приехал сюда... Много интересного узнал, много хорошего слышал»²⁴. Кроме того, требовались особые личные качества проповедника. Он должен был обладать определенными знаниями, умениями, житейским опытом, за которые пользовался бы уважением в татарской среде, быть на ступеньку выше в эрудиции своих оппонентов. Это удавалось немногим. Но такие люди в Центральной миссии встречались. И. Петров, в частности, отмечал: «Не бывает дня, чтобы кто-либо из татар не посетил меня или я не был у них. Многие из татар ежедневно посещают меня, часто, конечно, не имея цели собеседова-

ния о религиозной истине, а приходят просто по какому-либо житейскому делу; но, несмотря на это, я не упускал случая использовать миссионерских целей»²⁵.

Основной формой работы Центральной миссии следует признать проведение бесед, о которых миссионеры должны были ежегодно отчитываться перед комитетом РПМО. В поездках по татарским юртам миссионерам часто приходилось встречаться не только с простыми татарами, но и с муллами, учениками медресе и мектебов. Хотя тематика бесед отличалась большим разнообразием, в целом миссионер должен был следовать определенной логике проповеднической работы. Во-первых, следовало разъяснить суть христианской религии, преодолевая стереотипы и предубеждения, распространенные среди мусульман. В частности, объяснялся смысл почитания икон, которые отнюдь не являются «раскрашенными дощечками», креста, священнических одежд. Рассказывалось, что у христиан нет многобожия. Они поклоняются единому богу, как и мусульмане. Обращалось внимание на схожие элементы, объединяющие две религии: поклонение святым угодникам и шейхам и др. Во-вторых, требовалось показать преимущества христианства по сравнению с исламом. Иисус Христос сравнивался с пророком Мухаммедом: «В кого же веровать? В Иисуса, вознесшегося на небо, или в Магомета, в земле сгнившего?.. Иисус был святейший и совершеннейший учитель, а Магомет — неграмотный и грешный простой араб, пастух... После наук ученого профессора будешь ли ты учиться у неграмотного да еще развратного мужика? Нет. Такой мужик научит тебя худому, потому что он сам хорошего не изведаль»²⁶. Данный этап беседы был наиболее сложным, поскольку мог вызвать резкую негативную реакцию присутствующих, особенно если их было много. Затем обращалось внимание на достижения христианских народов в политике и культуре. «Сколько веков пережило татарство, нет среди него ни ремесленников, ни мастеров, ни ученых — ни в Казани, ни здесь... Один внешний вид мусульман и их жилищ наводит на тоскливые размышления и неприятно действует на взор и сердце. Культурный рост Сибири настолько несомненен за время русского здесь владычества, что этого не могут отрицать и ваши татары»²⁷. Количество проведенных бесед могло быть различным. Так, за 1914 г. сотрудник миссии священник Тугулымской церкви провел 7 бесед, священник церкви с. Салах Тобольского уезда Т. Харитонов — 35, священник церкви с. Пановского Тобольского уезда Я. Кузнецов — 22 и т.п. Как правило, подобного рода проповеднической работой сотрудники миссии имели возможность заниматься среди мусульман своего и соседних приходов.

Для того чтобы сделать работу миссии успешной, по мнению комитета РПМО, необходимо было обеспечить ее противомусуль-

манской литературой. Издания религиозных книг, присылавшихся из Казанской духовной академии, не вполне соответствовали местным условиям из-за различий в языке поволжских и сибирских татар. В силу этой причины важным направлением деятельности Центральной миссии стал перевод и выпуск литературы на местном наречии — для оказания помощи миссионерам в совершенствовании навыков проповедничества, а также новокрещеным для укрепления их в вере. Интересным следует признать вышедший в свет в 1904 и 1905 гг. «Краткий русско-татарский словарь». При его составлении учитывались традиции, характерные для аналогичных арабских и тюркоязычных изданий. Слова были расположены не в алфавитном, а в предметном порядке, причем в начале помещались переводы терминов «Бог», «всемилоостивейший» и т.п. Русский текст снабжался ударениями для облегчения правильного произношения. Перевод был выполнен на разговорном языке сибирских татар. Авторы исключили турецкие речевые обороты, арабские и персидские слова. Кроме того, в 1905 г. увидели свет «Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка», в 1906 г. — «Русско-татарская азбука», в 1905 г. — «Об Иисусе Христе и Мухаммеде». Согласно постановлению комитета РПМО от 3 ноября 1903 г. преподавателю Тобольской духовной семинарии М.В. Филипову было поручено прочитать курс лекций на тему «Об Иисусе Христе и Мухаммеде» для воспитанников семинарии. Программа курса была следующей: 1) краткие сведения о татарах Тобольской губернии; 2) история распространения ислама и значение его для человечества; 3) жизнь Мухаммеда; 4) сведения о Коране; 5) приемы полемики с мусульманами и т.п. Лекции были размножены на гектографе тиражом 100 экземпляров.

Ценным приобретением для миссии стали работы Е.К. Елисеева. Наибольшую известность из них получила книга «О единой истинной вере». К написанию этой работы Е.К. Елисеев приступил еще будучи сотрудником Киргизской миссии. Используя свой опыт и талант миссионера-проповедника, знания основ обеих религий, Е.К. Елисеев главное внимание уделяет основным вопросам разногласий между христианством и исламом. Книга содержит выдержки из Корана, Священного Писания, молитвы для новокрещеных мусульман. Особое внимание уделено учению о грехе и грехопадении, т.к., по мнению автора, мусульмане «слишком легко смотрят на грех и потому не понимают важнейшего догмата Священного Писания об искуплении»²⁸. Достаточно подробно излагается христианское учение об ангелах, детально рассмотрена биография пророка Мухаммеда. При этом автором используются исключительно фрагменты из сур Корана. Эти выдержки подобраны так и снабжены такими комментариями, что у читателя складыва-

лось негативное представление об основателе ислама. В отдельной главе, посвященной Иисусу Христу, приводятся доказательства его божественной сущности. В названии книги отсутствуют прямые указания на обличение ислама, для того чтобы с самого начала не оттолкнуть мусульманина от знакомства с ее содержанием. При переводе текста Е.К. Елисееву пришлось столкнуться с рядом трудностей. В наречии сибирских татар отсутствовали многие слова, означающие основные понятия христианской религии: икона, церковь, крещение и т.п. В данном случае автор старался следовать системе Н.И. Ильминского, в соответствии с которой лучше оставить татарскую транскрипцию русских слов, чем допускать приблизительный перевод, способный исказить смысл основных понятий христианства. Текст был напечатан в трех вариантах: на русском языке, на татарском русском алфавитом, на татарском арабскими буквами. По мнению Е.К. Елисеева, «татары, даже знающие по-русски, всегда неправильно выговаривают русские слова, а тем более им непонятны слова с славянским произношением. Слова «отрицаюся», «исповедую», «сочетаваюся»... он может понять только тогда, когда заменит их чисто русскими словами...»²⁹.

Деньги на издание (1000 рублей) были выделены Св. Синодом по предложению обер-прокурора Победоносцева. Первоначально предполагалось напечатать книгу в местной типографии, для чего требовалось выписать арабский шрифт. Однако затем от этого намерения решили отказаться, т.к. посчитали, что тем самым было бы положено начало татарской типографии, в которой могла бы издаваться литература, направленная против христианства. Книгу отпечатали в синодальной типографии. Книга вызвала большой интерес не только в Тобольской епархии, но и в других регионах, где действовали противомусульманские миссии.

Издаваемая литература, в соответствии с распоряжением Тобольского комитета РПМО, рассылалась бесплатно в учебные заведения, библиотеки при приходских храмах. Некоторая ее часть реализовывалась за деньги. Кроме того, комитетом распространялись издания, выпущенные и за пределами Тобольской епархии. Например, в январе 1913 г. оренбургский епархиальный миссионер К. Меркурьев обратился к епископу Тобольскому и Сибирскому Алексию с просьбой рекомендовать духовенству епархии его книгу «Руководство к изложению и обличению догматического и нравственно-практического учения мухаммеданства». Миссионер И. Петров составил отзыв на эту работу, напечатанный в «Тобольских епархиальных ведомостях». По мнению И. Петрова, «книга содержит в себе весьма много полезных и ценных указаний в практике миссионерской службы...»³⁰. Духовенству рекомендовалось обратить внимание на книгу К. Меркурьева.

Если проповедь миссионера увенчалась успехом и мусульманин изъявил желание перейти в православие, священником устанавливался испытательный срок для «прозелита». «Оглашенные», т.е. готовящиеся к принятию таинства крещения, должны были посещать церковь, знакомиться со специальной литературой, получать наставления от священника-миссионера. Важно было добиться осознанного принятия новой веры, а не проведения формального обряда крещения. Бывали даже случаи отказа «оглашенному», если выяснялось, что он желает перейти в христианство из корыстных побуждений. Так, в 1902 г. татарин Новоаптуллинских юрт, будучи «оглашенным», совершил ряд «неблаговидных поступков... Он начал посылать сестру свою, выдавая ее за учительницу Ивановской школы, в магазины, которые мне (Е.К. Елисеву) отпускали товар, и без моего ведома забирали товар за мой счет»³¹. После выяснения всех обстоятельств татарин был исключен из числа «оглашенных». Таким образом, очевидно, что миссионеры главное внимание в своей работе уделяли не количеству крещеных, а стойкости, искренности веры у принявших православие мусульман.

После совершения обряда крещения противомусульманская миссия не оставляла своими заботами обращенных. Для этой цели комитетом РПМО назначались специальные сотрудники. В Тюмени заведование новокрещеными было поручено священнику Зосиму Козлову, в Тобольске — настоятелю Знаменского монастыря игумену Василию. При необходимости к ним обращались за советом и содействием. К праздникам новокрещеным раздавались денежные пособия из сумм, выделяемых комитетом РПМО, а также брошюрки и листки нравственного содержания. Следует отметить, что такая помощь была необходима. Татары, принявшие христианство, оказывались в затруднительном положении. Мусульмане «по присущей им крайней фанатичности изгоняют христиан из своего общества всевозможными притеснениями и преследованиями, ввиду чего принявший христианство татарин... не может пользоваться земельными угодьями в своем обществе и вынуждается создавшимся положением прекратить свое хозяйство и идти в наймиты к русским»³². По словам Е.К. Елисева, «такое положение, кроме того, что несправедливо и бедственно, не может не отзываться вредно и на нравственно-религиозном состоянии новообращенных... еще слабых в вере и неутвердившихся в правилах и обычаях христианской жизни»³³. Разовые пособия, конечно же, не могли решить эту проблему. Поэтому было признано целесообразным выделение земель новокрещеным, на которых они могли бы совместно жить и трудиться. Такие миссионерские поселения возникают в Оренбургской, Томской, Иркутской епархиях. Меры по организации поселения новокрещеных Тобольской епархии предпринимаются лишь с 1913 г.,

когда число перешедших в православие достигло нескольких десятков. Священником И. Петровым был подан рапорт на имя епископа с соответствующим предложением. В данном документе сообщалось, что наиболее подходящим для поселения является Балтанский участок Велижанской волости Тюменского уезда. Здесь имелись две небольшие речки, леса, поля, т.е. все необходимое для занятия сельским хозяйством. Переселенческим управлением эти земли были намечены к нарезке на хуторские наделы для переселенцев из Европейской России. Годом ранее сюда приезжали ходоки — крещенные татары из Казанской губернии, «которые нашли удобным к заселению и ждут окончательной обрезки и разрешения к занятию его»³⁴. Совместное проживание со «старокрещеными» татарами помогло бы им лучше приспособиться к новому образу жизни. Однако на просьбу комитета РПМО из переселенческого управления был получен отказ, мотивированный тем, что, пока будут подготовлены нужные документы, участок уже займут переселенцы, подавшие заявку на него еще в 1912 г. Заведующий переселением и землеустройством в Тобольской губернии посоветовал РПМО направить запрос об отводе другого участка в Тобольском, Тюменском или северной части Ишимского уездов размером не менее 3000 десятин, «представив право самой миссии сделать выбор такового»³⁵. Также предполагалось уравнивать новокрещенных с переселенцами для того, чтобы они могли пользоваться полагающимися для них льготами. Планировалось построить в создаваемом поселке храм и школу. Опыт Киргизской миссии показал, что «когда же выстроится на участке церковь и будет миссионерский причт, то население будет быстро увеличиваться, как около пчелиной матки в улье всегда собирается многочисленная семья пчел, так и около храма с причтом быстро начинают поселяться новокрещенные и русские»³⁶. На возведение храма имелось 50 тысяч рублей из фонда имени императора Александра III. Однако планам по организации поселка так и не суждено было в полной мере сбыться. По-видимому, Тобольскому комитету РПМО помешала начавшаяся мировая война.

Конечным результатом работы Центральной миссии следует признать число иноверцев, принявших христианство. По официальным данным, представленным в отчетах обер-прокурора Св. Синода и отчетах благочинных, в Тобольской епархии в православие перешло в 1901 г. 6 мусульман, в 1903 г. — 12, в 1904 г. — 5, в 1905 г. — 12, в 1906 г. — 8, в 1907 г. — 5, в 1908 г. — 26, в 1909 г. — 11, в 1910 — 3, в 1911 г. — 7, в 1912 г. — 6, в 1913 г. — 9, в 1915 — 4³⁷. Вряд ли приведенные цифры свидетельствуют о значительных успехах Центральной миссии. Следует отметить, что в указанные выше данные вошли татары, поменявшие религиозную принадлежность в силу жизненных обстоятельств, не связанных с миссионер-

ской работой. Причины низкой эффективности деятельности миссии в целом аналогичны тем, которыми объяснялась неудача борьбы с расколом. Помимо этого, следует подчеркнуть, что препятствием для миссионеров служила сплоченность общин сибирских татар, резкое неприятие всего, что могло представлять не только реальную, но и потенциальную угрозу их вере. Пропасти, разделявшей два народа, не было. Добрососедские экономические, культурные, бытовые контакты с русскими поддерживались постоянно. Однако в религиозной сфере наблюдалась иная ситуация. Если раскольники охотно вступали в полемику по основным вопросам, разделявшим их с официальной церковью, то мусульмане (за исключением мулл), как правило, даже и не пытались начать дискуссию, априори отвергая все доводы миссионеров. Е.К. Елисеевым отмечался случай, когда мулла, получивший письмо со штампом Центральной миссии, был подвергнут подробнейшему допросу единоверцами о том, с какой целью он ведет переписку с миссионерами. При необходимости во всевозможные инстанции рассылались жалобы на противоправные действия сотрудников миссии, вынуждая последних работать с крайней осторожностью.

Отношение светских властей к исламу отличалось несравненно большей терпимостью, чем отношение к раскольникам. Идеи христианизации мусульман не находили существенной поддержки у многих государственных мужей, опасавшихся роста националистических, антирусских настроений. Нельзя забывать и о том, что в истории практически неизвестны случаи массового перехода мусульман в христианство. Уже только поэтому шансы на успех изначально были невелики.

¹ Цит. по: Смолч И.К. История Русской церкви. 1700–1917. М., 1996. Т. 8. Ч. 2. С. 237–238.

² Остроумов Н. Колебания Русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность Православной Русской церкви. Казань, 1910. С. 8.

³ Отчет Тобольского епархиального Братства св. великомученика Дмитрия Солунского за 1893–94 гг. Тобольск, 1894. С. 11.

⁴ Александр (Архиепископ Туркестанский). Религиозно-нравственное состояние инородцев Туркестанского края и необходимость учреждения для них православной миссии. М., 1893. С. 9.

⁵ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1893–94 гг. Тобольск, 1894. С. 10.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб., 1900. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Спаский Н. Потребность православной миссии для Букеевской орды. М., 1895. С. 15.

- ¹¹ Там же. С. 7, 10.
- ¹² Двадцатипятилетие Тобольского Епархиального комитета Миссионерского общества. 1872—1896 гг. Тобольск, 1897. С. 109—113.
- ¹³ Отчет о деятельности Тобольского епархиального... за 1893—94 гг. Тобольск, 1894. С. 16—17.
- ¹⁴ *Елисеев Е.* Записки миссионера... С. 10.
- ¹⁵ Двадцатипятилетие Тобольского епархиального комитета... С. 96.
- ¹⁶ *Слюни И.К.* Указ, Соч. Т. 8. Ч. 2. С. 454.
- ¹⁷ *Елисеев Е.* Записки миссионера... С. 23.
- ¹⁸ *Елисеев Е.* Важность и значение миссионерства. СПб., 1902. С. 8—9.
- ¹⁹ *Цит. по: Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии. // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 271.
- ²⁰ Отчет Тобольского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1914 г. // ТЕВ. 1915. №34. С. 430.
- ²¹ *Елисеев Е.* Записки Тобольского противомусульманского миссионера. СПб., 1902. С. 6.
- ²² Отчет Тобольского Епархиального Комитета... за 1914 г. // ТЕВ. 1915. №34. С. 443.
- ²³ *Елисеев Е.* Записки противомусульманского... С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 11.
- ²⁵ Отчет Тобольского Епархиального Комитета... за 1914 г. // ТЕВ. 1915. №34. С. 442.
- ²⁶ *Елисеев Е.* Записки противомусульманского... С. 9.
- ²⁷ Там же. С. 10—11.
- ²⁸ От Тобольской миссии // ТЕВ. 1910. С. 278—279.
- ²⁹ Там же. С. 281.
- ³⁰ ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ³¹ *Елисеев Е.* Записки противомусульманского... С. 13.
- ³² ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 13об—14.
- ³³ *Елисеев Е.* Записки миссионера... — С. 173.
- ³⁴ ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.
- ³⁵ Там же. Л. 12об.
- ³⁶ *Елисеев Е.* Записки миссионера... С. 180.
- ³⁷ Всеподданнейший отчет Обер-Прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1901 г. СПб., 1903. Приложение. С. 51—52; Всеподданнейший отчет... за 1903—04 гг. СПб., 1906. Приложение. С. 59—61; Всеподданнейший отчет... за 1905—07 гг. СПб., 1910. Приложение. С. 67—73; Всеподданнейший отчет... за 1908—09 гг. СПб., 1911. Приложение. С. 73—78; Всеподданнейший отчет... за 1910 г. СПб., 1912. Приложение. С. 48—53; Всеподданнейший отчет... за 1911—12 гг. СПб., 1913. Приложение. С. 62—74; Всеподданнейший отчет... за 1913 г. СПб., 1914. Приложение. С. 36—39; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2637. Л. 214.

В.В. Цысь

Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургутского уезда

События 1917 года положили начало коренным преобразованиям социально-экономической и политической действительности в нашей стране. Взрыв народного недовольства разрушил складывавшийся на протяжении многих веков монархический строй. Россияне получили возможность создать новое государство, основанное на принципах демократии и социальной справедливости. Однако огромная многонациональная страна оказалась совершенно неготовой к поспешной и радикальной демократизации. В результате стали быстро набирать обороты дезинтеграционные процессы, что, в конечном счете, привело к хаосу, гражданской войне и затем к новому объединению уже на иных идеологических и политических основаниях.

Все вышесказанное в какой-то степени относится и к Тобольскому Северу. Отголоски политических бурь, хотя и с опозданием, доходили и до отдаленных глухих уголков России, одним из которых в начале XX в. являлся Сургутский уезд. Известия о Февральской революции местные жители встретили совершенно спокойно. Размеренное течение их жизни практически никак не изменилось. Однако, следуя указаниям из Тобольска (который, в свою очередь, выполнял распоряжения Петрограда), проводится реорганизация органов государственной власти.

Вместо уездных исправников вводятся должности уездных комиссаров Временного правительства. В первые дни марта власть в Сургуте, по-видимому, находилась в руках городского старосты Куйвашева. Именно через него велась переписка с губернским центром, доводились до населения и реализовывались распоряжения властей. 17 марта 1917 г. в адрес губернского комиссара В.Н. Пигнатти поступила телеграмма об отказе от исполнения обязанностей уездного комиссара из-за «недостатка способностей»¹. В ответ было предложено «избрать любого гражданина»². 18 марта на заседании уездного исполнительного комитета сургутским уездным комиссаром единогласно утверждается лесной кондуктор Петр

Сергеевич Мансуров. Его помощником назначается бывший помощник уездного исправника Авраамий Харлампиевич Дудинов, секретарем (с 8 июня 1917 г.) — бывший пристав Александр Сергеевич Резанов. Функции комиссаров не были четко регламентированы. Лишь 25 сентября 1917 г. обнародуется «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах», в соответствии с которым их права и обязанности в значительной степени совпадали с полномочиями прежних губернаторов и исправников.

Принципиально новым органом власти, возникшим после Февральской революции, явились общественные комитеты. Они создавались стихийно из представителей различных политических партий, организаций, учреждений и просто людей, пользовавшихся известностью и популярностью. Комитеты имели различные названия — Временный комитет общественного спокойствия (Тобольск), Временный исполнительный комитет (Тюмень), Коалиционный комитет (Омск), Комитет общественной безопасности (Ишим) и др. Последнее название было наиболее популярным, от него происходит общепринятая аббревиатура — КОБ. Аналогичные комитеты появляются и на Тобольском Севере. Роль КОБов играли уездный, волостные и сельские исполнительные комитеты (исполкомы). Сургутский уездный исполком был образован 13 марта 1917 г. на общем собрании горожан. Жители других населенных пунктов в выборах не участвовали «ввиду весенней распутицы». В состав исполкома вошло 14 действительных членов и 7 кандидатов. Из их числа был сформирован постоянно действующий президиум из 7 человек. Председателем исполкома становится сургутский купец Алексей Галактионович Клепиков, его заместителем — священник Иван Стратонович Иванов. Внутри комитета четкое распределение обязанностей отсутствовало. Сотрудники выполняли разовые поручения в соответствии с решениями, принимаемыми президиумом. На аналогичных основаниях в течение весны 1917 г. на волостных и сельских сходах выбираются волостные и сельские исполнительные комитеты, включавшие от 3 до 8 членов каждый. Необходимо отметить, что, в отличие от юга губернии, на севере в исполнительные комитеты вошли простые обыватели, не являвшиеся членами каких-либо политических партий и не принадлежавшие ни к каким общественным или иным организациям.

Интересно проследить род занятий сотрудников данных органов власти³. По сведениям, представленным тобольскому губернскому комиссару 18 июля 1917 г., из 100 человек, входивших в исполкомы различного уровня, 80 являлись рыбаками и охотниками, 4 — священнослужителями, 6 — служащими, 4 — купцами, 3 — медицинскими работниками, 2 — учителями. Должности председателя, заместителя председателя занимали 22 человека. Из них 12 были рыбаками и

охотниками, 4 — священнослужителями, 3 — служащими, 2 — купцами, 1 — мед. работником. В том числе уездное и волостное руководство представляли 9 человек: 1 рыбак и охотник, 4 священнослужителя, 2 служащих, 1 купец, 1 мед. работник. Таким образом, вполне очевидно, что ключевые посты в местных органах власти находились в руках наиболее образованной и влиятельной части населения, к которой следует отнести в первую очередь духовенство и служащих. В управлении уездом участвовала лишь одна женщина (член Кушниковского сельского исполкома Н.С. Замятина) и 5 представителей коренного населения (в том числе председатель Лумпокольского волысполкома Ф.В. Александров).

В качестве примера можно привести состав исполнительных комитетов, располагавшихся на территории современного Нижневартовского района. Ларьякский волысполком: председатель — Арсений Вергунов (священник), члены — Р.С. Шатов (фельдшер), В.П. Трофимов (купец), А.В. Прянишников (вахтер хлебозапасного магазина), В. Сигильетов, Е. Сигильетов, Г.Е. Кайдалов (все — рыбаки и охотники); Нижневартовский сельский исполком: председатель — А.С. Гришаев, товарищ председателя — М.М. Тыриков, члены — В.О. Сыколов, А.А. Слинкин, П.И. Кайдалов, М.П. Егоров (все — рыбаки и охотники); Покурский сельский исполком: председатель — Д.Д. Кондаков (лесной объездчик), товарищ председателя — А.Г. Кушников, члены — Е.И. Спиридонов, Д.М. Кошкарков, М.А. Бакшеев, Н.Н. Полканов (все — рыбаки и охотники)⁴. Таким образом, А.С. Гришаева следует признать первым, известным нам, демократически выбранным «главой администрации» с. Нижневартовского.

КОБы сосредотачивали в своих руках фактически всю полноту власти на местах, занимаясь самым широким кругом проблем. Но главной их задачей признается наблюдение «за порядком и спокойствием в своих районах»⁵. Кроме того, на уездный исполком возлагался контроль за правильной организацией и функционированием волостных и сельских исполкомов. По свидетельству уездного комиссара, комитеты «несут полезную необходимую работу в деле устройства порядка и нормального хода местной жизни. Трудно представить обстановку жизни в... данное время без наличия исполнительных комитетов»⁶.

В первых числах июля 1917 г. в Сургуте проводится уездный съезд делегатов исполкомов. Одним из важных вопросов, разбираемых на нем, было принятие ходатайства П.С. Мансурова о сложении с себя полномочий. В качестве замены делегатами предлагается кандидатура учителя высшей начальной школы Николая Андреевича Замятина. Николай Андреевич являлся уроженцем Сургутского уезда. Он хорошо знал север, неплохо владел остяцким языком.

Закончив в 1908 г. Омскую учительскую семинарию, Н.А. Замятин в течение 5 лет работал в различных начальных школах. Затем, после сдачи экстерном экзамена за полный курс Томского учительского института, продолжил свою педагогическую деятельность. Переписка по поводу утверждения Н.А. Замятина тянулась около месяца. Соответствующий запрос был направлен в Петроград в министерство внутренних дел. Лишь 29 июля 1917 г. Николай Андреевич телеграфировал В.Н. Пигнатти: «Документы принял, вступил в должность, от должности учителя отказался»⁷.

С осени 1917 г. наблюдается постепенное падение влияния исполнительных комитетов. Локосовский и Ларьякский волисполкомы, Сытоминский сельский исполком «фактически перестали существовать». Поступающие дела и бумаги складывались «в кучку», никем не читались и не изучались, перестали посылаться ответы на запросы из Сургута. В данном случае, по-видимому, сказались низкий уровень гражданского правосознания и политической активности местного населения, сочетавшийся с отсутствием жесткой вертикали власти. Аналогичная тенденция прослеживалась и в других регионах Сибири. Поляризация общественных сил привела к замене учреждений, созданных на основе широкой коалиции, учреждениями социально ориентированными, т.е. советами. Правда, в Сургутском уезде, далеком от основных политических центров, советы в 1917 г. так и не возникли.

Революция привела к коренной перестройке аппарата МВД. Упраздняется полиция. Ее заменяет децентрализованная, смешанная по составу милиция. Соответствующий циркуляр был получен в Сургуте 10 марта 1917 г. На следующий день городской староста Куйвашев направил телеграмму губернскому комиссару с просьбой разъяснить, можно ли бывшим чинам полиция занимать должности милиционеров? Из Тобольска был получен положительный ответ. Поэтому фактически в большинстве случаев дело свелось к переименованию приставов и урядников в милиционеров. Однако теперь органы правопорядка находились под полным контролем местного самоуправления. В любой момент по постановлению исполнительного комитета милиционер мог быть снят со своего поста. Такие случаи имели место и в Сургутском уезде. В частности, отстраняются от должности решениями Сургутского уисполкома — милиционер Сишин, Лумпокольского волисполкома — начальник милиции 2-го участка Шестаков и старший милиционер Конев, Тундринского волисполкома — старший милиционер Фомин, Нижневартовского сельского исполкома — старший милиционер Рыбьяков. Чем были вызваны конфликты между милиционерами и исполкомами — у нас пока нет точных объяснений. Следует предположить следующее: во-первых, милиционеры мог-

ли быть смещены из-за допущенных злоупотреблений; во-вторых, жители населенного пункта могли посчитать, что содержание милиции для них слишком обременительно в условиях, когда серьезные нарушения законности совершались крайне редко и криминальная обстановка отсутствовала. В целом положение милиции Сургутского уезда оставалось сложным. Очень остро стояла проблема кадрового дефицита. Штаты не были полностью укомплектованы. Иногда функции органов правопорядка брали на себя исполкомы. Так произошло в с. Покур и в с. Нижневартовском.

Оказались вакантными должности заместителя начальника и секретаря уездной милиции, трех старших милиционеров, начальника 2-го участка. Н.А. Замятин вынужден был констатировать: «Направленные в милицию дела обыкновенно обречены оставаться там без движения самое неопределенное время. Некому работать»⁸. К тому же начальник уездной милиции по совместительству являлся также и председателем продовольственного комитета, что, несомненно, снижало его работоспособность.

Проблемой обеспечения населения хлебом занимались уездный, волостные и сельские продовольственные комитеты. Их создание в Сургутском уезде началось после получения циркулярной телеграммы губернского комиссара от 10 марта 1917 г. В мае продкомы выводятся из структуры министерства земледелия и переподчиняются вновь созданному министерству продовольствия. Функции продовольственных комитетов, определенные законом Временного правительства от 2 апреля 1917 г., были следующие: борьба со спекуляцией, соблюдение монополии хлебной торговли, успокоение голодающих. Уездный продком состоял из 12 человек. Его исполнительным органом являлась продовольственная уездная управа из 3 человек. В целом деятельность продкомов Сургутского уезда признается успешной. Хотя и отмечаются 2–3 случая издания ими постановлений о реквизиции хлеба, но после соответствующего разъяснения уездного комиссара эти постановления были отменены.

Для урегулирования земельных споров создается уездный земельный комитет из 7 человек, волостные и сельские земельные комитеты. Данные учреждения появляются на общих основаниях с регионами, где основным занятием населения было сельское хозяйство. На территории Среднего Приобья никаких конфликтов из-за земельных угодий в это время, по-видимому, не возникало, т.к. земельные комитеты ничем себя не проявили. По замечанию уездного комиссара П.С. Мансурова: «Аграрных беспорядков... не наблюдалось, в общем все спокойно»⁹.

В рассматриваемый период, как и раньше, продолжала функционировать Сургутская городская дума. Так как Временное правительство изменило избирательную систему, отменив все имуществен-

ные и сословные ограничения, 7 июня 1917 г. состоялись перевыборы на основе всеобщего прямого, тайного и равного голосования, по итогам которых был сформирован новый состав думы.

В течение лета-осени 1917 г. на территории Тобольской губернии образуются земства. В Сургутском уезде комитетом по введению земств объявляет себя уисполком. Однако в 1917 г. земства здесь так и не возникли — из-за недостатка на местах «интеллигентных сил и знающих дело инструкторов». Лишь в некоторых волостях земства появляются весной 1918 г., буквально накануне установления советской власти. Также не состоялись в Сургутском уезде выборы в Учредительное собрание. Помешало отсутствие какой-либо информации от окружной избирательной комиссии, и в первую очередь сложные природно-климатические условия — распутица, удаленность и разбросанность населенных пунктов, плохие дороги. О предстоящих выборах стало известно слишком поздно, поэтому от их проведения вообще решено было отказаться.

В целом для системы учреждений Временного правительства характерно было стремление вовлечь в управление как можно более широкие слои населения. Но деятельность многочисленных комитетов очень часто оказывалась малопродуктивной. Власть постепенно сосредотачивается в руках немногих чиновников, что, в общем-то, было вполне закономерной и объективной тенденцией.

Известие об Октябрьской революции достаточно быстро достигло Тобольского Севера. Однако происходившие в Петрограде события в Сибири получили свою интерпретацию. 27 октября 1917 г. В.Н. Пигнатти в циркулярной телеграмме сообщил уездным комиссарам о попытке большевиков захватить власть и потребовал «призывать поддержку Временного правительства, спокойствия... поддерживать нормальный ход жизни»¹⁰. В последующих телеграммах губернский комиссар успокаивал подчиненных заявлениями о том, что правительственные войска заняли Гатчину, большевики разбиты и блокированы в Смольном, Ленин и Троцкий бежали и т.п. 28 октября Н.А. Замятин телеграфировал в Тобольск: «Свидетельствую свою верность Временному правительству...»¹¹. В этот же день в Сургуте было созвано общее собрание горожан, на котором объявляется о попытке большевистского переворота. Данное известие не вызвало особых эмоций. Как отмечал уездный комиссар: «Общественное настроение определено на стороне правительства»¹². В ежемесячном докладе, датированном 2 ноября 1917 г., Н.А. Замятин так обрисовал настроения жителей уезда: «Население к большевистскому восстанию относится несочувственно, отрицательно. Но вдумчивого глубокого отношения к происходящим событиям нет вследствие присущей отличительной черты в настроении населения — политического индифферентизма, являю-

щегося результатом влияния на жизнь населения особых местных бытовых и географических условий. Есть паличность недовольства в связи с недостатком продовольствия, дороговизной, серьезного характера однако не имеющая»¹³. Долго оставаться в неведении сургутяне, конечно, не могли. Уже 5 ноября Н.А. Замятин запросил Тобольск: «В городе распространяются тревожные слухи. Прошу сообщить положение дел»¹⁴. К тому времени уже и самому В.Н. Пигнатти стало ясно, что борьба с большевиками принимает затяжной характер. Тем не менее на севере, как, впрочем, и в Тобольске, мало что изменилось. Учреждения Временного правительства продолжали функционировать без каких-либо помех. Среди сибиряков идеи радикального переустройства социально-экономической и политической действительности не пользовались большой популярностью. Изменения начинают происходить только после того, как постепенно с фронта возвращаются демобилизованные солдаты и дезертиры, «зараженные» большевистской пропагандой.

Еще 17 декабря 1917 г. Н.А. Замятин сообщал губернскому комиссару, что город и уезд, «за исключением ничтожного числа невежественных лиц и авантюристов, не смеющих [вести] открытой агитации, уверенно [выступают за] ликвидацию стране большевизма конца анархии»¹⁵. Но в начале января 1918 г. положение в Сургуте сильно осложнилось. Последовательно изложить события первых месяцев 1918 г. весьма непросто из-за скудости и фрагментарности доступных нам источников. В это время в Сургуте оформляются две противостоящие друг другу политические группировки. С одной стороны — «большевистская партия» — около 40 человек, по словам Н.А. Замятина, в основном «петроградские солдаты, бывшие административно-ссылные... лица невежественные, безграмотные»¹⁶. Их поддерживал начальник уездной милиции Пирожников. С другой стороны — приверженцы Временного правительства во главе с уездным комиссаром Н.А. Замятиным и городским головой Куйвашевым. Первая попытка захватить власть предпринимается сторонниками большевиков в начале января. Так как слухи о готовящемся перевороте циркулировали по Сургуту, Н.А. Замятину удалось принять необходимые предупредительные меры. Около государственных учреждений была выставлена вооруженная охрана. 10 января 1918 г. уездный комиссар и городской голова созвали общее собрание граждан, на котором большинство жителей Сургута выразило «полное доверие и поддержку местной власти... отрицательно [оценив] отдельные выступления большевиков»¹⁷. Тем самым ситуация на некоторое время стабилизировалась. Новый виток противостояния относится уже к марту 1918 г. По мере укрепления позиций большевизма в

Сибири положение сторонников Временного правительства в Сургуте становится все более шатким, а их противники активизируются. Попытки заручиться поддержкой Тобольска не увенчались успехом, т.к. В.Н. Пигнатти находился в изоляции и помочь ничем не мог. 5 марта 1918 г. Н.А. Замятин отправил телеграмму губернскому комиссару следующего содержания: «Вследствие полной безвестности очень просим сообщить общее положение дел», на что был получен ответ: «Власть губернии остается по-прежнему за мной. Общая информация невозможна, сам не имею достоверных сведений»¹⁸.

Очевидно, что Н.А. Замятину и его приверженцам чужда была идея сохранения власти ради самой власти. Они не хотели оставаться на своих постах любой ценой, в том числе и с помощью насилия и кровопролития, т.к. это, по-видимому, противоречило их демократическим убеждениям. Можно предположить, что одним из важных пунктов большевистской агитации за Советы были упреки Н.А. Замятину в узурпации власти и антидемократизме. Якобы лишь Советы обеспечат подлинное народное представительство и самоуправление. Тогда уездный комиссар заявил, что он готов уйти в отставку и передать полномочия коллективному выборному органу — городской думе. В письме В.Н. Пигнатти от 7 марта 1918 г. он так мотивировал свое решение: «Передача власти городской думе... успокоит, по-моему, возможность образования здесь большевистского Совета, а население оградит от насилия. В противном случае комиссариат, по захвате его солдатами и замене Советом, послужил бы печальным и исходным пунктом для развития анархической деятельности солдат»¹⁹. Далее Н.А. Замятин добавляет: «Очень прошу Вас не считать моего поведения по вопросу о сложении обязанностей как капитуляцию перед обстоятельствами»²⁰. Однако на заседании городской думы, состоявшемся 10 марта 1918 г., прошение уездного комиссара было отклонено. Депутаты единогласно постановили ходатайствовать перед губернским комиссаром об оставлении Н.А. Замятина в прежней должности. Одновременно принимается решение о смене начальника милиции и об увеличении штатов правоохранительных органов за счет средств городского бюджета. Эти шаги заставили большевиков перейти к решительным действиям. В плохо сохранившейся телеграмме, предположительно датированной 12 марта 1918 г., Н.А. Замятин сообщал: «Совет образован насильственно со [лдаты] вооружены винтовками бомбами про [вели] ряд обысков захватов отобрали продовольственные запасы... затем собрали сход и объявили себя совдепом...»²¹. Таким образом, произошло насильственное свержение органов власти Временного правительства. Начинается подготовка к созыву уездного съезда Советов, кото-

рый должен был окончательно оформить результаты переворота. Съезд, прошедший 1–3 апреля 1918 г. (по старому стилю), постановил: «Организовать вместо уездного комиссариата уездный Совет крестьянских и солдатских депутатов, передав последнему всю полноту власти как уезда, так и города»²². Эпоха Временного правительства на территории Среднего Приобья закончилась. Попытки утверждения демократических политических институтов завершились неудачей из-за противодействия левых экстремистов и неготовности самого народа в полной мере воспользоваться плодами «великой и бескровной» революции.

¹ Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. И-722. Оп. 3. Д. 17. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Ниже представлены сведения по Сургутскому уездному исполкому, Лумпокольскому, Юганскому, Ларьякскому, Тундринскому, Локосовскому волостным исполкомам, Прохоркинскому, Криволуцкому, Назинскому, Светло-Проточенскому, Пилюгинскому, Кушниковскому, Сытоминскому, Покурскому, Нижневартовскому, Урьевскому сельским исполкомам.

⁴ Ф ГАТО. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 41. ЛЛ. 151–153.

⁵ Ф ГАТО. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 41. Л. 150.

⁶ Там же. Д. 98. Л. 141.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 29.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 98. Л. 141 об.

⁹ Там же. Д. 41. Л. 115 об.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 13.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 98. ЛЛ. 141 об–142.

¹⁴ Там же. Л. 91.

¹⁵ Там же. Л. 136.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 36.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 197.

¹⁸ Там же. Л. 387, 406.

¹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 17. ЛЛ. 36–36 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 407.

²² Цит. по: Роцевский П.И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959. С. 126.

Е.И. Гололобов

Лесное хозяйство Обь-Иртышского Севера в 1920-е гг.

История Обь-Иртышского Севера, его экономическое развитие всегда были тесно связаны с природно-географическими условиями региона. Основными богатствами северных территорий Западной Сибири до открытия и промышленного использования углеводородного сырья являлись лес и пушнина. Они играли основную роль в жизни Обь-Иртышского Севера и в 1920-е гг. Предполагалось, что, исчерпав лесные запасы Канады и США, «мировой капитал» вынужден будет обратить свои взоры на леса СССР, в частности на леса Обь-Иртышского Севера¹. Вообще, леса рассматривались как «составная часть колоссальных природных богатств Тобольского Севера», за счет которых необъятные пространства богатейших промысловых окраин смогут получить свое надлежащее развитие, а обитающие на нем отсталые народы приобщиться к более высокой культуре...»².

Именно рационально устроенное лесное хозяйство рассматривалось как источник средств существования местного населения, как основа сохранения пушных, рыбных и водных ресурсов края.

Социальные катаклизмы и гражданская война негативно отразились на состоянии лесного хозяйства Сибири. Отсутствие твердой власти, четких правовых норм, нежелание повиноваться властям приводили к тому, что население захватывало государственные земли, разоружало лесную стражу и самовольно распоряжалось лесами. После окончания гражданской войны на Сибирь обрушились сильные морозы, голод, экономическая разруха. Необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства, с одной стороны, и вынужденная опора только на собственные силы — с другой, приводили к чрезмерному давлению на природные ресурсы.

В целях ликвидации «топливного голода» население и государственные организации безжалостно вырубали леса. Декреты ежегодно предписывали отводить лесосеки на 5 лет вперед. Это приводило к тому, что: «Местами лесные дачи уничтожены целиком, особенно близ ж.д. и городов. Нередко уничтожались городские и пригородные рощи и лесные парки, имеющие защитное и санитар-

* С 1923 по 1930 гг. Обь-Иртышский Север входил в состав Тобольского округа Уральской области и назывался Тобольский Север.

ное значение»³. Сама заготовка леса велась хищническими способами. «Строевые деревья идут на дрова, а остатки от лесозаготовок — вершины, ветки и сучья — не используются, не собираются и не сжигаются, что содействует развитию вредных насекомых и грибов, а также лесных пожаров, доканчивающих уничтожение лесов огнем, где это не сделал топор»⁴. Лесные массивы, расположенные вблизи «сплавных путей» Тобола и Иртыша, за время гражданской войны настолько сильно пострадали от опустошительных вырубок, что уже в первые послевоенные годы утратили всякое хозяйственное значение⁵. Катастрофические последствия «анархического лесоразорения» привели к массовым лесным пожарам 1920 года⁶.

Специалисты-лесоводы неоднократно указывали на недопустимость такого отношения к лесным ресурсам, но ситуация от этого не менялась и не могла измениться. Специалистов лесного хозяйства самих привлекали не к охране лесов, а к лесозаготовкам. Масса специалистов попала в Главлеском, Желлеском и гублескомы, кто же остался на лесной службе — вынуждены были в спешном порядке отводить лесосеки, превышавшие годовые нормы в 5–10 раз⁷. У них просто не оставалось времени заниматься своими непосредственными обязанностями, то есть охраной.

Все это усугублялось экономически непродуманными, волонтаристскими хозяйственными решениями властей и постоянными реорганизациями управленческих структур. В Тобольской (Тюменской)** губернии, например, возможность лесозаготовок определялась количеством имеющейся в том или ином районе рабочей силы, а не наличием возможного для использования леса. Абсурдность такого решения очевидна, если соотнести площади лесных массивов юга (2146 тыс. км²) и севера (41294,6 тыс. км²)⁸ губернии с плотностью населения на юге (от 1,68 до 8,65 чел./км²)⁹ и севере, где «...люди терялись в суровом краю. Одинокие на сотни верст разбросанные фактории и шесть сотых человека на квадратный километр»¹⁰.

Имели место просто вопиющие случаи. Тюменский гублеском в течение 1920–1921 гг. пилил на дрова «прекрасные сосновые и еловые строевые и поделочные бревна, приправляемые с верховьев Туры, а тюменская беднота, поощряемая жестоким жилищным кризисом, строит себе на окраинах города избушки из ивовых прутьев»¹¹.

Органы управления лесным хозяйством подвергались постоянным реорганизациям. Лесничества, их филиалы, лесные отделы и подотделы то создавались, то упразднялись. В 1919 г. на Обь-Иртышском Севере был создан уездный лесной подотдел. «Этот

** В апреле 1918 г. губернский центр из Тобольска был перенесен в Тюмень. Тобольский Совет воспротивился этому решению и объявил себя губернным. Поэтому в период с 1919 по 1923 гг. губерния называлась то Тобольской, то Тюменской.

подотдел влачил жалкое существование и не знал, чем и как заниматься» — и впоследствии был упразднен¹². До 1922 г. на территории бывшей Тобольской губернии имелось 9 лесничеств: Загваздинское, Каулимское, Вагайское, Иртышатское, Тобольское, Кугаевское, Демьянское, Березовское и Сургутское. После сокращения штатов лесничеств осталось только 4: Вагайское, Иртышатское, Тобольское и Демьянское¹³. Ввиду явной невозможности демьянского лесничего осуществлять полноценную деятельность на всей территории лесничества, из северной его части Тобольский окрлесотдел создал Березовский и Сургутский филиалы. Помощники лесничего в Березове и Сургуте получили определенную самостоятельность в ведении документации, в осуществлении хозяйственной деятельности и во взаимоотношениях с окрлесотделом.

Очевидная необходимость и явная экономическая целесообразность привели к тому, что с 1 августа 1924 г. Березовский и Сургутский филиалы были вновь утверждены как самостоятельные лесничества¹⁴. В марте 1926 г. на IV сессии Тобольского окрисполкома было принято решение о переносе канцелярии Сургутского лесничества в село Самарово. В Сургуте же остался помощник лесничего¹⁵.

Бессистемное, хаотичное использование лесных ресурсов; бесконечная чехарда в управленческом звене — все это требовало от властей принятия решительных мер, направленных на оздоровление лесного хозяйства, тем более что наряду с пушниной лес в начале 1920-х гг. являлся одним из немногих товаров, который Советская Россия могла продавать за границу и получать твердую валюту. Заинтересованность государства в четкой организации и эффективном функционировании экспортных отраслей делала северные территории объектом пристального внимания со стороны центральных и, соответственно, местных органов власти.

Относительно лесного хозяйства предполагалось: 1) провести точный учет лесных ресурсов; 2) отозвать специалистов лесного хозяйства из организаций и учреждений, где они работали не по специальности, с тем, чтобы они занимались непосредственно лесным хозяйством; 3) в связи с нехваткой профессиональных кадров создать систему подготовки лесных специалистов; 4) разработать законодательную базу организации и ведения лесного хозяйства; 5) «принять все меры к сокращению потребления древесного топлива путем увеличения добычи и доставки к местам потребления каменного угля, нефти, торфа»¹⁶.

Работа по всем вышеуказанным направлениям велась достаточно активно. Несмотря на сложную ситуацию, складывающуюся в стране в 1920-е гг., особенно в первые годы после гражданской войны, Советское правительство обращало внимание на природоохранную сферу, и в первую очередь на лесное хозяйство. В 1920 г. был создан

Государственный комитет по охране памятников природы, в состав которого вошли ученые и специалисты по всем отраслям естествознания. В 1921 г. СНК был принят и утвержден декрет по «Охране памятников природы, садов и парков», разработанный комитетом¹⁷.

«Но для того, чтобы означенные ценные участки оказались возможным сохранить в полной неприкосновенности от уничтожения рубкой, предотвратить истребление отдельных ценных пород (особенно на границе их распространения), сохранить особенно интересные геологические явления, выходы редких пород, особенно интересные размывы, овраги и проч., необходимо прежде всего организовать обследование и регистрацию всех выдающихся лесных участков и отдельных явлений, связанных с жизнью леса»¹⁸. С этой целью разрабатывались и рассылались на места анкеты по сбору информации о памятниках природы (док. № 1). На их основе предполагалось: «1) Собрать анкетным путем сведения о наиболее ценных лесных участках, по своему значению подлежащих признанию памятниками природы. 2) Собрать также сведения о всех прочих предметах и явлениях, связанных с жизнью леса, о редких экземплярах древесных пород, разрезах горных пород, водопадах и проч. 3) Всем гублесподотделам сообщить в ЦЛО (*Центральный лесной отдел* — Е.Г.) свои предложения на основании имеющихся материалов по губернии о выделении и образовании национальных парков и государственных заповедников и по вопросу об организации охраны памятников природы в губернии»¹⁹. Проводился сбор материалов для создания карты лесов Сибири (док. № 2).

Важность данной работы для Обь-Иртышского Севера была очевидной, так как одной из основных проблем северного лесного хозяйства являлось отсутствие сколько-нибудь точных полных данных об имеющихся в наличии лесных ресурсах, их количественном и качественном состоянии. Дореволюционные лесоустроительные материалы, весьма фрагментарные, в результате военных действий и смены власти по большей части были утеряны, оставшиеся же устарели, так как в указанный период лесные дачи подвергались незаконным и бессистемным вырубкам, часто горели. Повсеместно на Севере необходимо было проводить обследование лесных массивов и их картографирование.

Такая работа проводилась, но недостаточно интенсивно, что объясняется целым комплексом причин. В большинстве своем они отражены в сопроводительной записке С.А. Куклина к анкете Сургутского лесничества, к которой должна была прилагаться карта лесных массивов в 20-верстном масштабе. Лесничий сообщает, что «... работа эта затянулась вследствие обширности лесничества, крайней скудости сведений о лесах, также вследствие загруженности лесничества текущей работой и по недостатку средств»²⁰.

Отчет Тобольского окрлесотдела за 1924 г. дает более развернутую картину состояния лесного хозяйства округа. Леса округа, занимавшие огромную территорию, охранялись всего лишь 42 объездчиками и 55 «безлошадными» лесниками²¹.

<i>лесничество</i>	<i>объездчиков</i>	<i>лесников</i>
Тобольское	10	18
Иртышатское	5	13
Вагайское	10	22
Демьянское	7	2
Березовское	4	—
Сургутское	6	—
Всего	42	55

Для нормального осуществления своих обязанностей количество лесной стражи необходимо было увеличить вдвое, особенно для северных лесничеств Березовского и Сургутского, где при полном отсутствии средств на транспортные расходы объездчики обслуживали территории протяженностью от 250 до 500 верст²². Естественно, что это негативно сказывалось не только на изучении лесов, но и на их охране (док. № 4–5).

Отсутствие финансовых средств, необходимых для должной организации лесного хозяйства в Сибири вообще и на Обь-Иртышском Севере в частности, являлось одной из основных проблем данной отрасли. Анкета Сургутского лесничества за 1924–1925 операционный год демонстрирует это обстоятельство в полной мере²³. Денег не хватало даже на канцелярские расходы. О бедственном положении работников лесного хозяйства красноречиво свидетельствует сравнение их зарплаты за 1923–1924 г.²⁴ с прожиточным минимумом, определяемым на Севере в указанный период в 30 руб. 68 коп.²⁵

должность	зарплата (без профсоюзного взноса) за		
	декабрь	январь	февраль
Зав. лесотделом	21 руб. 44 коп.	36 руб. 70 коп.	30 руб. 9 коп.
Зав. охраной лесов	—	32 руб. 29 коп.	28 руб. 00 коп.
Зав. охотой	—	32 руб. 29 коп.	28 руб. 00 коп.
Делопроизводитель	—	20 руб. 24 коп.	17 руб. 55 коп.
Инспектор лесов	21 руб. 6 коп.	31 руб. 40 коп.	33 руб. 46 коп.
Лесничий	19 руб. 24 коп.	29 руб. 26 коп.	31 руб. 22 коп.
Помощник лесничего	16 руб. 56 коп.	25 руб. 9 коп.	26 руб. 76 коп.
Делопроизводитель	12 руб. 54 коп.	18 руб. 86 коп.	20 руб. 7 коп.
Сторож	4 руб. 50 коп.	6 руб. 39 коп.	6 руб. 69 коп.
Объездчик	8 руб. 72 коп.	8 руб. 75 коп.	8 руб. 80 коп.
Лесник	6 руб. 54 коп.	6 руб. 59 коп.	6 руб. 60 коп.

Очевидно, что существовать на такие зарплаты и при этом работать честно было просто невозможно. При первой же возможности специалисты покидали лесную службу. В 1924 г., например, ушел на должность управляющего Обдорской конторой «Хлебопродукта» с окладом в 250 руб. золотом в месяц опытный специалист — помощник березовского лесничего П. П. Агеев, прослуживший в лесном хозяйстве 16 лет²⁶. Такая картина являлась типичной для Севера. «Наблюдается массовое стремление работников, состоящих на местном бюджете, уйти с работы, и если остаются, то только лишь потому, что питают надежды на улучшение своего материального положения»²⁷. Как следствие «... весь доход от леса остается не внесенным в казну, его некому получать, а население пользуется лесом самовольно и бесплатно. Пожары же тушатся лишь дождем»²⁸.

Тормозило нормальное развитие лесного хозяйства на Севере первоначальное отсутствие законодательной базы, регулирующей отношения государства и населения в этой сфере. Все лесные дачи Обь-Иртышского Севера до революции 1917 г. не принадлежали государству полностью. Они являлись совместным владением казны и населения (дачи V разряда). Поэтому население, привыкшее считать лес своей «вогчиной», пользовалось им по праву собственности и даже сдавало лесные участки в аренду для занятия промыслами (охота, сбор кедрового ореха, ягод и т. д.). Естественно, что любые попытки администрации лесничества распространить юрисдикцию государства на северные лесные массивы встречались населением крайне враждебно²⁹.

Однако, как уже отмечалось выше, заинтересованность государства в скорейшем возрождении и эффективном функционировании лесного хозяйства способствовало быстрому юридическому оформлению лесного законодательства. Причем в этом вопросе центр активно сотрудничал с регионами (док. № 3).

Леса были национализированы. «Все леса и земельные площади, предназначенные для выращивания древесины, ограниченные в установленном для того порядке от земель иного назначения, составляют собственность рабоче-крестьянского государства и образуют единый государственный лесной фонд, который находится в заведовании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов»³⁰.

Единый Государственный лесной фонд делился на леса: местного значения, общегосударственного значения и особого назначения. На Севере, где лес занимал более 50% территории и не было крестьянских лесных владений, из лесов государственного значения могли быть выделены лесные дачи, «предназначенные исключительно для удовлетворения в древесине трудовых объединений, с расчетом не более одной десятины на душу»³¹.

В главе второй Лесного кодекса «Организация лесного хозяйства» четко декларировалось, что «все государственные леса устроиваются в целях ведения в них правильного лесного хозяйства, которое заключается: а) в извлечении из лесов постоянной наивысшей доходности при неистощительности пользования и с соблюдением интересов сельского хозяйства, промышленности, торговли и проч., б) в обеспечении возобновления вырубок главными породами, в улучшении состава и роста лесов и в) в использовании всех площадей, входящих в состав лесных дач»³². Охрана лесов от несанкционированных вырубок, хищений, повреждений, незаконного использования, пожаров и проч. возлагалась на лесничих, помощников лесничих и лесную стражу³³. Особой охране подлежали кедровники Сибири, имевшие промысловое значение³⁴. Права и обязанности лесной администрации регламентировались инструкцией НКЗ от 26-июля 1923 г. о лесной страже³⁵.

На основании законодательных актов центральных органов власти формировалась нормативная база, регулирующая лесное хозяйство на местном уровне: Тобольский окрисполком издал в 1920-е гг. целый ряд нормативных документов, касающихся лесного хозяйства: обязательное постановление № 21 от 7 декабря 1924 г. «О порядке использования кедровников», обязательное постановление № 22 от 7 декабря 1924 г. «О мерах по сохранению леса и борьбы с истреблением его вблизи городов и населенных пунктов», обязательное постановление № 23 от 4 января 1925 г. «О порядке заготовки лесных материалов и побочных продуктов леса», «Правила ведения лесного хозяйства в лесах местного значения», «Правила отпуска и расходования леса населению на общественные надобности, на дорожное строительство, кустарям и пр. из государственных лесов Тобольского округа»³⁶.

На население, получавшее кедровники при выделении лесов местного значения в свое использование, возлагались следующие обязанности: «а) охрана кедровников от самовольных порубок и пожаров; б) обнесение их изгородью и поддержание ее в исправном виде; в) очистка кедровников от валежа и сухостоя путем собирания ежегодно осенью хлама в кучи, зимою сожжения их; г) не собирать орех преждевременно и способами, портящими деревья, как, например, путем обламывания ветвей, сбивания колотами (деревянный молот)». Виновные в нарушении постановления № 21 могли быть подвергнуты штрафу в 300 рублей либо привлекались к принудительным работам на срок до 3-х месяцев³⁷.

Все государственные, негосударственные (кооперативные) организации и частные лица, заготавливающие лесные материалы и продукты леса, обязаны были выкупать лесорубочные билеты. По требованию лесничих вышеуказанные организации и частные лица

обязаны были предоставлять полную информацию о приобретенных материалах и продукции леса³⁸. Виновные в нарушении этих правил привлекались к уголовной ответственности.

В лесах местного значения предписывалось иметь достаточное количество объездчиков и лесников для ведения лесного хозяйства и организации действенной охраны лесов от незаконного использования и пожаров. Их деятельность контролировалась не только лесничим, но и местными органами власти (сельсоветы) и общественными организациями (кккккы)³⁹.

Отсутствие необходимого финансирования, нехватка профессиональных кадров и сопротивление населения нововведениям не давали возможности в полной мере проводить в жизнь на Обь-Иртышском Севере вышеуказанное законодательство. Однако, несмотря на все трудности, можно привести примеры весьма успешной деятельности специалистов лесного хозяйства на Севере.

1 сентября 1923 г. на должность заведующего лесным районом в Сургуте (впоследствии лесничим Сургутского лесничества) был назначен специалист лесного хозяйства С.А. Куклин. До его назначения, в период с 1917 по 1923 гг., лесничество не давало дохода. В первый же год службы С.А. Куклин сумел собрать 2904 руб., развернув энергичную борьбу с незаконной заготовкой лесных материалов³⁹. Им в Сургуте был организован праздник «День леса», в рамках которого лесничий прочитал населению лекции: «О Дне леса и охоты», «Значение леса в государственном и местном хозяйстве». В городе был разбит сад площадью в 0,5 га, посажено 900 деревьев. В этом мероприятии участвовало 390 человек из 1052 проживавших в это время в Сургуте. Ко Дню леса была выпущена содержательная стенгазета⁴⁰.

К сожалению, такие примеры были скорее исключением, чем правилом. Надежды, которые специалисты связывали в 1920-е гг. с развитием лесного хозяйства на Обь-Иртышском Севере (док. № 6), стали обретать реальность гораздо позднее.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

² Там же.

³ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ ТФ ГАТО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 11. Л. 82об.

⁶ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об.

⁷ Там же. Л. 1об.

⁸ ТФ ГАТО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 167. Л. 37.

⁹ Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 41. Л. 60.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 485. Л. 23.

¹¹ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 44. Л. 3об.

^{***} Комитет крестьянской общественной взаимопомощи.

- ¹² Там же. Д. 23.
- ¹³ ТФ ГАТО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Д. 67. Л. 19.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об.
- ¹⁷ Шилленгер Ф.Ф. Охрана природы в РСФСР // Уральский охотник. 1925. № 5-6. С. 37.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
- ¹⁹ Там же. Л. 44об.
- ²⁰ ТФ ГАТО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.
- ²¹ Там же. Д. 11. Л. 50.
- ²² Там же. Л. 9об.
- ²³ Там же. Д. 13. Л. 11об.
- ²⁴ Там же. Д. 11. Л. 11об.
- ²⁵ Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
- ²⁶ Там же. Ф. 995. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- ²⁷ Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
- ²⁸ Там же. Ф. 995. Оп. 1. Д. 11. Л. 9об.
- ²⁹ Там же. Л. 10.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.
- ³¹ Там же. Л. 3об.
- ³² Там же. Л. 4об.
- ³³ Там же. Л. 9.
- ³⁴ Там же. Л. 8.
- ³⁵ Суворов И.А. Местные леса на Урале и пользование ими. Свердловск, 1926. С. 23.
- ³⁶ Отчет Тобокрисполкома за 1925-26 г. Тобольск, 1926. С. 98-105.
- ³⁷ Там же. С. 98-99.
- ³⁸ Там же. С. 100-101.
- ³⁹ ТФ ГАТО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Д. 17. Л. 141.

Л. В. Алексеева

Начало коллективизации и колхозное производство: планы и реальность (на материалах Северо-Западной Сибири)

В отечественной историографии советского периода, создаваемой в строго очерченных идеологических рамках, сформировались достаточно устойчивые, стереотипные оценки коллективизации в северных районах РСФСР. Известный советский северовед Л. Е. Киселев считал, что коллективизация на Обь-Иртышском Севере прошла 3 периода:

1. 1929–1934 годы — создание простейших производственных товариществ и объединений;
2. 1935–1938 годы — организационно-хозяйственное укрепление ППТ¹;
3. 1939–1941 годы — постепенный перевод ППТ на устав сельскохозяйственной и рыбацкой артели².

В представленной периодизации процесса коллективизации исследователь сделал акцент на более продолжительном отрезке времени, в рамках которого осуществлялось создание коллективов на Севере, по сравнению с подобными процессами на «Большой земле», а также указал на создание специфических форм коллективных хозяйств у аборигенов — простейших производственных товариществ.

Исследование проблемы выявило не только очевидные этапы в коллективизации (правда, несколько иные), но и позволило выделить ее специфические особенности по двум национальным округам с учетом своеобразных черт в темпах и формах коллективизации у разных групп населения: оседлых, полуседлых и кочевых.

Рассмотрим начало коллективизации на Севере Западной Сибири и попытаемся выделить ее специфические особенности. С осени 1929 г. местные власти, подстегиваемые циркулярами сверху, взяли курс на форсирование коллективизации. На 1 октября 1929 г. в Тобольском округе было коллективизировано 2% хозяйств. По плану Уральского обкома ВКП(б) в течение 1930 г. намечалось коллективизировать 23%. Однако в декабре 1929 г. обком

пересмотрел планы коллективизации и счел возможным вовлечь в колхозы Тобольского округа не менее 66,3% хозяйств³.

В постановлении № 74 от 1 января 1930 г. Тобольского комитета Севера указывалось: «При проработке плана коллективизации Тобольского Севера взять установку на сплошную коллективизацию бедняцко-средняцких хозяйств с охватом в наиболее доступных районах Дальнего Севера и кочевых оленеводов»⁴.

В докладной записке Тобольского окружкома в Уралобком 26 февраля 1930 г. сообщалось: «1) Со стороны ОК 13 января 1930 года было спущено по районам письмо о более жесточком выполнении задачи ликвидации кулачества как класса за счет самой решительной работы по раскулачиванию, путем выявления прежней эксплуататорской деятельности кулаков через батрацко-бедняцкие и общегражданские собрания с вынесением мотивированных решений о выселении кулачества из района, вместе с рассылкой этого письма были командированы работники суда и прокуратуры. Сразу же после выезда этих уполномоченных на местах была развернута массовая работа среди бедноты и середнячества, давшая своим результатом целый ряд судебных процессов по обвинению кулачества: в контрреволюции, эксплуатации, укрытии доходов и т.д. В результате по судебной инстанции было возбуждено и рассмотрено несколько десятков дел, приговорами по которым кулаки подлежали заключению под стражу, выселению и конфискации имущества, причем сразу после директив обкома работа была переклочена на существующий порядок выселений; для чего было создано специальное совещание секретарей райкомов, на котором и был поставлен вопрос о дальнейшей работе по ликвидации кулачества с обсуждением техники проведения этой работы, с упором на втягивание в эту работу батрачества и бедняцко-средняцких масс. В результате передачи Ваших необходимых директив в РК, а затем и в ячейки, по всем южным районам округа были проведены бедняцкие собрания, которые в своих решениях, одобряя политику Соввласти и партии, сразу же намечали кулаков, подлежащих к раскулачиванию, с подачей им соответствующих характеристик».

В результате этой работы к данному времени по постановлениям президиумов РИКов и ОКРИКа подлежат выселению из пяти южных районов по II-й категории 112 семей и по III-й категории по представлению 2-х районов 92 семьи. Мотивы выселения преимущественно: активность в бандитском восстании, торговля и уничтожение скота. Местом высылки намечены Березовский и Кондинский районы нашего округа.

Вся работа по раскулачиванию проходила в полной увязке с работой по коллективизации, причем ее рост падает в большей части на период проведения операций по изъятию кулачества и

если на 2/II т.г. % коллективизации был равен 27, то к данному времени он свыше 60-ти»⁵.

В протоколе пленума Тобольского окружкома ВКП(б) от 5 января 1930 г. вновь отражен вопрос о коллективизации на Севере, где прослеживается требование к решительным действиям «против туземного кулака, ликвидации его как класса». Пленум признал, что население Севера, так же, как и на юге, готово к коллективным формам ведения хозяйства⁶. В материалах заседания бюро Тобольского окружкома (протокол № 102 от 6 апреля 1931 г.) подчеркивалось, что «коллективизация среди кочевого и полукочевого туземного населения должна проводиться при непреснином условии, наличия вполне окрепших тузсоветов, тузриков»⁷. План коллективизации для северных районов, представленный окружным земельным управлением, был следующим⁸:

План по коллективизации на Тобольском Севере на 1930–31 г. (в %)

Район	План коллективизации на 1930–31 г.
Самаровский	86
Сургутский	44
Кондинский	53
Березовский	94
Обдорский	36

В объяснительной записке к плану коллективизации Севера подчеркивалось, что типы колхозов могут быть следующими: товарищество, артель, коммуна. Указывалось на необходимость заброски работников для организации колхозов. Решили, что 29 человек будет достаточно. Там же для работы в качестве председателей и секретарей предлагалось иметь резерв в 149 человек⁹.

Первые артели создавались в Самаровском и Кондинском районах как наиболее южных, где основная масса населения жила оседло и занималась сельским хозяйством, а также рыболовством. В 1930 г. в деревне Старый Катыйш на реке Конде организовалась первая рыболовная артель под председательством Сидора Даниловича Пьянкова — малограмотного, но опытного и смелого в хозяйственных делах человека. Артель занималась неводным промыслом несколько месяцев в году — с того момента, как после ледохода река входила в берега, и до того, как появлялась шуга. За одну тонь добывали примерно 50 кг рыбы: сорожник, язь, щука, окунь¹⁰.

В том же 1930 году в мансийском селении Учинья Кондинского района была образована сельскохозяйственная артель «Красный путь». Тогда же прошло раскулачивание, у самых домовитых мужиков описали имущество и передали в колхоз¹¹.

10 ноября 1930 г. на заседании бюро Тобольского окружкома вновь в центре внимания оказался вопрос «О коллективизации на Севере», по которому с докладом выступил Берестнев, отметив, что «...вопрос коллективизации Севера за последнее время лишь начинает принимать форму движения. Вопросу коллективизации до сего времени не уделялось такого внимания, которое нужно было уделять. Перспективы коллективизации все налицо. Те рыбацкие артели, групповая охота на зверя и т.п. — они имели и имеют форму бытового объединения, но эта форма не соответствует социалистическим формам организации труда. В ряде колхозов, организованных на основных началах, до сего времени остается тот бытовой уклад организации. Для иллюстрации можно привести пример: организованный колхоз по ловле рыбы по окончании лова делит свою рыбу между членами колхоза, причем большая часть рыбы отдается большаку... В данных колхозах имеется ряд отрицательных сторон:

1. Низкая степень обобществления средств производства и незначительное накопление собственных средств.

2. Малое отличие колхозов от бытовых артелей.

3. Недостаточная организация труда, невовлечение в труд женщин, отсутствие правил внутреннего распорядка.

4. Низкая производительность труда.

5. Засоренность антисоветским элементом.

6. Неправильное распределение продукции.

7. Убыточность и закредитование отдельных колхозов.

Характер северного хозяйства и самый быт туземцев определяют формирование коллективизации на Севере»¹².

По вопросу «О коллективизации» была принята резолюция «О новых задачах советов в связи с широко развертывающейся коллективизацией». В документе отмечалось: «Широко развертывающаяся сплошная и массовая коллективизация крестьянских хозяйств, решительная политика ликвидации кулачества как класса, сопровождающаяся ожесточенной массовой борьбой, обязывает исполкомы и советы принять меры к быстрой перестройке работы советов и исполкомов округа...»¹³.

В Самаровском районе в 1930 г. в соответствии с отчетом райисполкома числилось 136 кулацких хозяйств, в 1931 — 121 (15 хозяйств были переданы в другую категорию). На VI съезде Самаровского райсовета 21 января 1931 г. отмечалось, что выселено 40 крестьянских хозяйств. Циркуляром Самаровского рика от 26 декабря 1930 г. и 11 января 1931 г. предписывалось сельским советам при раскулачивании и изъятии ценных вещей последние присылать в район. К предметам роскоши были отнесены: швейные машины, граммофоны, зеркала, стулья, диваны, шкафы,

столы, сепараторы, железные кровати, часы, ковры, барометры, гармонии¹⁴.

В 1930 году были созданы первые 5 рыболовецких артелей в отдаленном и труднодоступном Ларьякском туземном районе¹⁵. В письме в окружном от 30 ноября 1930 г. секретарь Александровского РК ВКП(б) отмечал, что в районе в декабре планируется проведение недели коллективизации. Перед райкомом существовала задача, по его словам, провести самоочищение созданных артелей от чуждого элемента¹⁶.

В.А. Зибарев писал, что к концу 1930 года кооперация охватила третью часть населения Севера¹⁷. Однако данный вывод был преждевременным: В 1930 году были созданы лишь первые артели и процесс не распространился на все население края, что признавалось и окружной властью. Так, в постановлении второго пленума Остяко-Вогульского окрисполкома отмечалось, что «вопросы колхозного строительства стали получать внимание только с организации округа, до этого не было внимания»¹⁸.

Коллективизация более активно развернулась в местах проживания оседлого и полуседлого населения в 1932 году. На 1 сентября 1932 г. в Остяко-Вогульском округе коллективизация была представлена в следующем виде:

Коммуны	Смешанные артели	Рыболовецкие артели	ППО	Всего
5	100	42	8	155

Всего в колхозах всех форм состояло 4151 хозяйство, из них туземных — 1357¹⁹, т.е. примерно треть. Именно в 1932 г., как свидетельствуют документы Нижневартковского городского архива, началось целенаправленное создание животноводческих и земледельческих колхозов в Среднем Приобье.

В 1931–1932 гг. Уралоблфинотдел провел большую работу по организации финансового хозяйства в колхозах, что диктовалось постановлением ЦК ВКП(б) от 21 августа 1931 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов». Устанавливалась обязательная отчетность по декадам, и вводились годовые отчеты. В 1932 г. облфинотдел снабдил бланками плановой и отчетной документации все колхозы округа, поставив, таким образом, под контроль их хозяйственную деятельность²⁰. Финорганы должны были обеспечить полное получение с колхозов обязательных платежей: страховка, погашение производственных ссуд, выполнение плана мобилизации средств колхозников. Тогда же в районах были сформированы финансовые отделы, которые ведали производственно-финансовыми планами и отчетами колхозов²¹.

26 июня 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе в национальных районах Крайнего Севера», в котором ЦК партии вскрывал причины искривления партийной линии в политическом, хозяйственном строительстве среди северных народов. В документе указывалось, что местные организации не создали элементарных предпосылок для коллективизации, не учли специфических особенностей и механически перенесли формы колхозного движения южных областей на Крайний Север.

1 сентября 1932 г. появилось другое постановление — «О формах коллективизации в районах народов Крайнего Севера». Здесь говорилось о недопустимости проведения сплошной коллективизации в сжатые сроки у коренных народов Севера, для них допускались лишь первичные формы производственного кооперирования²². Уровень коллективизации на Севере был самым низким — 15,2 %²³ — и свидетельствовал о том, что заявленные планы далеки от их реального выполнения.

17 декабря 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О рыболовецких колхозах». Пакет постановлений 1932 г. призван был устранить ошибки в коллективизации народов Севера и рекомендовал партийным комитетам сосредоточить внимание на организации простейших форм кооперирования. Организация артелей разрешалась только в районах с высоким хозяйственным и политическим уровнем. Во всех других районах артели предлагалось перевести на устав простейших производственных объединений. Организация коммун была категорически запрещена. В отношении зажиточной части населения подтверждалась политика ограничения и вытеснения.

В 1933 г. в деревне Больше-Тархово Ларьякского района возникла рыбартель, которая в Б-Тарховском тузсовете была первой, в нее вошли юрты Сороминские, Пылинские, Кирилкины. Председателем стал Григорий Степанович Натускин. В конце года из артели вышли Сорокинские и Пылинские юртовые хозяйства, обозначив себя как индивидуальные. В 1934 г. на базе Б-Тарховской артели был создан колхоз им. Минкояна, председателем стал А. Сигильетов²⁴.

В созданных рыболовецких артелях производственная деятельность осуществлялась по правилам, существовавшим у аборигенов испокон веку, а не так, как предписывали распоряжения колхозной системы. В этой связи Остяко-Вогульский окружком докладывал в Уралобком ВКП(б) в марте 1933 г.: «Окружком и райкомы прощли мимо стихийно и в массовом масштабе организующихся простейших производственных объединений по совместному выпасу оленей, лову рыбы (путем покупки на паях неводов). В результате этого кулаки имеют в неводе по 2–3 пая, а бедняк — половину пая или один пай, по которому фактически распределяется улов рыбы, и, таким образом, эти товарищества являются

товариществами по совместной работе на кулака. Окружком и райкомы не организовали производственного кредитования этим объединением, жизненно необходимого для вовлечения всей трудоспособной части населения в лов рыбы, улучшения материального благосостояния, борьбы с кулацкой кабалой. Этот вопрос даже не обсуждался в окружкоме и райкомах.

Больше того, недооценка и отсутствие помощи простейшим производственным объединениям в практической работе со стороны окружкома, райкомов, ячеек и советов приводит к тому, что кулак терроризирует бедноту и колхозников, а окружком и райкомы не принимают никаких мер. В Саранпауле 68 хозяйств в течение 40 дней под угрозой кулачества не выходили на сенокосение («голову косою рубить будем», — заявляло кулачество), а парторганизация и советы до приезда оргпартгруппы ничего не предприняли. Кооперирование ханты-мансийского населения в условиях всего округа не сопровождается массово-разъяснительной работой.

Основное, что кулаком используется в качестве сильнейшего орудия влияния на бедноту и середняков, это наличие у кулака и шамана лучших ягельных пастбищ и рыбо-охотпромысловых угодий, раздача бедноте на поддержание кулацких оленей и обмен этих оленей на пушнину»²⁵.

27 марта 1933 г. состоялся четвертый пленум Остяко-Вогульско-го окружкома, где, по оценке Уралобкома, работа по коллективизации была признана неудовлетворительной²⁶. Колхозы экономически были настолько слабыми, что любая хозяйственная кампания вызывала у руководства головную боль. Особо нуждающимся выдавали ссуды, но на очень короткое время, что и расплатиться не успевали, в результате чего колхозы попадали в долговую кабалу к государству²⁷.

Еще медленнее шла коллективизация в Ямало-Ненецком округе. В 1931 г. там насчитывалось всего 5 колхозов, объединявших 154 хозяйства, в 1932 г. — 12 колхозов²⁸.

Первый Ямальский окружной съезд советов²⁹ принял план коллективизации на 1932 г. В нем указывалось, что процент охвата тундровиков колхозами должен составить 12,4. Однако к концу года в колхозах оказалось меньше запланированного — 9,6%. В 12 колхозах имелось 12770 оленей, из которых 22% были обобщественными, а остальные получены колхозами за счет долгосрочных ссуд. Бедняки в колхозах составляли 74,5%, батраки — 12,7, середняки — 7,6.

В 1933 году в Ямальском округе коллективизация была представлена в следующем виде: смешанных промысловых артелей было создано 11, в них состояло хозяйств — 275; простейших производственных объединений насчитывалось 3, в них хозяйств — 34³⁰. Темпы и результаты коллективизации не устраивали ни окружное, ни областное руководство.

Необходимость разъяснительной работы среди оленеводов была очевидна. Собирали на стойбище несколько семей и через переводчика объясняли задачи текущего момента. Туземцы задавали много вопросов. Протоколы подобных собраний свидетельствуют о том, насколько мудро и просто туземцы аргументировали тезисам власти. Но, как правило, резолюции таких собраний носили одобрительный характер мероприятий советской власти и коллективизации³¹.

Основные проблемы колхозного строительства, по мнению Ямальского окружкома ВКП(б), сводились к следующему:

1. Недостаточность мероприятий, направленных на организационно-хозяйственное укрепление существующих колхозов.

2. Слабое проведение разъяснительно-массовой работы среди тундровой бедноты и середнячества по вопросу колхозного строительства.

3. Слабое ветеринарно-зоотехническое обслуживание колхозных стад.

4. Недостаточность мероприятий по подведению технической базы колхозного оленеводства.

5. Туго изживается допущенная недооценка середняка в колхозном строительстве и кулацко-шаманская агитация против колхозов.

6. Отсутствие работ по колхозному строительству в двух районах из-за слабой освоенности: Таз, Ямал.

7. Отсутствовало живое практическое руководство колхозным строительством.

8. Производственные планы в колхозах были составлены только в первый раз.

9. В основном колхозы варятся в собственном соку. Нерациональное использование рабочей силы, запутанность при распределении доходов, отсутствие премиально-сдельной оплаты труда, и главное — нет специального центра, который руководил бы колхозами, так как интегральная кооперация с ее обширными функциями трудно справляется с этим делом³².

Таким образом, коллективизация на Ямале осуществлялась со значительно большими проблемами, нежели в Остяко-Вогульском округе, что, в первую очередь, объяснялось преобладанием кочевников, которые, уйдя в тундру, становились недосыгаемыми ни для колхозов, ни для руководства района и округа.

Сравним темпы коллективизации в обоих северных округах.

Коллективизация в 1932–1934 гг. (в %)³³

Округ	1932	1933	1934
Ямало-Ненецкий	10,9	14,5	22,9
Остяко-Вогульский	41	47,2	49,2

Таблица показывает, что Ямальский округ по темпам коллективизации значительно отставал от Остяко-Вогульского, что было закономерным.

Стремление властей форсировать коллективизацию на Севере просматривается со всей очевидностью, однако наряду с ортодоксальными позициями имелись и другие, более взвешенные подходы к процессу создания коллективов.

Так, на предмет коллективизации оленеводов высказывал свое мнение А.Е. Скачко: «...поспешно и неумело проведенная «сплошная» коллективизация может в корне разорить это хозяйство (разрушив оленеводство) и обратить всех туземцев в иждивенцев государства. В настоящий момент на Севере можно и должно проводить коллективизацию, но отнюдь нельзя ставить задачу немедленной сплошной коллективизации»³¹.

Там же подчеркивалось, что самым большим вопросом оленеводства является обеспечение в достаточном количестве кадрами специалистов-организаторов хозяйства, зоотехников, ветеринаров. На первом этапе коллективизации вопрос о производстве и его проблемах практически не ставился, так как задача состояла в обобществлении стад, по наивности и по незнанию особенностей населения и его хозяйственной деятельности руководство полагало, что это удастся сделать так же быстро, как в сельскохозяйственных районах страны.

Темпы коллективизации в Ямало-Ненецком округе с 1933 по 1935 гг.³²

Годы	Всего хозяйств в колхозах	% коллективизации
1 января 1933 г.	319	11,87
1 января 1934 г.	495	18,08
1 января 1935 г.	652	23,3

Таблица показывает, что коллективизация шла медленными темпами. Справиться с кочевниками-олeneводцами советская власть не могла, и в первой половине 1930-х гг. существенного перелома в коллективизации северных районов не наступило.

В.А. Зибарев считал, что в 1933–1935 гг. перегибы в колхозном строительстве были устранены, а основной формой коллективных хозяйств у тундровых оленеводов стали простейшие производственные объединения³⁶.

Однако на деле все обстояло значительно сложнее. Колхозы создавались в течение зимних месяцев, а весной оленеводы уходили в тундру. Наблюдалось чисто формальное создание колхозов. Оче-

ты из колхозов Ямала, как удалось установить, получены только за 1934 год от 6 СПА и 14 ППТ. В отчетах представлен удельный вес в доходах от различных видов деятельности: оленеводство, рыболовство, охота, извоз, огородничество, животноводство, кустарные промыслы и др. По долевого доходу можно лишь установить преобладающее направление хозяйственной деятельности.

16 колхозов из 23 являлись преимущественно рыболовецкими, в 4 — основное занятие оленеводство, в 2 — извоз и в одном — охота³⁷. Представленные отчеты свидетельствуют, что колхозы были бедняцкие, охватывали прибрежных ненцев, живших главным образом рыбой, оленей у них было мало, а значит, решающей роли в хозяйственной жизни они не играли.

В ходе коллективизации предпринималась попытка по созданию оленеводческих и овоще-животноводческих совхозов. Государство старалось перераспределить стадо за счет единоличников и пополнить таким образом колхозное поголовье. Первым был организован Саранпаульский оленеводческий совхоз в 1931 г. в Остяко-Вогульском округе³⁸. В.Е. Иваненко в числе первых называет Надымский и Катупиганский совхозы (1931 г.)³⁹. Однако в 1931—32 гг. совхозов было очень мало, о чем хорошо свидетельствует таблица распределения поголовья оленей по секторам.

Удельный вес оленей в различных типах хозяйств (1932—33 г.)⁴⁰

Тип хозяйства	Удельный вес оленей
Совхозы	7,7 %
Колхозы	6,0 %
ППО	3,9 %
Единоличники	82,4 %

Сведения, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что в совхозах, равно как и в колхозах, имелась незначительная часть оленей.

Ниже приведенная таблица показывает число оленей в каждом из указанных типов хозяйств.

Распределение оленей по типам хозяйств в 1933—1935 гг.⁴¹

Год	Совхозы	Артели	Товарищества	Единоличники
1933	30 906	13 348	—	311 746
1934	15 824	6 389	—	263 413
1935	17 517	6 176	13 499	269 074

Какую бы динамику ни выстраивали по темпам коллективизации в те годы руководители округов, удельный вес дает ответ на

вопрос об обобществлении в ходе коллективизации: в первой половине 1930-х гг. олени оставались в руках частных.

7 августа 1934 г. Обско-Иртышский обком ВКП(б) принял постановление «О состоянии оленеводческих совхозов», в котором отмечал некоторое улучшение руководства совхозами со стороны Ямальского окружкома и неудовлетворительное руководство со стороны Остяко-Вогульского окружкома. В постановлении нашли отражение следующие положения:

1. К 1 сентября закончить переход всех пастушеских бригад на сдельно-премиальную систему оплаты труда, ввести выдачу премий за перевыполнение годовых планов оленями.

2. Укрепить пастушеские бригады парторганами.

3. Обязать заготовскот обеспечить немедленную посылку во все примочные пункты специалистов приемщиков и инструкторов по разделке туш и съемке шкур.

4. Вести борьбу со всеми видами хищений.

5. В целях поднятия квалификации немедленно развернуть подготовительные работы по проведению в зимний период курсов переподготовки с полным охватом всех пастухов и работников чумов.

6. Констатировать, что совхозы еще не стали для колхозников и единоличников образцом в ведении хозяйства»⁴².

Для поддержки оленеводческих колхозов на государственные средства приобретались олени, но сохранность стада была неважной, имелись случаи хищений.

Движение стада в колхозах

Наименование артелей и товариществ	Получено оленей с 1930 по 1935 гг.	Состояние стада на 1 января 1935 г.
«Победа»	754	584
«Нарьян-Хаер»	1555	1156
«Харп»	2320	1875
«Едай-Илер»	2209	228
«Едай-Ил»	2307	Все поголовье расхищено

Руководство и организация труда в созданных коллективных хозяйствах были слабыми. В докладной записке (1935 г.) «О состоянии и мероприятиях по дальнейшему развитию хозяйства Ямальского национального округа» говорилось: «Организация труда и распределение доходов оставались без руководства со стороны окрисполкома и риков. Даже в лучшей артели «Красный Октябрь», в которой оплата труда производится в основном сдельно, имеют

место такие ненормальности: из 139 человек, работавших в 1934 г., заработали 200 и более трудов дней только 36 человек. В разгар сенокоса 39 членов артели и 22 члена семей заготавливали сено для своего личного скота, не согласившись участвовать в общих сенокосах.

В товариществе им. Смиловича на 10 хозяйств имеется освобожденный председатель Няруй Иван, который получает из всей добычи одинаковый пай. Характерно, что рядом работающая на песке Худоби артель единоличников 8 человек никого из освобожденных не имеет, получая, таким образом, на ловца больше.

В товариществе «Едай-Сер» председатель Семлин Иван получает 2% от валового дохода. В июне получил 400 руб.

О крайней слабости организации труда в товариществах и отсутствии руководства ими можно судить по таким фактам: 5 хозяйств товарищества «Промышленник» своих оленей сдают на выпас не в стадо товарищества, а единоличникам, оплачивая по рублю с головы; в товариществе им. Куйбышева пастуху оплата производится членами товарищества натурой — 4 пуда рыбы или пуд рыбьего жира, независимо от количества голов в стаде. Никакой ответственности пастухов перед членами товарищества не установлено»⁴³.

В том же документе говорилось об организации труда в колхозах. «Учет и отчетность в товариществах почти отсутствуют. Нет простейших записей. Людей грамотных тоже нет. Содержание счетоводов во многих товариществах; да и в отдельных артелях, невозможно из-за малочисленности объединяемых хозяйств (из 32 артелей и товариществ 22 объединяют менее 20 хозяйств каждое). Форма отчетности, установленная Интегралом, слишком сложная, требует высококвалифицированного счетного работника»⁴⁴.

Начавшаяся коллективизация в СССР не обошла Север. К середине 1930-х гг. она характеризовалась началом создания простейших типов и форм коллективных хозяйств на Обь-Иртышском Севере, в то время как в земледельческих районах СССР к тому времени коллективизация в основном была завершена. Стоит заметить, что в Остяко-Вогульском округе процесс создания колхозов шел несколько быстрее, чем на Ямале, что объясняется различиями в населении и его хозяйственной деятельности. Оленеводы-кочевники оставались вне колхозов, как бы того ни желали органы власти.

По хозяйственной деятельности можно определить, что в первые годы коллективизации преобладали артели смешанные, занимавшиеся рыболовством, охотой и сельским хозяйством. Крестьянская ссылка на Север и упрочение тоталитарного режима в стране создавали необходимые условия для переустройства хозяйства Севера по социалистическому пути. Во второй половине 1930-х гг. коллективы на Севере станут основной формой хозяйствования.

- ¹ ППТ — простейшие производственные товарищества — формы первичных коллективных объединений на Севере.
- ² *Киселев Л.Е.* КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917—июнь 1941 гг.). Дисс... д.и.н. Тюмень, 1980. С. 314.
- ³ *Загороднюк Н.* Деревья в «год великого перелома» // Югра. 1997. № 11. С. 24.
- ⁴ *Базаров А.* Ненцы всех стойбищ, соединяйтесь! // Югра. 2000. № 12. С. 48.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. ЛЛ. 132–132об.
- ⁶ ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 675. Лл. 1; 16.
- ⁷ ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 790. Л. 20.
- ⁸ ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 790. Л. 294.
- ⁹ Там же. Л. 344.
- ¹⁰ Неводьба на Конде. Югра. 1993. № 4. С. 19.
- ¹¹ *Северская Т.* Две истории, одна судьба // Новости Югры. 2001. 18 октября.
- ¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 346. Л. 9.
- ¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 347. Л. 29.
- ¹⁴ *Набокова Л.* «Я причислен к классу кулаков» // Новости Югры. 2001. 20 октября.
- ¹⁵ ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 12.
- ¹⁶ ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 9.
- ¹⁷ Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.). Томск. 1968. С. 199.
- ¹⁸ ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 34.
- ¹⁹ ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 31.
- ²⁰ НГА. Ф. 7. Оп. 3. Д. 3. Л. 60–61.
- ²¹ ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 100. ЛЛ. 3–31.
- ²² *Кантор Е.* Север зовет // Революция и национальности. 1932. № 10–11. С. 35.
- ²³ *Никитин Д.Н.* Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930–1937 гг.) Дисс... к.и.н. М., 1997. С. 237.
- ²⁴ *Галкина К.* Журавлиные юрты // Югра. 2000. № 4. С. 48.
- ²⁵ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Тюмень, 1994. С. 205–207.
- ²⁶ ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 94. Л. 40.
- ²⁷ ЦДНИТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 124. Л. 26.
- ²⁸ *Петрова В.П., Харючи Г.П.* Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск. 1999. С. 69.
- ²⁹ Первый Ямальский (национальный) съезд советов состоялся 27 февраля — 4 марта 1932 года в с. Обдорске.
- ³⁰ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 9.
- ³¹ Например, собрание, состоявшееся 21 июля 1932 г. в местности Сабетто-Ягаторка, постановило, несмотря на дискуссию, одобрить взятую линию партии и советской власти в деле переустройства хозяйства Севера. См.: Судьбы... С. 196–197.
- ³² ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.
- ³³ *Ретунский В.Ф.* Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири (1917–1937 гг.). Дисс... к.и.н. Горький, 1967. С. 315.

- ³⁴ Новицкий В. На путях социально-технической реконструкции оленеводства Уральского Севера // На социалистической стройке. 1931. № 5-6. С. 9.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ В простейших производственных объединениях обобществление средств производства не проводилось. Промысловые орудия складывались лишь на время промысла. Олени объединялись для совместного выпаса, остальные члены ППО занимались рыболовством и охотой. См.: Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 78-79.
- ³⁷ ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Лл. 3-4.
- ³⁸ Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов). Дисс... к.и.н. Омск, 1957. С. 153.
- ³⁹ Иваненко В.Е. Животноводство Ямало-Ненецкого округа // Словцовские чтения — 2000. Тюмень, 2000. С. 187.
- ⁴⁰ Гашко Б. Оленеводство на Обском Севере // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 7-8. С. 65-67.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3305. Лл. 210-211.
- ⁴³ ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 6.
- ⁴⁴ Там же.

Н. Н. Троценко

О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов

X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., намечая программу помощи отсталым народам страны, поставил задачу: помочь им развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям¹.

Разработанная в 1923 г. реформа по экономическому районированию обусловила создание на Обском Севере новых административных районов. Декретом ВЦИК от 12 ноября 1923 г. «О границах и административном делении Уральской области» произошло оформление нового экономического района — Уральской области. Важнейшей особенностью Урала было своеобразное географическое положение как области, находящейся на стыке азиатской и европейской частей страны, что облегчало его межрайонные связи с западными, восточными и южными районами по снабжению их изделиями металлургической и химической промышленности, освобождая от решения этой задачи старые индустриальные центры. Сама же Уральская область, как отмечал Госплан, была организована как «мощный хозяйственный комбинат, в котором административные границы обеспечивали нормальное внутреннее кровообращение руды, леса, угля, овса, хлеба»².

Дальнейшее экономическое развитие Обского Севера неразрывно связано с пребыванием в рамках Уральской области, которая была создана из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской губерний³ и условно разделена на 4 зоны: Предуралье, Зауралье, Горнозаводской Урал, Тобольский Север.

Территория области составляла 1 млн. 661 кв. км, а территория Тобольского округа — 1 млн. 168 тыс. кв. км, т. е. 2/3 территории всей Уральской области.

По данным переписи 17 декабря 1926 г., на территории области проживало 6,8 млн. человек, в том числе: в Предуралье — 1,9 млн. человек, в Горнозаводской полосе — 1,5 млн. человек, в Зауралье — 3,2 млн. человек и на Тобольском Севере — 192 тыс. человек⁴.

В состав области входили 16 округов, 205 районов, 87 городов и 3100 населенных пунктов. Административным центром Уральской области считался город Екатеринбург (с 1924 г. — Свердловск), в котором находились такие органы управления, как областной съезд Советов, облисполком Уральского областного Совета, и функционировал Уральский областной комитет ВКП(б), в руках которого находилась реальная власть⁵.

По мнению историка М.Е. Бударина, в 1920-х годах в северных районах Уральской области началось национальное строительство, которое выразилось в целой системе мероприятий советской власти по развитию и укреплению хозяйства у народностей ханты, манси, ненцев по реконструкции оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла.

В январе 1924 г., после рассмотрения постановлений Обдорского райисполкома о том, что современное состояние оленеводства, рыболовства, пушного промысла Обского Севера характеризуется чрезвычайно низким как валовым, так и товарным выходом продукции, нерациональными методами ведения хозяйства, советским правительством было решено создать в июне 1924 г., после упразднения Наркомнаца, Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера при ВЦИКе) с целью ликвидации хозяйственной отсталости на Крайнем Севере. Он должен был содействовать «планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях». В 1925 г. постановлением ВЦИК были образованы местные комитеты содействия народностям северных окраин при Сибревкоме и исполнительных комитетах советов Уральской области⁶.

Уральский обком ВКП(б) и Тобольский окружком партии предложили объединить все торгово-заготовительные операции в руках Североюгоза и Госторга.

В частности, в резолюции XV съезда партии указывалось: «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости их экономической отсталости, соответственно, предусматривая более быстрые темпы развития их экономики»⁷.

Местные советы взялись за налаживание плановой хозяйственной жизни Севера с середины 1920-х годов, когда в основном завершилось восстановление промыслового хозяйства и был впервые составлен план снабжения Тобольского Севера, предусматривавший завоз различных товаров.

Для начала было решено начать переустройство с улучшения материального положения северных народностей и принятия мер по рационализации промыслового хозяйства. Важнейшим средством

перестройки их хозяйства и быта явилась торгово-кооперативная политика. В 1924–1925 годах на Крайнем Севере в различных формах началось вовлечение промыслового населения в первоначальное кооперирование. Первые кооперативные объединения ханты, манси и ненцев возникли на базе факторий. Кооперация на Крайнем Севере вначале была в основном потребительской и снабженческой. Она поставляла охотникам, рыбакам и оленеводам Обско-го Севера продукты питания, орудия лова, боеприпасы и скупала у них наряду с пушиной рыбу, сало, орехи, ягоды и т.п., тем самым избавляя их от торговых посредников. В октябре 1925 г. ВЦИК и СНК СССР освободили кооперации малых народностей от всех прямых общегосударственных налогов и сборов.

С введением кооперации начинается налаживание плановой хозяйственной жизни Севера. Снабжение малых народностей ВЦИК и СНК РСФСР возложили на Сибревком. Он был обязан составлять сметы снабжения с учетом потребностей населения и обеспечивать их реализацию. В 1925–1926 гг. впервые был составлен план снабжения Тобольского Севера различными товарами. С целью реализации товаров в 1926 г. открываются первые 3 хлебозапасные магазины. — в Леушах, Югане и Кушавате. Затем магазины организовываются в Сартынье, Тазовске, Полновате, Обдорске, Хэ и других пунктах. Всего было открыто 15 магазинов. Они снабжали местное население мукой, сахаром, чаем, солью, охотничьими припасами и иногда выдавали товары в кредит. Например, с 1 июня 1927 г. президиум окрисполкома принял постановление отпустить в кредит 8,2 тысячи пудов ржаной муки из фондов кушеватского, полноватского и леушинского магазинов. Была оказана помощь более 1500 семей⁸. В таких условиях ханты в Югане говорили: «Если новая власть дает магазины и деньги на хлеб, значит, она хорошая»⁹. Создание магазинов позволило улучшить, расширить ассортимент товаров, устранить из торговли спиртные напитки и снизить стоимость привозимых товаров.

Наряду с потребительскими обществами, занимавшимися снабженческо-сбытовой деятельностью, широкое распространение получили рыболовецкие и охотничьи артели. — сезонные объединения, в которых промысловые орудия не обобществлялись, а лишь соединялись на время промысла¹⁰.

Однако в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, или кооперации смешанного типа, выполнявшей торговые, кредитные и производственные операции.

В июне 1927 г. отраслевая кооперация в северных районах была реорганизована в интегральную (смешанную) кооперацию, совмещавшую снабженческо-сбытовые и кредитные функции, и

касалась всех отраслей северного хозяйства. Спустя год, в июне 1928 г., президиум ВЦИК и СНК РСФСР утвердил положение об интегральных союзах, осознав их экономическую выгоду в условиях территориальной разбросанности и изолированности мест расселения северян, плохих путей сообщения, относительной редкости торговой сети и острой нехватки кадров организаторов, знакомых с бытом и национально-экономическими особенностями коренного населения¹¹. Одним из первых появился сургутский «Интеграл», который по госплану должен был сдавать 270–300 тонн лущеных кедровых орехов¹². Всего на Обском Севере было образовано во главе с тобольским Интегралсоюзом 14 интегральных кооперативов с 21 отделением, объединяющих 3554 человека из народов Севера¹³.

Интегральная кооперация подготовила необходимые предпосылки для развертывания массовой коллективизации на Севере. В 1929–1930 годах часть малых народов Севера вступила на путь коллективизации, которая у народностей Севера проходила при сохранившейся общинной собственности на землю; коллективных формах труда, элементах коллективного распределения и коллективного владения некоторыми средствами производства.

Целенаправленная работа по коллективизации получила свое оформление в решениях бюро Тобольского окружного комитета партии уже в 1930 г. На заседании бюро окркомитета ВКП(б) от 10 ноября 1930 г. по вопросу о коллективизации на Севере была принята резолюция «О новых задачах советов в связи с широко развертывающейся коллективизацией». На заседании отмечалось, что «Перспективы коллективизации явны. Рыбачьи артели, групповая охота на зверя и т.п. — они имели и имеют форму бытового объединения, но эта форма не соответствует социалистическим формам организации труда»¹⁴. Сначала главной формой коллективных хозяйств были простейшие производственные объединения (ППО), экономической основой которых было объединение промысловых угодий и совместное их использование группой семейств, но без обществления средств производства: оленей, сетей, неводов; лодок. ППО охватили почти все отрасли труда: оленеводство, рыбный промысел, пушные заготовки, лесосплав, сбор ягод, орехов. В ППО стали создаваться производственные бригады, применяться новые орудия производства, новая техника: катера, моторные лодки, невода с механизированной тягой.

Отличительными чертами ППО был временный характер объединения и коллективный труд в какой-нибудь одной ведущей отрасли хозяйства.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов на Обском Севере стали создаваться первые колхозы. Например, в 1929 г. на органи-

зационном собрании сургутяне приняли решение об организации колхоза «Красный северянин». Первыми в списке числились крестьяне села Э.Д. Кугаевский, П.А. Силин, С.Е. Кайдалов, П.Ф. Меньшиков¹⁵. В 1930 г. на месте сегодняшнего Нижневартовска был организован колхоз «Красное Знамя» во главе с председателем Николаем Тимофеевичем Слинкиным. В него вошло 40 крестьянских хозяйств. В коллективе насчитывалось 200 колхозников. Основным направлением коллективного хозяйства было мясо-молочное, но одновременно колхозники ловили рыбу, выращивали рожь, овес, овощи, картофель. Колхозники строили избышки в тайге и ставили срубы для заготовки ягод, грибов и для охоты¹⁶.

Чаще всего инициаторами вступления в колхозы были бедняки. Ямальский ненец Нехэця Няравэй в своем заявлении на собрании в стойбище Това Погол Приуральского района отметил: «Сколько в одиночку ни жили, ни работали, а богатства своим трудом не нажили. За нас хорошо жили кулаки и шаманы. Надо и время объединиться в колхоз». Батрак Николай Антонов сказал на собрании: «Я приветствую Советскую власть и партию за то, что они вывели бедняков и батрачество из кабалы кулака и дали нам возможность самим устроить свою жизнь. В коллективизации я вижу способ, через который бедняки и батраки смогут поднять свое хозяйство»¹⁷.

Ведущей отраслью сельхозпроизводства было земледелие, в котором преобладало зерновое направление, составлявшее 9/10 продукции полеводства. Основными зерновыми культурами являлись: рожь, пшеница, овес, ячмень. Наиболее высокая урожайность была в Тобольском округе не только среди округов тюменского региона, а в целом по Уральской области. Например, урожайность по ржи в округе составила в 1928 г. 86,8 пуда с 1 десятины, а в области — 59,8 пуда; по пшенице — 81,6 п, соответственно, 59,5. Основными производителями сельхозпродукции выступали крестьяне-единоличники. Подавляющее большинство составляли середняки — 69,9%. Все сельхозработы выполняли в основном вручную. Машин и сложного сельхозинвентаря почти не было. Например, в уборке урожая в Тобольском округе на долю ручного труда приходилось 99,4%, в Тюменском — 67,69%, а в Ишимском — 35,49%.

Значительную роль в сельхозпроизводстве играло животноводство. Основными видами скота являлись: крупный рогатый скот, лошади, овцы, свиньи. В районах дальнего Севера местное население разводило оленей. По количеству скота Ишимский округ был первым в Уральской области. К началу первой пятилетки в нем насчитывалось 3 895 536 голов скота.

Однако за годы сплошной коллективизации (1930–1932 гг.) ситуация в сельском хозяйстве резко ухудшилась. Форсированная кол-

лективизация не оправдала надежд партийного аппарата на повышение производства сельхозпродукции. В Уральской области спад сельскохозяйственного производства к концу первой пятилетки, по сравнению с ее началом, выразился в уменьшении более чем в два раза поголовья скота и в сокращении на 1/4 валового сбора зерна¹⁸.

В 1931–1932 годах велась активная работа по организации заготовок пушнины, кожсырья, рыбы, дичи, ягод, ореха, пуха и пера в северных районах Уральской области. Заготовки велись через заготовителей, представлявших те или иные кооперативные организации. Как правило, заранее, до охотничьего сезона или перед путиной, с охотниками и рыбаками заключались обязательства по поставке определенного количества продукции (так называемая контрактация) — под расписку. Затем, когда продукция была сдана, на нее выдавали справку, в редких случаях — денежный аванс, а чаще всего заводили книжку, в которую заносили записи о количестве сданной продукции. Для каждого вида продукции существовал специальный учет: пушнина исчислялась в рублях, дичь боровая — в парах, водоплавающая — весом, кожи — штуками, ягоды, грибы, орехи — весом¹⁹.

Особое место среди поставок продуктов питания отводилось рыбе. За каждую пятидневку зимнего лова в Тобольском округе отлавливалось 10 000 центнеров рыбы. Заготовки рыбы исчислялись по годам в следующем виде: 1928–29 гг. — 44290 тонн, 1929–30 гг. — 57555 тонн. Из приведенных цифр видно, что заготовки в 1930 г. возросли по сравнению с предыдущим годом на одну четвертую.

Всего же пятилетним планом хозяйственного развития Урала предусматривалось довести лов рыбы в 1932–33 гг. до 90000 тонн, из которых 80000 тонн должны были быть получены из Тобольского округа. Расценки заготовителей на рыбу были крайне низкими. Например, в Александровском районе за сданную рыбу платили по 10 рублей за центнер, в то время как на рынке в Екатеринбургe рыба стоила значительно дороже (в 16–19 раз). Так, на рынке пуд окуня стоил 9 рублей 60 копеек, а заготовителю на Севере он обошелся в 57 копеек; пуд язя — 19 рублей 20 копеек, а для заготовителя — 90 копеек. В целом план по рыбозаготовкам на Тобольском Севере в 1932 г. был выполнен всего на 76,3%, так как требования по плану были слишком высокими и рыбаки были недостаточно снабжены материалами для ловли: не хватало неводов, сетей, лодок. Заготовки пушнины в этом же году исчислялись суммой 7791,5 тысячи рублей, что составило 111,6% плана²⁰.

Иногда туземцы противились сдаче заготовленной продукции и настаивали на том, чтобы их рассчитывали если не деньгами, то хотя бы водкой или листовым табаком.

Таким образом, к концу первой пятилетки северные районы Уральской области, активно вовлекаясь в систему государственных заготовок и поставляя ценное сырье и продукты питания, практически не получали за это вознаграждения или же поощрялись очень скромными по размерам премиями.

1 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» и указал на организацию там только первичных форм производственного кооперирования.

По статистике, к концу 1932 г. в Ханты-Мансийском округе всеми видами коллективизации было охвачено 4134 хозяйства (42% общего числа хозяйств). В Ямало-Ненецком округе кооперированные хозяйства составляли 25% общего числа хозяйств. Часть хозяйств была объединена в северные смешанные промысловые артели.

Экономические преобразования, вылившиеся в создание колхозов и крупных промышленных центров на Обском Севере, способствовали консолидации небольших, в прошлом изолированных народностей, таких, как ханты, манси, ненцы.

В результате изменений, происшедших в северном хозяйстве за 1920-е годы, были созданы условия для постепенного перехода к социалистическим формам труда, для преобразования традиционных производственных отношений малых народностей и реконструкции оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла. Появились первые коллективные объединения (кооперация, интегральная кооперация, колхозы), доказавшие целесообразность совмещения в одних руках разнообразных функций по обслуживанию северного хозяйства. В 1927–1930 гг. на Севере было создано 8 окружных и 9 районных интегральных союзов, 134 товарищества и 389 магазинов²¹.

Централизация экономики была выгодной в условиях территориальной разбросанности и изолированности мест расселения северян, плохих путей сообщения, относительной редкости торговой сети и отсутствия кадров, знакомых с бытом и национально-экономическими особенностями коренного населения.

К концу первой пятилетки народы Обского Севера принимали активное участие в поставках продукции государству, уплате налогов и сборов, приобщались к земледелию и скотоводству.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Ч. 1. Изд. 7-е. 1953. С. 559.

² Личман Б.В. Управление Уральской областью (20–30-е гг. XX в.) // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 451, 452, 453.

³ Алексеева Л.В. Административно-хозяйственное управление в северных районах Уральской области (1923–1934 гг.) // Барташевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 2000. С. 234.

- ¹ *Киселев Л.Е.* От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974. С. 102–104.
- ² *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Курган, 1998. С. 3.
- ³ *Алексеева Л.В.* Административно-хозяйственное управление в северных районах Уральской области (1923–1934 гг.). С. 234–235.
- ⁴ *Зибарев В.А.* Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968. С. 63–64.
- ⁵ *Киселев Л.Е.* Указ. соч. С. 101.
- ⁶ *Бударин М.Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. С. 170.
- ⁷ *Зибарев В.А.* Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968. С. 75.
- ⁸ *Зибарев В.А.* Указ. соч. С. 70, 75.
- ⁹ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 287.
- ¹⁰ *Мазуренко Г.А.* Торжество национальной политики коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961. С. 27, 28.
- ¹¹ *Алексеева Л.В.* Экономическое развитие северных районов Уральской области (1923–1934 гг.) // *Западная Сибирь: История и современность. Краеведческие записки.* Вып. 3. Екатеринбург, 2000. С. 78.
- ¹² *Петрова Л.В., Показаньев Ф.Я.* Сургут. Свердловск, 1987. С. 44–45.
- ¹³ *Алексеева Л.В.* Документы Нижневартковского городского архива свидетельствуют, или Хозяйство северных районов Уральской области в 1930–1932 гг. // *Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 3-х краеведческих чтений.* Нижневартовск, 1999. С. 54–55.
- ¹⁴ *Киселев Л.Е.* Указ. соч. С. 151.
- ¹⁵ *Алексеева Л.В.* Сельское хозяйство Тюменского, Тобольского и Ишимского округов Уральской области в годы первой пятилетки // *Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы краеведческих чтений, посвященных 25-летию г. Нижневартовска.* Нижневартовск, 1997. С. 3, 4.
- ¹⁶ *Алексеева Л.В.* Документы Нижневартковского городского архива свидетельствуют... С. 53–54.
- ¹⁷ *Алексеева Л.В.* О заготовках продуктов и сырья на Тобольском Севере в конце 1920-х — начале 1930-х годов // *Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 2-х краеведческих чтений.* Нижневартовск, 1998. С. 18–19.
- ¹⁸ *Увачан В.Н.* Переход малых народов Севера от родового строя к развитому социализму // *Летопись Севера.* Т. VIII. / Под. ред. С.В. Славина и др. Москва, 1977. С. 26.

Н. Еськова

«Большая нефть» Югры 60-х — начала 80-х гг.

Картина побед и огромных просчетов в освоении топливно-сырьевых источников страны, а также особенности функционирования народно-хозяйственного механизма и методов его регулирования наиболее рельефно просматриваются в таком регионе, как Тюмень, масштабы открытия резервов которой превзошли самые смелые ожидания, произведя настоящую сенсацию в мире.

Первый этап поисковых работ приходится в тюменском крае на 1937–1953 гг. В это время были начаты и успешно завершены изыскательские работы по исследованию недр. Если в начальный период они носили эпизодический характер, то с декабря 1947 г. технический совет Министерства геологии СССР принял решение о целесообразности бурения опорных скважин (дающих представление о разрезе верхней части земной коры) в районе среднего течения и устья Ваха¹.

Спустя три года видные геологи, геофизики, нефтяники называли Западно-Сибирскую низменность, где были заложены Ларьякская и другие скважины, одной из наиболее перспективных². В 1952 г. начальник Северной геологической экспедиции Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР В.А. Николаев, обобщая материалы опорного бурения возле Ларьяка и Покура, писал о вероятности открытия тут нефтяных и газовых месторождений³.

Второй этап (1953–1964 гг.) был связан с получением промышленных фонтанов газа и нефти, открытием ряда газовых и нефтяных месторождений, имевших поистине всемирно-историческое значение. В сентябре 1953 года мощный фонтан газа дала скважина в поселке Березово. В феврале XX съезд КПСС в «Директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг.» утвердил основные направления поисков нефти и газа, акцентировав внимание на Березовское газовое месторождение⁴. В начале 60-х годов буровые работы ознаменовались целым «букетом» открытий. В 1960 г. на берегу р. Мульбыи, близ поселка Шаим, дал о себе знать первый в Приуралье и во всей Сибири нефтяной фонтан с суточным дебитом около 300 т, предопределивший создание на территории Тюменской области главной топливно-энергетической базы страны.

Мегионская сейсмпартия Ю.Д. Гирявенко выявила и подготовила под глубокое разведочное бурение площадку, где заложили Мегионскую Р-1 (разведочную первую) скважину⁵. На берегу заросшей кедровиком таежной протоки стали размещаться буровики, в том числе прославленная бригада Г.И. Норкина.

По воспоминаниям Григория Ивановича, буровики с семьями выгрузились на берегу Меги, у маленького поселка, где жили ханты. Одни разместились в начальной школе, другие — в палатках на берегу, третьи сняли квартиры⁶. «Несмотря на суровый климат, никудашные поначалу бытовые условия, плохое снабжение продуктами, — вспоминал Г.И. Норкин, — никто не спавал, не струсил, а главное — не роптали наши семьи, не жаловались, что завезли мы их в такие глухие «необжитые места»⁷.

В марте 1960 г. было завершено бурение Мегионской скважины, а потом и Нижневартовской. Испытания не могли начать из-за отсутствия насосно-компрессорных труб. Но уже в ноябре получили первые фонтаны нефти на Баграсе, и хотя суточный дебит достигал 1 т, и после этого испытания затягивались из-за отсутствия котла⁸.

Ларьякцы помогли геологам всем, чем могли. Нижневартовский, Ларьякский, Корликовский рыболовецкие кооперативы снабжали их продуктами, колхозы выделяли лошадей и оленей упряжки, строились балки для сейсмических партий. Несколько раз в год к нефтеразведчикам выезжала агиткультбригада во главе с секретарем райкома И.П. Сармановым.

Все жили ожиданием мегионской нефти. Всеми владело предчувствие, что большая нефть вот-вот пойдет. Поздним вечером 20 марта 1961 г. радист В. Жданов принес начальнику сургутской экспедиции Ф.К. Салманову радиограмму с буровой: «Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 т в сутки. Высочинский. Тепляков»⁹.

Значение мегионского открытия было исключительно велико. Оно положило начало новому, второму в области (после Шанма на берегу реки Конды) нефтеносному району¹⁰. На берегу Баграса нефть впервые добыли из меловых отложений, чрезвычайно распространенных в Западной Сибири¹¹. Севернее и западнее Мегиона были вскрыты Ватинское и Северо-Покурское месторождения, содержащие по два пласта песчаников с промышленной нефтью¹².

В марте 1961 года пробуренная бригадой Г.И. Норкина первая разведочная скважина на мегионской площади дала нефть. Венцом поисков стал конец 1961 года, возвестивший о рождении сургутского нефтяного района со своей «жемчужиной в короне» — Усть-Балыкским месторождением¹³.

С 1964 года начинается третий этап, связанный с ускоренным освоением выявленных залежей нефти, созданием необходимой

базы для быстрого наращивания объемов добычи. Быстрыми темпами, преодолевая небывалые трудности с суровым климатом, заболоченностью и затопляемостью территории, отсутствием транспортных путей постоянного пользования, велась организация добычи нефти. С марта 1964 года были освоены и введены в промышленную эксплуатацию уникальные Мегнионское, Западно-Сургутское, Ватинское (1965 г.)¹⁴, Правдинское (1967 г.) и Самотлорское (1969 г.) месторождения нефти¹⁵.

Осваивать нефтяную целину тюменского края приехали как романтики, так и настроенные быстро заработать из 43 нефтедобывающих районов страны — Азербайджана, Башкирии, Поволжья, Татарии, Украины.

Первыми были бригады Героев Социалистического Труда. Р.К. Алдаярова (Башкирия), А.Г. Тимченко из Татарии, Ф. Салманова (Баку). Не было и дня, чтобы областное радио и телевидение не вешали о Самотлоре, «пульс» которого диктовал цену барреля на мировом рынке.

Самотлор зазывал, манил, завораживал. «Околдованные» им люди искали укрытия, убежища под любой крышей, изобретая, строя балки, лишь бы укрыться от непогоды, обогреться и отдохнуть. «Буровые работы велись на честном слове», — признавал начальник организованной в 1957 г. Сургутской нефтеразведки легендарный Ф.К. Салманов. Еще в начале 50-х он побывал в Сибири, будучи студентом Азербайджанского индустриального института, на преддипломной практике¹⁶. Фармана Салманова по праву считали первооткрывателем Сургутского, Усть-Балыкского, Мегнионского и Правдинского нефтяных месторождений. При нем строились города Нефтеюганск, Ханты-Мансийск, Нижневартовск и Горноправдинск. «Многим из разведчиков жаль было расставаться с югом, — вспоминал буровой мастер из Мегнионской нефтеразведочной экспедиции С.А. Малыгин, — но нефть и газ были на Севере, туда и устремили внимание и усилия»¹⁷.

Успешные методы экономического стимулирования предприятий позволяли повышать производительность труда, снижая затраты, приходившиеся на 1 т нефти, себестоимость которой составляла 23 руб.)¹⁸.

Именно тогда форсированными темпами велось создание материально-технической базы строительной индустрии. Были сооружены крупнейшие предприятия, такие, как сургутский завод железобетонных изделий, надымский комбинат ячеистого бетона и завод крупнопанельного домостроения.

Срочным порядком строились комплексно-сборные пункты нефти и газа (КСП), компрессорные станции. В тесном сотрудничестве с учеными СО АН СССР, специалистами «Гипротюменнефте-

газа» была разработана обширная программа автоматизации отрасли. К началу X пятилетки 12 месторождений были комплексно автоматизированы¹⁹. В конце 1971 — начале 1972 годов на дожимной насосной станции ДНС-1 смонтировали систему промышленной автоматики и телемеханики «ПАТ-нефтяник», а затем ввели в строй линии электропередачи — в 1970 году введена в действие ЛЭП от Сургута до Нижневартовска²⁰.

На дрожжах нефтяного бума поднимались города. За все годы освоения нефтяных и газовых месторождений в тюменском регионе появились 14 городов, крупнейшими из которых стали Нижневартовск и Сургут. Такого размаха градостроительства не знало ни одного государство в мире!

«То, что в старых нефтяных районах — Азербайджане, Башкирии, Татарии — достигалось за десятки лет, нам приходится делать за три-четыре года, — многократно подчеркивал Роман Иванович Кузоваткин, начальник управления «Мегионнефть»²¹. Зеленым мальчишкой пришел он на промысел Самотлора с дипломом сызранского техникума. За два десятка лет прошел все ступени трудовой деятельности: от рабочего до заведующего промыслом. Под его руководством поднялся из неблагоустроенного, холодного поселка город Нижневартовск²². «Квартирные дразги, нескончаемый поток командированных, очереди на детские сады, строительство школ, больниц, магазинов, столовых, складских помещений, — вспоминал главный свидетель освоения Самотлора В.Д. Салмин, — все это обрушилось на выносливые плечи Кузоваткина»²³.

Десять лет Роман Иванович посвятил Нижневартовску. Жители города и района, отечественные и зарубежные гости с любовью называли Кузоваткина «Самотлор Иванович», или проще — «Самотлорыч». Развитие города, проблемы горожан всегда были его первостепенной заботой.

Стремительные темпы получения сырья были «экономически и политически обоснованы». В отчетном докладе XXVI съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев особо выделил «в качестве задачи первоочередной экономической и политической важности... быстрое увеличение добычи сибирских нефти и газа. Месторождения западносибирского региона уникальны. Наиболее крупные из них — Уренгойское месторождение газа и Самотлорское нефти — отличаются такими гигантскими запасами, что на протяжении многих лет могут обеспечивать как внутренние потребности страны, так и экспорт, в том числе в капиталистические страны. Добычу газа и нефти в Западной Сибири, их транспортировку в европейскую часть страны предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы XI, да и XII пятилеток»²⁴.

Газета «Правда» от 2 февраля 1975 г. писала: «Нефть Самотлора идет сегодня в Баку и Грозный, на заводы Башкирии и Татарии — в республики, которые два последних десятилетия являлись основными в стране базами добычи нефти. Каждая четвертая тонна нефти начинает свой путь с берегов Оби. 15 лет потребовалось Татарии, чтобы довести годовой уровень добычи нефти до ста млн. тонн. Сибиряки превысили стомиллионный рубеж всего за четыре года!»²⁵

Для форсированной добычи нефти и газа и подачи в центр страны шло ускоренное строительство нефте- и газопроводов большой протяженности. В связи с этим принято решение о строительстве и вводе в действие пяти крупнейших магистральных газопроводов: Западная Сибирь — Центр, экспортного газопровода Уренгой — Ужгород, нефтепроводов диаметром 1220–1420 мм Самотлор — Альметьевск, Самотлор — Куйбышев. На ноябрьском (1981 г.) пленуме ЦК КПСС эти газотранспортные магистрали названы центральными стройками XI пятилетки²⁶.

Ударную эстафету принимали подрядные организации строившихся магистралей, комсомольско-молодежные организации. Социалистические соревнования становились «особым инструментом» и в подхлестывании производительности труда, высоких технико-экономических показателей. Коллективы буровых бригад-вахт соревновались за достижение максимальной проходки в месяц, за смену, за достижение рекордной коммерческой скорости, бригады освоения — за максимальную отдачу скважины²⁷. Коллективы управлений и бригад включились в соревнование за быстрейшее достижение суточной добычи ни много ни мало 1 млн. т тюменской нефти в сутки (!). Приказом-постановлением от 19 мая 1981 г. № 209 администрация Нижневартовского района и буровой комитет объявили социалистическое соревнование среди коллективов бригад за право несения Почетной вахты за ускорение добычи 1 млн. т нефти и 1 млрд. куб. м газа в сутки²⁸.

Детально разрабатывались условия социалистических соревнований, подводились ежеквартальные итоги, победителям вручалось переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, имена отличившихся заносились на Доску почета, «подключался» механизм материального стимулирования²⁹.

Ударно трудились бригады бурения под руководством таких асов, как Г.М. Левин, Г.К. Петров, В.В. Китаев, В. Глебов. Владимир Салмин вспоминал работу молодого мастера В.В. Китаева: «Он тщательно изучал новинки и приучал ребят знать предельные возможности машин и механизмов. Бригаде неоднократно поручали испытания нового оборудования, которое она успешно осваивала, ежегодно наращивая темпы проходки скважин. За достигну-

тые успехи в 1981 г. на груди молодого бурового мастера рядом с комсомольской наградой — Почетным знаком ЦК ВЛКСМ — сиял орден Трудового Красного Знамени»³⁰.

Темпы разбуривания только одного Самотлорского месторождения (где сосредоточено 60% всей отечественной нефти) практически в 1,5 раза превышали задания, предусмотренные пятилетними планами. Это обеспечивало более высокие темпы добычи и проходки скважин. Так, в период с конца 60-х — начала 80-х гг. СССР получал от экспорта только самотлорской нефти 200 млрд. долларов при стоимости тонны экспортной нефти 250 долларов³¹.

Нефтедоллары оказали явно негативное влияние на нашу промышленность, поскольку руководство Советского Союза, фактически превращавшегося по своей экспортной структуре в развивающуюся страну, имея весьма крупный источник постоянных валютных поступлений, не считало нужным изыскивать внутренние ресурсы решения проблем в промышленности и аграрном секторе, а попросту «выдаивало нефтяную корову». Так, если в 1969–1970 гг. объем нефти в общем экспорте составлял 11,8 и 11,5%, то в 1971 г. — 13,3%, в 1972 г. — 13,0%, в 1975 г. — 24,6%, в 1979 г. — 34,2%, в 1981 г. — уже 37,8%³².

Поскольку нефтяное топливо в начале 80-х годов уже превышало 50% торгового баланса, то СССР, таким образом, стал слаборазвитой в промышленном отношении страной³³. Кроме того, количество полученной в результате экспорта нефти твердой валюты было значительно ниже фактической стоимости всей экспортировавшейся нашей страной нефти, до половины нефтяного экспорта было ориентировано на страны — сателлиты Советского Союза³⁴.

Таким образом, богатство нашей страны в нефтяной области сыграло с ней злую шутку. Массовый экспорт нефти фактически работал против ее национальных интересов (вспомним в связи с этим, что одна из богатейших по своим нефтяным ресурсам страна — Кувейт — проводила политику значительно более экономного расходования своего «черного золота», сознательно сохраняя эти запасы для будущих поколений)³⁵.

Стремление к максимальному увеличению экспорта нефти при минимальных издержках привело к тому, что закачивание воды в нефтяные скважины с целью быстрее получения нефти приняло колоссальные размеры. Подобная технология, когда сильнейшей коррозии подвергается нефтепровод, пропадает много нефти (что приводит в дальнейшем к ее большому сокращению), приносила мнимые выгоды, но была абсолютно вредоносной с точки зрения правильно понятых стратегических интересов страны.

За 1984 г. непроизводительные расходы и потери по министерству составили 308,4 млн. рублей, и почти десятую их часть со-

ставляли потери от аварий, оргпростоев и брака в работе буровых организаций (УБР по Самотлору) — 34,2 млн. рублей³⁶.

Буровыми организациями отрасли не выполнялись плановые задания по проходке скважин как в эксплуатационном, так и в разведочном бурении*. Не выполнялись планы ввода в эксплуатацию 1246 км нефтепроводов, 1611 км газопроводов, 1090 тыс. м³ нефтеемкостей, 15 насосных станций (по Самотлору)³⁷.

Оценивая осложнившуюся обстановку на Самотлоре, В.В. Китаев делал вывод: «Это был провал. Провал, который сразу сказался на экономике страны. Проблемы появились не вдруг. Они накапливались постепенно, исподволь. Методы добычи, применяемые когда-то, сегодня оказались неприемлемыми. Надо было механизировать фонд скважин — не торопиться, наращивать объемы разведки — считали, что уже разведанных хватит надолго. Отставали строители, энергетики, транспортники и особенно машиностроители. И, наконец, одна из важнейших причин — ослабление заботы о человеке³⁸. Работали больше числом, чем умением. «На потом» оставалось строительство жилья, детских садов, магазинов, больниц. Даешь план! Даешь тонны и километры. А это ведь города с многотысячным населением! Например, в г. Нижневартовске средний возраст горожан составлял 24 года. Ежемесячно праздновалось 40–50 свадеб. Ежедневно рождались 3–4 ребенка. Наш город по рождаемости на тысячу жителей входил в первую пятёрку городов огромной страны».

Многие старожилы г. Нижневартовска помнили, как на территории за Домом советов в сторону улицы Нефтяников раскинулся так называемый балочный «Шанхай» — место, где самовольно строилось временное жильё. Эти посёлки (убогие дома, балки, землянки) вызывали удручающее настроение. И таких незаконных построек насчитывалось более трех тысяч.

Министерство нефтяной промышленности имело просроченную кредиторскую задолженность в капитальном строительстве и задолженность по ссудам Стройбанка СССР в сумме 81,5 млн. рублей (по Самотлору)³⁹.

В сентябре 1985 г. было добыто 52% нефти от общей по стране⁴⁰. В то же время действующий фонд скважин составлял лишь 16%, т.к. часто на промыслы доставлялось некачественное оборудование, в частности отечественным бакинским заводом, а его ремонт не был налажен⁴¹.

Резко снизилась производительность труда, составив в 1985 г. 55% от уровня 1980 г.⁴²

* В 1983 г. НУБР-1 планировалось пробурить 885 тыс. метров, из них 10 тыс. метров разведочных скважин, и сдать в эксплуатацию 451 скважину — план, впервые за 16 лет, не был выполнен.

Постепенное превращение СССР в сырьевой придаток сопряжалось и большими экологическими издержками. Так, в частности, при закладке и разработке газовых месторождений (в основном предназначенных для экспорта газа) были уничтожены по меньшей мере 6 млн. оленьих пастбищ⁴³. Подобное варварское обращение с природой было характерно и для других регионов, так как во главу угла была поставлена одна и та же целевая установка: добыть любой ценой максимальное количество нефти с целью ее экспорта и получения «твердой» валюты. Дело дошло до того, что на нефть в 90-е гг. стало приходиться 60% всех экспортных поступлений, причем экспорт в 1990 г. составил 3,4 млн. баррелей в год⁴⁴.

«Еще недавно мы гордились тем, что добываем нефти больше всех в мире, — писал в 1991 г. академик А. Шейндлин, видный специалист в области энергетики. — Стоит ли радоваться этому сейчас? И да, и нет. Да, потому что без нефти нам бы жилось сегодня совсем плохо. Нет, потому что при столь значительном экспорте и сравнительно малой глубине переработки мы, в общем-то, неоправданно растрчиваем наше национальное богатство, мало что оставляя будущим поколениям. Вот почему определять разумную величину производства нефти и конденсата нужно не только с экономической, политической, социальной, но и, если угодно, с нравственной точки зрения»⁴⁵.

Таким образом, экстенсивные методы добычи нефти в стране, культивируемые политикой правительства в 60–80-х годах, отразились на Тюменском крае, оказав катастрофическое воздействие не только на невозобновляемые ресурсы месторождений, но и на уникальную природу этого региона.

¹ Адреса XI пятилетки. /Сост. В.П. Корнюшин. М., 1982. С. 33.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Нефть и газ Тюмени. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 42.

⁵ Нижневартовский район: Страницы истории. 1998. С. 81.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ *Городилов В.А.* В нефтяном ожерелье России // Нефтяное хозяйство. 1997. №12. С. 3–4.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Летопись открытия: Документы, дневники, воспоминания, письма. Свердловск. 1979. С. 73–74.

¹⁴ *Матишев В., Фукс И.* Исчерпаны ли запасы Западной Сибири? // Нефть России. 1997. №1. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 42.

- ¹⁶ Там же. С. 42.
- ¹⁷ Нижневартовский район: Страницы истории. 1998. С. 82.
- ¹⁸ *Бабайков Н.К.* Большая нефть Тюмени. Свердловск, 1965. С. 43.
- ¹⁹ *Кушкя Б.* Строительство нефтепровода – задача №1. Первопроходцы твердо решили: не подвести! // Ленинское знамя. 1968. 17 ноября. С. 2.
- ²⁰ Летопись открытия: Документы, дневники, воспоминания, письма. Свердловск. 1979. С. 35.
- ²¹ Там же. С. 36.
- ²² *Салмин В.* Город на заре. Тюмень, 2000. С. 89.
- ²³ Там же. С. 89.
- ²⁴ Там же. С. 90.
- ²⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 82–83.
- ²⁶ *Салмин В.* Город на заре. Тюмень, 2000. С. 92.
- ²⁷ НГА. Ф. 126. Д. 1237.
- ²⁸ Там же. Л. 148, 153.
- ²⁹ Там же. Л. 153.
- ³⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 102.
- ³¹ *Салмин В.* Город на заре. Тюмень, 2000. С. 93.
- ³² Золото Самоглора / Под ред. В. Палия. М., 1998. С. 45.
- ³³ Там же. С. 50.
- ³⁴ Социально-экономическое развитие советской Сибири: Исторический опыт и современность. Новосибирск, 1984. С. 93–104.
- ³⁵ Там же. С. 95.
- ³⁶ НГА. Ф. 126. Д. 1238.
- ³⁷ Там же. Л. 2.
- ³⁸ Там же. С. 97.
- ³⁹ НГА. Ф. 126. Д. 1238.
- ⁴⁰ *Салмин В.* Мои семьдесятые... Город в цифрах // Варта. 2002. 2 февраля. С. 3.
- ⁴¹ *Шаповалов А.Г.* О некоторых этапах планирования в нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 2000. № 6. С. 62–63.
- ⁴² *Кувшинов А.С.* Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога. Тюмень, 2000. С. 65.
- ⁴³ Там же. С. 67.
- ⁴⁴ *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 160.
- ⁴⁵ Там же. С. 67.

В.В. Митрофанов

С.Ф. Платонов как исследователь колонизации Зауралья

Творческое наследие Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) давно уже поставлено в один ряд с трудами Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Главными направлениями научной деятельности выдающегося ученого являлись изучение «смуты», царствований Ивана Грозного и его преемников, вплоть до Петра I, прошлое Великого Новгорода, колонизация русского Севера и Сибири.

Специальных работ о вкладе С.Ф. Платонова в разработку сибирской проблематики нет, но попутно эта тема затрагивается историками. Порой работам ученого о проблемах освоения Зауралья пытались придать политическую подоплеку¹. С.А. Пионтковский пошел при этом дальше других, обвинив С.Ф. Платонова в антисоветской деятельности. Выступая с докладом на объединенном заседании секций промышленного капитализма Института ком-академии и Общества историков-марксистов 10 октября 1930 г., он заявил: «Не случайно буржуазные историки (к ним был отнесен и С.Ф. Платонов — В.М.) заинтересовались Севером. Теперь опять все бросились на Север, и не только на Север, но и в Сибирь... Чем это объяснить? Ясно, что все эти районы, которые не знали такого помещичьего гнета, как центр или Поволжье. На это-то «крепкое» крестьянство ставилась и ставится ставка реакции и контрреволюции»². В этом же ключе высказался и М. Мартынов: «Только с точки зрения ставки Платонова на дворянство возможно понять его отношение... и к Северу»³. Н. Попов выход книжки С.Ф. Платонова «Прошлое русского Севера» рассматривал как результат «интереса к крестьянству у лагеря контрреволюции...». «Именно в этом плане мы рассматриваем, — писал Н. Попов, — тот интерес к историческим судьбам русского Севера, северного крестьянства, который проявила школа Лаппо-Данилевского и академика Платонова»⁴.

Ученик же последнего А.А. Введенский считал правильной постановку С.Ф. Платоновым вопроса о том, что «проникновение в Сибирь с Севера на Обь за пушниной в начале XVI в. при Анике

Федоровиче Строганове и появление в Сибири Строгановых в 80-х гг. XVI в. с дружиной Ермака со стороны Среднего Урала были явлениями одного порядка: поисками торговых путей к низовью Оби за пушшиной»⁵. В.С. Брачев отмечал, что сборник «Прошлое русского Севера» объединил под одной обложкой статьи ученого, написанные им уже после Октября. Биограф С.Ф. Платонова отдавал предпочтение работам, связанным с колонизацией Поморья, ввиду нетрадиционной трактовки С.Ф. Платоновым ряда вопросов освоения русского Севера⁶. В другой работе В.С. Брачев писал, что «удачной следует признать и мысль С.Ф. Платонова связать сибирскую экспедицию Ермака с поисками Строгановыми таинственной Мангазеи»⁷. Заметим, что сам ученый придавал «большее значение, чем всем прочим статьям» упомянутого сборника, статье «Строгановы, Ермак и Мангазея», «представляющей собой попытку указать исторический фон, на котором следует помещать обычное изложение эпического «подвига» Ермака, т.е. «завоевания Сибири»⁸. В указанной статье автор уточняет, что этот «эпос представляет собою попытку постановки в условиях современного исторического знания вопроса о завоевании Сибирского царства»⁹. По мнению Н.М. Рогожина, указанный сборник — «исследование», «где детально разработана история Поморья и Северного Урала»¹⁰. Этими замечаниями исчерпывается «анализ» трудов ученого, посвященных колонизации Сибири.

До сих пор, думается, не дано объективной оценки вкладу «одного из крупнейших и наиболее авторитетнейших исследователей русской истории»¹¹ в разработку проблем колонизации русского Севера и Сибири. Еще в период кампании по очернительству ученого (рубеж 1929–1930 гг.) сложилось мнение, что С.Ф. Платонов — главным образом историк лишь темы «смутного времени» или русского самодержавия XVI–XVIII вв.¹² Поэтому до недавнего времени исследователи проявляли в основном интерес к классическим работам С.Ф. Платонова — «Древнерусские сказания и повести о «смутном времени» XVII века как исторический источник», «Очерки по истории «смуты» в Московском государстве XVI–XVII веков», «Лекции по русской истории».

Интерес к колонизации Сибири обнаруживается у С.Ф. Платонова еще в «Очерках по истории «смуты...»¹³, впервые вышедших в 1899 году. В этой, ставшей классической монографии подробно исследованы пути из различных регионов европейской части России в Сибирь, дана оценка политике московского правительства в Зауралье в начале XVII в. В архивных материалах С.Ф. Платонова имеется план лекции, прочитанной в Историко-филологическом институте 25 сентября 1886 г. В ней рассматривается положение в Сибири в XV–XVI вв. («Дела на Востоке. Сибирь.

Январь 1583 бьют челом. 1483 г. на Югру до Оби. Сибирское ханство XVI в. (Кучум, Ногай). Столкновение с прикамскими Строгановыми по грамоте 1558 (промысел, поселение, суд), 1574 (городки и дружины в Сибири). 1579–82–84. Значение факта: Результаты колонизации».¹⁴ В другой лекции, прочитанной на тверских Верховно-археологических курсах, С.Ф. Платонов отметил: «В это время на окраинах государства наблюдается поразительная картина: Поволжье растет землевладение; подготавливается занятие Сибири; строится Тобольск»¹⁵. Надо полагать, что молодой ученый тогда еще не предполагал целенаправленно заниматься вопросами колонизации Сибири, но показателен факт отбора им фактического материала, хотя бы в учебных целях.

В статье «О двух грамотах 1611 г.», опубликованной в 1903 г., С.Ф. Платонов указывает на имеющиеся в литературе неточности в описании пути в Сибирь через Чердынь. Для того чтобы заметить такие тонкости, необходимо было тщательно заниматься данным вопросом. «Мы позволили себе указать на эти мелочи, потому что они до сих пор, как кажется, не останавливали на себе в полной мере внимание исследователей и о ветви Сибирского пути между Устюгом и верхнею Камою недостаточно различались», — отмечается исследователем¹⁶.

В 1907 году в статье «Об авторе сочинения «На иконоборцы и на все злыя ереси»»¹⁷ исследователь впервые обращается к истории сибирского летописания, предположив причастность к нему И.М. Катырева-Ростовского (воеводствовал в Тобольске), повесть которого о «смуте» поразительно близка к Строгановской летописи. В 1917 году в «Сборнике статей в честь Матвея Кузьмича Любавского» публикуется источниковедческая статья «Старые сомнения»,¹⁸ где ученый вторично обращается к вопросу об авторстве Строгановской летописи. С.Ф. Платонов придерживался взгляда С.А. Андрианова, предположившего, «...что Есиповская летопись не была составлена по Строгановской, а наоборот, ей предшествовала и служила ей источником»¹⁹. В этой небольшой статье С.Ф. Платонов сопоставил Летописную книгу, приписываемую И.М. Катыреву-Ростовскому, и богословское сочинение «На иконоборцы». Если в своей магистерской диссертации (1888 г.) С.Ф. Платонов вслед за В.О. Ключевским считал автором Летописной книги о «смуте» князя И.М. Катырева-Ростовского, то теперь, сопоставив знаменитую повесть 1626 года с упомянутым антиеретическим сочинением, ученый заключил, что эти два произведения не могли выйти из-под пера одного лица. Зато С.Ф. Платонову бросилось в глаза поразительное сходство (особенно в описании картин природы и батальных сцен) Летописной книги и Строгановской летописи. С.Ф. Платонов пришел к убеждению;

что ни князь Катырев-Ростовский, оказавшийся заурядным компилятором, ни тобольский сын боярский Кубасов, с именем которого Летописная книга связывалась до В.О. Ключевского, не могут считаться создателями Летописной книги.

По наблюдениям С.Ф. Платонова, имя автора этого памятника пока не может быть названо. Он призвал своих последователей продолжать поиски талантливого публициста. Однако, с точки зрения историка, сходство повести о «смуте» и Строгановской летописи дает ключ к установлению авторства, поскольку это сходство таково, что позволяет говорить не о заимствовании, а о единстве стилистической манеры. Иначе говоря, к созданию Строгановской летописи было причастно лицо, которое оставило Летописную книгу или, по крайней мере, участвовало в ее написании. Следовательно, С.Ф. Платонов высказал немаловажное наблюдение по вопросу об авторстве Строгановской летописи — наблюдение, которое послужило исходным для последующих исследователей. Среди них были ученики С.Ф. Платонова А.М. Ставрович и А.А. Введенский. «Предположение Платонова об участии Катырева в сибирском летописании требует подтверждения»,²⁰ — писал В.С. Иконников вскоре после выхода упомянутой статьи. А.М. Ставрович в статье «Сергей Кубасов и Строгановская летопись (Новые мысли по поводу «Старых сомнений»)²¹, отвечая на вопросы, поставленные С.Ф. Платоновым, пришла к заключению, будто создателем и Строгановской летописи и повести о «смуте» был С.И. Кубасов. В более поздних исследованиях предположение ученого не разделяется. «Платонов не привел убедительных доводов в пользу мнения о единстве автора Строгановской летописи, и повести Катырева-Ростовского», — пишет О.Г.Порохова²². Важно, что многие исследователи откликнулись на призыв ученого «продолжить изучение» данной темы. К тому же, по мнению В.Г. Мирзоева, «С.Ф. Платонов впервые подошел к сибирскому летописанию не как к обособленному явлению, а как ветви культурной общерусской традиции, связанной с древнерусской исторической письменностью»²³.

Основные работы С.Ф. Платонова по истории Сибири приходятся на последнее десятилетие жизни ученого. В 1923 году выходит указанный сборник его статей; находит свое продолжение эта проблема в книгах «Иван Грозный», «Борис Годунов». Определенно прослеживается возрастающий интерес к теме. Об этом свидетельствует и возникшая у Платонова «заветная мечта посетить Сибирь»²⁴. Еще до выхода в свет сборника «Прошлое русского Севера» именно к С.Ф. Платонову обратились с предложением прочитать доклад о «завоевании Сибири» в клубе ученых²⁵.

Обращает на себя внимание факт знакомства исследователя с работами, где данная тема излагается только лишь «попутно». Среди

них отмечают даже статьи писателей-краеведов (Г.Ф. Чиркина, Д.А. Золотарева) и историков Сибири (С.В. Бахрушина, В.И. Огородникова). Это еще одно подтверждение интереса ученого к сибирской теме. Есть основания предположить, что С.Ф. Платонов собирал материалы для большой работы по истории русского Севера и Сибири в XVI–XVII вв.²⁶ Поэтому можно говорить об ошибочности сложившегося у некоторых исследователей мнения, что «крупных работ С.Ф. Платонов в это время (вторая половина 20-х гг.) уже не писал, ограничиваясь небольшими этюдами»²⁷.

В статье «Строгановы, Ермак и Мангазея», напечатанной в сборнике «Прошлое русского Севера», ученый утверждает: «Можно назвать детски-наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак ее завоевал»²⁸. Это представление оказалось живучим, сохраняется и в настоящее время²⁹.

Крайний север Сибири, — подчеркивал исследователь, — был известен русским, в частности новгородцам, до Ермакова завоевания, по меньшей мере, века за два. По летописным известиям, новгородцы, владевшие русским Севером — Поморьем, взымали дань с самоедов, живших по обе стороны Урала, еще в XI веке. В 1032 году был организован поход новгородцем Улебом на реку Обь. Видимо, это были эпизодические, нерегулярные связи. Но уже московский великий князь Иван III считал своими данниками вогулов, остяков, «самоядь» и посылал против них войска.

«Сибирское царство», возникшее за Уралом в результате распада Золотой орды, в 1555 г. признало зависимость от Москвы и обязалось платить по 1000 соболей в год. Воспользовавшись трудностями, возникшими у России с началом Ливонской войны, Сибирское царство выходит из повиновения, становится главным препятствием в торговле России с восточными странами и продвижении русских за «Камень».

Но, несмотря на трудности, постепенно русско-сибирские связи становятся регулярными, объем товарообмена увеличивается. В XVI в. возникли торги, привлекавшие русских купцов. С.Ф. Платонов указывает на ярмарку на Лампожне, на Мезени, перешедшую около 1600 года в так называемую Окладникову слободу. На этой ярмарке совершалась мена товаров с самоедами, кочевавшими за Мезенью. «Там, — отмечает историк, — начиналась самоедская тундра, куда русская колонизация едва проникала. Русские поселения, однако, были уже тогда на Печоре, представляя собой пристани для морских и речных промышленников, купцов»³⁰. Проникновение русских становится настойчивее, они продвигаются все дальше и дальше на восток.

Среди крупнейших торговых центров для того времени исследователь выделяет Пустозерск. С.Ф. Платонов указывал, что «зи-

мою в Пустозерск приходят 2-3 тысячи самоедов, отчасти для торгова, отчасти по дороге в Лампожню». Город был расположен на пути сообщения с Обью, куда, как пишет С.Ф. Платонов, русские ходили ежегодно. Поставлен был город, по выражению одной грамоты XVII в., «для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать». Другим центром северной торговли XVI в. был Устюг, «он находился, — по выражению ученого, — в узле особенно оживленных в исходе XVI в. путей, шедших из центра страны». Писцовая книга, на которую ссылается исследователь, прямо констатирует, что купцы «торгуют обезжими товары в Сибирь», «отпускают со всякими товарами в Сибирь». С.Ф. Платонов замечает, что «город принимал участие в торговом движении по Двине, служил складочным местом для товаров, идущих в Сибирь и из Сибири». Приведенные факты позволяют говорить о развитых связях русских купцов с населением Зауралья.

Кроме Сибирского царства, предприимчивые русские люди проявляли большой интерес к территории между Обской губой и низовьями Енисея, по реке Тазу, известной под названием «Мангазея». По словам ученого, «в ней не существовало никакой власти, а народы, населяющие местность, — «югра» и «самоядь» — бродили по тундре и вели меновой торг с проникавшими русскими». Вслед за П.Н. Буцинским С.Ф. Платонов утверждает, что Мангазея была «золотым дном», «своего рода Калифорнией». Пушнина являлась главной притягательной силой для предприимчивых людей. «От удачной поездки в Мангазею можно было сразу разбогатеть»³¹, — констатирует С.Ф. Платонов.

Исследователем подробно описаны пути, которые вели в Мангазею. Северный путь шел с реки Печоры через Камень (Уральские горы) до Оби Великой. Второй путь начинался на реке Выгегде, проходил через Печору, Камень и далее, по мнению ученого, «вероятно, по реке Щугуру и реке Сосьве в Обь». Третьим путем — южным, начинавшимся на Каме, двигались по реке Тавде или Туре в реку Тобол и дальше по Иртышу, Оби до Обской губы. «Южный путь был наиболее удобен», — констатирует С.Ф. Платонов, но и «наиболее дорог». Главный же его недостаток состоял в том, что здесь располагалось Сибирское царство, и в дальнейшем русским следовало устранить это препятствие. Опасности сухопутных дорог, по наблюдению С.Ф. Платонова, «заставляли русских промышленников, идущих в Мангазею, выбирать морской путь», который начинался с Северной Двины, из Холмогор или из «Кулойского устья», или из «Пуста-озера» (из Печоры), откуда «бежали парусом» в Карскую губу, через волок и реку Зеленую в Мангазею. Этот путь был сложен из-за трудностей северных мо-

рей, но «позволял в короткие сроки перебрасывать относительно большие грузы в короткие сроки», — замечал С.Ф. Платонов.

О том, что русские использовали этот путь издавна, свидетельствуют иностранцы, появившиеся на берегах Карского моря в середине XVI века. Здесь они застали русских, хорошо говоривших по-самоедски и совершавших ежегодные поездки на реку Обь. Уже в 1556 году Борро, спутник английского капитана Ченслора, выполняя поручение по поиску путей на восток, побывал в Кольской губе, достиг Канина носа, Югорского шара, Войгача и даже Новой земли. С этого времени иностранцы, прежде всего англичане, а затем и голландцы, начинают искать более удобные пути в Сибирь и дальше на восток. Так, уроженец Брюсселя Брюннель — торговый агент Строгановых — дважды ездил в Сибирь, к Оби. «Сибирь так увлекла его, — подметил ученый, — что он вполне предался мысли добраться морем и Обью до Китая». В 1584 году, как указывал С.Ф. Платонов в статье «Иноземцы на русском Севере в XVI—XVII вв.» (тоже включенной в сборник «Прошлое русского Севера»), Брюннель отправился на восток, но далее Новой земли ему из-за льдов продвигаться не удалось. Другой англичанин — Франсис Черри — в это же время «добрался до Северного Урала». По сведениям С.Ф. Платонова, «агент английской фактории Антоний Марш вошел в сношения с русскими мореходами из Пустозерска, чтобы они с его комиссионером предприняли поездку в Сибирь к Оби за тамошним товаром»; Гордон побывал на Северном Урале, в «Югре скупил пушнину».

Центром торговли на Севере России были Холмогоры. Отсюда торговый азарт, расширение торговой сферы, по меткому выражению С.Ф. Платонова, толкали иноземцев к исследованию побережья Ледовитого океана: от Северной Двины на запад к Новгороду и на восток к Уралу. По наблюдению ученого, «мотивы коммерческие лежали в основе их предприятий». Основной товар, который привлекал иностранцев на нашем Севере, — указывает историк, — был мех, пушнина! По данным С.Ф. Платонова, «не один раз по поручению Строгановых Брюннель возил для продажи меха за границу».

В смутное же время, замечает С.Ф. Платонов, «когда государственное единство и порядок были нарушены», иностранные торговые компании самостоятельно завязывают связи с местными центрами, прежде всего с Пустозерском, откуда была, по наблюдению С.Ф. Платонова, «надежда проникнуть в Сибирь, в места добычи наиболее ценных сортов пушного товара». В 1611 г. английский корабль высадил в Пустозерске агентов английской компании Джосиано Лоғана и Виллиама Порсглава с товаром; «хотя на восток им

проникнуть и не удалось, но и оставаясь на Печоре они смогли приобретать сибирские товары».

«Завестая цель этой компании, — полагает историк, — заключалась в том, чтобы отыскать северный морской путь в Индию и Китай». Большое место, находит С.Ф. Платонов, отводили иностранцы разведке путей в Азию. Поиск шел как через северные моря, так и по суше. Указанные пути в Мангазею являлись частью искомого маршрута.

«Дух научного исследования руководил лишь немногими путешественниками», — полагал С.Ф. Платонов. «Путешествия Борро, — отмечает ученый, — обогатили географические познания европейцев и доставили ему славу знаменитого путешественника». «Борро, — по мнению С.Ф. Платонова, — был наиболее научным и точным исследователем», «своими богатыми наблюдениями он много послужил своим соотечественникам в их сношениях с Россией». Брюннель же «ознакомился с условиями плавания вдоль сибирских берегов», «имя его заняло почетное место в истории северных путешествий». Таким образом, торговая деятельность способствовала накоплению научных знаний, в том числе о северных морях. Думается, вполне прав С.Ф. Платонов в оценке деятельности иностранцев: «во-первых, желали использовать природные богатства русского Севера, и прежде всего пушной товар; а во-вторых, они стремились через московские владения связаться с азиатскими рынками и проникнуть до Китая и Индии».

Опережая иностранцев, русские предприниматели, поддержанные центральной властью, продолжали движение на восток. В XVI веке особую роль играли в этом движении Строгановы. С.Ф. Платонов считает (хотя и с некоторой долей сомнения), что Строгановы — семья новгородского происхождения. Ссылаясь на сведения голландца Исаака Массы, хорошо знавшего русскую жизнь XVI в., ученый полагает, что еще Аника — родоначальник наиболее богатой ветви Строгановых — занимался закупкой мехов, привозимых инородцами из Сибири на Вычегду. Не довольствуясь этим, Аника сумел ранее других пробраться на Обь и наладить там обмен драгоценных мехов на дешевые «немецкие» безделушки и другой ценный для самоедов товар. Именно от этого торга и пошло громадное богатство Строгановых. Кроме торговли мехами они занимались вывариванием и торговлей солью. «Наивиднейшие (в оценке С.Ф. Платонова. — В.М.) представители» новгородской колонизации, Строгановы стали владеть обширными вотчинами в Устюжском уезде и по р. Вычегде.

Неясно, как в числе немногих уцелевших при московском завоевании Севера новгородских фамилий они продолжали богатеть и распространили свои хозяйственные заимки с р. Вычегды на р.

Каму и р. Чусовую. В результате их владения превратились в «главную экономическую силу на всей этой российской окраине».

При Иване Грозном Строгановы обратили на себя милостивое внимание московского правительства, которое дало им «начиная с 1558 г. ряд жалованных грамот и тем самым создало для этих землевладельцев исключительно льготное положение на Каме и в Приуралье», — отмечает исследователь. Главными льготами были, по мнению С.Ф. Платонова, передача вотчинного населения в юрисдикцию Строгановых, подсудность самих промышленников только суду самого царя, освобождение на длительный срок от повинностей и пошлин.

Но Строгановы пользовались не только привилегиями. Промышленники выполняли особые обязанности по охране и защите края от инородцев, получив право «ставить» на свои средства укрепленные городки с гарнизонами. В XVI в. таких городков было три — Орел, Канкор и Чусовая слобода. Городки были небольшими; по сведениям исследователя, ни один из них не насчитывал и сотни дворов. Что было за Строгановыми в 1579 году, пишет С.Ф. Платонов, точно сказать нельзя, но в 1623–1624 годах за ними считалось 933 двора во всем Пермском крае; для времени на сорок лет ранее эту цифру надобно уменьшить. В работе «Низовская колонизация Севера» С.Ф. Платонов приводит несколько другие данные о росте численности населения строгановских вотчин. В 1579 г. в них числилось 352 двора, в 1632–1634 гг. — 1032 двора, в 1647 г. — 1602 двора и в 1678 г. — 2855 дворов. Конечно, в течение этого времени значительно выросли и сами территории колонизируемых Строгановыми земель.

Для прикамских гарнизонов Строгановы должны были «прибратъ» на собственный счет в своих городках воинскую силу — «охочих людей, стрелцов и казаков», охранять земли, «войною ходити и воевать» черемису, остяков, вотяков и ногаев, то есть «самим нападать на немирных соседей и держать их в должном страхе и подчинении». «Обращение окраинных земель в частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановых» С.Ф. Платонов объясняет тем, что у правительства для решения таких задач не хватало собственных средств; оно пользовалось бывшими «налицо частными силами, передавая им свои функции и взамен создавая широкие льготы и исключительные права своим помощникам».

Основная причина, по которой Строгановым удалось так скоро и прочно поставить сложное и богатое хозяйство, по мнению С.Ф. Платонова, заключалась «не в сказочном богатстве захваченных ими в Великой Перми земель, а в старых источниках их экономической мощи».

С учреждением опричнины (по сведениям исследователя, в 1566 г.) в нее были включены Чаронда, Соль Вычегодская, а с

нею и земли Строгановых. В этом С.Ф. Платонов видел проявление к промышленникам особого расположения Ивана Грозного. «Торгово-промышленный капитал, — отмечает в связи с этим ученый, — конечно, нуждался в поддержке той администрации, которая ведала край, и, как видно, не боялся тех ужасов, с которыми у нас связывается представление об опричнине». О благосклонном отношении царя к Строгановым свидетельствуют и их успехи при дворе. Сам Грозный поручал им приобретать для него соболей.

Со временем земельные владения Строгановых, превратившиеся в «главную экономическую силу на всей этой окраине», перевалили за Уральский хребет до р. Тобола, то есть стали граничить с Сибирским царством. Последнее становится главным препятствием на торговых путях между Россией и восточными странами, в частности с «бухарцами». Для Строгановых, по словам С.Ф. Платонова, это были очень «ценные» пути, которые «питали русскую торговлю азиатскими товарами».

С появлением иностранцев на русском Севере, констатирует С.Ф. Платонов, Строгановы вступают с ними в деловые отношения. Сольвычегодские промышленники ищут торговых агентов среди пленных. Ими был, в частности, выкуплен Брюннель, находившийся в ярославской тюрьме. (С.Ф. Платонов с достаточным основанием полагает, что «по-видимому, это дело у Строгановых было основательно налажено».)

Особенно привлекала Строгановых Мангазея. Туда пытался проникнуть еще Аника, посылая своих доверенных людей для разведки и торговли с самоедами. «Мангазея, — пишет С.Ф. Платонов, — манила Строгановых всеми путями. Она дала им первое богатство, она сулила им и дальнейшее его умножение». Строгановы активно ищут пути в Мангазею как по суше, так и по морю. Дважды по заданию Строгановых побывал в Сибири Брюннель. С его именем связывается и идея организации экспедиции для поиска морского пути в Мангазею. Хотя о судьбе этой экспедиции ничего не известно, «для нас чрезвычайно важно то указание, что в 1581 г., одновременно с подготовкою сухопутного поиска Ермака на Иртыш и Обь, Строгановы готовили и мореходный поиск на ту же Обь»,³² — замечает С.Ф. Платонов. По сведениям ученого, строились даже «два корабля на Северной Двине, а Брюннель отправляется в Антверпен нанимать опытных моряков». Морской поиск, по-видимому, остался без результата.

Одновременно шел поиск и возможности наступления за Урал по Тоболу и Иртышу». Появление такого замысла С.Ф. Платонов относит еще к 1574 г. Подготовка сухопутной военной экспедиции началась в 1579 г., когда Строгановы установили сношения с казаками. По указанию С.Ф. Платонова, во время Ливонской войны в

Прибалтике действовал казачий отряд атамана Ермака. Именно этот Ермак «с государственной службы попал на службу к Строгановым». Как находит С.Ф. Платонов, дружина, состоящая из 850 казаков, не могла быть набрана только в строгановских вотчинах и даже во всем Пермском крае; казаков прикамские промышленники нанимали и в других местах на те же ранее накопленные средства.

Московская власть, вовремя поддержавшая успех Ермака, добилась признания ее инородцами. Ермак же в народной памяти прославил себя завоеванием Сибири, связанным и с именем Строгановых. Новизна оценки похода Ермака С.Ф. Платоновым заключается в том, что он не считает названную экспедицию ключевым моментом в покорении Сибирского царства. Эту мысль ученый утверждает в ряде работ. В «Очерках» экспедиция Ермака оценивается как «одно из военно-приграничных предприятий»³³. «Самую правильную оценкою этого предприятия будет та, по которой поход «атаманов-воров» был военным поиском», «одним из эпизодов того *Drang nach Osten*», — читаем в статье «Строгановы, Ермак и Мангазей»³⁴; в «Лекциях» же поход ермаковцев признается «случайностью»³⁵. Вслед за Ермаком в Сибирь пришла «государственная власть, которая и усвоила себе плоды строгановского успеха», — писал С.Ф. Платонов. Именно правительство «ставит» отныне многие города и крепости. Сибирь становится частью российского государства. Ученым не оспаривается роль Строгановых — «крупнейших и талантливейших капиталистов эпохи» — в подчинении сибирских земель. Бесспорно и их участие в руководстве походом Ермака. «Вотчины Строгановых вместе с Чердынским уездом послужили для московской власти базой в наступлении за Урал в область рр. Тобола и Иртыша, а частные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей», — делает вывод С.Ф. Платонов. Но Строгановым при этом добиться каких-либо преимуществ не пришлось.

С утверждением московской власти в Сибири изменяется жизнь целых регионов, что было связано прежде всего с перемещением путей и дорог, ведущих во вновь присоединенные земли. С.Ф. Платонов отмечает, что «Чердынь осталась при старом своем значении — административного центра», а в исходе XVI в. ей «безраздельно принадлежало первое место в Пермском крае». Перевалочным пунктом становится город Соликамск, через который проходила прямая дорога на Верхотурье. Вятка превращается в одну из основных баз колонизации Сибири. По всему южному пути правительством ставятся городки и крепости (Березов, Обдорск, Мангазей и другие).

Таким образом, С.Ф. Платоновым высказаны интересные предположения о сибирском летописании, даны любопытные оценки

роли Строгановых в покорении Сибири, истории похода Ермака, проникновения иностранцев в Сибирь, и, следовательно, внесен значительный вклад в историографию ранней колонизации Зауралья. Поэтому «сибирскую» тему нужно отнести к одной из главных в его творчестве в 1920-х гг.

- ¹ Так, статью «Проблема русского Севера в новейшей историографии» М.Н. Покровский оценивал как «работу общего характера», «полубеллетристическую» (см.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 71). М.Н. Покровский допускает неточность в названии работы.
- ² Пионтковский С.А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т.18–19. С. 174.
- ³ Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте: Платонов, Тарле и их школы. М.; Л., 1931. С. 167.
- ⁴ Там же. С. 122.
- ⁵ Введенский А.А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 160; Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных писателей и ученых. Иркутск, 1941. С. 253.
- ⁶ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. №1. С. 120.
- ⁷ Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый, педагог, человек. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 218.
- ⁸ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 286.
- ⁹ Платонов С.Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея // Русское прошлое. 1923. №3. С. 3.
- ¹⁰ Рожин Н.М. С.Ф. Платонов – творческий путь // Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 12.
- ¹¹ Брачев В.С. Дело академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. №5. С. 118.
- ¹² Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг... С. 212. См. также: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 502. Ср.: 30-летие научной деятельности С.Ф. Платонова // Виржевы ведомости. 1912. 26 мая. С. 5.
- ¹³ Платонов С.Ф. Очерки по истории «смуты» в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в «смутное время». 5-е изд. М., 1995.
- ¹⁴ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1499. Л. 21.
- ¹⁵ Там же. Ч. 1. Ед. хр. 1508. ЛЛ. 19–20.
- ¹⁶ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 200.
- ¹⁷ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории: 1883–1912. СПб., 1913.
- ¹⁸ Платонов С.Ф. Старые сомнения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 172–180.
- ¹⁹ Там же. С. 179.
- ²⁰ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев. 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1846.

- ²¹ *Ставрович А.М.* Сергей Кубасов и Строгановская летопись (Новые мысли по поводу «Старых сомнений» // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 285–293.
- ²² *Порохова О.Г.* Лексика сибирских летописей XVII в. Л., 1969. С. 9. Примеч. 12. По словам В.К. Зиборова, «Платонов и А.М. Ставрович полагали, что Кубасов мог трудиться над Строгановской летописью» (*Зиборов В.К.* Кубасов Сергей Иевлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 204). Но С.Ф. Платонов в конце концов отверг версию об авторстве Кубасова.
- ²³ *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 39.
- ²⁴ *Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов. С. 119.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4407.
- ²⁶ Косвенным подтверждением тому является указание на то, что «и по настоящее время он одушевлен горячим желанием приступить к новым научным предприятиям» (*Успенский Ф., Бартольд В., Нитинский А.* Записка об ученых трудах профессора Сергея Федоровича Платонова // Изв. Российской Академии Наук. Сер. У1. Пг., 1920. Т. 14. С. 7).
- ²⁷ *Брачев В.С.* Дело академика С.Ф. Платонова. С. 125.
- ²⁸ *Платонов С.Ф.* Прошлое русского Севера. Пг., 1923. С. 72.
- ²⁹ Оформилась же точка зрения еще в XIX в. Так, по утверждению И.И. Тыжнова, «нам хорошо известно, что Сибирь покорил Ермак» (*И.И. Тыжнов.* Обзор иностранных известий о Сибири со 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 111).
- ³⁰ *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 12.
- ³¹ *Платонов С.Ф.* Прошлое русского Севера. С. 73.
- ³² Там же. С. 78, 79.
- ³³ *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 94.
- ³⁴ *Платонов С.Ф.* Прошлое русского Севера. С. 79.
- ³⁵ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С. 200.

А. А. Шевцов

Г. Ф. Миллер как историк Сибири в оценке С. В. Бахрушина

Одним из выдающихся отечественных историков первой половины XX в. является С. В. Бахрушин (1882–1950), член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Московского университета.

Спектр сибиреведческих исследований С. В. Бахрушина достаточно широк. Один из аспектов его трудов, посвященных истории Сибири, в основном XVI–XVIII вв., — проблемы историографии. Данная сторона научного наследия С. В. Бахрушина осталась практически неизученной отечественными историками. Вопросы становления и развития российской историографии истории Зауралья раскрываются в трудах крупнейшего в свое время знатока истории Сибири на протяжении 1920–40-х гг.

В научном наследии С. В. Бахрушина видное место принадлежит исследованиям об академике Г. Ф. Миллере. Предметом данной статьи является оценка деятельности основателя научного исторического сибиреведения одним из ведущих ученых первой половины XX в.

«Теоретические познания в области истории, вынесенные из стен Рингельского и Лейпцигского университетов, Г. Ф. Миллер развил на практике, изучая русскую историю», — писал С. В. Бахрушин¹. Мы можем даже конкретизировать — в первую очередь историю сибирскую.

В 1925 г. в статье «Основные течения сибирской историографии с XVIII века» С. В. Бахрушин попытался определить место и роль Г. Ф. Миллера в сибирской историографии, связав его в плане преемственности историографического подхода с представителями официального направления В. К. Андриевичем и П. А. Щегловым². Это был едва ли не первый опыт исследования такого рода.

В заслугу Г. Ф. Миллеру С. В. Бахрушин поставил собрание историко-этнографических материалов по истории Зауралья, а также то, что «отец сибирской истории» обработал собранные «записки» — создал «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена», продолжение которого — «Сибирская

история» — было напечатано в 1764 г. в «Ежемесячных сочинениях для развлечения и пользы служащих» (на немецком языке в «Sammlung Russischer Geschichte»), ряд статей и позднее И.Э. Фишером изданных в сокращении ненапечатанных глав «Описания Сибирского царства». Эти труды «заложили прочный фундамент сибирской истории», — писал исследователь творчества Г.Ф. Миллера³.

Последний разработал подробную «схему истории завоевания Сибири», ставшую «исходной точкой, последующих работ в этой области» и которая «с тех пор подверглась лишь очень незначительным поправкам со стороны позднейших исследователей», — считал С.В. Бахрушин. Восстановив хронологию истории земель за Уралом, Г.Ф. Миллер привел в систему добытые материалы. С.В. Бахрушин отметил, что Г.Ф. Миллер дал «внешнюю историю» продвижения русских в Сибирь⁴.

В 1927 г. С.В. Бахрушин вернулся к изучению сибирской историографии (в том числе и к теме «Г.Ф. Миллера-историка») в «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», выделив в их историографической части раздел «Главные течения сибирской историографии с XVIII в.»⁵.

Переизданный посмертно в III томе «Научных трудов» С.В. Бахрушина, данный очерк предваряется примечанием редакции, в котором его автор обвиняется в «явной переоценке значения работ Г.Ф. Миллера в общем ходе развития сибирской историографии», в игнорировании работ С.У. Ремезова. «Малоубедительна также и характеристика самих трудов Г.Ф. Миллера по истории Сибири», — отмечали редакторы. Для них Г.Ф. Миллер — «апологет политики царизма», что не сочеталось с мнением С.В. Бахрушина, согласно которому ученый XVIII в. «дал документально обоснованный очерк внешней истории русской колонизации Сибири, каждый факт в котором был проверен на основании подлинного памятника». (Редакторы же бахрушинских «Очерков...» утверждали, что политические взгляды историографа XVIII в. «определили подбор фактов», поэтому Г.Ф. Миллер «дал ложное представление о характере событий, связанных с фактом присоединения Сибири к Русскому государству»⁶. С.В. Бахрушин же в «Очерках...» заметил, что «работу Миллера часто недооценивали и современники, и потомки»). Высказывавшее мнение о преувеличении С.В. Бахрушиным значения Г.Ф. Миллера как историка Сибири после исследований А.Б. Каменского и А.Х. Элерта можно считать несправедливым⁷.

Благодаря Г.Ф. Миллеру прошлое Сибири было уже изучено научно в то время, когда русская история в целом ждала еще своего исследователя. Значение трудов Г.Ф. Миллера, — пред-

ставляется С.В. Бахрушину, — не только в широте охватываемого им периода, но и в попытке осветить его на основах строгой научности⁸. По тщательно проверенным документальным данным Г.Ф. Миллер показал историю присоединения Сибири к России в XVI—XVII вв., научно разработал хронику завоевания Сибири, — писал С.В. Бахрушин⁹.

На его взгляд, в отличие от С.У. Ремезова, стоявшего у истоков зарождения отечественной научной традиции, Г.Ф. Миллер охватывает в своем «Описании Сибирского царства» более широкий период и пытается раскрыть прошлое Зауралья в сугубо научном ключе, в духе европейской историографии первой половины XVIII в.

В своих научных выводах Г.Ф. Миллер основывался исключительно на показаниях источников и избегал всего, «что ни по каким историческим известиям доказано быть не может», почему и уклонялся от разрешения этнографических загадок о древнейшем населении Сибири, — отметил С.В. Бахрушин. Требование Г.Ф. Миллера не «сообщать ложное изъяснение» при воссоздании прошлого древних народов в то время в России С.В. Бахрушин назвал «большим шагом вперед в области исторической методологии»¹⁰.

Г.Ф. Миллер не отходил от своих принципов, встречая непонимание даже в ученых кругах. Так, после появления «Описания Сибирского царства» он даже получил выговор от академической канцелярии за злоупотребление цитатами. Выдержки из источников, по мнению С.В. Бахрушина, Г.Ф. Миллер превратил в «какой-то культ». Нежелание пропустить даже малейшее известие в памятнике привело порой к несправедливому, по наблюдению С.В. Бахрушина, обвинениям в некритичности при подходе к текстам. Ведь именно Г.Ф. Миллер обнаружил в открытой им Ремезовской летописи «прибавленные» «по первом сочинении» листы. Кроме того, Г.Ф. Миллер различал подлинник и позднейшую копию¹¹.

Г.Ф. Миллер пользовался разнообразными материалами при написании истории русской колонизации Сибири. «Никто ни до него, ни после него не приступал к историческому труду с таким основательным запасом сведений, проверенных на месте и освещенных собственными наблюдениями. В обширном и разностороннем подборе материала сказалась основная черта Миллера как историка: его страсть к восстановлению исторического факта, строго проверенного и установленного с ригористической точностью», — писал С.В. Бахрушин, замечая, что Г.Ф. Миллер «любит и умеет критически разбираться в запутанных вопросах там, где у него имеются для того определенные данные в источниках»¹².

В академической экспедиции 1733–1743 гг. Г.Ф. Миллер собрал огромный массив исторического материала, в первую очередь

коллекцию архивных дел сибирских канцелярий (в основном в виде копий). С.В. Бахрушин писал, что работа эта была произведена небезупречно, Г.Ф. Миллер «действовал ошущью». По мере собирания архивных дел усовершенствовались приемы работы. Миллеровские копии содержат большие дефекты (из-за уровня грамотности переписчиков), но ценны, так как многие из подлинников пропали, — заключил С.В. Бахрушин¹³.

Из чердынского архива, в котором находились документы из семейного архива Строгановых, Г.Ф. Миллер извлек жалованные грамоты XVI в., что позволило ему осветить роль Строгановых в присоединении Сибири к России. Г.Ф. Миллер для написания своего труда по истории Зауралья привлекал также и восточные рукописи¹⁴.

Он «придавал большое значение устному преданию и умел им пользоваться», — отметил С.В. Бахрушин. Ученый XVIII в. являлся одним из первых собирателей сибирского фольклора. В «Описании Сибирского царства» довольно часто встречаются непосредственные ссылки на словесные источники как русских, так и местных народностей (С.В. Бахрушин особо выделил местные предания, в частности «словесные сказки» тобольских татар): Точность записей Г.Ф. Миллера подтверждается исследованиями специалистов-востоковедов, — отмечал С.В. Бахрушин¹⁵.

Восстановление на месте древней топографии Зауралья С.В. Бахрушин назвал «одной из любопытных сторон исследований Миллера», который в основном «справился блестяще со своей задачей»¹⁶.

Этнографические исследования также интересовали ученого XVIII в. «О народах, издревле в России обитавших» — работа Г.Ф. Миллера, написанная на основе личных наблюдений обычаев и нравов сибирского коренного населения. Лингвистические изыскания Г.Ф. Миллера также высоко оценены С.В. Бахрушиным. По словам последнего, Г.Ф. Миллер «необыкновенно старательно собирал и записывал наречия сибирских народов»¹⁷.

Г.Ф. Миллер во время путешествия в Сибирь занимался и археологическими исследованиями, благодаря которым были совершены некоторые открытия, хотя Г.Ф. Миллер редко пользовался археологическими данными в своих работах. С.В. Бахрушин объяснял это состоянием археологии в XVIII в. — «его осторожный ум воздерживался от слишком скорых выводов на основании немногих и мало изученных вещественных памятников»¹⁸.

Исследования Г.Ф. Миллера по географии Сибири, в частности его картографические работы, были необходимы для ученого, начинающего изучать историю, по словам С.В. Бахрушина, «последовательной колонизации» малоизвестных областей¹⁹.

С.В. Бахрушин утверждал, что Г.Ф. Миллер не преследовал цели давать широкие захватывающие построения и их не делал: «его область — ученая монография, без шатких гипотез, без смелых перспектив, без широких обобщений, но обставленная научно, с хорошим знанием источников, с всесторонним изучением вопроса, с исчерпывающими данными». Г.Ф. Миллер сумел дать картину последовательного хода колонизации, к которой «очень мало что можно прибавить». Скелет сибирской истории создал Г.Ф. Миллер, «разобрав и связав в одну последовательную нить разрозненные, нередко запутанные факты, и сделал это в то время, когда подобной работы еще не было произведено в области русской истории в целом. Вследствие странного стечения обстоятельств благодаря Миллеру у нас история Сибири опередила, таким образом, историю всей России», — констатировал С.В. Бахрушин²⁰.

В 1929 г. в статье «Историография», написанной для «Сибирской советской энциклопедии», С.В. Бахрушин, оценивая Г.Ф. Миллера, указывал, что тот «открыл и разработал большое количество архивных материалов, дал подробную внешнюю историю сиб/ирской/ колонизации XVI—XVII вв. и сделал возможной детальную разработку отдельных вопросов по истории Сибири»²¹. Труд Г.Ф. Миллера не отвечал, — полагал тогда С.В. Бахрушин, — требованиям науки последующего столетия, хотя многие десятилетия миллеровская схема «завоевания и колонизации Сибири» превалировала в исторической традиции, например, была «воспринята целиком Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым». Исходная точка миллеровской схемы приобретения Зауралья — экспедиция Строгановых.

Вводная статья «Г.Ф. Миллер как историк Сибири», напечатанная в I томе «Истории Сибири», — самая крупная историографическая работа С.В. Бахрушина середины 1930-х годов. Она содержит ряд новых наблюдений и выводов о деятельности замечательного ученого²².

В глазах автора Г.Ф. Миллер прочно и надолго установил взгляд на значение правительственной колонизации Сибири в исторической литературе²³. Начало научного изучения истории Сибири С.В. Бахрушин связал с академической Камчатской экспедицией 1730—40-х гг., в ходе которой были исследованы естественно-исторические ресурсы Зауралья, местное население и его быт²⁴, исходя из практических целей — разработки природных богатств Сибири²⁵. С.В. Бахрушин считал, что Г.Ф. Миллер, являясь участником этой экспедиции, при рассмотрении истории народов Сибири как процесса их включения путем завоевания в состав России изобразил борьбу коренного населения за независимость, поставил отдельные вопросы истории малых народов Сибири, в частности,

попытался разобраться в этногенезе ханты (опровергнув теории о связи сибирских финно-угров с западными финнами и происхождении самоедов от скифов). Согласно С.В. Бахрушину историки под руководством Г.Ф. Миллера выяснили топографию хантыйских и мансийских городков к моменту появления там русских, описали эти поселения²⁶.

Как подчеркнул С.В. Бахрушин, Г.Ф. Миллер открыл и исследовал большой массив архивных материалов, дал подробную «внешнюю историю» сибирской колонизации XVI–XVII вв. и сделал возможной дальнейшую разработку многих сторон истории Зауралья. По количеству затраченного труда и по значительности достигнутых результатов С.В. Бахрушин считает миллеровскую «Историю Сибири» основным вкладом, который ученый внес в избранную им науку. С.В. Бахрушин восхищается способностью Г.Ф. Миллера разобраться в обширном фактическом материале.

В рамках методологических установок времен сталинской историографии Г.Ф. Миллер представляется С.В. Бахрушиным «идеологом феодальной экспансии» коренного населения, создателем исторической схемы с ведущей идеей «славы россиян» и «государственной пользы»²⁷. Г.Ф. Миллера интересовало, по словам исследователя его деятельности, «завоевание как таковое, как счастье», благодаря которому Россия присоединила новые территории²⁸.

С.В. Бахрушин отмечал, что, исходя из общих построений летописцев, Г.Ф. Миллер отправной точкой своей теории колонизации Сибири избрал первые походы русских, в том числе «ермаковых казаков». С.В. Бахрушин отнес Г.Ф. Миллера к так называемому официально-правительственному или дворянскому направлению в историографии Сибири, которому свойственна идея «государственной пользы». Во всех произведениях Г.Ф. Миллера можно якобы проследить приверженность данному направлению. С.В. Бахрушин пришел к выводу, что Г.Ф. Миллер запечатлел ту схему завоевания Зауралья, которая была нужна русскому феодализму и которая поэтому крепко внедрилась в русской историографии (по крайней мере, до XIX в., когда историческая наука выработала иную схему присоединения Сибири, выдвинув в качестве основной цели освоения зауральских земель культуртрегерскую роль России)²⁹.

Для обоснования государственной целесообразности захвата Сибири Г.Ф. Миллер в своих работах неоднократно рисовал экономические возможности, открывавшиеся для русских в Сибири. В пример С.В. Бахрушин приводит описание Г.Ф. Миллером природных богатств Томского края и Приамурья³⁰.

По С.В. Бахрушину, именно из этого исходил Г.Ф. Миллер при разработке схемы истории Сибири. Основной вопрос, вокруг

которого строится его повествование, — завоевание Сибири русскими, присоединение ее к «Российской державе». В оценке С.В. Бахрушина этот вопрос, затмив все прочие, составляет главное содержание всего «Описания...»³¹. Цель исторического исследования Сибири в понимании Г.Ф. Миллера — на конкретном фактическом материале выяснить, как «российское могущество ежегодно более и более мест и народов к прежде покоренным присовокупляло», поскольку «с начала распространение границ, если не одним, то главнейшим было намерением». Поэтому Г.Ф. Миллер изображал экспансию за Уралом «в восторженных выраженьях», писал С.В. Бахрушин³².

Поскольку предполагалось, что труд Г.Ф. Миллера будет распространяться не только среди отечественных читателей, но и в европейских странах, отмечал С.В. Бахрушин, Г.Ф. Миллер проводил в своем труде мысль о добровольном характере подчинения сибирских народов России и о применении в их отношении насилия только в крайних случаях. Ученый XVIII в. хотел показать гуманность завоевания Сибири, хотя и указывал случаи «бунтов» аборигенов, стремящихся вернуть себе «прежнюю вольность». Применение тогда военной силы русскими Г.Ф. Миллер объяснял необходимостью упрочения государства. Г.Ф. Миллер находил спасительный «страх» основным принципом колониальной политики. Следовало добиться, чтобы «Сибирь трепетала российского имени», хотя, как писал С.В. Бахрушин, по признанию Г.Ф. Миллера, «кротостью и ласковыми словами» можно иногда привести «к послушанию»³³.

С.В. Бахрушин ставил в заслугу Г.Ф. Миллеру его добросовестность как историка, так как он не скрывал в своем труде фактов притеснения коренных жителей Зауралья российской администрацией и служилыми людьми, хотя и доказывал, что под русским управлением положение аборигенов было, в общем, не слишком тяжким³⁴.

Как показал С.В. Бахрушин, Г.Ф. Миллер интересовался и другой стороной колонизации Сибири — вопросом о «наполнении (ее) народом». Впрочем, по определению С.В. Бахрушина, данному вопросу он уделяет меньше внимания, чем завоеванию Сибири³⁵.

Г.Ф. Миллер в силу задач своего повествования поставил и вопрос о военной колонизации Сибири, отметил С.В. Бахрушин. Он подчеркивал стратегическое значение основанных за Уралом городов, особенно Тобольска. Г.Ф. Миллер ограничивал основную военную задачу колонизации первым периодом завоевания Сибири. Новый этап ее освоения в его глазах начинается с царствования Михаила Федоровича. Значение колонизации, с точки зрения С.В. Бахрушина, Г.Ф. Миллер видел в том, что она способствовала мирному присоединению территорий³⁶.

Г.Ф. Миллер рассматривал и просветительскую роль завоевателей, хотя, как находил ученый XX в., просвещение он понимал в узком, церковном смысле³⁷.

Идеолог «феодалной экспансии» из «третьего сословия», подытожил С.В. Бахрушин, наметил пути, которыми будет следовать последующая историография, отметил культурное значение русской колонизации, впрочем, не столь последовательно, как раскрыл основную тему о завоевании территорий за Уралом.

На взгляд С.В. Бахрушина, схема завоевания Сибири у Г.Ф. Миллера, в принципе, элементарна. Блестяще разработав огромный фактический материал, Г.Ф. Миллер в общих исторических построениях близок и к С. Есипову, и к С.У. Ремезову. С.В. Бахрушин объяснял это внешними причинами, прежде всего положением ученого, обязанного следовать запросам заказчика — феодального государства³⁸.

С.В. Бахрушин вновь вернулся к данной теме, написав примечания (совместно с А.И. Андреевым) к опубликованному в 1941 г. II тому «Истории Сибири» (продолжению начатого в 1937 г. издания труда прославленного историка XVIII в.), а также рецензию «Г.Ф. Миллер как историк Сибири» в журнале «Политическая и социально-экономическая литература»³⁹.

По словам С.В. Бахрушина, Г.Ф. Миллер применил лучшие методы исторического исследования «новейшей буржуазной науки Западной Европы его времени». Г.Ф. Миллер представил «основанный на документах, всесторонне проверенный очерк истории присоединения Сибири к России в XVI—XVII вв., научно разработанную хронику завоевания Сибири». В рецензии 1941 г. С.В. Бахрушин уже использовал два термина — «присоединение» и «завоевание» — по отношению к событиям, происходившим в XVI—XVII вв.⁴⁰

В своем монументальном труде по истории Сибири Г.Ф. Миллер предоставил сведения о колонизации, строительстве городов, острогов, слобод, отношениях русских с соседями, дал обзор важнейших административных мероприятий, предоставил данные о народах, с которыми сталкивались русские в ходе колонизации, — находил С.В. Бахрушин⁴¹.

Труд Г.Ф. Миллера признавался рецензентом первым опытом применения к историческому исследованию новых научных методов, выработанных исторической наукой XVIII в. С.В. Бахрушин в очередной раз отметил, что это — первая удачная попытка научного исторического исследования Сибири. (Труд В.Н. Татищева по истории России был, согласно С.В. Бахрушину, не более чем летописным сводом, поэтому им в расчет не брался). Рецензент подчеркнул, что Г.Ф. Миллер являлся пионером в разработке «местной, краевой» истории⁴².

Разнообразное содержание глав (VI–IX), вошедших во II том, позволило С.В. Бахрушину высоко оценить труд Г.Ф. Миллера: «...с исключительной тщательностью и серьезностью им не только собраны, но и проверены и уточнены рассеянные по многочисленным источникам сведения, касающиеся различных сторон сибирской жизни», например, дан точный обзор сибирских слобод с выяснением времени их основания.

В представлении С.В. Бахрушина Г.Ф. Миллер, правда, порой не соответствовал уровню современной ему науки. Так, его общее историческое мировоззрение было бедно, не предпринимались попытки осмыслить изучаемые процессы. Как был убежден Г.Ф. Миллер, события подчинены «шаштию», то есть случайности. Зависимости от общей концепции истории Сибири, рожденной политическими интересами правительства, Г.Ф. Миллер, — согласно С.В. Бахрушину, — не избежал, факты он рассматривал с позиции «пользы Российского государства», согласно которой «борьба народов Сибири с царизмом рисуется им как преступление». Эпизоды, неблагоприятные для царской администрации в Сибири, Г.Ф. Миллер вынужден был пропускать, несмотря на наличие материала по некоторым вопросам, заметил С.В. Бахрушин⁴³.

¹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Политическая и социально-экономическая литература. М., 1941. №7. С. 42.

² Бахрушин С.В. Основные течения сибирской историографии с XVIII века // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 104–113.

³ Там же. С. 105–106.

⁴ Там же. С. 106–107.

⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 53–71.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ См.: Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 374–416; Элерт Л.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

⁸ Бахрушин С.В. Основные течения... С. 106.

⁹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. I. С. 20–39; Он же. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Политическая и социально-экономическая литература. С. 43.

¹⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 55–56.

¹¹ Там же. С. 56–57.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 58–59.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 59–60.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Там же.

- ²⁰ Там же. С. 61-62.
- ²¹ Бахрушин С.В. Исторнография // Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т. 2. Стб. 377-380.
- ²² Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. С. 20-39.
- ²³ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 224-225.
- ²⁴ Бахрушин С.В. Исторнография. С. 378.
- ²⁵ Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 624. Оп. 1. Д. 448. Л. 7.
- ²⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 226-227.
- ²⁷ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. С. 47.
- ²⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 448. Л. 7.
- ²⁹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. С. 55.
- ³⁰ Там же. С. 42.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 42-43.
- ³³ Там же. С. 43-46.
- ³⁴ Там же. С. 46-47.
- ³⁵ Там же. С. 47-48.
- ³⁶ Там же. С. 48-49.
- ³⁷ Там же. С. 49-50.
- ³⁸ Там же. С. 50-55.
- ³⁹ См.: Бахрушин С.В. Примечания // Г.Ф. Миллер. История Сибири. М., 1941. Т. 2; Он же. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Политическая и социально-экономическая литература. С. 42-46.
- ⁴⁰ В примечаниях к § 24 шестой главы «Истории Сибири» мы читаем: «Земледелие у вогулов на р. Тавде существовало еще до завоевания Пельымского княжества московским царизмом» (Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. 2. С. 551).
- ⁴¹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Политическая и социально-экономическая литература. С. 43.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 45-46.

В.Н. Зубов

Поволжско-сибирская политика России времени Избранной рады в отечественной историографии 30–80-х гг. XX века (сопоставительный анализ)

Середина XVI века — время деятельности Избранной рады, то есть неофициального круга сподвижников Ивана Грозного конца 40-х — начала 60-х гг. XVI века. Политика России в отношении Ногайской орды, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств представляется как реализация восточного направления внешней политики Избранной рады в составе А.Ф. Адашева, Сильвестра, митрополита Макария, И.М. Висковатого и др.

В многообразных трудах, посвященных историографии внешней политики России XVI века, почти нет сравнительного анализа русско-поволжских и русско-сибирских отношений.

Исключением является сборник «Итоги и задачи изучения внешней политики России» (1981 г.), где проводится аналогия между государственными образованиями Поволжья и Западной Сибири: «Карта Европы и Азии освободилась от таких недолговечных и лишенных этнической и исторической традиции государственных образований, как Астраханское, Казанское и Сибирское ханства, Ливонский и Тевтонский ордена»¹.

Авторы акцентируют внимание на том, что «укрепление безопасности юго-восточных границ России происходило путем расширения её пределов и ликвидации полукочевых политических образований, обломков Золотой Орды — Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.) и Сибирского ханств (1598 г.)», то есть присоединение указанных территорий к России рассматривается в рамках единого процесса — активной самообороны Московского государства. Подобной постановкой проблемы снимается идеологическая острота вопроса о «добровольности» вхождения данных земель в состав России и обращается внимание на противодействие этому процессу со стороны Турции и его вассала — Крымского ханства.

В названной работе подчеркивается, что связанные с казанской войной как «крупнейшим событием восточной политики Российского государства» этнополитические изменения исследованы в «национальной историографии о вхождении Чувашии, Мордовии и Баш-

кирии в состав России». При этом указывается лишь работа В.Д. Дмитриева. В «Итогах и задачах изучения внешней политики России» говорится о тенденции к «синтегическому освещению» процесса присоединения Поволжья к России во взаимосвязи с общественно-политической мыслью России того времени. В этом отношении отмечена особая роль статьи С.О. Шмидта 1977 г. Специально подчеркнута важность «сибирского вопроса», имеющего «богатую» историографию. Авторы сборника ссылаются на тесную связь русско-сибирских и русско-ногайских отношений, взятия Казани и принятия «ногаями русского подданства». Авторы не обходят проблему «добровольности» этого акта, указывая на то, что «правители не сразу отказались от унаследованных ими золотоордынских притязаний», вплоть до падения Казани. Подобная позиция кажется выходящей за рамки концепции мирного присоединения. Далее, говоря о том, что в 1557 г. Кабарда, Адыгея и Черкессия включились в «орбиту внешней политики России», историки пишут: «Народы Северного Кавказа все более ориентировались на Россию как на защитницу и опору против угнетательной политики Османской империи и шахского Ирана». Таким образом, кажущееся противоречие снимается тем, что потомки Золотой Орды представлены как представители политики реакции, проводимой Османской империей. Несмотря на столь однозначные подходы, в работе приведены лишь ссылки на труды А.А. Преображенского, М.М. Федорова, Б.Б. Кочекаева, Е.Н. Кушевой, Ч.Э. Карданова, «Историю Сибири» в 5-ти томах. При многообразии соответствующих исторических трудов круг историографических исследований явно ограничен².

Все имеющиеся работы по теме можно условно разбить на следующие группы: исследования обобщающего характера, работы, посвященные изучению русско-поволжских контактов, труды, отражающие русско-сибирские отношения. Этой классификации, думается, не соответствуют работа А.Н. Усманова, рассматривавшего положение башкир в Казанском и Сибирском ханствах и в составе Ногайской орды, и статья В.И. Сергеева, посвященная историко-географической локализации понятия «Сибирь»³.

В.И. Сергеев анализирует уже первые упоминания о Сибири, до появления современного понятия «Сибирь». Историк приходит к выводу, что у С. Герберштейна в «Записках о Московии»: «понятие Сибирь двузачно: она включает территорию Башкирии (разделенную уже между ногайскими ордами и частично Казанским ханством)... Поэтому, надо полагать, вхождение Башкирии в состав России в царском титуле не нашло отражения: формула «вся Сибирская земли повелитель», которая «поряду с Казанскою землёю», включала и Башкирию»⁴. В доказательство своей версии исследователь приводит сообщения Даниила, принца из Бухова (1576 и 1578 гг.),

и англичанина Д. Флетчера от 1588 г. Известия Д. Флетчера о том, что Строгановы «приобрели земли в Сибири», и упоминание о Сибири как пространстве от Уральских гор до бассейна реки Обь позволили ученому прийти к выводу о существовании в середине XVI века понятия «Сибирь» в двух значениях: земли «за Тюменью» и лесные пространства на восток от Казанского ханства.

При этом В.И. Сергеев объясняет то, что «подданство сибирского князя Едигера ...привело ...к появлению необычайной приставки «И всеа Сибирская земли повелитель». Это заключение позволило В.И. Сергееву сделать другой вывод: «Суверенитет России распространялся на все земли от присоединенного Казанского ханства до Сибирского княжества включительно». Историк вслед за А.Б. Лакиером отмечает, что покорение Сибири в дальнейшем уже не повлияло на содержание царского титула. Далее историк отмечает, что в период борьбы с Кучумом понятие «Сибирь» распространяется на северо-запад⁵.

Но ещё С.В. Бахрушин писал, что «понятие «Югорской земли» выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Племенам же, известным раньше под именем югры, с XVI века присваивается татарское название «уштяк», или «остяки»»⁶. Исследователь подметил частую случайность употребления терминов «остяк» и «вогул». Исследователь пытался осуществить локализацию отдельных племен и даже определить их крайне приближительную численность.

В работе «Россия Ивана Грозного» (1936 г.) Б. Верховень рассматривает связи Московского государства с Поволжьем и Сибирью как частный момент развития России при Иване IV. В целом его работа по структуре напоминает книгу С.В. Бахрушина «Иван Грозный». Русско-сибирским отношениям посвящен самый маленький раздел работы (на полторы страницы). Собственно «завоевание» Сибири для автора начинается с выдачи Иваном Грозным жалованной грамоты Строгановым на земли по Каме в 1558 г. Б. Верховень отмечает «большие привилегии», данные купцам («собирать налоги, населять земли крепостными крестьянами, ставить крепости, нанимать войско для охраны»)⁷, — он не указывает на исключительное право владеть пушками и не увязывает выдачу грамоты с политикой Избранной рады. А хотя подобное было сделано ещё К.Ф. Валишевским и С.Ф. Платоновым⁸.

А.П. Окладников и А.Н. Копылов считают, что бахрушинские «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв.» отмечены приступом «к изучению конкретно-исторических проблем Сибири», тогда как сам С.В. Бахрушин думал, что именно начало работы над этими вопросами в теоретическом плане привело к осознанному переходу к конкретно-практическим изысканиям на последующих этапах его творчества⁹.

В статье «Задачи исторического изучения Сибири» С.В. Бахрушин писал: «Нас интересует не последовательный ход военного продвижения, даже не военное продвижение само по себе. Нас интересуют действующие силы мирного присоединения страны, завоевание не мечом, а трудом и культурой»¹⁰.

Нередко забывают, что С.В. Бахрушин в своих трудах дал целостное представление как о процессе присоединения Зауралья к России; так и о состоянии населявших его народов.

Отдельная книга исследователя даже так и называется «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» (1935). Основываясь на летописных сообщениях о походе князя Ф.М. Курбского и более поздних сообщениях, С.В. Бахрушин приходит к выводу, что «древние югорские» княжества XV–XVI вв. «очень мелкие; очевидно, в некоторых городках было по несколько князей». Чуть далее исследователь предполагает, что «очень рано, однако, можно заметить тенденцию к объединению этих княжеств в более обширные единицы». Естественность этого процесса С.В. Бахрушин объясняет тесными родственными связями князей друг с другом. Так, для XVI века, например, С.В. Бахрушин подсчитал, что «с белогорским князем Самаром... было в сборе восемь князцев; таким же большим князем был во времена Ермака на нижней Оби кодский князь Алача»¹¹.

Говоря об экспансии Строгановых, исследователь подчеркивает «далеко не безропотную позицию манси», нашедших союзников в лице строгановских крестьян и мелких служивых людей.

Исследователь констатировал, что в XVI в. «небольшие мансийские и хантские княжества (*кодские и обдорские* — В.З.) попали в зависимость от татарских ханов, господствовавших у слияния Иртыша с Тоболом». Эта зависимость в оценке С.В. Бахрушина была очень поверхностна, ограничивалась уплатой ясака и некоторой военной помощью сибирским «царям»¹².

По заключению С.В. Бахрушина, «отношения между Москвою и ее югорскими вассалами в XV–XVI вв. определялись царской грамотой 1558 г... Москва принимала князей Югорской земли под свое покровительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своєю рукою держати», и в обмен требовала дани со всякого человека по соболу, грозя в случае неповиновения «вострою саблею»¹³. С точки зрения С.В. Бахрушина, русское правительство использовало кодских князей для подчинения соседних с ними остяцких и югорских племен. Поэтому местная княжеская династия сохранила свою власть и после присоединения земель по нижней Оби к русскому государству.

С.В. Бахрушин сформулировал тезис о том, что «русские государи просто «перевели» на себя ясаки», до тех пор уплачиваемые их предшественникам (*татарам* — В.З.)». По его словам,

«чрезвычайно облегчился сбор ясака тем, что во многих случаях на местах еще до русских существовал известный учет ясачного населения, и сибирский царь Едигер уже сообщал царю Ивану точное число подданных, с которых он обязался давать дань...»¹⁴.

Ученый также показал, что Пелымское ханство нельзя воспринимать как нечто единое, Конда и Табары входили в него как самостоятельные части¹⁵.

Итак, бахрушинская концепция «присоединения Сибири к России» не сводится только к завоеванию Московским государством зауральских земель, она учитывает комплекс факторов, в том числе способствующих мирному вхождению Сибири в состав русско-государства.

И.А. Коротков в книге «Иван Грозный. Военная деятельность» (1952 г.) высказал мнение, что если бы не действия Кучума, то уже в 1555 г. Сибирь вошла бы в состав России¹⁶. (Подобных взглядов придерживались и дореволюционные историки К. Валишевский и И.В. Щеглов)¹⁷. И.А. Коротков также отметил, что первые строгановские предприятия на Урале появились в 1558 г. и сразу же стали «исходными военно-стратегическими базами московского правительства», то есть едва ли не впервые в историографии категорически связал факты русско-сибирской политики с деятельностью Избранной рады. Подобное мнение высказал еще в 1947 г. Т. Красинский, но в предположительной форме¹⁸.

А.А. Преображенский в монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII веков» (1972 г.) писал, что борьба Едигера с Кучумом «не нарушила вассальных отношений Сибири к Русскому государству», а прекращение поступления дани объяснил тем, что Кучуму пришлось много лет «воевать против непокорных феодалов, подавлять выступления сибирских народов». «В основном мирными» называет исследователь русско-сибирские отношения с 1559 по 1570 гг. Примерно об этом же писал позже и Р.Г. Скрынников¹⁹.

А.Л. Хорошкевич, исследуя «задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного», скорее всего, первой в историографии поставила под сомнение неотложность курса на аннексию Сибирского ханства в 1555 г.²⁰

В целом историография русско-сибирских отношений середины века отличается лапидарностью и отсутствием единой концепции. Иная картина предстаёт при рассмотрении историографии вхождения Поволжья в состав России.

Современный исследователь А.Г. Бахтин в статье «Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России» скептически оценил достижения ученых по рассматриваемой им проблематике. Всю советскую историографию темы историк делит на три течения. Одни

В статье «Задачи исторического изучения Сибири» С.В. Бахрушин писал: «Нас интересует не последовательный ход военного продвижения, даже не военное продвижение само по себе. Нас интересуют действующие силы мирного присоединения странг, завоевание не мечом, а трудом и культурой»¹⁰.

Нередко забывают, что С.В. Бахрушин в своих трудах дал целостное представление как о процессе присоединения Зауралья к России, так и о состоянии населявших его народов.

Отдельная книга исследователя даже так и называется «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» (1935). Основываясь на летописных сообщениях о походе князя Ф.М. Курбского и более поздних сообщениях, С.В. Бахрушин приходит к выводу, что «древние югорские» княжества XV–XVI вв. «очень мелкие; очевидно, в некоторых городках было по несколько князей». Чуть далее исследователь предполагает, что «очень рано, однако, можно заметить тенденцию к объединению этих княжеств в более обширные единицы». Естественность этого процесса С.В. Бахрушин объясняет тесными родственными связями князей друг с другом. Так, для XVI века, например, С.В. Бахрушин подсчитал, что «с белогорским князем Самаром... было в сборе восемь князцев; таким же большим князем был во времена Ермака на нижней Оби кодский князь Алача»¹¹.

Говоря об экспансии Строгановых, исследователь подчеркивает «далекую не безропотную позицию манси», нашедших союзников в лице строгановских крестьян и мелких служивых людей.

Исследователь констатировал, что в XVI в. «небольшие мансийские и хантские княжества (*кодские и обдорские* — В.З.) попали в зависимость от татарских ханов, господствовавших у слияния Иртыша с Тоболом». Эта зависимость в оценке С.В. Бахрушина была очень поверхностна, ограничивалась уплатой ясака и некоторой военной помощью сибирским «царям»¹².

По заключению С.В. Бахрушина, «отношения между Москвою и ее югорскими вассалами в XV–XVI вв. определялись царской грамотой 1558 г.: Москва принимала князей Югорской земли под свое покровительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати», и в обмен требовала дани со всякого человека по соболу, грозя в случае неповиновения «вострою саблею»¹³. С точки зрения С.В. Бахрушина, русское правительство использовало кодских князей для подчинения соседних с ними остяцких и югорских племен. Поэтому местная княжеская династия сохранила свою власть и после присоединения земель по нижней Оби к русскому государству.

С.В. Бахрушин сформулировал тезис о том, что «русские государи просто «перевели» на себя ясаки», до тех пор уплачиваемые их предшественникам (*татарам* — В.З.)». По его словам,

«чрезвычайно облегчился сбор ясака тем, что во многих случаях на местах еще до русских существовал известный учет ясачного населения, и сибирский царь Едигер уже сообщал царю Ивану точное число подданных, с которых он обязался давать дань...»¹⁴.

Ученый также показал, что Пелымское ханство нельзя воспринимать как нечто единое; Конда и Табары входили в него как самостоятельные части¹⁵.

Итак, бахрушинская концепция «присоединения Сибири к России» не сводится только к завоеванию Московским государством зауральских земель, она учитывает комплекс факторов, в том числе способствующих мирному вхождению Сибири в состав русского государства.

И.А. Коротков в книге «Иван Грозный. Военная деятельность» (1952 г.) высказал мнение, что если бы не действия Кучума, то уже в 1555 г. Сибирь вошла бы в состав России¹⁶. (Подобных взглядов придерживались и дореволюционные историки К. Валишевский и И.В. Щеглов)¹⁷. И.А. Коротков также отметил, что первые строгановские предприятия на Урале появились в 1558 г. и сразу же стали «исходными военно-стратегическими базами московского правительства», то есть едва ли не впервые в историографии категорически связал факты русско-сибирской политики с деятельностью Избранной рады. Подобное мнение высказал еще в 1947 г. Г. Красинский, но в предположительной форме¹⁸.

А.А. Преображенский в монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII веков» (1972 г.) писал, что борьба Едигера с Кучумом «не нарушила вассальных отношений Сибири к Русскому государству», а прекращение поступления дани объяснил тем, что Кучуму пришлось много лет «воевать против непокорных феодалов, подавлять выступления сибирских народов». «В основном мирными» называет исследователь русско-сибирские отношения с 1559 по 1570 гг. Примерно об этом же писал позже и Р.Г. Скрынников¹⁹.

А.Л. Хорошкевич, исследуя «задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного», скорее всего, первой в историографии поставила под сомнение неотложность курса на аннексию Сибирского ханства в 1555 г.²⁰

В целом историография русско-сибирских отношений середины века отличается лапидарностью и отсутствием единой концепции. Иная картина предстаёт при рассмотрении историографии вхождения Поволжья в состав России.

Современный исследователь А.Г. Бахтин в статье «Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России» скептически оценил достижения ученых по рассматриваемой им проблематике. Всю советскую историографию темы историк делит на три течения. Один

авторы «подчеркивают агрессивность России, полностью отвергают объяснение завоевания Поволжья необходимостью обороны и видят причины этого акта исключительно в интересах русских феодалов и купечества». По мнению ученого, эта точка зрения была распространена повсеместно в 20-х — начале 30-х гг. К этому направлению историк относит, в частности, М.Н. Покровского, М.Г. Худякова, С.Х. Алишева. Другие исследователи «в равной мере указывают на экономические и политические причины». В эту группу историков ученый включает и С.Ф. Платонова, В.И. Буганова, Р.Г. Скрынникова. Наконец, третьи «основную причину видят в необходимости борьбы с внешней агрессией... экономическим причинам уделяется несущественное место или о них вообще ничего не говорится». Это Б. Верховень, С.В. Бахрушин, С.О. Шмидт, Б.Н. Флоря.

А.Г. Бахтин обращает внимание на тот факт, что «с середины 50-х годов исследование вопроса о причинах присоединения Среднего Поволжья и Приуралья практически не велось, новые источники практически не привлекались; из одного сочинения в другое переходили уже известные, порой не бесспорные факты и выводы; сформировался ряд аксиом, штампов». К числу этих штампов историк относит: экстенсивное решение социально-экономического кризиса при содействии государства, представление о широкой крестьянской колонизации Поволжья в XVI веке, И.С. Пересветов как сторонник распространения поместной системы в Поволжье — заинтересованность русского купечества в волжском пути²¹. Насколько же справедлива предложенная историком схема?

А.Н. Григорьев в статье «Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (со второй половины XVI в. до февраля 1917 г.)» (1936 г.) рассмотрел процесс христианизации народов Казанского ханства в ракурсе колониальной политики России. Историк указал на то, что Казанский край не был покорен сразу. А.Н. Григорьев отмечал, что христианизация народов Поволжья началась лишь после осознания русским правительством неэффективности других мер, таких, как предоставление привилегий промосковской партии, строительство крепостей и раздача оставленных татарам земель русским дворянам. Христианизация рассматривается ученым как средство идеологического подчинения покоренных народов. Он указывает и на инструменты этой политики: льготы новокрещенам (в уплате ясака, амнистия, предоставление лучших угодий) и основные сети монастырей (1552–1556 гг.). Исследователь подчеркивает, что крещение проводилось и насильственными методами. В целом А.Н. Григорьев считает политику христианизации неэффективной, так как большинство новокрещеных «продолжало оставаться в мусульманстве и язычестве»²².

Б. Верховень упомянул о династическом кризисе в Казани. Говоря о походах 1549–1550-х гг., ученый связал их неудачный исход с отсутствием «военной и продовольственной базы», которой затем стал Свяжск. В работе Б. Верховеня дипломатическая предыстория третьего похода на Казань (1552 г.) опускается, речь идет о третьем походе. Автор подчеркивает, что «татары оказывали русским весьма сильное сопротивление. Даже женщины и дети принимали участие в борьбе». Историк показывает и агрессивность русской колонизации: в Казань «...было переселено много русских служилых людей — дворян и купцов, татарам же разрешалось жить только в пригородной слободе»²³. Тем самым историк раскрывает причины «взятия» Казани русскими войсками. Историк настойчиво отмечает, что оно было лишь началом покорения Казанского края: «Ещё 3–4 года шла борьба в окрестностях Казани...» Историк повествует в этой связи о походе А. Курбского для усмирения Казани. Как продолжение этого процесса историку видится «покорение» народов Поволжья: татар, мордвы, чувашей, марийцев, башкир, удмуртов и других. В качестве продолжения колонизации Б. Верховень рассматривает строительство крепостей, в частности, в 1556 г. Чебоксар. Историк указывает на то, что неудачно выбранная промосковской партией при поддержке погаев кандидатура Ямгурчя на астраханский «юрт» привела к походу московских войск на Астрахань. По мнению Б. Верховеня, «покоренные» народы Поволжья и Северного Кавказа сразу же перешли в состояние «угнетаемых самодержавием»²⁴. Как видно, в целом автор придерживался той же идеологической концепции, что и его современник А.Н. Григорьев, что объясняется приматом «сталинского» подхода к истории. Но в рамках этого подхода Б. Верховень практически не уделяет внимания христианизации, отдавая предпочтение военно-политической стороне дела.

Автором ряда трудов, освещающих русско-казанские отношения середины XVI века, является С.В. Бахрушин («Расширение Русского государства при Иване IV», «Иван Грозный», «Избранная рада Ивана Грозного», «Взятие Казани»)²⁵.

В статье «Расширение Русского государства при Иване IV» ученый освещает русско-казанские отношения на фоне усиления централизации России крайне схематично, практически без установления взаимосвязи между русско-казанскими и русско-крымскими отношениями.

Следующая работа видного историка, если следовать хронологии, — это его книга «Иван Грозный», изданная впервые в 1946 г. В этой работе прослежено влияние личности Ивана Грозного на развитие Московского государства и раскрыты закономерности развития России практически во всех сферах — от экономической до культурной.

Наиболее развернутое освещение русско-казанские отношения получили в труде С.В. Бахрушина «Взятие Казани».

В статье «Избранная рада Ивана Грозного» С.В. Бахрушин касается причин переориентации российской внешней политики на Запад.

Перечисленные труды (кроме книги «Иван Грозный») являются научно-популярными и практически не содержат ссылок на источники и работы предшественников.

С.В. Бахрушин рассматривал русско-казанские отношения в контексте не только с внешнеполитическими условиями (причем учитывались и европейские страны), но и с закономерностями внутреннего развития России. Ученый показывает, что «взятие Казани в 1552 г. было не только следствием действия конкретных факторов и обстоятельств», но и отражением «особого этапа в развитии русского государства, переходом к расширению своих границ за счет соседних народностей»²⁶. Это был новый подход к русско-казанским отношениям.

С.В. Бахрушин указывает на факт соперничества Москвы и Казани уже в XV веке, подчеркивает, что «Казань в своих выступлениях против Москвы действовала в тесном союзе с Крымом, за спиной которого стояла могущественная турецкая империя»²⁷. При этом исследователь полагает, что крымский хан хотел присоединить к себе Казанское ханство (подобный взгляд высказывался и ранее).

В качестве особого фактора русско-казанских отношений того времени С.В. Бахрушин выделяет «большой вес» рабов в экономике ханства, что объясняло постоянные набеги казанских татар на «пограничные русские области». Исследователь пишет, что «в 1551 г. в Казани, по преуменьшенным данным, находилось около 60 000 русских пленных» (те же данные приводят Н.М. Карамзин и С.Ф. Платонов)²⁸.

Ещё одним фактором напряженности в русско-казанских отношениях, который побуждал Москву к войне, С.В. Бахрушин считал контроль Казанского ханства над волжским и каспийским торговыми путями.

По мнению ученого, специфику русско-казанских отношений между прочим определяло наличие в правящей элите Казани двух группировок, непрерывно боровшихся друг с другом: промосковской и прокрымской, что давало Москве и Крыму возможность «вмешиваться во внутренние дела Казанского ханства». Определение этих группировок в зависимости от отношения к России представляется заслугой С.В. Бахрушина.

Как находит исследователь, к 1548 г. «вокруг возмужавшего Ивана IV... образовалось сильное правительство... наоборот, в Казани в это время ханом был малолетний Утемыш, от имени которого правила его мать», и если «Избранная рада опиралась на широкую поддержку дворян», то Сююн-беки — на «крайне непопулярных крымцев в Казани»²⁹. Соответственно, по утверждению

С.В. Бахрушина, «в программе дворянства стояло на очереди завоевание Казани в целях расширения поместного земельного фонда»³⁰. В этих рассуждениях ученого нетрудно усмотреть влияние популярной тогда идеи о борьбе дворян с боярами.

С точки зрения исследователя, строительство Свияжска привело к тому, что «горная черемиса послала посольство к Ивану IV с тем, чтобы велел бы им быть у Свияжского города и воевать их не велел, за что обязались платить в московскую казну яsak пушниной». Постройку Свияжска казанцы восприняли как «серьезное военное поражение». Недаром казанцы просили о назначении в ханы касимовского царевича Шах-Али. С.В. Бахрушин вслед за Н.М. Карамзиным считает этот шаг казанцев, выдавших царским воеводам Сююн-бике и её сына, уступкой ради возвращения Горной стороны. Правда, дату посольства ученый не называет и хода переговоров не касается.

Естественным следствием этих переговоров С.В. Бахрушину видится то, что 16 августа 1551 г. «Шах-Али въехал в Казань в сопровождении двух московских бояр». С.В. Бахрушин вслед за Н.М. Карамзиным и С.Ф. Платоновым указывает на жесткость условий, поставленных перед Шах-Али правительством Ивана IV: «освобождение всех русских пленников и отказ от Горной стороны». Исследователь указывает на «сильное раздражение» казанцев позицией Москвы. Обращение в январе 1552 г. казанских послов к Ивану IV с просьбой о выводе Шах-Али из Казани и посылке туда московского наместника для С.В. Бахрушина является доказательством того, что «среди части казанской знати уже зрело сознание неизбежности присоединения Казани к Москве... возник проект союза между обоими государствами на условии сохранения за казанскими феодалами их привилегий»³¹. Эта связь была раскрыта в историографии впервые.

С.В. Бахрушин лишь приводит факты возвращения посланного Иваном IV в Казань наместника С.И. Микулинского в Свияжск и приглашения казанцами на ханство Ядигара (Едитера) из Ногайской орды, но не раскрывает перипетий противостояния промосковской и прокрымской партий в Казани. Историк только ссылается на то, что «в союзе с казанцами был крымский хан Девлет-Гирей», не вдаваясь в конкретную расстановку сил. С.В. Бахрушин не раскрывает и политику Москвы, направленную на изоляцию Казани от Крымского ханства. С точки зрения исследователя, Девлет-Гирей, узнав о том, что московские войска выступают в поход, «рассчитывал на то, что русская рать уже находится под Казанью и что ему удастся беспрепятственно вторгнуться в русские пределы». По мнению историка, лишь то, что «главные русские силы ещё не выступали в поход и успели загородить путь крымцам», привело к неудаче удара крымского хана в тыл русским войскам.

Само «взятие Казани» исследователь оценивает как «очень крупный военный успех и результат значительных достижений русской армии того времени. Многовековая угроза с востока, тяготевшая над русским народом и мешавшая успешному развитию его сил, была устранена. Прекратились набеги казанских татар на восточные пределы Русского государства... уничтожены были препятствия к расселению русского народа на плодородных... пространствах Среднего и Нижнего Поволжья. Открылись торговые пути к рынкам Азии. Русская культура беспрепятственно распространялась на восток, на земли, населённые более отсталыми народами... на западе Русскому государству открылась возможность приступить к решительной борьбе для прорыва блокады...»³². Но почти десятилетием ранее историк писал: «С падением Казани борьба казанских феодалов против русского государства не прекратилась и продолжалась в течение 6 лет, до 1558 г. Направляемые московским правительством в глубь страны военные экспедиции терпели нередко серьёзные неудачи»³³. Приведенные суждения не противоречат друг другу, так как в книге «Иван Грозный» исследователь заключает, что «результат борьбы был ясен с самого начала: соперничать с мощным централизованным Русским государством было не под силу слабому Казанскому «царству», ещё далеко не изжившему в XVI веке феодальной раздробленности, тем более после того, как пал политический центр ханства». Думается, что оптимистичная оценка «взятия Казани» — не только следствие обстоятельств выхода работы, но и взгляда С.В. Бахрушина на перспективу освободительного движения в Казанском крае. Кажется, при таком подходе недооцениваются далеко непростые русско-ногайские и русско-крымские отношения, да и то, что Османская империя в XVI в. достигла пика своего могущества. Правда, в «Иване Грозном» С.В. Бахрушин так очерчивает контур политики Москвы на Северном Кавказе: «Русское правительство искусно использовало вражду, существовавшую между бывшими хозяевами края — татарами и прочими народами Поволжья, и классовые противоречия между основной массой населения и феодалами, как татарского, так и местного происхождения, чтобы разъединить и ослабить силы восставших».

По мнению С.В. Бахрушина, «казанское взятие» «решило судьбу и Астраханского «юрта». При этом исследователь подчёркивает, что «взятие» Астрахани произошло «без боя», поскольку «московское правительство сумело опереться на ногайских мурз, враждовавших с ханами, ставленниками Крыма». Присоединение Астрахани в 1556 г. к России исследователь называет «оккупацией»³⁴. Думается, нужно учитывать, что в 1946 году этот термин носил ярко негативный оттенок.

Описывая взятие Астрахани в статье «Расширение русского государства при Иване IV», С.В. Бахрушин отмечает: «в 1556

году... московские люди прогнали хана ногайских татар и заняли их столицу — город Астрахань».

Приведенные цитаты, казалось бы, находятся в противоречии между собой. Но это ощущение лишь кажущееся, ибо в первом случае явно имеются в виду русско-ногайские переговоры 1553 г., которые с русской стороны возглавлял А.Ф. Адашев, а основанием для утверждения об изгнании ногаев из Астрахани служит инцидент с Дервиш-Али, ярко описанный Е.Н. Кушевой³⁵. К сожалению, С.В. Бахрушин не касался этих коллизий, вскрывающих прокрымскую ориентацию Дервиш-Али, обманувшего ожидания Москвы.

С.В. Бахрушин акцентирует внимание читателя на том, что примерно к этому времени и Ногайская орда, «ослабленная феодальными распрями, должна была признать себя в «холопстве», то есть в вассальной зависимости от Москвы».

Само по себе присоединение Астрахани, по мнению историка, открыло России «широкие перспективы на юго-востоке... для установления торговых отношений со Средней Азией и Азербайджаном». (Об этом же писал С.Ф. Платонов.)

В оценке исследователя «внешняя политика Избранной рады вплоть до 1558 г. шла по линии, предуказанной Иваном Пересветовым... формально правительство Адашева пало в результате разногласий по вопросу о внешней политике. Адашев и его «советники» настаивали на продолжении наступательных войн против татар и на завоевании Крымского ханства».

Исследователь так объясняет причины антикрымской политики Избранной рады: «Блестящий успех, увенчавший поход в 1552 году, «Казанское взятие», отдавшее всё Среднее Поволжье в руки Москвы, и последовавшее затем присоединение Астрахани вызвали со стороны Избранной рады мысль о покорении Крыма». (Примерно так же рассуждал и Н.И. Костомаров)³⁶.

Оригинальность подхода ученого к проблеме состоит в том, что, не углубляясь в детали, С.В. Бахрушин сумел определить те аспекты в русско-казанских отношениях, которые и в современной историографии являются дискуссионными.

И.П. Ермолаев, предпринявший исследование организационного устройства и деятельности органов управления Казанским краем с середины XVI в. до начала петровских преобразований, определяет этногеографическое содержание понятия «Казанский край», как включающий «в себя бассейн Волги (от р. Суры до Самарской Луки), среднюю и нижнюю части бассейна Камы и Вятки»³⁷.

И.П. Ермолаев отметил зависимость: «Удаленность края от центра страны и враждебное на первых порах отношение большинства населения к московскому господству требовали создания особой системы местного управления, не похожей на управление дру-

гими областями и вместе с тем не противоречащей традиционным принципам. Эта система должна была сочетать в себе военный характер и гражданские формы управления, полноту власти местных органов и отказ от изживших уже даже в центре России принципов кормления, которые везде вызывали недовольство населения и усиливали его возмущение против угнетения со стороны господствующих кругов феодалов»³⁸. При этом историк впервые в историографии показал уникальность стоящих перед русским правительством задач.

Историк детально описывает действия власти сразу после «взятия» Казани. И.П. Ермолаев считает, что именно в это время прорабатывается структура власти в крае: «Прежде всего это общая структура управления, во главе которой должны были стоять двое воевод: один для военных походов, неизбежность которых... была ясна, другой для гражданского управления. Ясно, что власть этих двух начальников должна была четко соотноситься... Но вместе с тем решение основных проблем необходимо было оставить за царем, за Москвой, чтобы не создать из Среднего Поволжья еще одно подобие удельного княжества»³⁹.

Анализируя послания Ивана Грозного в Москву, историк отмечает, что царь «хотел править новым краем через русских людей, но с помощью представителей верхов татарского господствующего класса. Он надеялся замирить и укрепить за Россией край руками татарских музрз и князей. Он еще не предполагал неизбежности массового и длительного восстания Казанской земли, в ходе которого должны были исчезнуть все крупные представители верхов господствующего класса бывшего Казанского ханства — одни в кровопролитных сражениях, другие в крымской и иной эмиграции»⁴⁰.

И.П. Ермолаев указывает на то, что восстание, продолжавшееся до падения ханской столицы, до весны 1557 г., в Казанском крае началось как «движение против присоединения к России». Историк отметил неадекватную реакцию московской власти на причины восстания, тем самым опровергая вывод, сделанный А.Н. Григорьевым относительно причин этого движения. Историк подчеркивает, что участие простых людей в восстаниях поначалу было следствием того, что представители старой знати были им привычнее.

Особо тщательно историк фиксирует факты переходов татарской знати на русскую службу, указывает на то, что к 1557 г. почти вся политическая элита «старой» Казани была ликвидирована.

Астраханская кампания Москвы предстаёт под пером И.П. Ермолаева как обеспечение изоляции восставших от Ногайской орды и Крымского ханства. Историк метко замечает, что в 1553–1557 гг. «для царского правительства становилось уже привычным к осени формировать большую армию для похода «на луго-

вых людей». Историк отметил, что с разгромом «Астраханского ханства» «ногайский князь Исмаил вынужден был просить у Ивана IV убежища»⁴¹.

С.О. Шмидт рассматривал русско-казанские, русско-астраханские, русско-ногайские и русско-сибирские отношения в таких трудах, как «Правительственная деятельность А.Ф. Адашева» (1954 г.), «Предпосылки и первые годы «Казанской войны (1545–1549)», «Восточная политика России накануне «Казанского взятия» (1964 г.), «Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени», «К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI века» (1966 г.), «Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века (в послевоенные годы» (1965 г., опубликован в 1998 г.), «Отзыв на книгу С.М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» (1968 г.), «Вопросы истории России XVI века в советской исторической литературе 1950-х — начала 1960-х годов» (1962 г.), в совместной с И.Б. Грековым работе «Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20–50-е годы XVI в.» (1984 г.), «А.Ф. Адашев и начало Ливонской войны» (1990 г.)⁴².

В статье «Правительственная деятельность А.Ф. Адашева» исследователь касается интересующей нас темы вскользь, основное внимание уделяя внутривластной деятельности руководителя Избранной рады. Но именно в этой статье упоминается о роли А.Ф. Адашева в русско-сибирских отношениях.

В работе «Предпосылки и первые годы «Казанской войны (1545–1549)» автор рассматривает весь спектр русско-казанских отношений и прослеживает влияние на них крупных держав региона. При этом С.О. Шмидт пришел к выводам, которые послужили основой для его дальнейших размышлений, отраженных в статье «Восточная политика России накануне «Казанского взятия». Там данные выводы уточнены с учетом новейших достижений отечественной историографии. «Восточная политика России накануне «Казанского взятия» представляет собой самое подробное изложение перипетий русско-казанской борьбы.

В очерке «Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени» исследователь стремится показать роль знаменитого «первосвятителя» в составе Избранной рады, подчеркнуть специфику приемов его участия в реализации намеченных реформ. Здесь обстоятельства причастности Макария к внешней политике Избранной рады считаются доказательством его роли во внутренней политике.

Рассматривая русско-крымские отношения первой трети XVI века, С.О. Шмидт попутно высказывает наблюдения, которым следует и при рассмотрении восточной политики России середины XVI века.

Но эти наблюдения носят эпизодический характер и в целом повторяют те, которые есть в его статье «Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549), на что указывает и сам историк.

К истории русско-казанских и русско-крымских отношений автор возвращается в двух работах конца 80-х гг.: в совместной с И.Б. Грековым главе коллективной монографии «Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20–50-е годы XVI в.», «А.Ф. Адашев и начало Ливонской войны». В первой из них С.О. Шмидт в основном передаёт содержание своих более ранних работ о русско-казанских отношениях, во второй рассматривает интересующую нас проблему с учетом современной историографии, уделяя также внимание участию А.Ф. Адашева в переговорах с европейскими странами, его роли в походах в Прибалтику.

В статьях «Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века в послевоенные годы», «Вопросы истории России XVI века в советской исторической литературе 1950-х — начала 1960-х годов», «Отзыв о книге С.М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» ученый анализирует историографию времени, когда проявлял особый интерес к восточной политике Избранной рады. В первом труде специально рассматриваются аспекты историографии в контексте источниковедческого изучения социально-экономической и политической истории России XVI века. Думается, автору удалось связать воедино особенности развития историографии внутренней и внешней политики Ивана Грозного. С.О. Шмидт писал, что вопросы внешней политики России до середины 40-х гг. XX века «не подвергались монографическому исследованию», хотя подчеркнул, что «первостепенное значение борьбы с Казанским ханством для дальнейших судеб Российского государства и развития международных отношений в Восточной Европе отметил ещё в 1944 г. И.И. Смирнов» (С. 42.).

С.О. Шмидт делает вывод о недооценке исследователями самостоятельности восточной политики Русского государства середины XVI века. «Казанское взятие» рассматривалось ими как «прелюдия... к Ливонской войне». Учёный считает, что эта тенденция прослеживается даже в трудах С.В. Бахрушина. О дипломатической подготовке «Казанского взятия» С.В. Бахрушин действительно упоминает (в двух абзацах), но «Казанскому взятию» историк посвящает главу книги «Иван Грозный» и статью «Покорение Казани». С.О. Шмидт подчеркивает, что в 40-х — начале 60-х гг. наблюдался отход от традиционной точки зрения на присоединение Поволжья к России. Наибольший вклад, по мнению историка, в исследование этой темы внесли Е.Н. Кушева, А.А. Новосельский, М.Г. Сафаргалиев, И.И. Смирнов, Н.А. Смирнов, М.В. Фехнер. В оценке С.О. Шмидта благодаря их исследованиям «обнаружилось,

что имеется достаточно источников для восстановления более или менее полной картины внешней политики России и на востоке, и на юге...». Учеными «изучались русско-турецкие, русско-крымские, русско-ногайские и русско-иранские отношения, предпосылки и ход Казанской войны и весь комплекс взаимоотношений России с мусульманскими юртами в середине XVI века, политика Российского государства на Северном Кавказе, дипломатические и торговые сношения с государствами Закавказья и Средней Азии». При этом автор ссылается также на свои труды, работы Г.Д. Бурдея, Т.Х. Кумыкова, Ш.А. Месхиа, Я.З. Цинцадзе. С.О. Шмидт также отмечает значение и работ, посвященных истории отдельных народов и регионов России, в которых «показано прогрессивное значение включения этих народов в Российское государство». (Налицо явное влияние господствующей в то время идеологии.)

Вместе с тем исследователь наметил некоторые упущения в изучении данных проблем, призвав «детально ознакомиться с характером взаимоотношений русского народа и царского правительства с присоединенными народами»; «глубже изучить народную колонизацию окраин и прогрессивное воздействие русского трудового населения на развитие местной культуры и общественных отношений»; «на исторические корни дружбы народов»; одновременно следовало «проследить первоначальные формы колониальной политики царизма, превратившей Россию в тюрьму народов» (С. 43-44).

Как видно, С.О. Шмидт основное внимание уделил русско-казанским отношениям, считая, что присоединение Нижнего и Среднего Поволжья к России не только изменило облик региона, но и «определило новое соотношение сил государств Европы и Азии»; падение же Казани считается им важнейшим этапом в этом процессе.

С.О. Шмидт рассматривал политику России накануне «Казанского взятия», в 1551-1552 гг., когда «московское правительство прилагало настойчивые усилия подчинить Казань без издержек, связанных с военным походом» (С. 118).

Исследователь констатирует, что «вопрос этот... остаётся монографически не изученным». Автор выделяет лишь специальные труды, рассматривавшие военную сторону проблемы, указывая, что беглое освещение дипломатической подготовки можно встретить лишь в общих трудах по истории России, в трудах по истории Поволжья и татарских ханств.

Русский поход на Казань 1549-50 гг. автором связывается с обострением русско-казанских отношений после прихода к власти «крымской группировки во главе с Кучаком». Исследователь подчеркнул, что именно из-за неудачи этого похода «в Москве вырабатывается широкая программа полного постепенного подчинения

Казанского ханства власти государя...» (С. 118). Автор отметил, что заранее была запланирована для реализации этой цели серия военно-административных реформ, включая и отмену местничества; заметна и роль митрополита Макария в обосновании Казанской войны. Ученый указывает на то, что данная проблема решалась с религиозной и политической стороны «соборне».

Важными пунктами данной программы С.О. Шмидту представляется также «ослабление Казани изнутри и внешняя изоляция ее от других юртов».

Уделяет внимание ученый и творцам дипломатической программы. Он считает, что в её создании приняли участие казанский хан Шах-Али, казанские «феодалы-эмигранты», ногайские мурзы, А.Ф. Адашев («как первый советник государя»), боярин И.В. Шереметев Большой, думный дьяк И.М. Висковатый (как руководитель Посольского приказа). Последним трём историк отводит главную роль в конкретизации плана. К сожалению, автор не раскрывает участия перечисленных лиц в разработке всей стратегии и военной части московского плана.

С.О. Шмидт называет основные исходные постулаты составителей плана: наличие противоречий в среде казанских феодалов, переход Горной стороны, населенной чувашами, к России, отсутствие единства между мусульманскими юртами. Исследователь отмечает не только степень новизны предлагаемых методов, но их своевременность. Так, по заключению С.О. Шмидта, основу программы составляет опыт борьбы не только с Казанским ханством, но и с другими юртами, и «в большем объёме». Первым этапом реализации программы автор считает «посаждение» на казанский престол московского ставленника Шах-Али и закрепление за Россией Горной стороны. Как дополнительная мера, по мнению исследователя, при реализации этой программы предусматривалась изоляция Казани в целях недопущения втягивания России в войну на два и даже три фронта (восток, юг, запад). При рассмотрении подготовки «взятия Казани» исследователь касается и европейско-турецких отношений. Историк считает, что Турция хотела сколотить антирусский блок и дала фирман на Казань представителю рода Гиреев, посылала представителей к знатым ногаям. Эти действия исследователь считает однозначно агрессивными, прикрытыми религиозными лозунгами. Историк находит положение ногаев стратегически важным для исхода этой борьбы, что понимали как в Москве, так и в Стамбуле. Ученый считает, что одной из целей послышки П. Тургенева в Ногайскую орду в 1551 г. было противодействие плану «создания мусульманского пакта против России». Исследователь подробно останавливается на методах, использованных русским дипломатом для нейтрализации действий

турецкого посла. С.О. Шмидт утверждает, что «военную часть большой программы борьбы с Казанским ханством стали осуществлять весной 1551 г.». По мнению исследователя, военная часть плана предусматривала «оккупацию речных путей к Казани» и строительство Свияжска, что усилило связи России с населением Горной стороны. Прибытие оттуда посольства с просьбой «взять их к Свияжскому городу» и получение им «жалованной грамоты» исследователь считает присоединением Чувашии «и части других народов» к России. Это событие исследователь расценивает как начало конца Казанского ханства (См.: С. 118–120).

С.О. Шмидт называет перечисленные акции «военными вылазками против казанцев» (С. 122)⁴³, хотя, думается, нельзя их назвать продолжением завоевательной политики 40-х гг. XVI века. Ведь сам большой план подчинения Казани появился в ответ на неудачу завоевательного похода зимы 1549–50 гг., «в условиях значительного напряжения ресурсов государства». Тогда и была сделана ставка на промосковские силы в Казанском крае.

Историк детально раскрывает замыслы казанских и московских дипломатов, связанные с использованием возможности выдать Сююн-Бике (дочь Юсуфа) за Шах-Али. Анализируя русско-ногайскую переписку и летописи, ученый выявил участие русских воевод Казани в подчинении её дипломатическими средствами.

Факт посылки А.Ф. Адашева в Казань исследователь расценивает как доказательство исключительного значения русско-казанских отношений для Ивана IV. (См.: С. 125–126).

В ходе переговоров в Свияжске неоднократно вставал вопрос о Горной стороне. Историк пишет, что состоялось несколько раундов переговоров. Шах-Али быстро уступил требованиям Москвы. Поскольку казанцы присягали три дня, С.О. Шмидт полагает, что переговоры проходили не без осложнений.

Цитируя послание митрополита Макария в Свияжск, где говорится о посажении Шах-Али на Казанский юрт как о «славной без крови победе», историк показывает осведомленность этого деятеля Избранной рады в политике России на юге. Исследователь рассматривает данное послание как доказательство понимания в Москве всех последствий принятых решений. Историк подчеркивает, что так же развернувшиеся события понимали и в «мусульманских юртах» (С. 127, 243)⁴⁴.

Воцарение Шах-Али в Казани историк, подобно М.Н. Тихомирову, признает завершением реализации первого этапа борьбы за присоединение Казани к России. Более того, в его оценке так считали и создатели большого плана покорения Казани.

Согласно С.О. Шмидту дать самим казанцам свести Шах-Али с Казани значило «потерять инициативу»; в это время в Москве

вырабатывается план окончательного включения Казанского ханства в состав российского государства мирным путем.

Исследователь уверен, что в Казани знали о планах Москвы свести с Казанского юрта Шах-Али. Он считает, что нет достаточно оснований отвергать соответствующее известие «Казанского летописца» из-за скудости данных. Но исследователь затрудняется выбрать один из двух возможных мотивов казанского посольства: сознание неизбежности присоединения к Москве или желание в «смутное время» поставить на казанский трон ставленника ногайских князей. Историк приходит к оригинальному заключению о наличии в Казани сторонников обеих точек зрения. Соответствие целей посольства потребностям Москвы даёт повод С.О. Шмидту видеть в нем «направляющую руку» Ивана IV. Исследователь приходит к выводу, что переговоры велись без участия Шах-Али с враждебной ему группой казанской знати (См.: С. 132). С.О. Шмидт отмечает, что тогда был оговорен статус наместника: он ведал сбором податей и судом. Одновременно Иван IV, как отмечает исследователь, получал право распоряжаться выморочными владениями казанской знати. Просьба казанских послов была удовлетворена, и они «дали правду» Ивану Грозному. Исследователь отмечает, что А.Ф. Адашев должен был заставить Шах-Али самому открыть русским ворота города и передать управление московскому наместнику для того, «чтобы без убытков без великих нустил великого князя людей в город». Последнее задание историк, опираясь на сообщение о согласии царя выполнить любую просьбу Шах-Али, считает важнейшим. Из-за решительности Шах-Али и под напором обстоятельств А.Ф. Адашев опять нарушает инструкции Ивана IV, соглашаясь с доводами Шах-Али, но взамен тот обязывался вывезти с собой из Казани группу враждебных русским феодалов, отослать в Свияжск казну и часть военных припасов, а оставшиеся привести в негодность (См.: С. 133–134). После того как Шах-Али сдержал своё обещание, в Казань, по сведениям ученого, были высланы уполномоченные и татарские князья для приведения к присяге.

Проникший вскоре в Казань ногайский ставленник Едигер начал войну с Москвой, что даёт историку основание говорить о провале плана мирного присоединения Казани к России. Вместе с тем, как отмечает С.О. Шмидт, благодаря этому плану Казань «была значительно ослаблена». Падение Казани считается С.О. Шмидтом важнейшим этапом в ходе присоединения Нижнего и Среднего Поволжья к России. Более того, автор подчеркивает, что эти события «обусловили» южную, западную и восточную политику Московского государства. Историк пишет: «Следом за взятием Астрахани в 1554 г. московские воеводы быстро доходят

до Кавказа и ставят крепости на Тереке. Одно время власть московского правительства простиралась и на часть Закавказья».

При исследовании русско-ногайских, русско-сибирских и русско-крымских отношений С.О. Шмидт тоже стремится проследить методы деятельности А.Ф. Адашева. Так, историк отмечает его склонность «добиваться успеха во внешней политике прежде всего путем мирных переговоров». К сожалению, русско-ногайские отношения автор специально не исследует, упоминая о них в своих работах крайне бегло (См.: С. 68–69).

В статье «Правительственная деятельность А.Ф. Адашева» С.О. Шмидт отмечает, что руководитель Избранной рады «активно содействовал колонизаторской деятельности русских промышленников на севере страны». В доказательство он приводит жалованные грамоты, скрепленные А.Ф. Адашевым, И.Д. Ластке (апрель 1554 г.) и Г. Строганову (1558 г.). Но, касаясь С.О. Шмидт этой стороны деятельности А.Ф. Адашева вскользь, не вдаваясь в подробности (См.: С. 69).

Говоря об участии А.Ф. Адашева в думских комиссиях по внешней политике, С.О. Шмидт указывает на исключительность роли временщика, не имевшего думского звания. Данный аспект деятельности А.Ф. Адашева исследователем рассматривается опять-таки крайне бегло; он рассуждает «от противного»: раз участвует — значит, обладает думным чином (См.: С. 67–70).

А.Н. Усманов в работе «Присоединение Башкирии к русскому государству» (1960 г.) исходит из того, что башкиры были разделены между Казанью, Астраханью, Сибирским ханством и Ногайской ордой. Поэтому автор рассматривает вхождение в состав России и этих территорий, сравнивая политику России в отношении названных государств. А.Н. Усманов подчеркивает, что башкиры, жившие по рекам Исеть, Миасс, Уя, являлись подданными сибирского хана. А.Н. Усманов обращает внимание на то, что в русских летописях за 1552–1557 гг. башкиры не упоминаются как противники России, на основании чего и делается вывод о том, что московское правительство не прибегло к «усмирению» башкир. На взгляд А.Н. Усманова, агрессивный курс был невыгоден России, установившей тесные отношения с Ногайской ордой и Сибирским ханством. Историк приходит к выводу о том, что при Иване Грозном Башкирия ещё не была присоединена к России. Ученый полагает, что, «просясь» в состав России, башкиры поставили Москве условие: сохранение местного вотчинного землевладения. Рассматривая русско-ногайские отношения, исследователь пришел к выводу о том, что Измаил вынужден был поддержать Москву, но стремился проводить максимально независимую от неё политику. Историк отмечает, что западные, южные

башкиры и башкиры племени Мин приняли подданство России в 1554 г., юго-восточные в 1555 г., а башкиры Астрахани. — в 1556 г. Завершение процесса присоединения западной Башкирии к России А.Н. Усманов относит к весне 1557 г. А.Н. Усманов указывает на то, что и после присоединения к России долгое время сохранялась местная система управления, но уже подчиненная Москве. Рассматривая положение зауральских башкир, историк отметил у них более «тяжелый» характер даннической зависимости, чем у башкир, находящихся в подданстве русского государства. Автор отмечает длительность вхождения зауральских башкир в состав России, приписывая при этом большую роль хану Едигеру⁴⁵.

В книге «425 лет добровольного вхождения Удмуртии в состав России» (1983 г.) говорится о помощи удмуртов России в покорении Казанского ханства. Авторы указывают на борьбу в московском правительстве двух точек зрения относительно политики в крае после покорения Казани: активного усмирения и христианизации удмуртов при ставке на мирное присоединение. С точки зрения исследователей, победило второе направление. Историки отмечают важность при осуществлении данного курса практики выдачи Иваном Грозным жалованных грамот народам Поволжья. Указывается на подчинение удмуртов казанским воеводам при сохранении старых норм повинностей. Участие удмуртов в антимосковских восстаниях объясняется давлением со стороны казанской элиты и злоупотреблениями московских сборщиков податей. Авторы юбилейного сборника выделяют три этапа присоединения Удмуртии к России: присоединение северных удмуртов в составе Вятского края; со времени взятия Казани; «втягивание» южных удмуртов в состав русского государства (1557–1558 гг.).

При этом отмечается, что познность присоединения к России характерна и для других народностей Поволжья⁴⁶.

Говоря о вхождении Чувашии в состав России, В.Д. Димитриев в книге «Чувашия в эпоху феодализма» (1986 г.) подчеркивает добровольный характер этого акта не только со стороны чувашей, но и других народов Поволжья, вступая тем самым в дискуссию с С.Х. Алишевым. Историк отметил, что с 1546 по 1551 гг. Чувашия фактически была несамостоятельна, но не препятствовала продвижению русских отрядов к Казани. Подчинение чувашей Москве произошло после строительства Свияжска в 1551 г. Историк отметил участие чувашей в покорении русскими Казани и Ливонской войне. Как и И.П. Ермолаев, историк подробно анализирует русское управление Казанским краем; отмечает, что система сбора там дани была заимствована у Золотой Орды, и подчеркивает прогрессивный характер вхождения поволжских народов в состав России⁴⁷.

С точки зрения С.Х. Алишева, Мордовия и Горная сторона вошли в состав России до падения Казани мирным путем. Историк упрекает В.Д. Дмитриева в некорректном определении этнополитической принадлежности некоторых деятелей Казанского ханства. По мнению С.Х. Алишева, жалованная грамота Ивана Грозного послам Горной стороны распространялась лишь на послов. Говоря об антимосковских выступлениях знати Поволжья во второй половине XVI в., историк подчеркивает, что они были спровоцированы действиями русских властей по отношению к вотчинам местных землевладельцев⁴⁸.

Как видим, историография присоединения народов Поволжья к России более богата, чем «сибирская». Примечательно, что исследование обеих тем началось в общих трудах (Б. Верховень, С.В. Бахрушин), но при заметном расхождении в расстановке акцентов. Представляется, что состояние источниковой базы и идеологические причины обусловили не только столь неравномерное развитие этих областей исследования, но и способствовали отражению результатов исследований русско-поволжских и русско-сибирских контактов в разных трудах. Отчасти это объясняется узкой специализацией исторических исследований. Правда, истоки всех разысканий лежат в основе своей в работах С.В. Бахрушина и С.О. Шмидта. Исключением из этого ряда является работа И.П. Ермолаева.

Как видно, сборник «Итоги и задачи изучения внешней политики России» раскрывает историографию темы крайне тенденциозно и поверхностно.

Периодизация историографии русско-поволжских отношений, данная А.Г. Бахтиным, думается, не подходит к истории изучения русско-сибирских отношений. В последней области целесообразно выделение лишь двух этапов в рамках историографии советского периода: «бахрушинского» и «постбахрушинского». Первый отличается разнообразием подходов (С.В. Бахрушин, Г. Красинский, Б. Верховень) и приходится на время сталинского тоталитаризма. Второй этап отличает внимание к комплексному подходу.

Существующие точки зрения противоречивы, допускают множественные вариации развития событий. Одни из главных вопросов, ставящихся историками, — это проблема добровольности вхождения в состав России. В зависимости от того, как каждый автор решает этот вопрос, и предлагается освещение описываемых событий. Решение этого и других вопросов, думается, возможно лишь на основе более полного привлечения источников по русско-ногайским, русско-шведским и русско-турецким отношениям, а также при увязывании шагов московского правительства со стратегией и тактикой восточной политики Избранной рады вообще, и не только при исследовании русско-казанских, русско-мордовских, рус-

ско-чувашских и русско-башкирских отношений, но и русско-сибирских.

- ¹ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 67.
- ² См.: Там же. С. 69–70, 79.
- ³ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, 1960; Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (По восточным и европейским источникам). // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976.
- ⁴ Сергеев В.И. Происхождение и эволюция... С. 11, 17.
- ⁵ Там же. С. 12, 14.
- ⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 260.
- ⁷ Верховень Б. Россия Ивана Грозного. М., 1936. С. 49.
- ⁸ Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. С. 179–180; Платонов С.Ф. «Смутное время» в России. СПб., 2001. С. 161.
- ⁹ Окладников А.П., Копылов А.Н. С.В. Бахрушин как историк Сибири // Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 7.
- ¹⁰ Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 18.
- ¹¹ Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. востоковедческих наук. 1948. Вып. 2. С. 259.
- ¹² Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3. Ч. 2. С. 114.
- ¹³ Там же. С. 115.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. С. 62–68.
- ¹⁷ Валишевский К. Иван Грозный. С. 179; Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 25.
- ¹⁸ См.: Коротков И.А. Иван Грозный... С. 68; Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории (далее — ВИ). 1947. № 3. С. 80.
- ¹⁹ См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI—начале XVIII ввек. М., 1972. С. 143.
- ²⁰ См.: Хорошкевич А.Л. Задачи внешней политики России и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 27.
- ²¹ См.: Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // ВИ. 2001. № 5. С. 52, 53, 55, 63.
- ²² См.: Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // История Казани. Казань, 1936. Т. 1. С. 226–229.
- ²³ Верховень Б. Россия... С. 26–27.
- ²⁴ См.: Там же. С. 23, 27–31.
- ²⁵ Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3. С. 29–61; Он же. Расширение русского государства при Иване IV // Пропагандист, 1939, № 1. С. 15–22; Он же. Избранная рада Ивана Грозного // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.; Он же. Иван Грозный // Там же; Взятие Казани // За родную землю. М., 1949.

- ²⁶ Бахрушин С.В. Взятие Казани... С. 54.
- ²⁷ Там же. С. 55.
- ²⁸ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Ростов-н/Д. 1995. Кн. 3. Т. 8. С. 191; Платонов С.Ф. «Смутное время». С. 124. Примеч. 12.
- ²⁹ См.: Бахрушин С.В. Взятие Казани... С. 55–56.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Ср.: Карамзин Н.М. История... Кн. 3. Т. 8. С. 190.
- ³² Бахрушин С.В. Иван Грозный. С. 279. Ср.: Валишевский К. Иван Грозный. С. 188. Платонов С.Ф. «Смутное время». С. 126–127.
- ³³ Бахрушин С.В. Расширение... С. 18.
- ³⁴ См.: Там же.
- ³⁵ Куцева Е.Н. Политика русского правительства на Северном Кавказе 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 245.
- ³⁶ Бахрушин С.В. Избранная рада... С. 347; Череписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 395. Комм. 88.
- ³⁷ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 9.
- ³⁸ Там же. С. 23–27.
- ³⁹ Там же. С. 38–39.
- ⁴⁰ Там же. С. 54–55.
- ⁴¹ Там же. С. 52–56.
- ⁴² Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545–1549 гг.) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 6. Он же. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI века // Международные связи России до XVII века. М., 1966. С. 366–378. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. В дальнейшем ссылки статьи С.О. Шмидта, переизданные в этом сборнике, будут делаться в тексте в скобках.
- ⁴³ См.: Османская империя... С. 175–178.
- ⁴⁴ См.: Там же.
- ⁴⁵ Усманов А.Н. Присоединение... С. 55, 62, 72, 102–103, 111–112, 117–118, 136.
- ⁴⁶ 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). Ижевск, 1983. С. 36–40.
- ⁴⁷ См.: Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. XVI—начало XIX вв. Чебоксары. 1986. С. 19, 30, 31, 35–37, 51, 67, 296.
- ⁴⁸ История Казани. Казань, 1988. Кн. 1. С. 61, 77, 78, 80; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI—начало XX вв. М., 1990. С. 16, 81, 92, 230.

Материалы по истории края

Л. В. Алексеева

«Акт обследования Ларьякского туземного райисполкома от 5 января 1929 года»

Публикуемый документ извлечен из Центра документации новейшей истории Томской области и является копией. Он содержит достаточно полную характеристику туземного района и деятельности райисполкома с момента образования, что позволяет установить формы и содержание работы совета в начальный период его существования, о чем не имелось сведений в исторической литературе. Документ приводится полностью с сохранением стиля и содержания; внесенные изменения касаются пунктуации и орфографии.

Акт

1929 года. 5 января. Я, ниже подписавшийся, член Александровского РИКа тов. Перепелицин, произвел обследование в присутствии пред. тузрика тов. Сигильетова С. Ф. и секретаря РИКа тов. Алексеева. Произвел проверку работы тузрика за весь период его существования.

Туземный РИК организован 5 июня 1928 года, вследствие чего и произведена проверка работы тузрика с 5 июня 1928 года по 1 января 1929 года.

При проверке оказалось:

Президиум РИКа состоит из трех туземцев, из числа которых один (пред. РИКа) работает постоянно, как платная единица, остальные два человека — проходящими на заседания Президиума РИКа.

Помещение для районного учреждения как для РИКа не приспособлено. Отсутствует всякое удобство для работы и даже нет комнаты для заседаний президиума. Наряду с этим нет для председателя РИКа ни стола, ни стула и отдельной комнаты, где бы возможно было принять туземца и потолковать по наболевшим вопросам пред. РИКу.

Председатель технически и политически безграмотен, а также плохо знаком со своим положением. Технический аппарат РИКа подобран неудачно. Секретарь РИКа груб и нетактичен, делопроизводитель также слаб. Аппарат райисполкома состоит из председателя, технических сотрудников и сторожа.

Состояние района:

В районе организовано четыре родовых совета. Район с населением туземцев 1912 человек, в числе которых русских — 4. Всего грамотных 7 человек. Советы от РИКа находятся на расстоянии 150–222 км, а летом и дальше. Русского населения в селе Ларьяк 69 жителей, которые подчинены Александровскому сельскому совету.

Организаций по району:

Кооперация одна, с тремя отделениями. Госторговых объединений по району два, школа-интернат одна, лечебно-ветеринарный пункт один, больница одна, русская школа одна, народом один, изб-читален нет, красных уголков тоже нет, сетевых ликпунктов также нет.

Районный населенный пункт, где организован тузрик, состоит из 19 домохозяев, из числа которых 11 домохозяев — туземцы, а остальные русские. Остальные населенные пункты разбросаны на далеком расстоянии по тайге берега реки Ваха и его притоков.

Часть населения постоянной оседлости не имеет, а живет кочующе, передвигаясь с места на место. Основной промысел населения — добыча рыбы, а зимой пушного зверя.

В части развития хозяйства есть перспективы и предпосылки к созданию промысловых артелей и скотоводческих, а в особенности оленеводческих.

Состояние работы РИКа:

Анализируя всю работу РИКа за обследуемый период, а в особенности в части руководства, просмотрев наличие имеющихся протоколов и содержание их постановлений, оказались следующие результаты: заседаний президиума проведено 23, рассмотрено разных вопросов на заседаниях 59, которые расположены в следующем порядке:

№	Вопросы	июнь	июль	авг.	сент.	октяб.	нояб.	дек.
1	Докл. с/советов	—	—	1	1	1	—	—
2	Докл. шк.-инт.	—	—	1	—	1	—	—
3	Докл. больницы	—	—	1	—	1	1	—
4	Торг. кооп. орг.	3	—	—	—	—	—	—
5	Секции РИКа	—	—	—	—	—	—	—
6	Хоз. вопросы	4	2	2	1	2	3	1
7	РайККОВ	1	—	1	—	1	—	—
8	О займе	—	—	—	—	1	1	—
9	Судебные	—	5	1	2	1	3	1
10	Разные	3	2	4	3	4	4	5
Итого		11	9	11	7	12	12	7

Выезды произведено со стороны тузрика по с/советам — 5, обследований с/советов со стороны РИКа не было. Связь РИКа с с/советами налажена довольно плохо, а отсюда и недостаточность руководства РИКа над советами. Секций, как при РИКе, так и с/советах, не организовано, вследствие чего вопросы не подвергались глубокой проработке.

Финансовое состояние тузрика:

По имеющимся записям кассовой книги, в кассу РИКа поступило разных сумм по смете РИКа из Госбюджета восемь тысяч четыреста девяносто два рубля 35 копеек. Поступило в эту же сумму штрафов по обязательному постановлению 18 руб., израсходовано по ведомостям на зарплату для содержания аппарата РИКа и другие расходы четыре тысячи пятьсот тридцать семь руб. 43 коп. Остаток по кассе три тысячи девятьсот пятьдесят четыре руб. 92 коп. Баланс 8492 руб. 35 коп. На все произведенные расходы имеются оправдательные документы.

Незаконно произведены сметные расходы по кассе РИКа: куплено две пары пимов на сумму двадцать с лишним рублей и уплачено за найм подводы для тушения пожара в тайге 25 руб., что считать ненормальными расходами.

Делопроизводство поставлено, как по финансовой части, так и по остальным звеньям работы тузрика, неудовлетворительно, отсутствует четкость и аккуратность в работе. Для хранения денежных сумм отсутствует специальная касса. Многие из деловых бумаг лежат на столе у секретаря РИКа, тогда как помещение РИКа после занятий не закрывается, что дает возможность подвергнуть читке и проверке всяких распоряжений посторонними лицами.

Выводы по обследованию:

В части руководства с/советами и подведомственными организациями ощущается недостаток: если в настоящее время наблюдается маленький сдвиг в работе РИКа и родовых советов, то, с другой стороны, с/советы довольно слабо уяснили свою роль, в особенности в области руководства организациями и массой на селе. Недостатки в работе с/советов и РИКа возможно объяснить следующими причинами:

а) низкий культурно-политический уровень РИКа и с/советов, а в особенности руководящей части председателей, плюс слабый подобранный технический состав, как РИКа, а также и родовых советов;

б) РИК и родовые советы созданы недавно, отсюда, с одной стороны, отсутствует опыт и навык в руководящей части, а с другой, само население недостаточно уяснило суть и значение родовых советов;

в) и последней причиной, которая влияет на развертывание работы с/советов, — отдаленность и разбросанность с/советов и населения по тайге, а в особенности отдаленные пути сообщения.

В части руководства со стороны РИКа остальными организациями: школа, больница, ветпункт, кооперация — наблюдается обезличивание со стороны этих организаций русскими работниками. Этот факт подтверждается рядом проведенных заседаний тузрика и создавшимися склоками между руководителями этих организаций (школа-интернат и больница).

РИК как руководящая организация местными организациями не чувствуется, и даже наблюдаются факты, что ряд вопросов, подлежащих рассмотрению тузрику, местными организациями разрешается самостоятельно.

Из протоколов заседаний тузрика также видно, что разрешаемые вопросы на заседании тузрика заняли место не в плоскости разрешения вопроса тузриком, а вылились в личную склоку и переполнение протоколов личными упреками и нареканиями, что впоследствии вызвало тузрик к отказу от всяких решений по отчетному докладу зав. интернатом.

Наличие специалистов: зав. школой-интернатом Доцник, зав. больницей Махов и др. совершенно не допоняли значение тузрика и всякими способами старались проводить свою работу самостоятельно, что, с одной стороны, отразилось на работе школы и больницы, а с другой — осложнило руководство тузрика упомянутыми организациями. Основной причиной углубления создавшейся склоки, а также ослабление руководства организациями явился секретарь РИКа тов. Алексеев. Ввиду того, что последний груб до невозможности, а во-вторых, отсутствует всякая способность к работе у тов. Алексеева как секретаря РИКа.

Уметь направлять работу тузрика, а также самому воздействовать на улучшение качества работы и руководства тузриком остальными организациями.

По протоколам РИКа и вообще переписки наблюдается невыдержанность и отсутствие всякой логики по тем или другим вопросам. Многие из написанных отношений по своему содержанию грубы и невыдержанны, а отсюда авторитет секретаря РИКа в лице спецов, падал, вследствие чего и президиум тузрика потерял удельный вес в лице спецов местных организаций. В деле переписки РИКа № 25 есть много отношений несоответствующих и формальных, сквозь бюрократизм и формализм, а также отпуска удостоверений своей редакцией ничего не дают ни уму, ни сердцу, нарушая всякую законность.

По таблице расположенных вопросов можно заключить, что ряд вопросов, требующих разрешения и связанных с руководством органи-

заций со стороны РИКа, прорабатывались без плана, а именно: доклады торгово-кооперативных организаций были заслушаны в один месяц, тогда как в остальные месяцы отсутствовало всякое руководство.

В части культурных мероприятий со стороны РИКа почти ничего не проделано, тогда как вопрос культурных мероприятий в условиях туземного населения занимает особое место.

Предложенные в дальнейшем перспективы:

Для улучшения качества работы туземного РИКа, а также поднятия авторитета среди массы и подведомственных организаций, усиления руководства с/советами и другими низовыми организациями тузрику нужно обратить особое внимание на следующие моменты в своей повседневной работе:

1. Обратить особое внимание президиуму РИКа на подбор и укомплектование хорошим техническим составом как районный аппарат РИКа, а также и родовых советов, поставив данный вопрос перед Александровским РИКом и Окрисполкомом.

2. Упорядочить делопроизводство тузрика, добиваясь при этом четкости в технической работе, а в особенности простоты отношений с с/советами, что даст возможность большей усвояемости последними всех мероприятий и легкого преломления на местах всех вопросов со стороны советов.

3. Президиуму РИКа, а в частности пред. РИКа тов. Сигильеву, нужно уделить особое внимание на личную проверку всех директив и распоряжений, при этом не допуская ни одного отношения и распоряжения, а также постановления до тех пор, пока отношение не будет достаточно уяснено и проанализировано.

4. Усилить руководство местными организациями района, добиваясь плановости в заслушивании докладов последними. А в особенности проведения в жизнь всех деловых постановлений президиума РИКа, принимая решительные меры против тех, которые не подчиняются и нарушают постановления, ставя в известность соответствующие вышестоящие организации о нарушениях.

5. В части финансового делопроизводства требуется, с одной стороны, уточнение финансового делопроизводства, а с другой, обращение особого внимания на соответствие сметных расходов, не допуская при этом сверхсметных расходов, и тем самым соблюдать бюджетную дисциплину.

6. Проработать президиуму РИКа вопрос о развертывании среди туземных масс культурно-воспитательной работы, обратив при этом основное внимание на развертывание сети школ, ликпунктов, избитален и красных уголков, учтя строго соответствие и целесообразность открытия последних. Наряду с этим проработать вопрос о подборе туз. массы для выдвижения в учебные заведения, а

также в руководящие организации района. При этом добиваться создания тузактива вокруг местных организаций.

7. Президиуму РИКа проработать вопрос об организации при РИКе необходимых секций, что даст возможность углубить проработку вопросов, а также избежать ошибок, привлекая в последние местные организации, а в особенности русских специалистов, с вовлечением в последние туз. массы, что даст возможность создать и подготовить туз. актив.

8. Для упорядочения и развертывания работы в РИКе, а также соответствующей обстановки считать необходимым освобождение угловой комнаты из-под квартиры секретаря РИКа и использование последней под кабинет Президиума РИКа. Необходимо завести отдельный стол предрику и требующуюся обстановку. Для оборудования здания под РИК и проведения капитального ремонта поставить вопрос перед окрисполкомом об отпуске средств на капитальный ремонт здания, составив смету расходов.

9. Усилить посредством выездов руководство над с/советами, обращая при этом внимание на проработку с/советами местных вопросов, направляя работу последних на уточнение и упорядочение руководства.

10. Тузрику заострять особое внимание на налаживание судебной работы с/советов и РИКа, добиваясь при этом упорядочения и ускорения работы, а в особенности проведения постановлений в жизнь.

11. Поставить вопрос перед Александровским РИКом и лесничеством о разрешении вопроса о лесоустройстве.

12. В дальнейшем считать необходимым проведение в жизнь решений 1 и 2 Туз. съезда, преломляя последние в повседневной своей работе.

Член Александровского РИКа Перепелицин

Документы по истории лесного хозяйства

Лесное хозяйство имело большое значение для экономики Советской России в 1920-е гг., для организации и нормального функционирования которого нужна была достаточно полная объективная информация. С этой целью центральными органами власти на места рассылалась соответствующая документация (док. № 1-3).

Тяжелое экономическое положение, связанный с этим постоянный дефицит средств, неразвитая инфраструктура и низкая плотность населения не давали возможности в полной мере в указанный период наладить нормальную работу лесничеств Обь-Иртышского Севера (док. № 4-5).

Более-менее полные данные о лесах Обь-Иртышского Севера появились во второй половине 1920-х гг. Тогда же перспективы освоения лесных ресурсов Севера стали приобретать реальные очертания (док. № 6).

В приложении представлены документы: Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-3977. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет севера); Государственного Архива Тюменской области (ГАТО) Ф. 245. Тюменский губернский лесной отдел губернского земельного управления; Тобольского филиала Государственного Архива Тюменской области (ТФ ГАТО) Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Публикация документов осуществлена в соответствии с основными требованиями «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), в соответствии с современными правилами правописания, с сохранением стилистических особенностей текстов.

При отсутствии собственной даты документа она устанавливалась путем источниковедческого анализа и заключена в квадратные скобки.

Заголовки документов даны составителем. Опушенные места документов, взятых в извлечениях, обозначены многоточиями, заключенными в квадратные скобки, и особо не оговариваются. Заголовки таких документов начинаются предлогом «из».

Документ № 1

Программа сбора сведений о памятниках природы

[16 марта 1920 г.]

1. Лесные участки особенной полноты, не подвергавшиеся вмешательству человека, совершенно не затронутые рубкой, пожарами, использованием и др. влияниями.
2. Редкие лесные породы и породы на границах своего распространения.
3. Экземпляры лесных пород, обладающие резкими отклонениями роста, развития формы листьев и проч.
4. Участки спелых насаждений максимальных запасов древесины (с полной характеристикой таксационных элементов насаждений).
5. Геологические явления — выходы редких пород, особенно интересные размыты овраги и проч.
6. Минеральные источники, водопады, особенные по характеру болота и озера.
7. Более обширные лесные участки, по своему характеру, рельефу местности, естественно-историческим условиям и расположению пригодные для образования национальных парков.
8. Участки леса, обладающие сильно развитым подлеском и почвенным покровом (с указанием всех кустарных пород и видов растений).
9. Повреждения леса растительными организмами (наросты необычной формы и проч.), насекомыми, а также механическими влияниями (бурелом, искривления ствола и изменение формы кроны от ветров), при достижении указанными явлениями значительной силы или исключительно интересные по форме и развитию.
10. Типичные участки леса на разных высотах над уровнем моря (для горных местностей Урала, Туркестана, Сибири, Кавказа), распределение насаждений по горизонталям (заросли кедрового сланца) с подробной характеристикой насаждений и указанием высот над уровнем моря.
11. Указание редких зверей, птиц и прочих животных, особенно тех, которым угрожает исчезновение. Участки, пригодные для выделения и образования государственных охотничьих заповедников.

К ответам на анкету необходимо приложить приблизительный чертёж местности с нанесением соответствующих участков или обозначением особыми условными знаками отдельных памятников природы.

Кроме того, является весьма желательным представление фотографий планов, а также подробной объяснительной записки по вопросам о памятниках природы в описываемом районе, организации их охраны, современного состояния и проч.

ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.

Машинописная копия.

Документ № 2

**Распоряжение Центрального управления лесами
лесным отделам губземуправлений Сибири
о подготовке материалов к общей карте лесов РСФСР
27 июня 1923 г.**

В целях изготовления общей карты лесов РСФСР является необходимым получить соответствующий материал по каждой губернии Сибири.

Вследствие этого Центральное управление лесами предлагает нанести на прилагаемые 50-в. карты губерний все лесные площади согласно следующим основаниям:

- 1) Нанесению на 50-в. карту подлежат все лесные дачи — казенные, удельные, бывшие частновладельческие и проч.
- 2) На 50-в. карту наносятся границы дач и лесничеств.
- 3) Все лесные площади окрашиваются зеленой краской, с выделением устроенных, неустроенных, исследованных и неисследованных дач с обозначением каждой категории условной штриховкой.
- 4) Все лесные дачи на картах подписываются особыми номерами с общим учетом по уездам.
- 5) Границы дач обводятся черной тушью — тонкой линией, причем общая граница дач более толстой линией.
- 6) Границы лесничеств обводятся каймой темно-зеленой краски.
- 7) Границы уездов обводятся кармином.
- 8) Название лесничеств подписывается красной краской.
- 9) Приложение к карте лесов губернии составляется в виде особой ведомости согласно прилагаемой форме.

Считая вопрос об изготовлении 50-в. карты лесов Сибири в высшей степени срочным и важным, Центральное управление лесами предлагает гублесотделу принять все зависящие меры к безотлагательному выполнению настоящего распоря-

жения и высылке одного экземпляра исполненной карты в ЦУЛ.

Начальник Центрального управления лесами М. Здорик.

За управляющего отделом /Пухальский/.

Верно: Маргаритова.

ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 71. Л. 233.

Машинописная копия.

Документ № 3

Обращение Центрального управления лесами к региональным органам власти об обсуждении Лесного кодекса

[июнь 1923 г.]

Дорогие товарищи!

Наши неизмеримые лесные богатства за последние 8 лет сильно пострадали от усиленных рубок в годы топливного кризиса, небывалых лесных пожаров, уничтоживших несколько миллионов десятин леса, и от стремления крестьянского населения расширить свои земельные наделы за счет лесных площадей. Чрезмерное истребление лесов вдоль рек уже имеет свои последствия, во многих местах заключаются разрывы обнаженной от древесной растительности почвы и обмеление рек. Доходы от лесов сравнительно с довоенным временем понизились на 60%.

Настала пора самого бережного отношения к лесу. Необходимо лесное хозяйство поставить на должную высоту и рациональной эксплуатацией государственных лесов достигнуть максимальной доходности их. Необходимо со всей решительностью установить порядок, при котором ни одно полено из лесов государственного значения не должно поступать в полное распоряжение потребителей древесины без оплаты.

В рассылаемом вам проекте Лесного кодекса Наркомзем стремится провести идею сбережения и разумного пользования лесами. Убедительная просьба товарищам на местах ознакомиться с проектом кодекса и прислать в ЦУЛ НКЗ свои замечания, чтобы к предстоящей сессии ВЦИК, где будет Лесной кодекс рассматриваться и утверждаться, можно было объединить и сформулировать важнейшие замечания и поправки, основанные на опыте работы мест.

Член коллегии НКЗ К. Козырев.

Начальник ЦУЛ М. Здорик.

ГАТО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 81. Л. 110.

Машинописная копия.

Сообщение помощника лесничего Демьянского лесничества по
Сургутскому и Александровскому лесным районам в лесной
отдел Тобольского окрземууправления о состоянии связи
Сургута с Тобольском и сельсоветами Сургутского
и Александровского районов
18 июня 1924 г.

// (Л. 130) Во избежание могущих быть недоразумений считаю необходимым настоящим сообщить о том положении, в котором находится ныне связь Сургута с Тобольском и сельсоветами Сургутского и Александровского районов.

Последняя зимняя почта прибыла в Сургут 12 апреля, а вышла — 14, первая весенняя почта прибыла в Сургут 6 июня, а выйдет в двадцатых числах из Сургута вверх по Оби. Почта направляется немного чаще одного раза в месяц с единственным курсирующим здесь государственным пароходом.

Таким образом, исполнение даже самых срочных распоряжений неизбежно задерживается. Например, это относится к циркуляру вашему от 11 апреля за № 342/2047 о предоставлении анкет по пересмотру личного состава лесной стражи. Этот циркуляр получен мною 7 июня, а выйдет из Сургута в начале июля. В лучшем случае анкеты будут возвращены мне после заполнения их около 10 июля с.г. Так как отправить анкеты в Тобольск с тем же пароходом, который доставил их в Сургут, я не буду иметь возможности, они попадут на пароход в начале августа.

Таково общее положение дел со связью. В частности, это относится к пересылке раздаточных ведомостей и других денежных документов, почему о вышеизложенном прошу уведомить бухгалтерию окрземууправления, которая не имела, мне кажется, оснований грозить не // (Л. 130 об.) высылать денег даже на заработную плату впредь до предоставления отчетности в израсходовании ранее полученной суммы.

ТФ ГАТО. Ф. 995. Д. 17. ЛЛ. 130—130об.

Машинписная копия.

Служебная записка лесничего Демьянского лесничества
в лесной отдел Тобольского окрземууправления
о работе лесничества
1 сентября 1924 г.

// (Л. 131) На № 901 доношу, что в настоящий момент ни я, ни мой помощник выехать на расследование о самовольной поруб-

ке в д. Семейке не имеем возможности, так как туда нужно ехать на лодке и проехать таким образом вперед и обратно 268 верст (считая сухопутьем — водой же раза в полтора больше). Займет эта поездка не менее двух-трех недель и будет стоить больше 50 рублей. На пароходе ехать также нельзя, так как можно рискнуть приехать обратно через месяц. По моему же мнению, такие работы, как выделение лесов, а теперь еще и составление отчета по заготовкам, на такой продолжительный срок откладывать нельзя, тем более что зачастую такие сведения бывают совершенно ложными, как это подтвердилось еще раз на днях. От членов Субботинской ячейки мне поступило донесение, что лесником Елесиным, которого в донесении называют «саботажником» и другими ругательными прозвищами, намеренно укрыт сырораствующий кедр у одного гражданина деревни Гляден. Сырые кедровые бревна будто бы гражданином употреблены в постройки, и даже точно указано место, куда они вложены. Посланный мною объездчик, в присутствии местных должностных лиц, понятых и посторонних граждан, членов РКП(б), составил акт, из которого видно, что кедровые бревна эти вырублены сухостойными, так как сильно изъедены короедами и с гнилью. Кроме того, заготовлены по // (Л. 131об.) лесорубочному билету, взятому весной у меня. Рублен лес был из гары, примыкающей к самой деревне Гляден.

И теперь гражданину, узнавшему о самовольной порубке гражданами деревни Семейки, которые выбрали нынешней весной у меня лесорубочный билет на большое количество строевого леса, проще было заявить или объездчику, или мне, и дело бы было расследовано вовремя и виновные привлечены к ответственности. Теперь же ехать самим немислимо и сообщать объездчику бесполезно, так как он находится в пути от нижних пристаней, принимающая окончательно дрова и производя расчеты.

Вообще же объездчику, у которого объезд простирается на 150 верст сухопутьем, по которому 4 месяца можно проехать лишь на лодке за счет хозяйственных заготовок, 3 месяца совсем нельзя проехать и лишь 5 месяцев можно ездить на лошади, едва ли можно ставить в очень большую вину то, что он летом не обнаружил самовольно нарубленный лес, который все равно будет обнаружен зимой, и говорить о «халатности» такого объездчика может только лишь человек, незнакомый с условиями нашей службы.

Тем более мне кажется, принимая во внимание все вышензложенное, нельзя по факту, сообщенному гражданином, судить о халатности лесничего.

Лесничий В. Терновский.

ТФ ГАТО. Ф. 995. Д. 17. ЛЛ. 131-131об.

Машинописная копия.

Из рукописи «Север Урала»

[...] // (Л: 8) Леса Тобольского Севера
1927 г.

Северная граница высокоствольных лесов начинается от Уральско-го хребта несколько выше 65 параллели, спускается резко к югу по р. Ляпину, следует севернее Северной Сосьвы, поднимается снова к северу по р. Вогулке, пересекается р. Обь на высоте 64 параллели на восток, продолжаясь за р. Обь в том же направлении до реки Амни, поворачивает к югу в меридиональном направлении к верховьям реки Назыма и, охватывая его бассейн, приближается к р. Оби, следует на расстоянии не далее 40 верст* от его правого берега на восток до Сургута, затем поворачивается к северо-востоку по р. Агану, доходя до $62^{\circ} 30'$ с.ш., охватывает верховья Агана и Колик-Егана (приток Ваха) и за пределами Уральской области круто поворачивает к югу.

Лесные массивы на почвах, имеющих материковый характер, расположены в Березовском, Кондинском (боры) и Сургутском районах, занимая юго-западную часть Березовского, большую часть Кондинского и водораздельный материк между р. Аганом и Колик-Еганом в восточной части Сургутского района.

В Березовском районе на увалах преобладает сосна, на склонах — сосна, лиственница, береза, ель и кедр. В падах — кедр и ель. В общем, преобладающим видом является сосна. Чистые боры чаще смешанных насаждений, но и в последних есть примесь сосны. Лес — молодой, приспевающий, в недалеком будущем даст мелкослойный строевой материал.

Сосна достигает диам. 7 вершк. выс. 21–28 арш.

Кедр достигает диам. 16 вершк. выс. 30 арш.

Ель достигает диам. 14 вершк. выс. 40 арш.

На свежих почвах сосна (в бассейне Сосьвы) достигает в диаметре 16 вершков и высотой 35 аршин (возраст 230 лет).

Кондинский район в большей своей части покрыт борами, и об эксплуатации их достаточно сказано, чтобы не повторять о ее возможности.

Самаровский район по берегам Оби и между рекой Енбырем и Васпуголом покрыт урманами (смешанные насаждения с преобладанием хвойных) почти непроходимыми; болота и гари час-

* Соотношение мер длины, площади и веса:

1 верста = 500 сажням = 1,0668 километра

1 вершок = $13/4$ дюйма = 4,45 сантиметра

1 десятина = 2400 кв. сажням = 1,092 гектара

1 пуд = 40 фунтам = 16,38 килограмма

то встречаются. В урманах среди хвойных главную роль играют кедр и ель.

В Сургутском районе преобладают смешанные насаждения с господством кедра (ореховый промысел дает до 19000 пудов ореха). Встречаются значительные площади чисто кедровых насаждений. В смешанных насаждениях примесь сосны незначительна. Дровяной лес преобладает над строевым. Кедр достигает до 39 аршин высоты. Лиственница и ель достигают 40 аршин высоты, так же, как и в Березовском районе.

Кроме перечисленных лесных массивов необходимо отметить урманские окаймления рек, создающие при поездках по ним впечатление страны, сплошь покрытой густым непроходимым лесом. Однако эти урманы являются лишь прибрежными насаждениями, шириною, измеряемой десятками верст (за исключением перечисленных массивов, которые граничат с урманам).

// (Л. 8об.) Леса Кондинского, Березовского и отчасти Самаровского районов имеют экспортное значение, в особенности если принимать во внимание истощение мировых ресурсов древесины. Между тем леса Тобольского Севера до сих пор еще не устроены и, являясь последним ресурсом края для колонизации, гибнут от пожаров.

Кроме экспортного значения леса Тобольского Севера имеют для края громадную ценность, являясь источником средств существования населения, давая возможность добывать ценную пушнину, поддерживая от оскудения единственные летние средства сообщения — водную систему, охватывающую сложной сетью весь Север, и служа как источником ряда промыслов (ягодный, кедрово-шишечный и др.).

Хищническая эксплуатация — удел прошлого, поэтому лесоустройство Севера есть первый шаг к его возрождению, за которым следует ожидать быстро растущую промышленность Севера, его культурного развития.

Лесоустройство, лесоохрана и рациональное лесное хозяйство, связанное с сохранением пушных, рыбных и водных ресурсов края, — основная задача на Севере, которую в 15-летний срок необходимо выполнить, хотя бы по частям в плановом порядке. [...]

ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 236. ЛЛ. 8-8 об.
Машинописная копия.

А.М. Яковлева

Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е.К. Ромодановской

Происхождение ранних сибирских летописей Есиповской (*далее — ЕЛ*) и Строгановской (*далее — СЛ*), сохранивших первые известия о присоединении Сибири к России, на протяжении более двухсот лет занимает умы исследователей. Изучение сибирского летописания, начатое в XVIII в. Г.Ф. Миллером, в следующем столетии было продолжено в исследованиях С.М. Соловьева, М.П. Погодина, П.И. Небольсина, А.А. Дмитриева, С.А. Адрианова. Схема сибирского летописания, предложенная последним, считалась общепринятой до 1920-х гг., когда выдающийся отечественный историк С.В. Бахрушин предложил иной подход к изучению ЕЛ и СЛ. Схема С.В. Бахрушина позволила пересмотреть сложившиеся в науке мнения по ряду вопросов: о взаимозависимости и первооснове ЕЛ и СЛ, их источниках; достоверности этих «исторических повестей».

В последние десятилетия XX в. были предприняты попытки уточнить схему С.В. Бахрушина. Исследователи предложили новые версии происхождения и формирования комплекса «сибирских» известий о покорении Зауралья. Весомый вклад в изучение данных проблем внесли А.И. Андреев, Е.И. Дергачева-Скоп, В.И. Сергеев, А.А. Введенский, Н.А. Дворецкая, Р.Г. Скрынников, А.Т. Шашков.

К числу наиболее видных исследователей сибирского летописания принадлежит член-корреспондент РАН Е.К. Ромодановская. В ее работах рассматриваются вопросы происхождения известий сибирских летописей и их взаимозависимости; при этом особое внимание уделяется изучению историко-лингвистических и стилистических особенностей ЕЛ как исторического источника.

Благодаря разысканиям Е.К. Ромодановской в научный оборот был введен новый источник по истории раннего сибирского летописания — первичная редакция Синодика ермаковым казакам 1622 г. До недавнего времени этот памятник не был известен в самостоятельном виде и читался в тексте ЕЛ основной редакции, где излагалась и история его создания.

Подлинный текст Синодика 1622 г. Е.К. Ромодановская обнаружила в составе рукописного Чина православия из архива Тобольского архиепископского дома¹. Текст Синодика, сохранившийся в составе Чина православия, судя по многочисленным дополнениям и поправкам, отражает, по ее мнению, процесс редакторской работы над вариантом службы поминовения. В результате текстологического анализа исследовательнице удалось выделить этапы редакторской работы над памятником. По заключению Е.К. Ромодановской, перед нами не окончательная редакция Синодика, если судить, например, по наличию в его тексте двух известий о гибели атамана Богдана Брязги с казаками — под Чувашевым и в Абалаке. Объясняется такая противоречивость скорее всего тем, — полагает исследовательница, — что сведения о начальных этапах экспедиции Ермака записывались по памяти, без использования документальных источников².

Особой редакцией Синодика ермаковым казакам, по мнению Е.К. Ромодановской, является и 37 глава ЕЛ. Однако самостоятельного значения эта редакция не имела, а возникла, полагает исследовательница, в результате переработки С. Есиповым текста предыдущей в соответствии с историографическими принципами, которым он следовал. Автор ЕЛ опирался на Синодик в изложении общего хода событий и их оценке. Поэтому С. Есипов подверг сокращению его текст, отобрав лишь те сведения, в которых нуждался: он, в частности, исключил имена погибших, устранив противоречивость известий своего источника о Богдане Брязге³.

В глазах Е.К. Ромодановской ценность Синодика ермаковым казакам в составе Чина православия как исторического источника обусловлена и тем, что авторы большинства поздних сибирских летописей использовали при создании своих произведений Синодик есиповской редакции. Исключение могут составить, по ее мнению, СЛ, список ЕЛ распространенной редакции из портфелей Г.Ф. Миллера и Черепановская летопись.

Е.К. Ромодановская разделяет мнение С.В. Бахрушина о том, что строгановский летописец воспользовался Синодиком независимо от ЕЛ. Доказательством тому служит наличие в тексте СЛ имен соратников Ермака, не упомянутых С. Есиповым, но имеющих аналогию в тексте Синодика 1622 г. Более того, по наблюдениям Е.К. Ромодановской, в СЛ нет таких известий, которые выходили бы за рамки Синодика⁴.

Решая вопрос о влиянии Синодика ермаковым казакам на ранние сибирские летописи, Е.К. Ромодановская предприняла попытку определить его возможный протограф. Исходя из положения С.В. Бахрушина о существовании общего источника ЕЛ и СЛ, исследовательница предполагает, что автор последней мог исполь-

зовать в своей работе как сам Синодик, так и его возможный протограф. С точки зрения Е.К. Ромодановской, более вероятен второй вариант, т.к. использовать непосредственно текст Синодика, принадлежавший Тобольскому архиерейскому дому, могли те, кто имел доступ к документации Софийского собора. Строгановский летописец, скорее всего, к таковым не относился⁵.

С.В. Бахрушин считал протографом Синодика 1622 г., а следовательно, ЕЛ и СЛ, т.н. казачье Написание, созданное по инициативе первого тобольского архиепископа Киприана участниками походов Ермака⁶. Е.К. Ромодановская разделяет это мнение, так же считая необоснованным положение о существовании некоей «киприановой» летописи, выполнявшей роль «посредницы» между Написанием и ЕЛ⁷. (Подобная точка зрения высказывалась также А.М. Ставрович и Е.И. Дергачевой-Скоп. Последняя отводит роль промежуточного посредника летописной повести «О Сибири», известной как краткая редакция ЕЛ по Румянцевскому списку, которая, в свою очередь, восходит к более раннему, чем Написание, протографу — т.н. «устным летописям»⁸).

Е.К. Ромодановская одной из первых предположила, что Написание восходит к протографу, текст которого передается Погодинским летописцем (*далее* — ПЛ). До недавнего времени совпадения известий ПЛ с данными ЕЛ было принято объяснять тем, что он является редакцией сочинения С. Есипова⁹.

Е.К. Ромодановская же на основе оригинальных известий ПЛ пришла к заключению, что именно этот памятник сохранил текст протографа ЕЛ. По ее мнению, чтобы не нарушить «идеологической» цельности своего произведения, С. Есипов подверг сокращению изложение событий в протографе. В качестве примера Е.К. Ромодановская приводит описание Сибири в обоих памятниках, отмечая, что познания автора ПЛ в сибирской географии ограничиваются Обь-Иртышским бассейном, тогда как С. Есипов в описаниях той же Обской губы более подробен. Е.К. Ромодановская пришла к выводу о возникновении общего протографа ПЛ и ЕЛ в 1600–1601 гг., поскольку ПЛ, отличающийся детальностью изложения, не упоминает об основании и местоположении новых городов после 1601 г.¹⁰

Исследовательница находит в тексте ПЛ и прямые указания на первичность его известий по отношению к ЕЛ. В качестве иллюстрации ею приводятся рассказы обоих памятников об основании Тобольска. По заключению Е.К. Ромодановской, анализ этих фрагментов свидетельствует, что С. Есипов механически соединил вступительную и заключительную части аналогичной статьи ПЛ, опустив при этом конкретные сведения, в которых не видел необходимости (описание места и цели основания города). В результате

этот фрагмент ЕЛ оказался путанным. Аналогичные строки ПЛ, по мнению Е.К. Ромодановской, только содержат следы первоначальной, не доведенной до конца правки, на что указывает дублирование одних и тех же известий в двух соседних главах памятника¹¹. Исследовательница также указывает, что почти дословное цитирование в ЕЛ шертной грамоты (в свое время на это обратил внимание В.И. Сергеев) свидетельствует о том, что С. Есипов знал документ по раннему протографу, сохраненному ПЛ, тогда как автор последнего ссылается на материалы Посольского приказа, где эта грамота и хранилась.

Е.К. Ромодановская считает, что ПЛ предшествовал не только Есиповской летописи, но и Синодику ермаковым казакам. Сбивчивость изложения, отличающая Синодик 1622 г., по мнению исследовательницы, следствие не доведенного до конца и не совсем удачного редактирования первичного текста. Так, если удалить из текста Синодика вставки (по мысли Е.К. Ромодановской, нарушающие логику повествования), то «проявится» текст именно ПЛ. Таким образом, Е.К. Ромодановская склонна думать, будто ПЛ сохранил текст, который по времени создания предшествует как ЕЛ, так и Синодику¹².

Исследовательница также попыталась определить предполагаемого автора протографа. По ее мнению, он должен был быть очевидцем либо участником описанных событий, о чем свидетельствуют географические данные и описание обстоятельств отправки казачьего посольства в Москву в ПЛ. Исследовательница полагает, что автор, несомненно, являлся образованным человеком своего времени, но вряд ли опытным книжником.

Е.К. Ромодановская приписывает ПЛ соратнику Ермака Черкасу Александрову (Корсаку). Она предположила, что, судя по его прозвищу, Черкас происходил из запорожского казачества, а именование его Корсаком — признак принадлежности атамана к полоцкой шляхте. Исходя из этого, исследовательница заключила, что Ч. Александров принадлежал к той категории украинского казачества, которой в XVII в. была доступна программа украинско-белорусских школ, подразумевавшая освоение таких гуманитарных дисциплин, как латынь и польский язык. В ПЛ его имя упоминается трижды: в описании отправки казачьего посольства в Москву, бегства ермаковцев из Сибири после гибели Ермака, а также в главе о приезде в Сибирь царских воевод В. Сухина и И. Мясного¹³.

Е.К. Ромодановская допускает, что автор протографа ПЛ мог упомянуть Черкаса как участника событий. Однако в таком случае, по ее мнению, трудно объяснить сбивчивость изложения некоторых фактов в летописце, тогда как это вполне можно сделать, если признать самого автора участником описываемых им собы-

тий: он достаточно точно излагает обстоятельства посольства казаков, используя при этом документы, в частности, шергную грамоту. Известия же о других событиях, случившихся в его отсутствие, составитель ПЛ, видимо, записал с чужих слов, а его попытки соотнести эти события по времени привели к сбивчивости в изложении¹⁴.

Вернувшись в Сибирь с первыми воеводами, Ч. Александров стал нести службу в Тобольске и в 1598–1601 гг. возглавлял там сотню служилых татар¹⁵. Именно в это время, как полагает Е.К. Ромодановская, он мог принимать участие в работе над Написанием. Кроме того, упоминание имени атамана вместе с именем П. Горчакова, по мнению исследовательницы, позволяет объяснить ряд оригинальных известий ПЛ: о поимке Аблегирима, о его набеге на Пермь, о походе царевича Алея на р. Чусовую. Эти сведения не встречаются в ранних сибирских летописях и лишь косвенно подтверждаются некоторыми документами, например, царской грамотой Строгановым от 7 ноября 1584 г.¹⁶ По мнению Е.К. Ромодановской, Ч. Александров мог быть участником этих событий или узнать о них из уст князя Горчакова, вместе с которым строил Пелым¹⁷. Тот факт, что в ПЛ воевода назван Федором Горчаковым, тогда как в наказе говорится о Петре Ивановиче, Е.К. Ромодановская склонна принять за ошибку переписчика.

Таким образом, исследовательница приписывает Ч. Александрову создание Написания — протографа ПЛ¹⁸. Однако ее выводы не лишены противоречивости: Е.К. Ромодановская указывает, что ПЛ передает текст протографа, к которому следует возводить казачье Написание, ЕЛ и СЛ, тогда как из ее соображений относительно авторства этого протографа следует, что таковым все же следует считать казачье Написание. Таким образом, исследовательница недостаточно четко определяет, что же является протографом ранних сибирских летописей, который читается в составе ПЛ.

Некоторые из приведенных положений Е.К. Ромодановской попытался оспорить Р.Г. Скрынников. Так, он счел парадоксальным ее вывод о первичности ПЛ или его протографа по отношению к ЕЛ. Р.Г. Скрынников утверждает, что сравнительный анализ текстов свидетельствует об обратном, и Е.К. Ромодановской не удалось опровергнуть предложенную С.В. Бахрушиным схему сибирского летописания, в которой ПЛ признается вторичной редакцией ЕЛ. По мнению Р.Г. Скрынникова, Е.К. Ромодановская ограничилась частными текстологическими наблюдениями, не представив собственный вариант развития летописания в Сибири¹⁹.

В отличие от Е.К. Ромодановской Р.Г. Скрынников считал, что Написание не могло быть протографом ПЛ, а являлось основой лишь для Синодика 1622 г., составитель которого воспользовался некоей

Тобольской летописью, которую впоследствии автор ЕЛ дополнил сведениями, полученными им от тоболяков-ермаковцев.

Автором ПЛ, по заключению Р.Г. Скрынникова, следует признать не казачьего атамана, как предположила Е.К. Ромодановская, а некоего московского книжника.

О непричастности Ч. Александрова к написанию ПЛ, по Р.Г. Скрынникову, свидетельствуют и некоторые ошибочные сведения этого сочинения. Возможно, ветераны сибирского взятия не помнили конкретных дат, но, как находит Р.Г. Скрынников, последовательность событий и обстоятельства гибели их предводителя не могли не сохраниться в их памяти. По мнению Р.Г. Скрынникова, ошибки в датировке событий лишней раз указывают на непричастность Ч. Александрова или иного участника похода к составлению ПЛ²⁰.

А.Т. Шашков же поддержал гипотезу Е.К. Ромодановской о том, что ПЛ и ЕЛ восходят к общему протографу, созданному не позднее начала XVII в.²¹

По мнению Е.К. Ромодановской, ценность ЕЛ как исторического источника не может быть выявлена в полной мере без детального исследования художественной специфики памятника. Недооценка этого фактора, как полагает исследовательница, приводит к неадекватному восприятию известий ЕЛ: необходимо отличать описания действительных событий от литературных приемов автора. В свое время, указывает Е.К. Ромодановская, вследствие подобного непонимания возникла полемика между С.М. Соловьевым и П.И. Небольсиным о достоинствах сибирских летописей, аргументами в которой служили и элементы повествования, относящиеся к художественной специфике изложения, а не исторические факты. В оценке Е.К. Ромодановской недостаток современных исследований заключается в том, что их авторы ограничиваются поверхностными наблюдениями относительно тех или иных «литературных формул», которыми оперировал автор ЕЛ²². Проанализировав принцип подбора и изложения С. Есиповым фактического материала, исследовательница сделала вывод о типологической близости его повести к древнерусским летописным памятникам.

Автор ЕЛ, как указывает Е.К. Ромодановская, создавал свое произведение как политическую историю Сибири, следуя хронологии и оставляя за пределами повествования те события, которые не укладывались в его провиденциалистическую концепцию. О типологической близости ЕЛ к древнерусской летописной традиции, по мнению исследовательницы, свидетельствует и факт влияния Хронографа первой редакции на сочинение С. Есипова. Однако сфера этого влияния ограничивается художественным оформлением текста; обусловленное литературными задачами автора, оно

не сказывается на построении памятника в целом. В качестве источника автор ЕЛ использовал Хронограф лишь однажды: в рассказе о «дорусской» Сибири, где попытался проследить происхождение географического термина «Сибирь» по аналогии с трактовкой подобного материала в 107-й главе Хронографа²³.

Согласно Е.К. Ромодановской содержание ЕЛ определялось ее предназначением. Официальный характер ЕЛ и ее тенденциозность общепризнаны в литературе. Осознание специфики Сибири в 1630-х гг. как отдельной страны внутри российского государства, полагает исследовательница, позволяет отнестись к созданию ЕЛ к ряду официальных акций и определить задачи, стоявшие перед автором. Е.К. Ромодановская не склонна видеть в ЕЛ только историю христианского просвещения Сибири, как считалось ранее²⁴.

По мысли исследовательницы, своеобразие провиденциализма С. Есипова заключается в том, что он выступал с обоснованием правомерности присоединения Сибирского ханства к России. Каждая часть ЕЛ подчинена общей задаче и несет определенную нагрузку: во введении определяются причины «божьего гнева» на «сибирцев» и их царя; основная часть представляет Ермака и его товарищей орудием божьего промысла; в заключительных главах описывается утверждение христианства в Сибири.

Е.К. Ромодановская указывает, что для С. Есипова «божья воля» — основная движущая сила событий; в соответствии с традицией определение причин немилости Господа, оценка действий ермаковцев, событий сибирского «взятия» вообще носят моралистический характер. Пространные ремарки проповеднической направленности, по мнению исследовательницы, также характеризуют ЕЛ как произведение особой идеологической направленности: в исторических сочинениях XVII в. подобные отступления встречаются редко, т.к. к тому времени православие утвердилось на большей территории страны. Христианская тема ЕЛ усилена, по мнению Е.К. Ромодановской, благодаря тому, что это произведение создавалось под патронажем высшей церковной власти Сибири²⁵.

По определению Е.К. Ромодановской, сочинение С. Есипова не является собственно летописным сводом, т.к., отражая начальный этап сибирского летописания, является авторским произведением, что объясняет его стилистическое сходство с историческими повестями. Исследовательница приходит к заключению, что ЕЛ следует считать произведением, сходным с исторической повестью, типологически близким к ранним летописям XI–XIII вв.

Следует отметить, что Е.К. Ромодановская не попыталась подробно изучить СЛ. К известиям этого памятника она обращается при выяснении общего протографа ранних летописей, повторив вывод С.В. Бахрушина о непосредственном использовании строга-

повским летописцем этого протографа. Исследовательница высказала и ряд предположений о роли Строгановых в организации похода Ермака. Так, Е.К. Ромодановская полагает, что в свете новых источников стало возможным не только говорить о той или иной связи именитых солепромышленников с сибирским походом, но и дифференцировать роль каждого из них в организации этой экспедиции²⁶.

Исследования Е.К. Ромодановской по вопросам раннего сибирского летописания позволили расширить круг известных источников и пересмотреть ряд устоявшихся мнений. Исследовательница одна из первых попыталась обосновать «погодинские» истоки происхождения известий СЛ и ЕЛ. На примере сочинения С. Есипова она обратила внимание исследователей на значение художественной специфики текста источника для адекватной оценки его исторической значимости. Однако следует отметить, что с начала 1980-х гг. исследовательница почти не обращалась к вопросам сибирского летописания.

¹ См.: Ромодановская Е.К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Изв. сибир. отделения АН СССР. Сер. Обществ. наук (далее — ИСО). 1970. № 9. Вып. 3; Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 30.

² Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 40; Она же. Летописные источники о походе Ермака // Известия сибирского отделения АН СССР. Сер. Обществ. наук. 1970. № 11. Вып. 3.

³ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири... С. 44, 45.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 30, 31.

⁷ Е.К. Ромодановская придерживается точки зрения С.В. Бахрушина, полагавшего, что ЕЛ и СЛ пользовались Написанием, но едва ли С. Есипову были известны СЛ или какая-то более ранняя летопись. См.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 237, 244–245.

⁸ Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 126–128.

⁹ Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие... С. 19.

¹⁰ Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 32.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 47, 49; Там же. С. 54.

¹³ Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 58.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александра // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 117, 119.

- ¹⁶ Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 23, 24.
- ¹⁷ Ромодановская Е.К. К биографии... С. 120.
- ¹⁸ Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 51; Она же. Погодинский летописец... С. 25.
- ¹⁹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 42, 43.
- ²⁰ Следует отметить, что, опровергая выводы Е.К. Ромодановской, Р.Г. Скрынников допускает противоречия. Как думает ученый, в некоторых случаях летописец невнимательно читал попавшие в его руки документы и излагал их с очевидными искажениями. В некоторых случаях подобное объяснение выглядит малоубедительным. См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака... С. 53, 58.
- ²¹ Общим прототипом, по мнению А.Т. Шашкова, явилась «Повесть летописная» Ч. Александрова, составленная им на основе письменных и устных татарских источников, его собственных воспоминаний и, возможно, «расспросных речей» Посольского приказа. См.: Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 130, 133, 134; Он же. Сибирский поход Ермака: Хронология событий 1581–1582 гг. // Известия УрГУ. 1997. № 7. (Гуманитарные науки. Вып. 1). С. 49.
- ²² Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 74, 75.
- ²³ Там же. С. 88–95, 122, 123; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 63–68.
- ²⁴ Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 84.
- ²⁵ Там же. С. 80, 83, 88; Очерки русской литературы Сибири... С. 66, 65.
- ²⁶ См.: Ромодановская Е.К. Строгацовы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 130.

II. Социология

Л.Г. Скульмовская

Культура управления персоналом как одна из составляющих российских перемен: региональный аспект

Работа системы управления персоналом, еще недостаточно сформировавшаяся в Ханты-Мансийском автономном округе, направлена на то, чтобы создавать необходимые кадровые ресурсы, устанавливать между людьми соответствующие деловые отношения, включать их в созидательный процесс совместной трудовой деятельности, а также способствовать развитию кадров, их обучению и продвижению по службе, повышению их образовательного и культурного уровня.

Основу концепции построения системы управления персоналом в настоящее время должна составлять возрастающая роль личности работника, знание его мотивационных установок, умение их формировать и направлять в соответствии с задачами, стоящими перед предприятием.

Забота о людях — важная цель деятельности Смотлорского управления технологического транспорта (СУТТ), которое предусматривает в 2002 г. достижение двух главных целей: создание комфортных условий работы для персонала и обеспечение необходимым количеством спецавтотехники заказчика в нужное время, с хорошим качеством, с минимальными затратами и запланированной прибылью.

Данные цели предприятие предполагает достичь через решение следующих задач:

- оптимизация производственных процессов и основных показателей;
- культура и стимулы производства.

Социальная программа управления технологического транспорта включает в себя спортивно-оздоровительную и культурно-досуговую работу, создание условий для физического здоровья работников. Среди показателей культуры производства СУТТ следует отметить эстетику предприятия, озеленение производственных помещений, организацию медицинских кабинетов, функционирование кабинета психологической разгрузки с целью повыше-

ния психологической культуры работников, формирования потребности в психологических знаниях, в развитии собственной личности.

Изменения в экономической и политической системах в нашей стране, систематическая реорганизация структуры Тюменской нефтяной компании в Нижневартовске одновременно несут как большие возможности, так и серьезные угрозы для каждой личности, устойчивости ее существования, вносят значительную степень неопределенности в жизнь практически каждого человека. Управление персоналом в такой ситуации приобретает особую значимость, поскольку позволяет обобщить и реализовать целый спектр вопросов адаптации индивида к внешним условиям, учета личного фактора в построении системы управления персоналом.

С целью изучения кадрового и интеллектуального потенциала Центром культурологии было опрошено 111 работников СУТТ. Опрос методом стандартизированного интервью проводился в различных структурных подразделениях УТТ, в том числе на месторождении, где осуществляется большой объем работы предприятия. Именно опрос является одним из средств общения между людьми, направленным на получение информации, поэтому одновременно это и важнейшее средство исследования в социологии организации.

При формировании выборочной совокупности был использован метод квотной выборки с взаимосвязанными квотами по трем параметрам: пол, возраст и образование. Объем генеральной совокупности (N) — 1107 человек, объем выборочной совокупности (n) — 111 человек, что составляет 10% от генеральной совокупности и отвечает требованиям к соответствующим исследованиям.

Более подробные данные о пропорциональности состава опрошенных на их репрезентативность в составе работников СУТТ и характеристики респондентов будут даны ниже. В выборке в большей степени (91,3%) представлены мужчины, поскольку численность женщин, работающих на предприятии, составляет лишь 8,7%. Это обстоятельство нашло отражение в структуре занятости респондентов.

Наиболее крупную группу представляют водители, машинисты и автослесари, другие рабочие специальности — несколько меньшую группу, но в основном в выборке представлены рабочие профессии, поскольку в генеральной совокупности они составляют 88%, специалисты и служащие — 8%, руководители (АУП) — 4%.

Своеобразным является и возрастной состав работников УТТ: в выборке в большей степени представлен средний возраст (67%),

из них: 42% в возрасте от 40 до 50 лет, 25% — 30–40 лет. Молодежь в возрасте от 20 до 30 лет составляет 22%, до 20 лет — 1%. В выборке представлено и старшее поколение (50 и более лет), которое составляет 10%. Обращает на себя внимание высокий процент работников в возрасте свыше 40 лет, что соотносится пропорционально с генеральной совокупностью.

Очень низок процент работников, имеющих высшее образование (5%), а также среднее специальное образование (10%). Лица с общим средним образованием составляют 82%, с неполным средним — 3%. Это весьма невысокие показатели, хотя такая картина типична для транспортных предприятий, что связано с особым характером хозяйственной деятельности.

Первый блок вопросов был посвящен профессиональной деятельности респондентов, перспективам их работы в Самотлорском УТТ, правильности профессионального выбора, а также перспективам развития самого предприятия в новых социально-экономических условиях. Респондентам было предложено выбрать один из вариантов ответов на вопрос «Достаточно ли уровня полученного Вами образования для работы в современных условиях?», соответствующий их точке зрения. «Да, вполне достаточно, мне не нужно дополнительного образования», — ответили 36,9% респондентов. «Возможно, образования и не хватает, но это компенсируется большим опытом работы», — считают 47,8% опрошенных, не задумывались над этим 15,3% респондентов.

Если учесть то, что основная масса опрошенных имеет только общее среднее образование, то можно говорить о невысоком показателе потребности в получении дополнительных знаний, умений и навыков. Причем о компенсации недостатка образования большим опытом работы заявили 60% женщин и 46,5% мужчин.

На вопрос о том, видят ли сотрудники СУТТ реальные перспективы в своей работе и работе своих коллег, положительно ответили 56,7% респондентов (из них 80% — женщины, 54,5% — мужчины), не видят перспектив — 33,3% (из них 20% — женщины, 36,6% — мужчины), затруднились ответить на вопрос 10% опрошенных. Таким образом, всего чуть больше половины работающих видят реальные перспективы деятельности своего предприятия, своей работы и работы своих коллег — это тревожный показатель.

На гипотетический вопрос: «Оглядываясь назад, Вы могли бы откровенно сказать самому себе, что сделали правильный выбор, связав свою жизнь с работой в данной сфере? Допеидись начать сначала, стали бы Вы вновь здесь работать?» — положительно ответили 61,3%. Это средний показатель, свидетельствующий о степени уважения работников менеджмента предприятия. Отрица-

тельно ответили 27% опрошенных, затруднились с ответом 11,7%. Если считать, что затруднившиеся ближе склоняются к отрицательному ответу, то значительная группа респондентов (38,7%) совершила ошибку, связав свою жизнь с работой в транспортной сфере. Тем не менее мы не можем точно утверждать, ассоциируется ли в понимании работников конкретное предприятие с неправильным выбором или речь идет о транспортной сфере в целом. По всей видимости, в этом ответе респондентов проявилась их тревога за будущее своего предприятия, перспективы своей работы и работы своих коллег. Мы можем точно сказать, что если более 60% стали бы работать в данной сфере при любых условиях, значит, они любят свое дело, которому посвятили значительную часть своей жизни.

И последний вопрос, связанный с профессиональной деятельностью респондентов, касался оценки своей материальной обеспеченности по сравнению с другими людьми. Не секрет, что при любой экономической ситуации основным источником повышения материальной обеспеченности является заработная плата, и, как правило, данный показатель очень важен в условиях рыночной экономики, который, безусловно, оказал влияние и на предыдущий ответ о правильности своего профессионального выбора. Респондентам было предложено 3 варианта ответов. 64% опрошенных считают, что их материальная обеспеченность такая же, как и у большинства населения, 33,3% — что она ниже, чем у большинства, и лишь 2,7% ответили, что она выше, чем у большинства.

Следует обратить внимание на данный факт: в суровых условиях Севера люди, работающие на месторождениях, имеющие разведной характер работы, живут так же, как большинство населения, а ровно треть считает, что даже хуже других. И мы еще раз находим подтверждение тому, что работники УТТ любят данную сферу деятельности, несмотря на то, что получают, на их взгляд, невысокую заработную плату. Хотя здесь, возможно, играют роль и профессии водителя, машиниста, к которым принадлежит большинство респондентов, в ней есть некоторая доля романтики, и, по всей видимости, именно это и привлекает сюда людей.

Следующий блок вопросов был посвящен культурным запросам и потребностям работников СУТТ. Мы попытались определить степень их ориентации на художественную культуру, на современный культурный поток, виды их культурной деятельности.

На вопрос «Есть ли у Вас хобби (любимое увлечение)?» положительно ответили 67,6%, т.е. значительное большинство респондентов, отрицательно — 32,4%. Причем хобби есть у 90% женщин

и у 64,4% мужчин и, естественно, виды любимых занятий у них значительно расходятся. При ранжировании ответов на данный вопрос учитывается процент к ответившим, т.е. только к тем, кто указал свое хобби.

Следует отметить, что некоторые респонденты называли по два и более любимых увлечения. При ранжировании ответов получилась следующая картина:

I место — спорт (футбол, хоккей, лыжи, плавание, в т.ч. подводное) — 41,9%;

II место — рыбалка — 27,4%;

III место — автомобиль — 12,9%;

IV место — охота — 11,3%;

V место — телевизор (кино, мультфильмы) — 9,7%;

VI место — музыка — 6,4%;

VII место — чтение (книги, газеты, журналы) — 4,8%;

— компьютер (компьютерные игры) — 4,8%;

VIII место — дача — 3,2%.

Были названы в качестве хобби шахматы, фотосъемка, нумизматика, филателия, уход за животными, пиво, а также такое экзотическое хобби, как «бить тамадой» и «искать клады».

У женщин, работающих в Самотлорском УТТ, хобби не так разнообразно, но зато его имеют почти все женщины (90%). Для ответивших положительно на вопрос на I месте стоит чтение (50%), на II — вязание (20%), третье место поделили музыка и спорт (по 15%).

На вопрос, читают ли респонденты регулярно художественную литературу, положительно ответили 36,9%, иногда читают 9,9% опрошенных, отрицательно ответили 36,9% респондентов, что вполне соответствует предыдущему вопросу о хобби, где чтение не является основным видом занятия в свободное время, и, естественно, 70% женщин читают регулярно, иногда — 20%.

Телевидение играет огромную роль в современном обществе, поэтому вопрос о телевизионных предпочтениях работников Самотлорского УТТ был задан не случайно. На вопрос ответили 90,1% мужчин, поэтому данные приводятся в процентах к ответившим (некоторые респонденты называли несколько передач).

При ранжировании ответов мужчин места распределились следующим образом:

I место — информационные передачи («Время», «Новости», «Однако») — 45%;

II место — художественные фильмы — 15,4%;

III место — спортивные передачи — 12,1%;

IV место — научно-познавательные (в основном «В мире животных») — 11%;

V место — интеллектуально-развлекательные передачи (такие, как «Поле чудес», «Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг») — 5,5%;

VI место — музыкальные передачи — 4,4%;

VII место — мультфильмы — 2,2%.

11% респондентов ответили, что их интересуют все передачи (разные), т.е. не смогли определиться в своих предпочтениях. 90% женщин определились в своих предпочтениях, из них 30% назвали интеллектуально-познавательные передачи (в том числе «О, Счастливчик!»), такая же группа — «Новости», т.е. информационные передачи, третье место поделили передачи о природе, научно-публицистические и о здоровье.

Наибольшее предпочтение по массиву занимают информационные передачи, что свидетельствует об интересе работников УТТ к событиям, происходящим в стране и мире, к современной социально-политической ситуации, а это признак активной гражданской позиции.

При анализе ответов респондентов выяснилось, что посещают концерты профессиональных коллективов и исполнителей 28,9% опрошенных, иногда посещают 14,4%, и отрицательно ответили на вопрос 55,8% респондентов, т.е. больше половины. Возможно, это связано с низкой материальной обеспеченностью, на которую указывали респонденты, а также с их хобби, где музыка занимает далеко не первое место.

Следует отметить, что на проверочный вопрос, в котором необходимо было указать несколько названий современных художественных произведений, имен деятелей искусств, культуры, наиболее интересных респондентам, было получено незначительное количество конкретных ответов, особенно названий произведений. У мужчин на все позиции дали ответы лишь 5,7% опрошенных, вообще не ответили на вопрос 31,9%, дали ответы на те или иные позиции 62,4% респондентов, поэтому данные приводятся в процентах к ответившим и отдельно по каждому виду искусства.

В кино лидируют Ю. Никулин и А. Джигарханян — 10,1%, в музыке А. Розенбаум, Ф. Киркоров — 10,1%, в театре О. Табаков — 11,6%, в литературе А. Маршнина — 13%.

Таким образом, анализ ответов показал невысокий уровень знания художественной культуры (искусств, литературы). Практически не было названо ни одного художественного произведения. Все без исключения респонденты считают, что им необходимо повышать свой культурный уровень в новых социально-экономических условиях, хотя этого нельзя сказать об уровне образования, где мнения разделились.

Нам важно было узнать, как оценивают свой культурный уровень сами респонденты, насколько критически они подходят к себе,

поэтому им был задан специальный вопрос и предложено выбрать один из вариантов ответа. Большинство (71,2%) опрошенных оценили свой культурный уровень как средний, еще 14,4% – ниже среднего; как достаточно высокий – 8,1%, как высокий – 6,3%.

Безусловно, уровень самокритичности у респондентов достаточно высок, возможно, они действительно считают свой культурный уровень именно таковым, о чем и свидетельствуют некоторые полученные ранее ответы.

Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. М.: Финансы и статистика, 2001.

Дятлов В.А., Кибанов А.Я., Пихало В.Т. Управление персоналом. М.: ПРИОР, 1998.

Моргунов Е.Б. Управление персоналом: исследование, оценка, обучение. М.: Интел-синтез, 2000.

Смолякин А.М. Менеджмент: Основы организации. М.: ИНФРА-М, 1999.

Уитмор Дж. Coaching – новый стиль менеджмента и управления персоналом: Практическое пособие / Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 2000.

Н. Ю. Гаверилова, В. П. Карпов

Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы

Формирование населения является сложным процессом, представляющим собой сочетание естественного (рождение, смертность, естественный прирост) и различных видов механического (миграции) движения населения. Под миграцией понимается территориальное перемещение людей, связанное со сменой постоянного места жительства на относительно длительное время.

Существенное влияние на процесс формирования и размещения населения оказывают производственная структура, природно-климатические условия и социальная инфраструктура. Они могут выступать как стимулирующим фактором в процессе формирования населения, так и оказывать негативное воздействие, следствием которого становятся низкая плотность заселения территории, слабая приживаемость населения, отрицательное сальдо миграции. Развитие производительных сил региона служит основой перераспределения рабочей силы как внутри региона (внутренняя миграция), так и между экономическими районами (внешняя миграция). Эти закономерности в процессе формирования населения отчетливо проявились при освоении Севера Западной Сибири в 60–80-е годы.

Интенсивное промышленное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири оказало решающее влияние на формирование населения региона, его численность и состав.

Суровые природно-климатические условия Севера, обширность и удаленность территории от промышленных центров, труднодоступность большинства районов, слабая развитость системы транспортных коммуникаций предопределили слабую заселенность территории и малую плотность населения.

До начала промышленного освоения региона население Тюменской области было невелико. По данным Всесоюзной переписи 1959 г., оно составляло 1092,5 тыс. человек, при этом только 17,0% (186,2 тыс. чел.) приходилось на Ханты-Мансийский и Яма-

ло-Ненецкий автономные округа¹. Основная масса населения проживала в южных районах области. Отличительной чертой формирования населения области этого периода (1959–1964 гг.) демографы отмечают отрицательное сальдо миграционного обмена, т.е. количество выбывших из области было больше числа прибывших. По данным А.Н. Зайцевой, Тюменская область только в 1951–1952 гг. имела незначительный механический прирост (3,2 тыс. чел.), в остальные годы (с 1950 по 1960 гг.) отрицательное сальдо миграции в 32 раза превышало этот прирост, составляя 101,9 тыс.² Подобное положение сложилось в результате оттока сельского населения из южных районов области и Ямало-Ненецкого округа. В целом же население Тюменской области росло за счет естественного прироста, размеры которого превышали миграционный отток. Население Ханты-Мансийского округа имело в этот период положительное сальдо миграции. Оно выросло в результате притока мигрантов в лесную промышленность и в геологоразведку³.

Интенсивное хозяйственное освоение северных районов внесло коренные изменения в процесс формирования населения. Индустриализация превратила область в центр притяжения трудовых ресурсов из других регионов. Медленный рост населения сменился его быстрым ростом, отрицательное сальдо миграции — положительным.

Определяющим источником формирования населения Тюменской области с начала разработки и обустройства нефтегазодобывающих районов становится механический прирост. В центрах нефтегазодобычи он являлся практически единственным источником формирования населения, особенно на начальном этапе. Решающую роль миграции в демографическом развитии районов нового промышленного освоения (РНПО) с середины 60-х годов отмечали все исследователи. Это было обусловлено прежде всего региональной спецификой.

Возникновение новых отраслей (бурение, нефтегазодобыча), ранее не свойственных региону, а также необходимость значительного обустройства территории (строительство городов и рабочих поселков, железных и автомобильных дорог, сети трубопроводов) требовали большого количества трудовых ресурсов и кадров, обладающих соответствующим уровнем квалификации и навыками работы. Отсутствие их в регионе диктовало необходимость привлечения населения из других районов страны. Тем самым Тюменская область (и прежде всего районы нового промышленного освоения) превращаются в центр притяжения рабочей силы.

Создание на Севере области нефтегазодобывающих отраслей промышленности, формирование производственной инфра-

структуры, сооружение городов и рабочих поселков вызвали бурный рост населения РНПО. Если население Тюменской области с 1966 по 1971 гг. увеличилось в целом на 111,5% (прирост составил 148 тыс. чел.), то население Ханты-Мансийского автономного округа (основного центра нефтедобычи) за этот же период выросло в 1,9 раза (См.: таблицы 1, 2). Причем темпы его роста были в 1,6 раза выше, чем за 1959-1964 гг. (т.е. период, предшествующий промышленному освоению). Намного ниже были темпы прироста населения Ямало-Ненецкого округа. Оно увеличилось с 1966 по 1970 гг. в 1,2 раза (что составляло 25 тыс. чел.)¹.

Население области за этот период росло преимущественно за счет миграционного обмена с другими районами страны. По данным К.Н. Мисевич и В.И. Чудновой, механический прирост более чем в три раза превышал естественный прирост населения². Если до начала промышленного освоения (1960-1963 гг.), по данным демографических обследований, количество мигрантов, прибывших в Тюменскую область, составляло в среднем 90 тыс. человек в год, то в течение 1965-1970 гг. размеры миграции по прибытию достигали 130-155 тыс. чел. в год, причем в 1966-1968 гг. наблюдалась устойчивость этого показателя. Под воздействием этого фактора изменилось и направление миграции. До 1964 г. немногим более половины мигрантов, прибывших в Тюменскую область, устремлялись в ее южные районы.

Таблица 1.

Динамика численности населения Тюменской области*,
тыс. чел. (на 1.01.)

Административно-территориальная единица	1966	1971	1976	1981	1986	1966-1985
Тюменская область	1273,6	1421,3	1635,6	2031	2685	2,1
В том числе:						
Ханты-Мансийский авт. округ	143	271,2	672	963	1047	7,3
Ямало-Ненецкий авт. округ	65	80	126	193	383	5,9

* Составлена и рассчитана по данным: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки. С. 14, 28; Тюменская область в цифрах. 1971-1975 гг. С. 3; Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. М., 1982. С. 37; Народное хозяйство РСФСР в 1986 г. С. 14, 23.

Таблица 2.
Темпы роста населения Тюменской области, %

Административно-территориальная единица	1971 к 1966	1976 к 1971	1981 к 1976	1986 к 1981	1986 к 1966
Тюменская область	111,6	115,0	124,1	132,2	210,9
в том числе:					
Ханты-Мансийский автономный округ	189,7	247,8	143,3	108,7	732,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	123,1	157,5	153,2	198,4	589,2

Однако бурное хозяйственное освоение Обского Севера вызвало усиление его роли в миграционном процессе. Удельный вес мигрантов, поселившихся на Севере области за 1960–1970-е годы, повысился с 25 до 47% к общему числу прибывших⁶.

Самыми высокими темпами роста населения и преобладанием миграционного притока отличались города и рабочие поселки районов нефтегазодобычи: Сургут, Урай, Игрим, Нефтеюганск, Мегион, Нижневартовск (Ханты-Мансийский автономный округ — ХМАО)**, Надым, Пойковский (Ямало-Ненецкий автономный округ — ЯНАО). Большинство из них за указанный период увеличило свое население в 3–10 и более раз. В центрах освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья — Сургуте, Нижневартовске, Мегионе, Нефтеюганске — прирост населения, по одним данным, на 90–97%, по другим — на 85–95%, обеспечивался за счет притока из других районов⁷. Тогда как в Тобольске — старейшем сибирском городе с давно сформировавшимся населением — в связи с развертыванием в нем промышленного строительства роль миграции в формировании населения возросла, но доля ее не превышала 50% в общем приросте⁸.

Результатом этих демографических изменений становится изменение соотношения населения северных округов в составе области. Если к началу промышленного освоения их население составляло немногим более 16%, то к 1970 г. на Обском Севере проживало уже около четверти всего населения Тюменской области (См.: таблица 3).

Ускоренное развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири в 70-е годы, создание новых отраслей специализации — энергетики, нефте- и газопереработки, обустройство и разработка газовых месторождений в Приполярье — сопровождалась значитель-

** Мигранты этих населенных пунктов составляли более половины общего объема механического движения населения ХМАО.

ным ростом населения РНПО. Население Тюменской области за десятилетие (с 1971 по 1981 годы) выросло почти в 1,5 раза (абсолютный прирост его составил 610 тыс. чел.), тогда как население Севера увеличилось в 3,3 раза. Основной прирост его по-прежнему приходился на северные округа: население ХМАО за этот период увеличилось почти в 3,6, ЯНАО — в 2,4 раза⁹. К началу 80-х годов население Севера составляло уже 56,9% от всего населения области (См.: таблица 3). Основным источником его формирования сохранялась миграция. Вместе с тем в 70-е годы усиливается значение такого фактора, как естественный прирост, связанный с высокими показателями рождаемости в нефтегазодобывающих районах.

Таблица 3.

**Соотношение населения Ханты-Мансийского
и Ямало-Ненецкого округов
к населению Тюменской области, %**

Административно-территориальная единица	1966	1971	1976	1981	1986
Тюменская область	100	100	100	100	100
в том числе:					
Ханты-Мансийский автономный округ	11,2	19,0	41,0	47,4	38,99
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,1	5,6	7,7	9,5	14,3

В 70-е годы происходят некоторые изменения в темпах роста населения северных округов. Вплоть до середины 70-х годов более быстрыми темпами росло население ХМАО, что было обусловлено опережающим развитием нефтегазодобывающей промышленности в Среднем Приобье. С 1971 по 1976 гг. население ХМАО увеличилось в 2,5 раза, в то время как в ЯНАО — в 1,6 раза (что явилось достаточно высоким показателем для округа по сравнению с предшествующим пятилетием (См.: таблица 2). Но со второй половины 70-х годов в связи с интенсивным освоением районов Дальнего Севера и увеличением объемов газодобычи, тенденции в темпах роста населения РНПО изменяются. Лидирующая роль в этом переходит к ЯНАО. Если в 1976–81 гг. население ХМАО увеличилось в 1,4 раза, то население ЯНАО — в 1,5 раза. Изменилось и его соотношение в составе населения области. Так, если в начале 70-х годов оно составляло лишь 5,6%, то к 1981 г. — 9,5% от всего населения Тюменской области (См.: таблица 3).

Снижение темпов роста населения нефтегазодобывающих районов Среднего Приобья со второй половины 70-х годов отнюдь не свидетельствовало о резком сокращении его абсолютного прироста. Он по-прежнему сохранялся на достаточно высоком уровне, значительно превышая аналогичные показатели в ЯНАО. Если за период с 1971 по 1976 гг. население ХМАО увеличилось на 400,8 тыс. человек, то в последующем пятилетии его прирост составил 291 тыс., в ЯНАО эти показатели составляли соответственно — 46; 67 тыс. человек (См.: таблица 1. Подсчет).

Эти же тенденции сохранялись и в начале 80-х годов. Население Тюменской области в 1981–1985 годах увеличилось в 1,3 раза. Прирост его за этот период составил 654 тыс. чел. При этом только 84 тыс. чел. (или 12,8%) приходилось на ХМАО (т.е. прирост его по сравнению с предшествующим пятилетием сократился в 3,5 раза). Население ЯНАО, напротив, увеличивалось с начала 80-х годов более динамично, чем за весь предшествующий период. Оно выросло почти в 2 раза, прирост его только за пятилетие составил 90 тыс. человек (См.: таблица 1. Подсчет). Если в начальный период освоения население ЯНАО составляло лишь 5,1% в составе населения области, то к середине 80-х годов — 14,3% (См.: таблица 3).

Вместе с тем в демографическом развитии региона с начала 80-х годов отчетливо проявилась и другая тенденция: резкое сокращение прироста населения северных округов в общем приросте населения Тюменской области. Как показывает анализ динамики населения области, в 1981–86 гг. прирост населения Севера составил лишь 41,9%, тогда как за предшествующее пятилетие он составлял 90,5% (См.: таблица 1. Подсчет). Несколькo уменьшилась и доля населения автономных округов в общем составе населения: с 56,9% в 1981 г. до 53,2% в 1986 г. (См.: таблица 3).

К сожалению, эти изменения в демографическом развитии Тюменской области с начала 80-х годов не стали предметом изучения демографов. Напротив, в литературе можно встретить утверждения, что внутри области вплоть до 1989 г. включительно опережающими темпами росло население северной ресурсной зоны¹⁰.

На наш взгляд, причины изменений в демографическом развитии региона неоднозначны. Снижение темпов роста населения ХМАО с начала 80-х годов свидетельствовало о некоторой стабилизации населения городов Среднего Приобья, что во многом было обусловлено развитием нефтегазодобывающих отраслей промышленности округа. С другой стороны, именно в этот период увеличиваются объемы использования вахтовой организации труда, в том числе межрегионального экспедиционно-вахтового метода.

Переход к широкому использованию этого метода труда в бурении, нефте- и газодобычи, использование строительных подразделений из республик позволили сократить приток рабочей силы из других регионов и тем самым повлияли на темпы роста населения РНПО в первой половине 80-х годов.

В целом в 80-е годы население Тюменской области росло темпами, значительно опережающими союзные и республиканские показатели. Среднегодовой темп прироста населения здесь в первой половине 80-х годов более чем в 9 раз превышал республиканские показатели и был самым высоким в России. Только за 1986 г. численность населения области увеличилась на 159,5 тыс. чел. — такого высокого прироста населения не наблюдалось за всю историю развития региона¹¹.

По со второй половины 80-х годов доля мигрантов, прибывших извне региона, значительно снизилась, а проблема создания комплекса условий для приживаемости новоселов и предотвращения нежелательного оттока мигрантов из Сибири обострилась¹².

Основное место в миграции населения Тюменской области занимали внешние связи. По результатам демографических обследований, наибольший по объему и интенсивности миграционный обмен населением в 1960—1971 гг. установился с областями Урала (особенно Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской), Западной Сибири (Омской, Новосибирской, Кемеровской) и Поволжья (Башкирской и Татарской АССР, Куйбышевской области). Мигранты этих районов составляли почти половину общего количества прибывших¹³. Среди других территорий демографы выделяли Северный Кавказ (Краснодарский край), Волго-Вятский район (Горьковскую и Кировскую области), Восточную Сибирь (Красноярский край, Иркутскую область), а также Казахстан (близлежащие Кустанайскую, Павлодарскую и Карагандинскую области) и Украину¹⁴.

Основными факторами, определяющими направления миграционных потоков, служили сходство производственной специализации, близлежащее положение и существующие экономические связи. Так, из граничных с Тюменской областью территорий в 1968 г. прибыло 31,3% переселенцев, а из нефтегазодобывающих районов Поволжья и Северного Кавказа — 12%¹⁵. При этом если в формировании населения сельских районов и старых городских центров наибольшее значение имели миграционные связи с Уралом, Западной Сибирью, то для нефтегазодобывающих районов особую роль играл миграционный обмен с Поволжьем и Северным Кавказом, т.к. решающую роль в формировании населения РНПО выполнял производственный признак.

Преобладающим источником в формировании городского населения Тюменской области в 60-х — начале 70-х годов являлось село. Оно обеспечивало 85% миграционного прироста, в том числе 44% было достигнуто за счет сибирского села. На долю прибывших из городов других районов (Урала, Поволжья и т.д.) приходилось 14% общего миграционного прироста городского населения области¹⁶.

Формирование населения РНПО, по утверждению демографов, происходило преимущественно за счет большого количества переселенцев из других регионов. Удельный вес внешних мигрантов составлял здесь во второй половине 60-х — начале 70-х годов 70% среди прибывших, 60% среди выбывших и более 80% общего притока населения городских поселений. В то время как старые центры окружного и районного значения рыбной или лесной промышленности не имели большого объема внешней миграции. Формирование населения в них на 40–60% происходило за счет переселенцев самой Тюменской области¹⁷.

Если в отношении решающего значения внешней миграции в формировании населения нефтегазодобывающих районов демографы едины, то в определении направлений миграционных потоков и оценки удельного веса мигрантов существуют различные позиции авторов.

Так, по результатам обследований, проведенных сотрудниками ИЭ и ОПП (Института экономики и организации промышленного производства СО АН) в 1966–1970 гг., выделялось 6 районов, которые обеспечивали 86% внешнего миграционного прироста городского населения Тюменской области: Урал, Поволжье, Украина, Казахстан, Восточная Сибирь и Волго-Вятский экономический район. Самый высокий миграционный прирост обеспечивал Урал — 46,2%, далее Поволжье — 15,1%, Казахстан — 7,5%, Украина — 6,5%. На долю прибывших из городов других районов приходилось 14% общего миграционного прироста. При этом четко выделялось три района, за счет которых формировалось население РНПО. Наибольшее число, по данным обследований, было выходцами из городов и сел Западной Сибири, вторым по значению выступало Поволжье, затем — Урал¹⁸.

Несколько иное процентное соотношение миграционного прироста различных регионов дают К.Н. Мисевич и В.И. Чуднова. Авторы выделяли три группы районов по степени их участия в формировании населения городов и рабочих поселков Обского Севера во второй половине 60-х — начале 70-х годов. В первую группу они включали Урал, Поволжье, Западную Сибирь и Казахстан, которые обеспечивали наибольший положительный баланс в миграционном обмене — 75,2%. Другая группа, обеспечивающая

15,7% мигрантов в общем притоке населения, — представители Волго-Вятского района, Северного Кавказа, центральных районов, Северо-Западной и Восточной Сибири. Третья группа включала мигрантов из других районов: Дальнего Востока, Молдавии, Средней Азии и Украины. Она не играла значительной роли в притоке населения, поскольку масштабы миграции, кроме Украины, были невелики¹⁹.

Причины этих расхождений могли быть связаны не столько с различной методикой подсчетов демографов, сколько с самой ситуацией, складывающейся в районах освоения. Как отмечали исследователи, миграционный процесс в РНПО в 1966–1970 гг. носил неустойчивый характер, наблюдались резкие колебания в миграционных потоках²⁰. Но при этом очевидна решающая роль внешней миграции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири.

Ведущая роль внешней миграции сохранялась на всем протяжении исследуемого периода, но отсутствие специальных демографических обследований в 70–80-е годы не позволяет определить процентное соотношение миграционных потоков из различных регионов. Поскольку основным фактором, определяющим направление миграции, по-прежнему сохранялась производственная специализация, постольку Западная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ, Украина давали основной приток механического прироста населения нефтегазодобывающих районов.

Своеобразным «слепоком», позволяющим определить направления миграции в 70–80-е годы, служит историко-социологический анализ трудового коллектива Главсибтрубопроводстроя, проведенный В.В. Алексеевым и Е.В. Логуновым. В основе формирования кадрового потенциала этой крупнейшей организации лежали интенсивные миграционные процессы. Распределение мигрантов по регионам выхода позволяли определить направления миграционных потоков в северные районы Тюменской области. 52,2% рабочих главка являлись выходцами из европейской части страны, при этом 25,4% приходилось на Украину, 6,6% — территорию Поволжья, 23,2% — другие районы европейской части. 13,7% составляли мигранты с Урала, 4,9% — Средней Азии и Казахстана, 2,4% — районов Тюменской области, 4,0% — других районов Западной Сибири, 2,3% — Восточной Сибири, 0,6% — Дальнего Востока²¹.

Таким образом, анализ кадрового потенциала Главсибтрубопроводстроя позволяет утверждать, что в 70–80-е годы значительная роль в формировании населения РНПО сохранялась за Уралом, Поволжьем, Западной Сибирью, но ведущая роль перешла к

Украине (на начальном этапе освоения выходы из Украины были весьма незначительны).

В качестве главных причин увеличения притока населения из европейской части страны (в т.ч. Украины) авторы называют трудозыбыточность населения в местах выхода мигрантов, имеющий опыт нефтегазового строительства, высокий уровень материального вознаграждения на Севере. Эти факторы предопределили массовый приток квалифицированных кадров в организации Западно-Сибирского ТПК²².

Особенностью миграционных процессов в РНПО в 70–80-е годы становится возрастание внутрирегиональной миграции. Так, 16,9% рабочих кадров Главсибтрубопровода в середине 80-х годов пополялось за счет мигрантов, ранее трудившихся в районах нефтегазового строительства²³.

Внутрирегиональная миграция (ее также называют внутриобластной, межрайонной) и ранее — в 60-х — начале 70-х годов — являлась составной частью формирования населения Тюменской области, в том числе нефтегазодобывающих районов. В среднем в пределах области в этот период перемещалось 45–68 тыс. человек в год, что составляло 40–50% от общего объема мигрантов²⁴. Промышленное освоение Севера вызвало некоторое снижение удельного веса внутриобластной миграции в связи со значительным притоком населения из других районов страны, но тем не менее она сохраняла свое значение. Анализ внутриобластного обмена населения, проведенный демографами во второй половине 60-х — начале 70-х годов, показал, что удельный вес переселенцев Тюменской области в общем объеме миграции городских поселений Обского Севера составлял 27%²⁵.

В 70–80-е годы миграция населения внутри области по-прежнему сохранялась, хотя направление ее во многом изменилось. На начальном этапе освоения региона активное участие в формировании населения Обского Севера принимали выходы их сельской местности Тюменской области. Они составляли 65% общего количества внутриобластных мигрантов, прибывших в городские поселения Севера. Больше половины из них были переселенцами сельской местности осваиваемой территории. Так, среди мигрантов из сельской местности Среднего Приобья 30% приходилось на выходцев из села того района, где находилось городское поселение. Из сельской местности юга Тюменской области прибывало в городановостройки 26,8% внутриобластных мигрантов. Наибольший объем миграции давали районы, тяготевшие к нижнему течению рек Тобола и Иртыша (Тобольский, Вагайский, Тюменский, Яркоковский, Ялуторовский). Выходы из этих мест составляли 60% от всех сельских мигрантов юга области²⁶.

Особенностью внутрирегиональной миграции в 70–80-е годы становится перемещение населения в самих районах нефтегазодобычи²⁷. Оно носило характер межрайонной миграции. Это явление становится повсеместным, хотя масштабы его определить сложно. Причины его были неоднозначны и многообразны. С одной стороны, в основе межрайонного перемещения трудовых ресурсов лежал объективный процесс, связанный со специфической нефтегазодобывающей промышленностью. Освоение новых месторождений, увеличение нефтегазодобычи в одних и сокращение в других районах — все это требовало перераспределения трудовых ресурсов внутри региона. При этом объективно возникала потребность в кадрах, не только имеющих соответствующую квалификацию, но и владеющих определенными навыками работы в условиях Севера. С другой стороны, причинами внутрирегиональной миграции могли быть и материальные факторы, связанные с оплатой труда в тех или иных организациях, и социальные, вызванные неудовлетворенностью условиями труда или решением вопросов социального обустройства.

Если в первое десятилетие формирования нефтегазового комплекса Западной Сибири (1965–1975 гг.) основным центром притяжения мигрантов являлось Среднее Приобье (территория ХМАО), где были сосредоточены в основном нефтяные месторождения, то в последующее десятилетие в связи с активным обустройством газовых месторождений зона миграционного притяжения значительно расширяется, охватывая районы дальнего Севера (территорию ЯНАО).

Поскольку формирование населения в РНПО определялось прежде всего производственной специализацией и перспективами развития самого региона, то это накладывало определенный отпечаток не только на процесс формирования населения, но и на его состав.

Типичной для всех районов Западной Сибири являлась миграция населения преимущественно трудоспособного возраста. В РНПО удельный вес этой категории среди общего числа мигрантов был значительно выше. Если в целом по Тюменской области в конце 60-х — начале 70-х годов он составлял 80%, то в центрах нефтедобычи Сургуте — 87%, Нефтеюганске и Урае — 88%. Более половины мигрантов находилось в возрасте 25–39 лет, что в целом влияло на «омоложение» возрастной структуры населения нефтегазодобывающих районов. По данным обследования возрастной структуры, проведенного ИЭ и ОПП в районах освоения, доля возрастной группы 25–39 лет среди прибывших мигрантов составляла: в Сургуте — 72%, Урае — 75%, Нижневартовске — 77%²⁸. Значительно ниже была доля других возраст-

ных групп: около 15% мигрантов составляли лица в возрасте 16–19 лет и 40–49 лет, 17% — дети до 16 лет, 3% — переселенцы старше 50 лет²⁹.

Другой особенностью миграционного состава населения было преобладание мужчин, что было обусловлено спецификой производства нефтегазодобывающих районов. Они составляли около 60% во всех возрастных группах, кроме лиц пенсионного возраста. В возрастной группе 20–34 года их доля повышалась до 68–70%. Доля женщин среди мигрантов новых городских поселений в начальный период освоения региона составляла лишь 30–45%³⁰.

Таким образом, половозрастной состав мигрантов складывался под влиянием отраслевой специализации, которая предъявляла особые требования к качеству рабочей силы. Вместе с тем высокий удельный вес молодых возрастов, преимущественно мужского пола, вел к нарушению нормального половозрастного состава населения в регионе.

Нефтегазодобывающие отрасли предъявляли особые требования и к уровню квалификации, связанному как со стажем работы, так и с уровнем образования. Анализ структуры рабочих кадров, проведенный демографами, показал, что среди работников нефтегазодобывающей промышленности наиболее значительную группу в конце 60-х — начале 70-х годов составляли лица со стажем работы от 5 до 10 лет. У 20–25% общий стаж работы был менее 5 лет. Весьма незначительна была группа лиц со стажем работы 20 лет. Удельный же вес лиц со стажем работы более 20 лет был в 2–3 раза ниже, чем в целом по РСФСР³¹.

Для работников основных отраслей специализации региона был характерен достаточно высокий образовательный уровень. 35% мигрантов, прибывших для работы в нефтегазодобывающую промышленность, имели образование в пределах 7–10 классов, а более 20% — среднее специальное и высшее образование. Наиболее высоким образовательным цензом отличались мигранты с Поволжья и Северного Кавказа. В этих миграционных потоках в 1,5–2 раза была выше доля лиц со средним специальным и в 3–4 раза — с высшим образованием³².

Эти тенденции, проявившиеся на начальном этапе создания нефтегазового комплекса Западной Сибири при формировании населения РНПО, становятся определяющими и в последующем. Анализ состава новопоселенцев позволяет утверждать, что для него был характерен высокий удельный вес лиц молодого возраста, преимущественно мужского пола, с достаточно высоким образовательным уровнем.

Анализ особенностей формирования населения нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири был бы непол-

ным без рассмотрения такого важного признака миграции, как интенсивность. Этот показатель выражен в соотношении численности прибывших и выбывших мигрантов. Он имеет большое народнохозяйственное значение, т.к. отражает степень приживаемости населения и уровень общей стабильности кадрового потенциала.

По утверждению исследователей, особенностью демографических процессов в 60–80-е годы в Западной Сибири являлась большая подвижность населения, выраженная в высокой интенсивности миграции. Западная Сибирь по величине этого показателя занимала в 60-е годы 2 место среди 10 экономических районов РСФСР, уступая лишь Уральскому. Так, в 1961–65 годах на каждые 100 прибывших в города Западной Сибири выбывали 84 человека, а в следующем пятилетии — 90 человек³¹. Интенсивность миграции населения в РНПО была в 4–5 раз выше, чем в среднем по Российской Федерации. На начальном этапе освоения она достигала даже 80–90%³⁴, что свидетельствовало о низкой приживаемости мигрантов.

Другим показателем, отражающим интенсивность миграционной подвижности населения, выступает численность среднегодовых мигрантов (по прибытию и выбытию) на 10 тыс. городских жителей. Западная Сибирь по этому показателю превосходила все экономические районы РСФСР (за исключением Дальнего Востока). Поток прибывших сюда мигрантов был на 20% выше среднереспубликанского показателя, в то же время поток выбывших — на 26%³⁵. Соотношение этих показателей подтверждало выводы о высокой миграционной подвижности городского населения западносибирского района и более низкой его приживаемости.

В целом среднегодовая численность прибывших и выбывших мигрантов составляла в Западной Сибири около 16% общего числа городского населения. По РСФСР этот показатель едва достигал 13%³⁶. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., каждый шестой городской житель в Западной Сибири проживал в данном месте жительства не менее двух лет³⁷.

Эти же тенденции прослеживались и в Тюменской области, прежде всего в РНПО. По утверждению демографов, чрезвычайно высокая интенсивность миграции, которая складывалась из коэффициентов прибытия и выбытия, являлась одной из важных особенностей начального этапа формирования населения Обского Севера. Так, миграционная подвижность городского населения ХМАО во второй половине 60-х годов более чем в два раза превышала миграционную интенсивность городского населения южных районов области и почти в три раза — сельского. Среднего-

довой коэффициент подвижности населения таких центров нефтедобычи, как Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай, Игрим, Мегйон, составлял 450–670 (за 1964–1968 гг.), при коэффициенте прибытия 320–430³⁸.

Таким образом, формирование населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири изначально протекало в условиях высокой миграционной подвижности населения. Хотя население новых городов росло достаточно высокими темпами (о чем уже говорилось ранее), но достигалось это за счет огромного миграционного потока. Так, за период с 1964 по 1970 гг. объем миграционного обмена РНПО составил 1,8 млн. человек (по количеству прибывших и выбывших внутренних и внешних мигрантов)³⁹, тогда как все население области за этот период увеличилось на 212,9 тыс. человек, а прирост населения северных округов составил 120,3 тыс. (См.: таблица 1. Подсчет). По данным К.Н. Мисевич и В.И. Чудновой, количество прибывших за это время колебалось в пределах 40–80 тыс., а выбывших — 25–55 тыс. человек в год⁴⁰. По подсчетам этих исследователей, с начала развития нефтегазодобывающей промышленности до начала 70-х годов на этой территории в миграции участвовало около 900 тыс. человек. За этот же период число прибывших на Обской Север увеличилось в 1,9 раз, а выбывших — в 2,2 раза⁴¹. Эти данные еще раз подтверждают вывод о высокой миграционной подвижности населения РНПО, с одной стороны, и его низкой приживаемости, с другой.

Отсутствие открытых данных по миграционной подвижности населения нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири и исследований демографов не позволяют выявить, насколько закономерны эти процессы были в 70–80-е годы, каковы были их тенденции. Об этом могут свидетельствовать лишь косвенные данные. Так, по опубликованным данным, миграционный поток за период с 1964 по 1989 гг. в Тюменскую область составил 15 млн. человек⁴², тогда как все население Тюменской области увеличилось за этот период на 1,9 млн. человек, достигнув 3,1 млн. Эти показатели свидетельствуют о высокой миграционной подвижности населения Тюменской области, и прежде всего районов нового промышленного освоения, на всем протяжении исследуемого периода.

Эти явления были свойственны в целом Западно-Сибирскому региону. По расчетам отдела демографии ИСО АН СССР, число осевших в Западной Сибири в 1972–1982 гг. составляло примерно одну треть общего прироста населения⁴³.

Социологические исследования позволили определить причины, влияющие на интенсивность миграционных процессов в регио-

не, и выделить потенциальных мигрантов, для которых характерна низкая приживаемость.

Как показывали исследования, проведенные на начальном этапе освоения нефтегазодобывающих районов Сибири (1965 г.), высокая интенсивность выбытия населения складывалась преимущественно за счет лиц, проживающих менее одного года. Удельный вес этой категории мигрантов в общем числе уезжающих колебался в пределах 40–70%⁴⁴. С увеличением времени проживания склонность к обратной миграции уменьшалась.

Степень приживаемости зависела и от состава мигрантов: их возраста, образования, квалификации, семейной структуры. Высокая потенциальная подвижность была характерна прежде всего для молодежной группы, что было связано со стремлением к разнообразной жизни, смене обстановки, а также повышенными запросами в отношении продолжения образования. По данным социологических исследований, проведенных в начале 70-х годов, 21,2% потенциальных мигрантов составляла группа лиц в возрасте до 25 лет. Коэффициент потенциальной приживаемости этой группы был весьма низким и составлял 21,9%⁴⁵. При этом прослеживалась следующая закономерность: чем старше была возрастная группа, тем выше был ее коэффициент приживаемости. Наиболее высокий коэффициент потенциальной приживаемости (40,5%) был характерен для возрастной группы 40–44 года⁴⁶.

Самая низкая потенциальная приживаемость наблюдалась у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, а самая высокая — у лиц с образованием в пределах 4 классов. Поэтому более высокой потенциальной приживаемостью отличались неквалифицированные и малоквалифицированные работники, а более низкой — наиболее квалифицированные кадры, предъявляющие повышенные требования к жилищным и культурно-бытовым условиям, обустройству района. Но при этом лица со средним специальным образованием отличались высокой потенциальной приживаемостью⁴⁷.

Степень миграции зависела и от семейного положения. Наибольшей мобильностью отличались молодые люди, не имеющие семьи. У семейных лиц потенциальная приживаемость увеличивалась, а всякое дальнейшее увеличение семьи вело к снижению их мобильности⁴⁸.

Кроме того, интенсивность миграционного движения была связана с такими факторами, как стаж работы и ее профиль. В РНПО наблюдалась следующая закономерность: чем выше был стаж работы у новопоселенцев, тем выше была их приживаемость. Наибольшая интенсивность была характерна для молодых рабочих с

общим стажем менее 5 лет. Наибольший удельный вес среди них составляли лица, проработавшие менее полугода⁴⁹.

Менее всего интенсивности были подвержены работники, перешедшие из отрасли того же профиля. Интенсивность миграции этой категории кадров была в 1,5–2 раза ниже, чем у переехавших из других отраслей, и в 2–3 раза ниже по сравнению с работниками транспорта⁵⁰. Поэтому не случайно переселенцы с Поволжья (в основном нефтедобывающих районов Татарии и Башкирии) и Северного Кавказа были менее подвержены обратной миграции.

Как показали социологические и демографические исследования, на миграционную подвижность населения и степень его приживаемости оказывали влияние район и местность, откуда прибыли мигранты. Так, выходцы из Тюменской области и Западной Сибири закреплялись на Севере относительно лучше, чем выходцы из европейской части (исключая Поволжье), Урала или Казахстана⁵¹. Вероятно, на приживаемость мигрантов оказывало влияние сходство природно-климатических условий. Это позволяло быстрее адаптироваться в суровых условиях Севера.

Большие различия в приживаемости были у выходцев из городской и сельской местности. В целом приживаемость у новопоселенцев из городов была значительно ниже, чем у новоселов, прибывших из сельской местности (25,8% и 40% соответственно). Здесь сказывалась большая неприязнательность сельских жителей к условиям жизни и труда⁵².

Социологические обследования выявили и другую тенденцию, связанную с ориентацией на проживание, что также оказывало влияние на степень приживаемости населения в РНПО.

Так, по результатам опроса, проведенного в 1969 г. среди лиц, приехавших в 1962 г., около 22% еще не определили своих окончательных намерений. 30% были сориентированы на постоянное проживание, а свыше 48% — на временное⁵³. Отсюда около 70% мигрантов можно рассматривать как потенциальных, ибо их ориентация была направлена не на постоянное проживание на Севере.

Аналогичную картину показали социологические обследования, проведенные в середине 80-х годов среди работников Главсибтрубопроводостроя. Лишь 46,6% работников Главки были сориентированы на работу в регионе свыше 5 лет. Их доля среди выходцев из Тюменской области составляла 64,0%, а прибывших из европейской части страны — 40,3%, в том числе с Украины — 38,4%⁵⁴.

Таким образом, на степень приживаемости населения РНПО оказывали влияние образовательный и квалификационный уровень мигрантов, их возраст и семейное положение, а также уровень их притязаний. Последнее выражалось как в мотивации их

приезда в нефтегазодобывающие районы Западной Сибири, так и мотивации их обратной миграции.

По данным социологических обследований, проведенных ИЭ и ОПП в 1969 г., в мотивах приезда новоселов присутствовали: стремление получить творческую интересную работу (6,3%), чувство долга перед обществом (3,8%), элементы романтики первооткрывателей (6,9%). Высок был удельный вес и такого мотива, как «семейные обстоятельства» (23,2%). На эту причину чаще всего указывали женщины, но непосредственным движущим мотивом переезда мужа тоже, как правило, являлось стремление улучшить материальное положение семьи. Преобладающим являлся такой мотив, как «стремление добиться высокого материального положения, заработать деньги». На этот мотив в качестве ведущего указывала почти половина опрошенных (49,6%)⁵⁵.

Социологические исследования, проведенные в середине 80-х годов, внесли лишь небольшие коррективы в структуру мотивов. Так, по данным социологических обследований, проведенных на примере трудового коллектива Главсибтрубопроводстроя, ведущим мотивом миграции был также назван материальный фактор — «высокий уровень материального вознаграждения». На него указали 54,1% опрошенных. Но значительную роль по-прежнему играли и мотивы морального порядка: желание внести свой вклад в дело решения проблем освоения Севера (13,4%); престижность северных строек (5,1%); стремление получить более высокую квалификацию (3,3%); проверить себя в экстремальных условиях (15,5%). 18,7% опрошенных в качестве мотива переезда на Север называли «отсутствие жилья» (преимущественно это были молодые люди в возрасте до 30 лет)⁵⁶.

Следовательно, ведущим мотивом миграции населения в РНПО являлись прежде всего материальные факторы, связанные со стремлением заработать, добиться более высокого материального обеспечения. Но наряду с материальными стимулами значимыми были мотивы, связанные со стремлением самоутверждения, профессионального роста.

Если преобладающим мотивом приезда являлись материальные факторы («стремление повысить материальную обеспеченность семьи, заработать денег»), то мотивы выезда были связаны с неудовлетворенностью жизненными условиями на Севере.

Социологические обследования (1969 г.) выявили три главные причины обратной миграции населения из РНПО: неудовлетворенность жилищными условиями — 43,7%, плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами — 37,2%, неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями — 34,5%. Лишь 18% новоселов были удовлетворены торговым обслуживанием и

15% не имели претензий к культурно-бытовому. Около 50% всех опрошенных выразили свою неудовлетворенность всеми видами обслуживания⁵⁷.

Остальные мотивы выезда новоселов из РНПО не играли значительной роли. Лишь 18% мотивировали свой предстоящий отъезд природно-климатическими условиями, да и то наряду с другими важными мотивами. Более того, как убедительно доказывали данные социологов, уровень оплаты труда, являясь одним из главных мотивов приезда, отнюдь не оказывал сколько-нибудь существенного влияния на обратную миграцию. Скорее всего, он служил одной из причин внутрирегиональной (межрайонной) миграции. Социологи выявили любопытную закономерность, связанную с денежными доходами населения: с повышением дохода прослеживалась тенденция к понижению потенциальной приживаемости⁵⁸.

Таким образом, ведущими причинами высокой интенсивности миграционного процесса в РНПО Севера Западной Сибири в 60–80-е годы выступали жизненные условия населения, связанные с проблемой обеспечения жильем, торговым, бытовым, культурным обслуживанием. Неудовлетворенность ими имела своим следствием низкую приживаемость населения и высокие показатели обратной миграции.

Итак, ведущим источником формирования населения нефтегазодобывающих районов в исследуемый период являлся механический прирост, связанный как с внешней, так и с внутренней миграцией. Если на начальном этапе освоения главную роль выполняла внешняя миграция, то со второй половины 70-х — начала 80-х годов возрастает роль межрайонной миграции.

¹ Тюменская область в цифрах. Стат. сб. 1976–1980 гг. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. С. 3.

² Зайцева А.Н. Население Тюменской области в двадцатом столетии // Налог, инвестиции, капитал. 2000. № 5–6. С. 65.

³ См.: Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1973. С. 52.

⁴ Подсчет: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки. С. 14, 28.

⁵ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Указ. соч... С. 53.

⁶ См.: Там же. С. 59–60.

⁷ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Наука, 1976. С. 70; Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Указ. соч... С. 53.

⁸ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Указ. соч... С. 70.

⁹ Подсчет: Тюменская область в цифрах, 1971–1975 гг. С. 3; Народное хозяйство в РСФСР в 1981 г. С. 37.

¹⁰ См.: Зайцева А.Н. Указ. соч... С. 66.

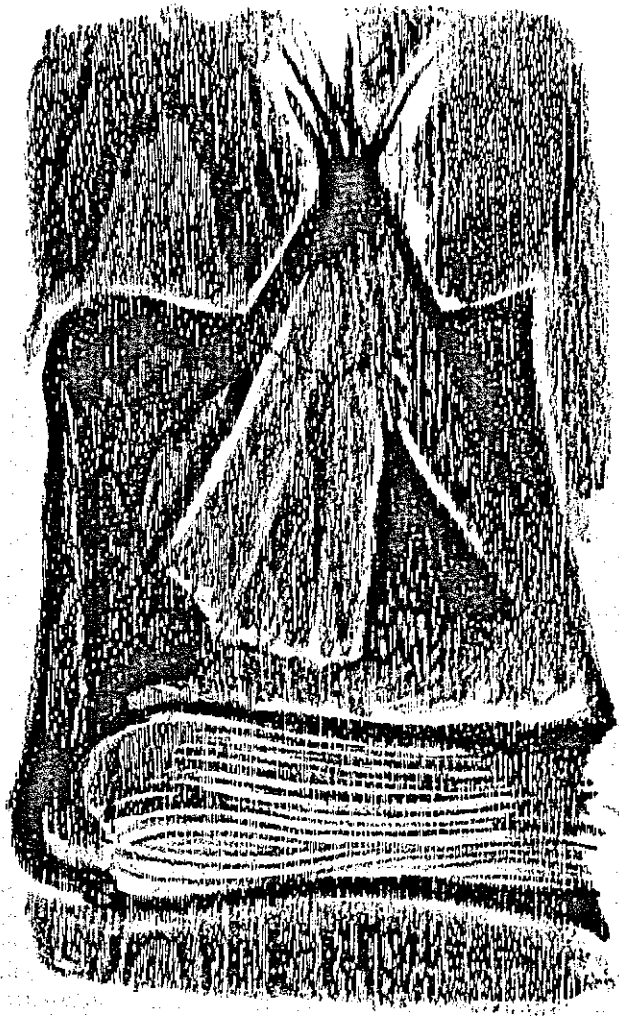
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Гущин Н.Я.* Демографическое развитие Советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С. 168.
- ¹³ *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 63.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 63, 65.
- ¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹⁶ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 74-75.
- ¹⁷ См.: *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 64.
- ¹⁸ См.: *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 74-75.
- ¹⁹ *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 71.
- ²⁰ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 75.
- ²¹ *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С. 168.
- ²² См.: Там же. С. 27.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 72.
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ См.: Там же. С. 72, 74.
- ²⁷ См.: *Логцов В.Г.* Особенности развития новых городов тюменского Севера // Молодой город в районах нового освоения Севера. Свердловск, 1989. С. 28, 29.
- ²⁸ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 71.
- ²⁹ *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 76.
- ³⁰ См.: Там же. С. 76-77.
- ³¹ См.: Там же. С. 106.
- ³² Там же. С. 107.
- ³³ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 47.
- ³⁴ См.: Там же. С. 71.
- ³⁵ Там же. С. 47-48.
- ³⁶ Там же. С. 48.
- ³⁷ Всесоюзная перепись населения 1970.
- ³⁸ См.: *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 62.
- ³⁹ Там же. С. 59.
- ⁴⁰ См.: Там же. С. 60.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 228.
- ⁴³ *Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В.* Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986. С. 35.
- ⁴⁴ См.: *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 82.
- ⁴⁵ См.: *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 99.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: Там же. С. 98, 99, 100.
- ⁴⁸ Там же. С. 101.
- ⁴⁹ *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Указ. соч... С. 117.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 115-116.
- ⁵¹ Там же. С. 82.
- ⁵² *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч... С. 100.
- ⁵³ См.: Там же. С. 97.
- ⁵⁴ См.: *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Указ. соч... С. 40.

⁵⁵ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Указ. соч... С. 95.*

⁵⁶ *См.: Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Указ. соч... С. 22.*

⁵⁷ *Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 20.*

⁵⁸ *См.: Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Указ. соч... С. 22.*

III. Материнка в истории края.
Энтомология

Г. А. Гумерова

Мифологические воззрения ханты и манси

Богатую мифологию имеют ханты и манси, долго сохранявшие традиционный быт таежных охотников, рыболовов и оленеводов.

Культурные и мифологические традиции обских угров стали формироваться на рубеже I и II тыс. н.э. В фольклоре северных народов (ханты и манси) мифы представлены священными старинными сказаниями, которые повествуют о происхождении земли, звезд, о природных явлениях и священных животных. В мифах дается объяснение многим обычаям и обрядам. Большая часть мифов представляет собой небольшие по объему сказания. Из их названий уже ясно, о чем пойдет речь. Например, «Сотворение мира», «Как кулик достал землю», «О происхождении медведей» и т.д.

Обско-угорские народы при русской колонизации края были обращены в христианство, или, вернее, крещены и официально зачислены как христиане. Но мифологическая культура ханты и манси подверглась незначительному воздействию русской культуры. Пантеон богов остался тем же, изменились лишь представления о происхождении земли, человека и т.д. по аналогии с библейскими представлениями.

Мифы всегда принадлежали членам определенной общины, рода, рассказывались редко и в особой форме. Отдельные моменты мифов не имели права слушать женщины и дети даже одного рода. У ханты и манси было запрещено рассказывать мифы и сказания днем.

Ханты и манси признают и главным образом почитают верховное божество Торум. Почитая Торума, ханты, однако же, имеют весьма слабое представление о нем. Торум — это верховное божество, которое обитает где-то на недосягаемой высоте, на небе, именуемом торум-вох — «божье жилье». Торум является божеством изначальным, высшим, добрым и всеобщим для всех людей. Он положил начало всему миру, был создателем земли, подателем дневного света, охранителем морали и миропорядка. Он достал солнце и луну, вызвал «священный потоп». Кроме того, Торум определяет срок жизни каждого человека, дает удачу в промыслах, наделяет человека шаманским даром, к нему обращаются с просьбами о здоровье и т.д.

В мифологии обских угров имя бога имеет много синонимов и употребляется с разными эпитетами. Ханты его называют Ент-Торум — «великий Торум», Сапки-Торум — «светлый Торум», Сорни-Торум — «золотой Торум», Йем-Сапки — «добрый свет», Аллепки — «большой старик» и т.д. Мансийские обозначения: Яны-Торум — «великий Торум», Вайкан-Торум — «белый Торум», Нум-пос, Сорни-пос — «верхний золотой блеск», Пойрыхци — «господь» и другие.

По внешнему виду Торум похож на человека, или, вернее, человек на Торума. Многие шаманы, особенно в старину, видели его в своих чудесных странствиях в «небесные дали». Торум — очень древний по летам старик, убеленный сединами, в сияющих золотом одеждах. На седьмом небе выстроен его священный дом «с серебряным дымоходом, золотым дымоходом». Его огромное светлое жилище, разделенное на семь покоев, полно богатств. Имеются книги судьбы, куда занесены жизненные пути каждого человека (в этом он подобен христианскому богу); есть золотые сосуды с живой и мертвой водой. Перед домом — столб для привязывания верховых лошадей. На священном дугу с золотой травой пасутся лошади, коровы и олени. Небесный бог охотится в обширных лесах и лугах. У него есть и слуги, а также кузнецы и плотники; Крылатый Калм обеспечивает быструю передачу приказов и новостей. Нум-Торум — «верхний бог», сидя на небе на золотом троне, держит в руке золотой посох и наблюдает в дыру за жизнью на земле. Его глаза, подобные восходящему солнцу, величиной «с Обь, с море», его уши «величиной с лист кувшинки, как уши черной дикой утки с тонким слухом».

Сотворивши человека, Торум прежде всего привел к нему жену, научил добывать огонь, делать лодку, изготавливать лук, стрелы, разные ловушки, пользоваться ими, и сказал, как надо жить. Исполнив все это, Торум ушел на небо и с тех пор неизменно пребывает в недостижимой для человека высоте.

Наряду с Нум-Торумом в триаду главных божеств входят Калташ-Эква и Куль-Отыр. Калташ-Эква — «кожистая земля, волосатая земля» — это богиня земли, защитница от болезней и подалница детей, сестра Торума. Она является также женой небесного бога, его помощницей, принимающей участие в сотворении мира и человека. Калташ-Эква представлена в мифах в облике зайчихи или гусыни — животного правопорядка. Куль-Отыр — властелин загробного мира, болезней и злых духов кудей, брат Торума. В космогонических мифах он выступает то как партнер Нум-Торума, то как носитель враждебного людям начала. В мифах творения Куль противопоставит Торуму: выпрашивает у него светила и прячет их, вредит при создании людей, соблазняет их на нарушение

ние запретов и указаний Торума, создает вредоносных животных и т.д. Он забирает в свое царство тех людей, которых обреч на смерть Торум. По одним данным, Куль сброшен с неба, по другим — родился под землей. У него есть большой город, золотой дом, дети. Куль-Отыр — это огромная антропоморфная фигура из дерева с заостренной головой, в черной шубе. Кто прикоснется к этой шубе, того ожидают болезнь и смерть.

Небо с землей и земля с подземным миром соединяются отверстием. С земли на небо ведет лестница или мировой столп; в преисподнюю — скала с ходами, которые семь раз перекрыты рыболовной и птицеловной сетями. Посредничество между космическими зонами осуществляет культурный герой — младший сын Торума Мир-Сусне-Хум, покровитель человеческого рода.

Общая трехчастная вертикальная картина мироздания усложнена у некоторых групп обских угров дополнительными членениями. Так, согласно мансийской мифологии над землей возвышаются три неба. По хантыйским представлениям небо состоит из семи ярусов. У северных обских угров троичность деления распространяется и на подземный мир. Ханты верили, что на небе и в преисподней народ живет такой же жизнью, как и на земле. Жизнь человека заканчивается со смертью. Когда умирает человек на небе, он рождается на земле, смерть на земле означает возрождение в преисподней. Структура Вселенной в горизонтальной своей составляющей представлена как ось «север—юг».

Небесные светила почти не фигурируют в верованиях. Солнце и луна — персонализированы: солнце — женщина, луна — мужчина. Солнце Хотал-Эква олицетворяет жару, а месяц Этпос-Ойка — холод. В мифах они иногда рисуются как супружеская пара. Из астральных мифов наиболее распространен рассказ о созвездии Большая Медведица, называемом Нё, Нёх — «лось», и Млечном пути — «лыжне охотника на лося».

Богиня огня Най-Эква занимает в религиозных верованиях весьма значительное место. Огонь является объектом значительного культа, ему приносили жертвы, обращались почтительно и заботливо. С помощью огня угадывали будущее, на нем клялись, огнем или дымом отпугивали злых духов. В мифологии огонь выступает не только как благодетельная, но и как разрушительная сила, особенно в мифах об огненном потоке. Некоторые мифы о жидком огне чеканай — «бедственный огонь» — имеют эсхатологический характер. В них повествуется о конце мира после второго потопа, который должен прийти через 2 тыс. лет после первого потопа.

Из природных явлений почитанием пользовались ветер и гром, убивающий молнией злых духов из лука-радуги. Среди всеобщих духов хорошо известны лесной дух Унт-тонх — «волосатоглазый,

волосатоногий». Считается, что он имеет человеческий облик, живет в чащобе и помогает в охоте. Ему приносят жертвы весной и осенью. Более значительным является водяной дух Йенк-тонх, «водяной царь». Водяной дух, как и лесной, вездесущ, т.е. может проживать в любом водоеме. Йенк-тонх дает людям рыбу, но его можно просить и о лесной добыче. Для лесного и водяного духов устраивали жертвоприношения, но их изображений не делали.

Особенностью мифологической системы обских угров является то, что местные духи считались у них духами-предками, богатырями древнейших времен. Это сверхъестественные существа, имеющие силу на определенной территории или оказывающие влияние на ту или иную социальную группу. Они живут везде, где поселился или ходит за добычей человек. Их основная обязанность — помощь в добыче пропитания. У отдельных духов есть определенная «специализация». Рыболовному промыслу покровительствует Инк-ике, «водяной старик». Птичий дух Тоглон-вахя ведает успехом при охоте на птиц. Телег-тегор, «зимний заяц», покровительствует оленям. Личные духи обеспечивают счастье и благополучие. Отношение к духу простое, человек может наказать его, если недостаточно усердно исполняет просьбы. Чтобы умиловить духа, ему приносят подарки, не называют обидными словами, не оскорбляют его местожительство. Пока человек ведет себя правильно, дух добр, милостив и готов помочь. С разгневанным духом нужно установить добрые отношения, так как без помощи духа жизнь человека становится сложной задачей.

К наиболее значительным духам этой категории относятся дети Торума. Чаще всего упоминается семь сыновей. Они управляют всеми делами людей. Некоторые из них стали местными духами-покровителями.

Полум-Торум — бог реки Пелым; Ас-ях-Торум — бог верхней Оби, распорядился рыбными и пушными богатствами; Нёр-ойка — бог Урала, покровитель и хозяин оленьих стад; Аут-отыр — бог реки Аут, покровитель морской рыбы; Ай-Ас-Торум — бог малой Оби; Тахт-Котль-Торум — бог реки Сосьвы, славился своей воинственностью, победил шестьдесят великанов, и самый прославленный, младший сын Мир-Сусне-Хум — покровитель людей, научил их охотиться на птиц. В пантеоне обских угров он занимает особое положение — это культурный герой и главный покровитель. В религиозных воззрениях он носит имена Орт-лунк — «князь-дух», Мастерко, Ворт — «князь, герой, господин», Нум-сорни — «верхний золотой» и другие.

Его изображают как всадника на белом восьмикрылом коне, объезжающим мир на высоте облаков, это «царь идущих облаков». Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ста-

вить серебряные тарелочки. Имеет зооморфный облик — облик речного гуся. Под влиянием христианства Мир-Сусне-Хума стали отождествлять с Николаем Чудотворцем или Христом.

Ханты и манси почитали семейных духов, которые принадлежали отдельному человеку или семье. Их задача состояла в оказании помощи своему хозяину в промыслах, так как именно от них зависят счастье, успех и здоровье. Семейных духов изображали в виде антропоморфных фигурок из дерева, реже — из металла и кости. Расположения и содействия духов обские Угры добывались жертвоприношением.

Пантеон богов населен не только добрыми духами, но и злыми демонами — менквами. Это лесные великаны-людоеды. У них заостренные головы (от одной до семи), железное тело, длинные ногти. Менквы — большие и сильные, но глупые и неумелые, это тип «глупых чертей». Они имеют детей — лесных духов миц, которых просто называют лесными людьми. Лесные люди живут в лесу, имеют семьи, их женщины отличаются красотой и привлекательностью. Их жилище очень богато, обложено мехами, у них много соболиных шкур. Лесные люди дают охотничье счастье, собакой им служит медведь или соболь с шелковым шнурком на шее.

У ханты и манси наибольшим почитанием из всех животных пользовался медведь. Согласно мифам он имеет небесное происхождение, его отец Нум-Торум. Самым ярким проявлением его культа были периодические обряды, называемые Медвежьим праздником или играми. Этот сложный и не до конца выясненный культ получил разные объяснения. Одни видят в медвежьих церемониях желание помирить медведя, его душу с убившими его охотниками, что обусловлено представлениями о медведе как о предке, другие — стремление к его возрождению; в Медвежьем празднике присутствуют и элементы погребального обряда. Из-за боязни прогнать медведя ханты очень неохотно называют его своим именем — Ик, упоминая о нем больше в третьем лице и называя Ике, что значит «дед в шубе». Все это указывает на особо почтительное отношение к медведю.

Почитание других животных имеет менее яркое проявление. У некоторых групп ханты и манси почти равное положение с медведем занимал лось. Ему приписывались небесное происхождение и понимание человеческой речи. Для обеспечения удачного промысла изображению лоса приносили жертвы. Волк считался у манси создателем злого духа Куля. Его называли лишь описательно, на его шкуре клялись и выявляли воров. Особым было отношение к пушным зверям — лисе, кунице, росомхе, бобру, выдре, — филину, рябчику, кукушке, ласточке, синице, дятлу. Пресмыкающиеся, как порождение нижнего мира, вызывали опасение. Змею, яще-

рицу и лягушку запрещалось убивать или мучить. Определенные запреты соблюдались в обращении с рыбами. Определенное отношение было и к собаке. По воззрениям ханты и манси она способна вступать в связь с миром мертвых. Однако в первую очередь она считалась тесно связанной с человеком, настолько, что убийство собаки приравнялось к убийству человека. Лошадь играла важную роль в качестве жертвенного животного.

Следует остановиться на представлениях ханты и манси о сущности человека, его рождении и смерти. Нет единого мнения о сущности души или душ, их количестве и взаимосвязи. Считалось, что мужчины имеют пять душ, а женщины — четыре. Рождение, здоровье, болезнь, смерть — все это связывалось с паличием, временным и окончательным уходом либо разрушением души (жизненной силы). Рождение детей зависело от женского духа Пугос. Важнейшей причиной заболеваний считалось «попадание в беду» одной из душ, отделившейся от тела. Час смерти определялся человеку небесным богом или духом Калташ. На покойного надевали лучшие одежды, закрывали ему глаза. Последним прибежищем мертвому служили гроб либо лодка. Туда клали необходимые предметы обихода, пищу, табак, деньги и прочее. Кладбище располагалось недалеко от поселения, на возвышенном месте. Но жизнь человека не заканчивалась со смертью. Нижний мир как прибежище умерших представлялся только вариантом земного.

Таким образом, мифология ханты и манси была системой первобытного мировосприятия и включала зачатки доннаучных представлений о мире и человеке, об истории общества, разные формы искусства, философии и религии. Основополагающим началом в символике мифологических представлений обских угров является понятие Вселенной. Вселенная имеет сложный зоантропоморфный характер. При этом антропоморфный элемент превалирует в общей картине мира, но не исключает практически отождествления элементов космоса и элементов поведения и облика самого человека с зооморфными персонификациями. Коллективные представления о строении Вселенной с ее тотемистическими составляющими, представления о различных состояниях некой жизненной силы — души — и представления о различных состояниях этой души теснейшим образом связаны с представлениями о мистических, неведомых силах, управляющих миром.

Хотя ханты и манси считались официально христианами, по существу оставались и остаются верными последователями своих прежних мифологических представлений с некоторым легким, едва заметным налетом чужих влияний. Мифы той или иной общины, рода отличаются друг от друга, но при этом имеют одинаковые обязательные элементы общих мифологических представлений.

В.А. Мазин

Природосообразные характеры ханты и манси в литературе (обоснование школьного и вузовского изучения)

Значение русской словесности для развития и востребованности культур малочисленных народов Сибири невозможно переоценить. У русской литературы учились и учатся профессиональные писатели ханты и манси. Если учесть, что до 30-х годов обские угры не имели своей письменности, то нетрудно понять: благодаря фиксации фольклорных текстов в переводах на русский язык мы знаем, например, бытовавшие у ханты в 60-е годы XIX века былины, сказки, молитвы (собранные Серафимом Паткановым). Во второй половине XX века благодаря возможности писать о своём народе по-русски стали известны Юван Шесталов, Еремей Айпин и другие авторитетные литераторы коренных народов Сибири. Напомним и то, что хантыйский язык имеет несколько диалектов, носители которых с трудом понимают говоры других субэтнических групп, что рождение общего литературного языка ханты остаётся до сих пор гипотетическим пожеланием. И это обстоятельство повышает роль русской словесности для самих автохтонных народов: русский язык объективно стал способом самореализации, самопознания обских угров в литературном творчестве. Это ничуть не принижает роли родного языка. Но востребованность в многонациональном сообществе Сибири фактов духовной культуры обских угров происходила и происходит через русский язык. У русской литературы получили уроки мастерства все профессиональные писатели. С другой стороны, в русской культуре немало финно-угорских заимствований. А природосообразный характер архаических культуuroобразующих форм обских угров всегда привлекал отзывчивые души русских поселенцев Зауралья.

Культура аборигенов Ханты-Мансийского автономного округа — одна из древнейших по сохранившейся содержательности, которая при всех катаклизмах истории народов, при некоторых внешних изменениях под воздействием цивилизации остаётся сообразной природной среде обитания рыбаков, охотников, собирателей даров сибирской тайги. На своей этнической территории ханты

проживает 0,9%, а манси 0,6% от общего числа населения Ханты-Мансийского автономного округа, в котором живет более 100 национальностей. /Диалог культур, наметившийся к началу XIX века, перешёл в полилог. В условиях экологической опасности, возникшей при разработках нефтегазовых месторождений, актуализируется проблема востребованности ценностных парадигм природосообразной культуры автохтонных народов Зауралья.

Сущность культуры выявляется в способах приспособления сообщества к жизнедеятельности в соседстве с природой, способах контактировать с непохожими материальными и духовными формами чужих культур. В творческом преобразовании среды обитания человек архаической культуры пытался гармонизировать результаты своего творчества с **ВЕЛИКОЙ МАТЕРЬЮ ПРИРОДОЙ**. Своеобразные образы многоэтнической панорамы современной Сибири имеют много общего, в том числе смысловую сущность в отношении к природе — общему дому.

Естественная разница культуурообразующих форм многонационального сообщества в эпоху толерантности (терпимости) и глобализации общественного сознания не должна преувеличиваться, но этнический субъект постоянно испытывает недостаток общения с людьми, близкими по происхождению. Разобщение людей воспринимается как дискомфорт, оттого индивидуальность в социуме всегда стремится к единению с близкими по этническому происхождению группами людей, привлекая к этому факты общей истории, сохранившиеся приметы идентификации в фольклоре, бытовых привычках, стабильных мифологемах мирозерцания, нередко на подсознательном уровне. «Единство становится целью человека. Изучение прошлого, — писал Карл Ясперс, — соотносится с этой целью... Мы ищем единство... целостности мира человеческого бытия и созидания. Стремясь к этому, мы обретаем единство предшествующей истории посредством того, что касается всех людей, существенно для всех» (4; 269).

Национальная культура стабильно развивается при сохранении глубинной исторической памяти, неизменном продуктивном функционировании ценностей, полученных в наследство от первоначальной стадии выделенности человеческого творчества из подчинения природе. **МЕНТАЛИТЕТ** (в переводе с французского: «мышление, мыслительное содержание») обских угров с незначительными потерями сохранил древнейшие представления о главенстве природы, где человек её значительная, но не самостоятельная часть.

Как известно, обские угры делят мироздание на три части: верхний мир (идеально-мифологический, надземный универсум), средний мир (реально-мифологический, природный) и нижний мир

(ирреально-мифологический, подземный). Три ипостаси мироздания взаимосвязаны: идеальный творил природный, последний имеет корни (духов прошлых реалий). И всё-таки надо знать, что три мира никогда не детерминированы. Эти миры имеют самостоятельность. Чувственная архангелская интуиция все объекты чётко распределила по местам. Есть лишь некоторые сакральные формы детерминации, в их числе связь имени живущих с именами пращуров, некоторые атрибуты одежды или взаимосвязь животного-тотема с родом, наследником угодий тайги.

Старик из повести Е. Айпина «В ожидании первого снега» перед приездом Дня Нового Года на звёздной упряжке, подъезжая на своей оленьей к посёлку, вспоминает три песни свои. Одна его песня о прошлом, когда «...и слухов не было, что есть такой праздник — Илып Ол Хатл — День Нового Года. Знали только одно, что в середине зимы медведь просыпается в берлоге, пососёт большой палец, поворачивается на другой бок и снова засыпает до весны». А вторая песня старика — о своей жизни, и в ней поётся о том, чтобы все обитатели тайги хорошо встречали и провожали большой день. А третья песня — о внуке, которая ещё не сложилась. Старику надо понять жизнь внука, подаренного верхним миром, а потом уже можно, допев до конца свою жизнь, идти в мир нижний, к сообществу пращуров, в мир корней. А внук Микуль, работая с вахтовиками-нефтяниками, по менталитету аборигена (коренного жителя) остаётся экофилом, его любовь к природе не демонстрируется, она — сущность мироощущения. Он до предела взволнован варварским отношением пришельцев к среде обитания его предков, «когда увидел добычу Костика — трёх подстреленных почти в упор оленей — двух важенок и оленёнка, у него перехватило дыхание. На уши тяжело давила тишина; взгляд бессмысленно рыскал по поляне, перескакивал с туши на тушу, остановился на оленихе с белой отметиной на лбу. Она замирала на мгновение и снова начинала бить копытом по кроваво обнажённому корневищу сосны. В глазу, всё ещё выразительном и живом, металось опрокинутое небо, а на ресницы сползала предсмертная капля — в ней билось далёкое, беспомощное солнце». Юный герой Айпина — цельная натура, объединившая в себе три ипостаси мироздания. Он чувствует солнце и за облаками, он слышит и понимает шёпот старых сосен, он слишком природосообразен, чтобы не почувствовать, что «тайга — это один мир, а буровая — совсем другой...». И выбирает герой Айпина естественную, данную предками, указанную Всевышним жизнь в природе, с природой и ради природы. А значит — и ради будущего (1; 94–105).

Культуры малочисленных народов сохранили самый важный объект эмоционального осмысления — традиционного, почти ар-

хаического носителя веками освящённых ценностей. В конце XIX века было понято, что многие малочисленные народы — это отколовшиеся или отторгнутые ходом всемирной истории части первоосновы каких-либо наций. Сохраняя, изучая их культуры, мировое сообщество ретроспективно «глядится» в своё легендарное отражение, познаёт свое прошлое. Природосообразные культуры, мифологическое сознание их носителей нужны цивилизованным государствам как живые книги опыта гармонии отношений человека с природой.

✓ Предельно откровенны стихи Ювана Шесталова: «Я человек! И я буду жить! По законам Торума, По законам природы. Буду служить Земле родной И родному народу, Я человек!...» (3; 224–225). Детям и молодёжи разных национальностей — наследникам сибирских просторов, которым необходимо научиться жить в мире и согласии на этнической территории обских угров, — следует внимательнее изучать архаические парадигмы природосообразной ментальности ханты и манси. Аборигенное население смогло сохранить способы включения человеческого компонента в законы природы, древний опыт связывает повседневную жизнь людей с заботливым отношением ко всему живому в природе.

Человек цивилизации дорожит своим домом, в нём он находит свои «углы», где раскрепощается духовно, где проявляет своё многорольное «Я», не опасаясь быть непонятым. Есть свои «углы» и у аборигена Севера. В избе, чуме они условны, но очаг объединяет их. Для ханты и манси тайга, лес в их священных обликах сходны с домом. Могучий дух — Хозяин, т.е. медведь, охраняет свои семь (сакральное число) священных углов, в каждом из которых бытует хозяйка. Нельзя человеку хозяйничать в чужом доме и без молитвы брать что-либо. Как правило, берут только столько, сколько нужно для обеспечения жизнедеятельности. Природосберегающая ментальность характерно выражается и в художественном переосмыслении. Не только устное народное творчество перепасыщено преклонением перед матерью-природой, но и прикладное. Среди многочисленных значений (семантики) орнаментальных рисунков есть «шишка», «заячье ухо», «берёзовая ветвь», «оленьи рога» и т.д., есть и «покинутое стойбище». Действительно, обские угры, прожив несколько поколений (пока не появится критическое количество спиленных деревьев по количеству умерших сородичей), покидали своё стойбище, чтобы дать возможность природе восстановиться. Запрещалось даже охотиться на месте покинутого стойбища, чтобы звери и птицы способствовали скорейшему восстановлению жилища Хозяина.

Ценностная система культур малочисленных народов привлекательна не только своей самобытностью, что вносит в культуру-

ную панораму России дополнительный компонент. Поставленные в жёсткие условия самосохранения в эпоху советской власти, в период индустриального освоения сибирских окраин, ханты и манси продолжают бережно относиться к рекам и водоёмам, тайге и болотам, не забывают культивировать в относительно замкнутой своей среде рачительное использование природных богатств, пытаются сохранить свою ментальность «детей природы». Однако активное индустриальное освоение территорий, где компактно и разрозненно жили обские угры много веков, стремительно разрушает базисные компоненты этнической идентичности: среду обитания, язык, обрядные формы передачи опыта, бытовые особенности полукочевого образа жизни, особенности национального характера. Изучение феномена природосообразной культуры выявляет незаурядные способности носителей национальной ментальности сохранять в этносе гуманитарные ценности.

В повествовании для детей Ювана Шесталова читаем: «На деревянном распоре бубна была изображена гагара, которая, как рассказывали мансийские мифы, достала землю для манси из вечного моря Торума, Вселенной. На крепко натянутой коже бубна лежали колотушки из лапок гагары, а на обратной стороне бубна укреплено было железное изображение ящерицы. Ведь человек — так говорят мудрые — своими выходками часто напоминает ящерицу, которая, желая спастись, отрубает себе даже собственный хвост...». (3; 385). К сожалению, лидеры не только обских угров в советский период, а многих народов, приспособившись к социалистическому режиму, пытались учить простых людей «отрубать хвосты», т.е. порывать с прошлым, забывать свои корни.

Обычно культуру обских угров рассматривают как примитивную на материальном уровне и как тотемно-языческую, ритуально-мифологическую на духовном уровне. Синкретичный характер подчёркивается неразрывной связью мифологии с традиционными формами ведения охотничьего, рыболовецкого, оленеводческого патриархального хозяйства, дополняемого собирательством даров сибирской природы. Всё-таки точнее определять культуру ханты и манси, где разнообразно реализуются творческие потенции разрозненных групп малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа, как эклектический тип культурного сознания. Новейшие идеологические представления своеобразно сочетаются с этническим космологическим и природосообразным мировоззрением. Эклектика материальных и духовных составляющих в культуре ханты и манси, художественно-эстетического и бытового сознания с трудом поддаётся аналитическому изучению. Трудно выявить собственные и заимствованные формы. Абсолютная полнота бытия в представлениях об ИСТИНЕ, ДОБРЕ и КРАСОТЕ корен-

ними народами Приобья осознаётся в эклектическом типе мировоззрения, сформированном в новое и формирующемся в новейшее время (XVI–XXI вв.).

Всё вышеизложенное определяет постоянный интерес к творчеству писателей Ханты-Мансийского автономного округа. Произведения Ювана Шесталова («Языческая поэма», «Синий ветер каслания», многие стихотворения), Еремея Айпина («У гаснущего очага», «Ханты, или Звезда утренней зари»), незавершённый роман «Божья Матерь в кровавых снегах» и др.), Татьяны Молдановой («Касание цивилизации», «В гнездышке одиноком»), а также стихи Владимира Волдина, Андрея Тарханова, Марии Вагатовой стали неотъемлемой частью духовных ценностей многонационального сообщества тюменского Севера. Этим литераторов хорошо знают во всей России, в Венгрии, Финляндии, во Франции и Германии. В этих и других странах переводят произведения писателей народов сибирского Севера, нередко с русского языка, как факты художественного самовыражения экофилов, ярчайших представителей природосообразной культуры обских угров. К сожалению, в школах и вузах нефтяного Приобья эпические и лирические произведения сибирских писателей редко изучаются и мало анализируются. Через художественные образы, созданные писателями-аборигенами Севера, опыт гармонизации отношений человека с природой станет ближе новопоселенцам.

1. Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. Повести. Перевод с хантыйского автора. Свердловск, 1979.
2. Патканов С.К. Остяцкая молитва // Сочинения в двух томах. Т. 1. Тюмень, 1999.
3. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. Т. 4. СПб.: Ханты-Мансийск, 1997.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

В.М. Кулемзин

Охотник по форме и содержанию

Самой древней профессией, за которую в те далекие времена не выдавали, понятно, никаких дипломов, является профессия охотника.

Многие тысячи лет подряд предки всех без исключения современных народов мира изобретали, ставили и осматривали хитроумные звероловные приспособления. И удивительно: каким бы изощренным умом ни обладали наши предки, охота так и не стала тем видом деятельности, которая дает уверенность в завтрашнем дне — слишком чуток, осторожен, быстроног зверь. Кто-то правильно отметил, что природа-мать любит всех своих детей одинаково. Постепенно, шаг за шагом люди осваивали другие, более надежные виды деятельности — скотоводство, которому предшествовало простое приручение, одомашнивание пойманных в лесу молодых животных. Не будь охотничьего навыка — не поймать, не приручить, не одомашнить, не выкормить дикого зверя. Проходили столетия и тысячелетия, появлялись стада, животные стали давать потомство в неволе, охота постепенно теряла свое значение, а сам охотник превратился в пастуха и земледельца.

Но так было не везде. На громадных пространствах Сибири и Севера и по сей день имеются такие места, где, как и тысячи лет назад, идет охотник на подбитых мехом лыжах, нагибается к ловушке и, почесав затылок, вопросительно и безнадежно смотрит на теряющиеся в снежной голубизне следы. Так произошло и на этот раз: после нескольких дней неудачи мой спутник, проводник и переводчик, приютивший меня в своем доме, старик Спиридон Кинямин поочередно смотрит то на ловушку, то на меня, то на следы выдры, которой оставалось сделать шаг-два, чтобы оказаться в руках Спиридона.

Поставленный на соболя капкан бездействует уже две недели. Как жаль, что мы не можем пожелать одновременно удачи Спиридону и долгих лет жизни выдре. Оставим в покое Спиридона, он и сам пока не знает, в чем дело: не то своими рукавицами брался за бензопилу или снегоход «Буря», не то оставил его без добычи волосатый, хотя и невидимый хозяин леса, не то так распорядился

верхний бог Торум, не то мороз заставил всех зверей сидеть на своих местах, не то зверь стал шибко умный, не то появились какие-то другие причины, о которых ему не говорили ни отец, ни дед, ни другие охотники.

Спиридон сделал несколько шагов назад — было видно, как это нелегко, потому что подбитые мехом лыжи скользят только вперед, — и уселся на поваленное дерево. Старик должен отдохнуть — предстоит путь назад в четыре поворота реки, или, как говорят, четыре песка. Сколько здесь километров, стали считать только русские: одни говорили десять, другие — двенадцать, а вот совсем недавно топограф измерил «трубочки со стеклом» и сказал: четырнадцать с половиной. Здесь неподалеку стоит нефтяная вышка и скоро будут ставить еще две. Старик махнул рукой в сторону вышки:

— Вон наша охота, может, из-за нее и пустые идем.

Говорят, что профессия налагает отпечаток на человека. Сейчас старик был очень и очень похож на многих других охотников: на их лицо невзгоды скитальческой жизни наложили какой-то особый отпечаток, по которому сразу можно определить охотника-зверолова и о котором так точно, выразительно и кратко сказал В.К. Арсеньев: «Сосредоточенность во взгляде, некоторая скромность, молчаливость и спокойствие...».

Старик положил за губу табак, перемешанный с толченым березовым грибом-наростом, выпрямился и, подавив в себе отягчающее душу чувство, произнес:

— Моя маленький сынка Юрка, тоже охотник, в армии был, на танка ездил. Он говорит всегда и сегодня будет сказать, я знаю наперед. Когда я лыжи сугроб поставлю, изба зайду, нары лягу и думать буду, он говорит: «Не думай про охота, отец. Охота тяжелый работа. Сургут люди живут без охота, и мы будем жить без охота. Тебе пенсий есть, я работать без охота буду».

Лыжи легко скользят по искрящемуся снегу, пересекая замысловатые петли следов; старик иногда поворачивает голову то вправо, то влево и отмечает вполголоса на русском языке, чтобы было понятно его спутнику:

— Соболь. Вчера бежал, теперь далеко, шибко далеко, тетерку хотел кушать, не поймал. А здесь няром-сас, болотный горноста́й, как это по-русски, такой рыжий горноста́й, да-да, правильно, колонок, он шибко кушать хочет, долго один змея копал, ночью копал, утро копал, потом бросил, мы его испугал, потом, смотри, он мышка поймал, маленько кушал. Ты теперь иди маленько назад, соболь нам тетерка оставил, его надо шибко хорошо смотреть, его след свежий, он от мороз снег спрятался.

Русский мужчина на хантыйских лыжах-подволоках отстал от проводника на несколько десятков метров, и охотник в белом

коротком маскировочном халате сразу потерял свою загадочность, превратившись просто в фигуру на фоне снега. Потом старик снял с плеча винтовку, встал за дерево и по-детски швырнул снежок в сторону. Опять что-то загадочное. Потом он прошел несколько метров и повторил то же самое — вспугнутая тетерка, подняв искрящуюся на солнце снежную пыль, села на дерево. Да, так и есть: соболю оставил тетерку для Спиридона.

Этот момент навсегда запечатлен русским, который увидел добычу через стекло видоискателя, к сожалению, только после того, как на нее посмотрел Спиридон сквозь прорезь прицельной рамки.

Старик как бы вздрогнул, дернув обеими руками враз — его руки вмиг куда-то спрятались. Это типичный хантыйский жест. Рукавицы из выделанных оленьих ушей наглухо пришиты к рукавам кухлянки; рукавицы — это продолжение и одновременно окончание рукава. Спиридон смог быстро взвести курок, выстрелить и поднять упавшую птицу только благодаря тому, что поперек рукавицы имеется разрез. В этот разрез сейчас и скользнули руки. Жена Спиридона Прасковья обязательно сошьет русскому мужчине с фотоаппаратом точно такие же рукавицы, и тогда он щелчком камеры будет опережать щелчок затвора винтовки. Можно сказать, что этот вопрос уже решен, если только в ближайшее время будет добыт олень. Но как решить другую задачу: перфорация фотографической пленки рвется, а сама пленка ломается на сильном морозе, не всегда безотказно действует и механизм камеры. Спиридон и другие охотники смазывают замок винтовки жиром, вытопленным из утки или берцовой кости оленя.

Но оставим разговоры о хантыйских вещах на будущее, когда для этого представится более благоприятный случай, и сделаем некоторый экскурс в сферу духовного.

— Спиридон, — обратился к нему русский мужчина, или, как его называют, Руть-ики, — мне приходилось ходить по большим охотничьим урманам Ваха, Тром-Агана, Югана и других хантыйских рек. Везде есть речка выдры, горностаевая или каких-то других зверей. Недалеко отсюда, на Большом Югане, имеется урочище Негос-ях, т.е. место, заселенное соболями, есть речка Лонтын, что значит «гусь». Почему же нигде нет «беличьего» места? А если речка называется Лонтын, то разве на ней не живут другие птицы?

Как и в других случаях, длительное молчание старика означало, что вопрос для него непростой.

— На речке, которая называется горностаевой, живут и другие звери, на реке, которая называется гусем, живут и другие птицы, — тут старик задумался. — Маленько жди, не умею сказать, по-хантыйски спрошу Юрку, он по-хантыйски спросит дру-

гие свои братья. Они ему по-хантыйски все скажут, по-русски про это не говорят, не слышал, шибко трудно. Юрка тебе скажет по-русски, ты бумага все напиши.

Через несколько дней Спиридон и все его сыновья смогли суть ответа перевести с хантыйского языка на русский. Руть-ики оставалось только придать содержанию крайне доступную форму. Вот что они сказали: название каждого заметного географического объекта должно отражать его основную особенность, отличительную черту. Речка Лонтын имеет именно такое название потому, что из всех окружающих рек и озер гуси гнездятся только на ней. Остальных птиц и зверей на этой речке столько же, сколько и на других. Речка Сас-еган называется именно так только потому, что на берегах этой речки можно увидеть следов горностая намного больше, чем в любом другом месте. Впервые попавший сюда ханты или просто заблудившийся охотник по внешнему виду местности должен правильно определить, где же он оказался. Названия — это способ ориентации, это заменитель карты и компаса. Конечно же, — продолжали ханты, сидя на застланных шкурами нарах, — само собой понятно, «белкиного» места как названия нигде быть не может. Белка — зверек подвижный, она за сотни и тысячи километров уходит в поисках обильного урожая.

Так этнограф простым, казалось бы, вопросом вызвал сложную беседу.

Но пока Спиридон и не подозревает о том, каким хорошим помощником является он для этнографа: двигает вперед то правую, то левую ногу, уставившись в одну какую-то точку. Кажется, ни к чему он не имеет интереса, ничего не видит, кроме этой точки, ничего не слышит. Но это только кажется — Спиридон все видит и все слышит.

— Посмотри, Руть-ики, — указывает он лыжной палкой куда-то вдаль. — Видишь, далеко там курок кружит, орел по-русски. Все, конец зима. Шибко большой мороз не будет. Курок прилетел — конец большой мороз.

Старик взбодрился, вынул руки и тотчас их спрятал: весна пока только для орла.

Но вот и спуск к Малому Югану. Теперь наш путь лежит по скованной морозом реке, Спиридон даже изредка перестал поглядывать в сторону солнца, ориентиры нам не нужны.

— Руть-ики, — продолжал старик. — Курок теперь совсем низко кружит. Он видит лук, глухарь по-русски. Нет, постой, дай маленько думать, глухарь он давно бы поймал, он почто долго кружит? Он не знает, что делать, и Спиридон не знает, что делать. Курок совсем сам себя запутал, Спиридон запутал, а Спиридон тебя, Руть-ики, запутал. Постой, ум приходит, ум помаленьку при-

ходит, номыс по-нашему. Скоро номыс к Спиридону придет, потом от Спиридона к тебе, Руть-ики. Потом ты скажешь: «Ура, вот тул-пул, дурак по-русски, тут без всякий ум все видно». Я наперед знаю, как ты скажешь. Ну вот, ум весь пришел, сколько может залезет Спиридону в голова. Тут, однако, Зоя петли на зайца ставил, она далеко не ходит. Один петля попал заяц. Курок зайца видит, курок шибко хорошо видит, курок петля видит, кушать зайца хочет и боится петля. Он думай: «Маленько кружить буду, может, петля убежит, а заяц без петля будет сидеть». Пусть Зоя сам петли смотрит, Спиридон петля не ставил, Руть-ики не ставил, пойдем домой, Зоя свежий заяц принесет, шибко кусный, варить надо, потом олений сало макать надо, иди смотри, как заяц петля сидит, потом назад иди.

Руть-ики наткнулся по пути на ровную цепочку свежих лисьих следов. Сначала он шел рядом с ними, а потом стал их приминать лыжами — лиса выбирала чистое место в густом кустарнике. Руть-ики вернулся, посмотрев на зайца в петле, и рассказал Спиридону о лисьих следах.

— Вот тебе номыс ушел, зачем лисий след ломал, зачем лиса пугал? — ворчал старик, а потом доброжелательно погладил Руть-ики по плечу. — Не жалея этот лиса, пусть бежит далеко, этот лиса себе невеста найти надо, время такой, теперь лиса грех стреляй, план все нету, охота был весь зима плохой, черенки лопата, метла много-много Спиридон будет делать — вот план будет. Спиридон план не надо, Спиридон пенсия есть, Юрка план надо делать.

Но вот и подъем на крутой берег, ледяная лента реки осталась позади. Здесь, у самого подъема, несколько больших прорубей, в них опущены рыболовные морды. В одной из прорубей стоит морда семьи Спиридона: кто-то недавно ее вынимал — вода едва успела покрыться тонкой узорчатой корочкой льда.

— Юрка с охота пришел тоже пустой, рыба из морда взял уха варить, у нас тетерка есть, соболь, колонок тоже найди себе кушай — все живут хорошо, — перед подъемом подвел дневной итог дед Спиридон.

Слева от входа в дом Спиридона громадный сугроб. Спиридон нагнулся, снял лыжи и воткнул их в этот сугроб. Так поступил и Руть-ики. Кроме этих двух в сугробе торчали еще две пары. Когда вокруг этого места будет вырублен на дрова весь сухостойный лес и когда дичи будет меньше, тогда все жители поселения перейдут на другое облюбованное место. Можно, конечно, слегка подсечь кору у растущих деревьев и тем самым сухостой сделать искусственно. Но ханты так не поступают: лес надо беречь — каждое дерево живое, как человек.

Дом Спиридона здесь не единственный: совсем рядом, в нескольких десятках метров, стоят такие же дома, разве чуть меньше размерами. В них живут сыновья Спиридона со своими семьями. Все семьи, следовательно, посят фамилии Киняминых, так и называется поселение: Кинямины. Пока остается в силе и другая традиция: всех дочерей из любого поселения с Малого Югана по достижении брачного возраста увозят на быстроногих оленях или снегоходах «Буран» женихи с Большого Югана. В свою очередь, женихи с Малого Югана ездят за своими женами на Большой Юган. Семья Спиридона — не исключение. Его жена Прасковья родом с Большого Югана, и отсюда же совсем молодая восемнадцатилетняя Зоя — жена Юры, младшего сына Спиридона. Скоро и они поставят где-то здесь рядом свой дом; хозяйственный амбарчик — как называют его русские, домик на курьих ножках, — уже поставлен и заполнен личными вещами Зои и Юры. Впрочем, пора переходить от заочного знакомства к очному: Спиридон открывает двери, входит в сени, вешает на гвоздь тегерку, открывает вторые двери и, лукаво прищурившись, говорит Прасковье: — Руть-ики пришел с хантыйской работы.

Старушка Прасковья не знала русского языка, но она хорошо знала, что должна делать: ставить чай, разогреть топленое оленьё сало, нарезать хлеб. Этнографы давно уже подметили, что традиционная культура лучше всего сохраняется в том, с чем имеют дело женщины, — они менее контактны, более замкнуты в своем семейном кругу. Таким образом, неудивительно, что Прасковья не говорит по-русски. Вот еще один пример тому: Зоя одета в национальный халат, расшитый мехом и бисером, и занимается она в данный момент тем, что наносит орнамент на берестяную шкатулку. Юра одет вполне по-современному — в спортивный костюм — и занят он никак не традиционным делом — делает антенну к телевизору. В этом маленьком поселении, понятно, не очень большие возможности для этого занятия, но тем не менее выход был найден. Юра в дело пустил железные прутья, на которых летом коптится рыба.

Даже для совсем этнографически неопытного взгляда контрасты интерьера бросились бы в глаза. Телевизор стоит над нарами, застланными звериными шкурами. Он покоится на двух толстых еловых сучьях, торчащих под прямым углом к стволу, а часть ствола прибита к стене.

Нары длинные — от одной стены до другой поперек всего дома, у каждого на нарах свое место, над этим местом на стене висят и лежат на полках его собственные вещи. Над местом Спиридона — его одежда, охотничий пояс, какие-то насторожки к ловушкам, коробки с патронами, над местом Прасковьи — орнаментированные берестяные коробки из пихтовой коры с предмета-

ми рукоделия, кусочки меха, сукна, сухожильные нити, выкройки для обуви. Временных обитателей этого дома двое: Руть-ики и Валерка-тарелка, как его все любовно называли, брат Зои, четвероклассник. Он сейчас на весенних каникулах. Свои книжки и тетрадки он, понятно, оставил в интернате, а на полку положил заранее приготовленные крючки и связки рыболовной жилки. Для него, как и для того орла, весна уже давно началась, и он живет ожиданием палящего солнца и горячего песка, по которому можно будет бегать от одной удочки к другой.

Валерка-тарелка приставал к деду Спиридону с разгадыванием ребусов, но, видя, что там толку не особо много, переключился на свою сестру и Руть-ики. Для Руть-ики отвели место на нарах посередине, и он, не нарушая традиционного обычая, повесил в положенное место свой рюкзак.

Как и во многих других случаях, самое интересное бывает скрыто, хотя и на виду. К примеру, почему против места Зои на стене висят поршневые кольца и цепи от бензопилы? Ведь эти вещи, по идее, должны висеть против места Юры. Разгадка будет найдена завтра, а сейчас все занимают место вокруг обеденного стола, на который подана рыба, вареная, вяленая, копченая и мороженая. Все контрасты сглаживаются гущеным молоком, овощной солянкой, сливочным маслом, сахаром; все эти необходимые составные северной кухни как бы осуществляют переход от звериных шкур к телевизору, который, кстати, Прасковья только смотрела и была абсолютно равнодушна, есть ли звук.

Спиридон слушал и смотрел все передачи, в том числе и ту, которая идет именно сейчас и как нельзя кстати, потому что в ней речь идет о французской кухне, об устрицах.

— Кто такой устриц? — спрашивает Спиридон. — Он летает или бегаёт?

— Это как хантыйская лягушка, — просвещает отца Юра.

— Я не буду кушать сопр, хоть помирай, он копченый, однако, шибко страшный. Тьфу! — возмущается Спиридон. — Приехали бы люди Сибирь, здесь рыба много, дров всем хватит, лишь бы не кушать копченый сопр. Он, однако, копченый слишком страшный, он черный, копченый, тьфу, надо спать, чтоб не думать про копченый сопр.

Место Спиридона было крайним, и он, накрывшись оленьей шубой, отвернулся к стене до самого утра.

Валерка-тарелка спал больше всех, а когда он вышел во двор, то увидел, что Руть-ики и Зоя вытащили из сугроба лыжи, надели их, положили в нарты бензоилу и потянули их в лес. Зоя что-то крикнула Валерке по-хантыйски, и тот подошел к конуре, чтобы отстегнуть собаку, собака зарычала.

— Нет, — возмущилась Зоя, — придется отвязывать собак самой. Когда на привязи, они слушают только того, кто их кормит.

Теперь собаки, виляя хвостами, побежали вслед за нартами, а потом и опередили их. В полуметре от стойбища Зоя остановилась, оглядывая бронзовые колоны сосен.

— Вон та, кажется, сухая.

Не снимая лыж, Зоя дернула стартер, пила загудела, заполнив дикий лес непривычным звуком и запахом. Руть-ики хотел было помочь Зое свалить сосну, но Зоя сделала предупредительный жест:

— Заготовка дров, разведение огня, приготовление пищи — это дело женское, и любая работа, которая относится к этому, — есть женская обязанность.

Тогда Руть-ики понял, что пришел сюда напрасно. Но все-таки Руть-ики положил на нарты тяжелые чурки, Зоя впрягла в нарты собак, и те, исполненные гордостью за порученное дело, потянули нарты к дому Спиридона. Там Прасковья сбросила чурки на землю и сказала собакам:

— Туда же.

Собаки бегом потащили подпрыгивающие нарты к Зое, которая нагрузила нарты еще раз и поверх чурок положила бензопилу. Дров хватит, теперь их надо колоть. Руть-ики увидел в чурке торчащие топоры, взял самый тяжелый и стал колоть дрова. Все собаки насторожили уши и подняли такой неистовый лай, что можно было подумать, что они впервые видят мужчину, который колет дрова. Так и было. Колоть дрова — тоже женская работа, поэтому топор женский тяжелый, а мужской легкий, потому что с ним ходят на работу. Тогда Руть-ики сообразил, почему на стене среди прочих вещей Зои висят цепи к бензопиле: отремонтировать пилу было ее обязанностью, и с этой работой она справлялась не хуже любого русского механика. Всякий раз к этому Зоя добавляла, что ни один русский механик не умеет шить бисером.

Скоро собаки привыкли к тому, что русский мужчина работает женским топором, и успокоились, изредка поглядывая на него одним глазом, а щенята, как и прежде, с рычанием таскали Валерку-тарелку за штаны, а к взрослому не проявляли никакого интереса.

Спиридон сегодня не пошел на охоту, а занялся другим делом: он заменял подгнившие стойки своего лабаза на новые. Спиридон время от времени заходил в избу, садился на нарты, прижимая собой доску со сквозным отверстием. В это отверстие он вставлял кусок точильного камня, который достался ему от прадеда, и подтачивал лезвие топора. Топор был такой острый, что Руть-ики аккуратно подстрогал им все свои карандаши.

Все остальные братья Юры тоже были дома, изредка навещая своего отца и помогая Юре устанавливать антенну. На охоту хо-

дил только Спиридон, а все его сыновья проживали семьями каждый в своей охотничьей избушке, расположенной в глухом таежном уголке. Теперь все вернулись, закончив зимний промысел, и уже взялись за ремонт рыболовных снастей, лодок, моторов:

Предметы охоты теперь были собраны и положены в хозяйственные амбарчики — те самые избушки на курьих ножках, стоящие неподалеку от избы. С наступлением оттепелей туда будут определены и меховые лыжи. Некоторое время их будут заменять лыжи-голицы, не подбитые мехом. А потом и голицы окажутся в амбарчиках.

— Лыжи заносят — сети выносят, сети заносят — лыжи выносят, — подумает Спиридон, а когда первый пушистый снег покроет болотные кочки и упавшую рыжую хвою, за его спиной постепенно исчезнет изба. Будет с ним собеседник или не будет, Спиридон все равно скажет, остановившись, чтобы положить за губу табачную смесь:

— Зима пришел. Шибко длинный зима. Курок, однако, долго здесь нету.

Н. Н. Зинченко

К оценке проверки архаичных ритуалов коренных народов Севера

В книге С. Патканова «Остяцкая молитва» говорится о том, что исследование религиозной жизни первобытных народов отнюдь не является легкой задачей этнографии, ибо что необразованные люди встречают вопросы из этой области с недоверием и не хотят отвечать на них.

В то время когда С. Патканов с целью сбора этнографического материала встречался с коренными жителями Севера, они действительно были неграмотными, но все же не настолько темными, чтобы не понять вопросов ученого.

Приведенное высказывание Серафима Кероповича говорит о том, что у него не сложились доверительные отношения с носителями фольклора. Иначе бы он получил более-менее исчерпывающие ответы на свои вопросы относительно языческого культа остяков. Ученому не удалось вызвать аборигенов на откровенный разговор, потому что, общаясь с ними, он не учитывал особенности их характера, которые сформировались в условиях сурового Севера, кочевой и полукочевой жизни.

С. Патканов подходил к коренным народам Севера с меркой человека, чье восприятие мира сложилось под влиянием европейской цивилизации, но никак не первобытной, с которой он соприкоснулся во время своих экспедиций в Западную Сибирь. Поэтому ученому сложно было понять истинные мотивы поведения остяков, которых он назвал необразованными, то есть не владеющими грамотой.

Первобытные народы, в том числе и аборигены Югры, — это люди, жившие и до сих пор в основной массе своей живущие в лоне природе. Жизнь их сурова и непредсказуема. Она полна опасностей и каждодневного риска. Чтобы выжить среди бескрайних просторов тундры и тайги, а в древние времена частых войн с соседними племенами, ханты и ненцы должны были в любое время суток вести себя осмотрительно и необдуманно не подвергать опасности ни себя, ни своих детей.

Единственно, кому коренные народы Севера верили безоглядно, так это своим защитникам — главному богу Торуму и духам,

обитавшим на святых местах в реках, озерах и в урманах. Они, боясь их лишиться, поэтому с недоверием и враждебностью относились и относятся до сих пор к тем, кто пытается силой или хитростью выведать тайны их языческих культов.

Отправляясь на поиски этнографического материала, С. Патканов, надо полагать, надеялся, что аборигены будут без утайки рассказывать ему, человеку другой веры, о том сокровенном, что выступает гарантом сохранения их жизни. Он был явно разочарован, когда «необразованные люди» не захотели его понять, и написал, что исследование религиозной жизни первобытных народов — нелегкая задача этнографии.

Эта задача значительно могла быть упрощена, если бы все, кто интересовался и интересуется сегодня языческим культом коренных народов Севера, понимали психологию аборигенов.

Ханты и ненцы, ведущие традиционный образ жизни в Ханты-Мансийском автономном округе, городу и деревне предпочитают родовые угодья, которые, как правило, находятся в глухой тайге. Здесь волей-неволей они подчиняются тем законам, которые Природа, эта главная кормилица и поилница человека, создала и которые во имя сохранения жизни он должен неукоснительно соблюдать.

Первое, что всегда помнят аборигены, обитающие среди просторов зеленого океана — так это о своих четвероногих соседях. Ведь большинство зверей в тайге — хищники, и человек для них лакомая добыча. Чтобы не попасть им в лапы, он должен не только осмотрительно, но и бесшумно передвигаться по звериным тропам, хорошо знать повадки медведя, волка и других кровожадных и сильных хищников.

С той же осторожностью, с какой абориген вынужден передвигаться по урману, он относится и к каждому человеку, с которым время от времени его сводят обстоятельства. В силу привычки, вольно или невольно, от тех, кого он видит впервые, осяк ждет открытого нападения или иной угрозы, связанных с физическим насилием.

Как удалось выяснить, прежде чем вступить с незнакомыми людьми в разговор, аборигены стремятся понять, с какими намерениями, добрыми или злыми, они пожаловали на стойбище или вышли на тропу охоты. На какие действия способны эти люди и чем в дальнейшем обернется знакомство с ними?

На эти животрепещущие вопросы аборигенов раньше отвечали шаманы, обладавшие способностью во время камлания входить в транс, с помощью духов общаться с Богом и предсказывать грядущие события.

Шаман для коренных жителей — это духовный наставник, которому они беспрекословно доверяли и доверяют до сих пор, к

помощи которого они часто прибегают и неукоснительно выполняют все его советы и рекомендации. Именно от шамана во многом зависит, как поведут себя аборигены с теми, кто вошел с ними в контакт.

Как правило, ханты и ненцы, ведущие традиционный образ жизни, в той или иной степени обладают шаманским даром. Вероятно, развитию этих неординарных способностей способствуют условия их жизни в лоне природы.

Они, как и их предки, не спешат делиться тайнами языческой веры с этнографами, любителями экзотики — из-за боязни потерять покровительство Бога и духов, истово верят, что древняя магия религиозного культа защищает их от бед и несчастий, дарует удачу в добыче и жизни.

Не раз во время этнографических экспедиций по Нижневартовскому району мне приходилось наблюдать, как замыкались, уходили в себя аборигены, когда руководители или участники поездок настаивали на проведении обряда поклонения местным богам, духам, просили коренных жителей Севера показать святые места, на территории которых они совершают свои культы.

Ханты и ненцы испокон века как зеницу ока берегут места, на территории которых вершат обряды. За порядком на них следят лучшие представители северных народов — хранители, как правило, представители сильного пола. Эта почетная должность передается родственникам по мужской линии, которые зарекомендовали себя с положительной стороны: ведут традиционный образ жизни, не увлекаются спиртным, наблюдательны, рассудительны и трудолюбивы.

Хранители обычно очень скромные люди. Они не бахвалятся своим особым положением и больше слушают, чем говорят, предпочитают держаться в стороне и наблюдать как за людьми, так и за тем, что в данный момент происходит в поле их зрения.

Чтобы собрать весомый этнографический материал, иногда бывает важно показаться хранителям святых мест, то есть понравиться им, что довольно трудно, так как жрецы культовых мест коренных народов Севера, как, кстати, многие из аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, обладают уникальной способностью тонко чувствовать людей. Непостижимым для представителей современной техногенной цивилизации образом они могут улавливать малейшие вибрации души другого человека, вызванные такими эмоциями, как злость, радость, ненависть, гнев, презрение, а также хорошо чувствуют и людей с чистой совестью и светлой душой.

Эту предрасположенность аборигенов к пониманию настроения и намерений других индивидуумов можно сравнить с прибо-

ром обратной биологической связи, с помощью которого сегодня в клиниках, санаториях и здравницах России корректируется психологическое состояние страдающих теми или иными нервно-психическими заболеваниями. Кстати сказать, этот прибор был сконструирован учеными Санкт-Петербурга сравнительно недавно, в то время как аборигены Югры с незапамятных времен пользовались и до сих пор с успехом пользуются подобным уникальным прибором, изначально данным человеку Богом и призванным охранять его в опасных ситуациях, а также следить за своим здоровьем.

Как удалось мне выяснить за время поездок по Нижневартовскому району, далеко не все аборигены доверяют своим чувствам, которые пробудил в их душе тот или иной человек. Как и в давние времена, так и сегодня, ханты и ненцы для того, чтобы понять намерения «чужака», а то и просто составить о нем мнение, прибегают к помощи собак, внимательно наблюдают за тем, как эти четвероногие друзья встречают тех, кто пожаловал к ним на стойбище или встретился на охотничьей тропе в урмане.

Я была свидетельницей и участницей древнего языческого ритуала, который проводили ханты с целью проверки душевных качеств интересующего их человека. В нем, как это ни покажется странным, жрицей ритуала, следовательно, и богиней правосудия, выступила незабвенная породистая лайка.

Ее привели к помещению, где должно было развернуться магическое действие, связанное с секретами народной медицины, и сказали, что эта собака самая лучшая в поселке, и у нее есть хозяин.

С момента представления собаки участникам ритуала прошло довольно-таки продолжительное время, в течение которого лайка то сновала среди людей, то убегала и снова возвращалась.

Настал момент, когда хозяева таежного дома и их гости расселись по своим местам и приготовились внимать тому, что должно было произойти. Носители фольклора, а это были пожилые женщины и маленькие девочки, вышли к жарко полыхающему чувалу и на фоне огня стали показывать древний обряд очищения.

Внимание присутствующих было сосредоточено на этом древнем действе, и все гости, в том числе и непосвященные в проверку ханты, забыли о собаке. А тем временем мохнатая четвероногая красавица обошла всех, кто находился в таежном домике, и легла за спину одной из участниц обряда.

Организаторы этой необычной проверки быстро переглянулись, а после окончания ритуала очищения напомнили, что у лайки есть хозяин, и выпроводили ее за дверь.

Согласно древней традиции коренных народов Севера, воз-

можно, и большинства первобытных народов земли, чья жизнь была каким-то образом связана с собакой, тот человек, кого она выбрала во время ритуала, должен был стать ее хозяином. И этот счастливчик автоматически получал очень высокий статус — статус человека доброго. С добрым человеком, в понимании аборигенов, любит разговаривать Бог. Следовательно, он не способен делать людям зло и приносить другие неприятности. В случае необходимости этому избранному человеку можно доверить и некоторые сакральные тайны, связанные с религиозным культом предков.

Выдержать такой необычный экзамен «на отлично» дано далеко не всем. Он под силу только тем, кто обладает светлой, радостной и искренней душой, чистыми руками и такими же помыслами. Люди, у которых запятнана совесть, никогда не получают у мохнатых экзаменаторов положительной оценки, а значит, не будут допущены коренными жителями Севера к тем древним тайнам, которые они унаследовали от своих языческих предков.

Заслуживает особого внимания и тот факт, что до сих пор коренные жители Севера, ведущие традиционный образ жизни, в своих наблюдениях и умозаключениях о людях, желающих наладить с ними тесные взаимоотношения, доверяют приметам, которые каким-то образом связаны с поведением птиц, с шумом, вызванным огнем в костре или в чувале. Есть у них и много других, не менее интересных примет, сохранившихся в этой среде, надо полагать, еще с архаичных времен.

Н.И. Величко

Н.В. Лукина как исследовательница народа ханты

Надежда Васильевна Лукина — известный ученый-северовед, доктор исторических наук — родилась 2 декабря 1937 г. на станции Пеньки Чулымского района Новосибирской области. В 1964 г. она окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета по специальности «учитель истории средней школы с правом преподавания на иностранном языке». Еще в университете Лукина увлеклась этнографией и совершала этнографические экспедиции к нарымским селькупам, к шорцам, к ханты Томской области.

С 1968 г. она начала работать в проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. Здесь Надежда Васильевна занялась изучением традиционной культуры ханты; она была организатором и участником многих экспедиций в места их проживания. Н.В. Лукина изучала в основном восточные группы ханты. Она проехала по всем крупным притокам Оби и Иртыша: Васюгану, Ваху, Агану, Пиму, Югану, Тром-Агану. Всего ею проведено 25 экспедиций и индивидуальных поездок.

В 1972 г. Н.В. Лукина защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Материальная культура васюганско-ваховских ханты в конце XIX — начале XX вв.» (в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде)¹.

В 1985 г. в Московском государственном университете она защитила докторскую диссертацию «Исторические формы и преемственность в традиционной культуре ханты».

С 1992 г. Н.В. Лукина сотрудничает с научно-исследовательским институтом возрождения обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск). Одновременно она работала в Лаборатории этнографии и этнолингвистики Ямала (г. Салехард). В этих научных центрах она занимается подготовкой квалифицированных научных кадров, научным редактированием, переводами с немецкого языка на русский исследований финских и венгерских ученых. Н.В. Лукина перевела: «Религия югорских народов» (в трех томах) Карьялай-

нена, «Остяки» Сирелмуса, «Божество» Йожева Папая, «Тойво Лехтисало — исследователь Севера» Аулиса Й. Йоки. Она является членом ученого совета научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов и членом диссертационного совета Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

В 1993 г. Надежда Васильевна совместно с НИИ ВОУН основала специальную серию научных сборников «Народы Северо-Западной Сибири» для публикации научных статей сотрудников НИИ ВОУН и Лабораторий этнографии и этнолингвистики Ямала.

Н.В. Лукина награждена почетным знаком Минвуза СССР, медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», является действительным членом Российской академии естественных наук².

Н.В. Лукиной изданы семь монографий: три по фольклору ханты и четыре — по материальной культуре восточных ханты.

Первая крупная работа Лукиной «Васюганско-ваховские ханты конца XIX — начала XX вв.» была написана под научным руководством З.П. Соколовой. Работа состоит из введения, трех глав. Здесь дается описание традиционной материальной культуры васюганско-ваховских ханты, определено их место в культуре других сибирских народов, решены вопросы формирования и этнической истории васюганско-ваховских ханты. Работа выполнена в основном на полевых материалах автора и участников этнографических экспедиций Томского университета. В значительной мере использованы также коллекции музеев Томска, Тобольска, Санкт-Петербурга. В первой главе даются общие сведения о природных условиях края, расселении и численности васюганско-ваховских ханты, кратко характеризуется их хозяйственная деятельность: основными занятиями являлись рыболовство, охота; на Вахе они дополнялись оленеводством. В рыболовстве наиболее распространенными были орудия заборного лова, применялись также остроги, невода, сети. В охоте на мясных и пушных зверей и дичь наибольшее значение имели ружья, но применялись и традиционные орудия охоты: лук и стрелы, пальма, ловушки и петли. Собирачество имело слабое значение, — показывает Н.В. Лукина. По ее заключению, домашнее производство васюганско-ваховских ханты имело потребительский характер. Существенно было разделение труда между мужиной и женщиной. Мужчины занимались обработкой дерева, кости, металла, плетением арканов, сетей, изготовлением оленьей упряжи. Женщины выделывали шкуры, шили одежду и обувь, изготовляли берестяную утварь.

Большое значение в быту ханты имела береста, так как из нее изготовлялась домашняя утварь и покрывки для жилищ.

При изготовлении жилищ, средств передвижения, утвари широкое применение находило дерево, которое ханты умели обрабатывать различными способами.

Вторая глава — «Материальная культура васюганско-ваховских ханты» — состоит из нескольких разделов: орудия труда, средства передвижения, поселения и жилища, утварь, одежда. Раздел «Поселения и жилища» подготовлен в основном по литературным данным (У.Т. Сирелнус, З.П. Соколова). Сведения об утвари ваховских ханты также почерпнуты из опубликованных работ (Г.С. Дмитриев-Садовников, М.Б. Шатилов). Исследовательница констатирует, что в каждом хозяйстве ханты имелся набор необходимых орудий труда: односторонние ножи, топоры промысловые и домашние, тесла двух типов для изготовления долбленок, лучковые сверла и буравы. Обработку шкур ханты на Васюгане вели с помощью скобеля в виде лопатки, которым можно производить обе необходимые операции — удаление мездры и размягчение шкур. У александровских и ваховских ханты мездру удаляли скобелем, представляющим собой палку с железным лезвием в средней части, а разминали шкуру инструментом в виде изогнутой деревянной пластины с металлическим лезвием во всю длину.

Основные средства передвижения — это лодки-долбленки и большие дощатые лодки. Лыжи у ханты разделялись на подшитые (подволоки) и голицы. Большое значение имела у васюганских и александровских ханты ручная нарта; было распространено и тягловое собаководство (нарту охотника тянули одна-две собаки, упряжь которых была шейной, с двумя петлями). Ваховские ханты было известно нартенное передвижение на оленях. Оленьи нарты делились на грузовые и ездвые, последние — на мужские и женские. По наблюдениям Н.В. Лукиной, типы поселений васюганско-ваховских ханты определялись комплексным рыболовецко-охотничьим, а на Вахе частично и оленеводческим видом хозяйственной деятельности. Для ханты было характерно сочетание сезонных (летних, осенних и весенних) поселений с постоянными зимними поселениями. Жилища были каркасные и срубные. Навесы и заслоны из жердей, поставленных и покрытых тисками, служили временными сооружениями охотникам и рыбакам. Полуконические сооружения, также, как и чум, были известны главным образом на Вахе. Очагом у постоянных жилищ служил чувал. У большинства временных каркасных сооружений очаг устраивали перед жилищем, а у некоторых — внутри. В качестве тагана использовали ствол черемухи с коленчатым сгибом. Хлеб выпекали в глиняных печах, устанавливаемых рядом с жилищем. Для хранения одежды, съестных припасов, утвари использовались хозяйственные постройки в виде сруба с двускатной крышей, установленного на

столбах-стойках. В лесу для хранения мяса использовали и лабазы, навесы, конусообразные сооружения.

К домашней утвари относятся предметы, связанные с приготовлением и хранением пищи, хранением одежды и мелких вещей, а также убранство жилища. Большинство предметов изготовлялось из бересты, дерсва, шкур животных, рога и кости. Многие изделия из берестяной утвари богато орнаментировались. Известны несколько способов нанесения орнамента: выскабливание, аппликация, ажурная резьба с подкладным фоном, нанесение узора штампом, тиснение. Обязательными предметами утвари были медные котлы, деревянные ложки-черпаки, корытца, бочки, ступы, табакерки и трубки для курения. Широкое применение имели у васюганско-ваховских ханты различные мешочки и сумочки из рыбьей кожи, звериных или птичьих шкур, тканей. Согласно Н.В. Лукиной основой пищи васюганско-ваховских ханты служила рыба и продукты из нее. Характерная особенность рыбной пищи — приготовление ее без приправ и смешивание с другими продуктами при употреблении в пищу. Мясо имело меньшее значение, чем рыба. В пищу употребляли также ягоды, кедровые орехи, корни некоторых растений. Большое место в пищевом рационе играл чай.

Подробная характеристика дана исследовательницей одежде, обуви, головным уборам. Специфической чертой одежды исследуемых групп ханты была бедность ее украшения. Наиболее распространенным способом украшения одежды являлись нашивки в виде полос из ткани контрастных цветов, оригинальные украшения в виде прямоугольника или овала на поле кафтана и шубы, вставки из полос меха на глухой одежде.

В третьей главе — «Некоторые вопросы формирования этнической истории васюганско-ваховских ханты» — автор подводит итоги сделанного в первой и второй главах сравнения элементов материальной культуры васюганских, александровских и ваховских ханты между собой, а также с подобными элементами в культуре разных групп обских угров и других сибирских народов.

В конце работы Н.В. Лукина отмечает специфические черты, различающие васюганских, александровских и ваховских ханты между собой. Васюганские и александровские ханты были более близки друг к другу по материальной культуре, а ваховские несколько обособлены от них. Различие васюганских и ваховских ханты проявляется в различных элементах материальной культуры: в жилище, средствах передвижения, одежде, утвари. Автор указывает на несомненное сходство материальной культуры васюганских, александровских ханты и ваховских ханты. Большинство орудий труда и способов обработки различных материалов были

одинаковыми, типы жилищ также не различались. Большое сходство проявляется в средствах передвижения васюганско-ваховских ханты, которые не связаны с оленеводством. Существенны были различия в одежде, но здесь следует учитывать влияние оленеводства на одежду ханты Ваха.

В материальной культуре васюганско-ваховских ханты выделяется целый ряд элементов, известных у других групп ханты. По материальной культуре они были наиболее близки юганским, аганским и сургутским, а ханты Ваха по элементам культуры, связанным с оленеводством, сходны с северными ханты.

В пользу объединения исследуемых групп ханты свидетельствует то, что они говорят на одном наречии восточной группы хантыйских диалектов, считая себя единым народом.

Монография «Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.» (1977 г.) В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной посвящена трем территориальным группам восточных ханты — васюганским, ваховским, александровским³. (Васюганские и ваховские ханты называются по наименованию рек, в бассейнах которых они проживают, а александровские проживают в Александровском и Каргасокском районах Томской области и Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа). В работе дается характеристика хозяйства, материальной и духовной культуры, социальной организации и семейного быта, анализируются многие стороны мышления и мировоззрения народа, рассматриваются отдельные вопросы истории восточных ханты. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина обобщили богатый опыт изучения поселения, жилищ, пищи, одежды, орудий труда, средств передвижения. По заключению ученых, отдельные группы восточных ханты различались и по степени взаимодействия с культурой пришлого населения. Более всего русскому влиянию подвергались александровские и васюганские (которые сейчас полностью утратили традиционную культуру) по сравнению с ваховскими ханты. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина констатировали, что у пожилых ханты при почти полном отказе от обычных занятий, транспорта, одежды традиционное мировоззрение сохраняется с удивительной четкостью и полнотой. Подобное явление этнографы объясняли тем, что смена хозяйственной деятельности и материальной культуры произошла здесь в весьма короткий период, за 30–40 лет, а для коренных изменений в мировоззрении таких сроков явно недостаточно.

В 1979 году в издательстве Томского университета вышел «Альбом хантыйских орнаментов»⁴. Альбом был составлен Лукиной Н.В. по музейным коллекциям и полевым материалам, относящимся к восточной группе. В альбоме представлено около девяносто орнаментов ханты Каргасокского (р. Васюган) и Александровско-

го (р. Обь) районов Томской области, Нижневартовского (рр. Вах, Аган) и Сургутского (рр. Юган, Тром-Аган, Пим, Салым) районов Ханты-Мансийского автономного округа. Ранее орнаменты были описаны С.В. Ивановым в работах «Материалы орнамента (к проблеме культурно-исторических связей ханты и манси)», «Историко-этнографический атлас Сибири», «Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.)», где им дана общая характеристика, описаны технические присмы, дан анализ мотивов, композиции и типового состава орнамента. Теоретические и методические положения, терминология и принцип группировки материала С.В. Иванова были использованы при подготовке «Альбома...», в котором использовались и коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (Санкт-Петербург), Тобольского государственного музея-заповедника, Томского областного краеведческого музея и музея археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете.

Орнаментальное искусство неравномерно развивается у разных групп ханты. На Васюгане и Салыме оно почти полностью ушло в прошлое с традиционным бытом, а на реках Юган, Тром-Аган, Пим, Аган составляет важную часть современной культуры ханты. Интерес к орнаменту проявляется у многих исследователей, т.к. орнамент как важная часть народной культуры является средством выражения художественных вкусов, национальных особенностей народа, его мировоззрения. Орнамент ханты отличается богатством форм, многообразием сюжетов, строгостью и четкостью построения. Орнамент постоянно развивается: усложняется или упрощается, утрачивает одни и приобретает другие черты. Хантыйский орнамент в основном создается женщиной и связан с предметами материальной культуры — одеждой, утварью, посудой. Значительное место занимают узоры по бересте; из меха (камусов) и ровдуги (замши) изготавливаются полосы, орнаментированные техникой мозаики, также встречается и мозаика из сукна. Впервые публикуются резьба по коре черемухи, ажурная резьба по жести с подкладным фоном из ткани, оттиски на мучных лепешках, нашивки из бляшек и пуговиц.

Альбом построен по территориальному признаку: каждый раздел включает материалы, относящиеся к определенной группе ханты, проживающей на одном из притоков или участков р. Оби. Второй раздел представляет главным образом орнаменты ханты Александровского района Томской области и немного орнаментов из других поселений на Оби в границах восточных ханты. В альбоме наиболее полно показано богатство орнаментальных мотивов в декоративном искусстве ханты. Выявлено общее и различное в

орнаментальном искусстве восточных ханты. Исследования в этом плане помогают выявить картину взаимоотношения отдельных групп и способствуют решению вопросов этнической истории народа. В каждом разделе помещены фотографии орнаментирующих вещей; последние показаны вначале на твердых, а затем на мягких материалах. Орнаменты, исполненные одной и той же техникой, сгруппированы вместе.

Монография Н.В. Лукиной «Формирование материальной культуры ханты (восточной группы)» вышла в издательстве Томского университета в 1985 году³. Задачей работы являлись описание материальной культуры сургутских и салымских ханты с конца XIX в. по 1970-е годы и сравнительно-исторический анализ материальной культуры всех групп восточных ханты. Автор рассматривает компоненты материальной культуры ханты в их развитии как один из источников для решения проблемы этнической истории народа.

В работе принималась во внимание принадлежность восточных ханты к определенному хозяйственно-культурному типу и историко-этнографической общности. В недавнем прошлом существовала тенденция к рассмотрению ханты и даже ханты и манси в целом; автор же отмечает необходимость и целесообразность изучения отдельных групп обских угров. Деление обских угров на группы разных категорий ранее рассматривала З.П. Соколова, которая при рассмотрении проблемы этногенеза обских угров приводит данные по их орудиям охоты, средствам передвижения, жилищам, одежде и форме берестяных сосудов. Она выявляет особенности, по которым материальная культура ханты отличается от мансийской, отмечает ряд черт, сходных у обских угров с другими народами, называет заимствованные элементы.

Н.В. Лукина пользовалась сравнительно-историческим методом, чтобы выявить возможные истоки определенного элемента культуры, его вхождение в восточнохантыйскую среду и дальнейшую трансформацию в ней.

В работе рассматриваются традиционные элементы в культуре той части населения, которая до недавнего прошлого проживала в условиях традиционного быта, занимаясь добычей рыбы, охотой и содержанием оленей. Исследованы такие компоненты, как средства передвижения, одежда и утварь.

В первой главе описание материальной культуры сургутских и салымских ханты дано в основном по полевым материалам и музейным коллекциям. В ходе восьми экспедиций (1972–1983 гг.) на рр. Юган, Аган, Пим и Тром-Аган автор описала, зарисовала и сняла на фото все существующие ныне элементы традиционной материальной культуры.

Во второй главе использовался материал семи экспедиций (проводивших в 1969–1977 гг.) среди васюганско-ваховских, кондинских и ляминских ханты; привлекался также материал пяти экспедиций 1959–1963 гг. к нарымским селькупам и шорцам под руководством Г.И. Пелих. Н.В. Лукина в своем труде использовала коллекции Государственного музея этнографии народов СССР и Тобольского государственного музея-заповедника. В ТГМЗ сдана коллекция из 103 предметов, собранных А.А. Дуниным-Горкавичем у остяков Сургутского уезда и поступивших в музей в 1912 г., а также две коллекции Р.П. Митусовой с р. Аган, относящиеся к 1923–1924 гг. (23 и 376 предметов). В Тобольский государственный музей-заповедник коллекции ханты р. Салым сданы Л. Шульцем и другими собирателями. Кроме этого, автор использовал коллекции местного музея в пос. Угут на р. Большой Юган, Томского областного краеведческого музея, музея археологии и этнографии Сибири Томского университета, Ханты-Мансийского окружного музея, Омского государственного исторического и литературного музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного этнографического музея ЭССР в Тарту. В ходе сравнительно-исторического анализа во второй главе привлечен широкий круг литературы по другим группам обских угров, коренного населения Сибири.

В монографии впервые исследуются процессы формирования материальной культуры восточных ханты. Сравнительно-исторический анализ компонентов культуры проведен с широким привлечением данных по другим группам обских угров, многим народам Сибири. В результате выявлены отличия восточных ханты от западных групп народа, а также общехантыйские и обско-угорские черты материальной культуры; те и другие рассмотрены под углом зрения происхождения и истории народа.

Н.В. Лукиной совместно с В.М. Кулемзиным в 1973 и 1978 гг. в Томском университете были изданы сборники хантыйского фольклора на русском языке «Легенды и сказки ханты» и «Материалы по фольклору ханты», в которые вошли записанные тексты восточных ханты во время экспедиций 1969–1975 гг. Несмотря на этнографический подход при записи текстов (фиксация сюжета), эти издания отличает обстоятельный анализ публикуемого фольклора, большое количество информантов, разнообразие жанров.

Книга «Мифы, предания, сказки ханты и манси» 1990 г., составителем, автором предисловия и примечаний которой является Н.В. Лукина,⁶ — это первое крупное и пока единственное фундаментальное издание фольклора ханты и манси на русском языке. Здесь впервые представлены краткая история изучения обско-угорского фольклора, классификация фольклорных жанров, освещены

особенности исполнительской традиции обских угров, дан обстоятельный анализ текстов, вошедших в сборник. В книгу включены тексты всех крупных диалектно-этнографических групп, в частности восточных ханты.

В 1992 г. вышла книга «Знакомьтесь: ханты» Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзина⁷. Предисловие и заключение подготовлены авторами совместно; Н.В. Лукиной написаны разделы «Из истории знакомства», «Семья и общество», «Дом и очаг», «На оленях, как на вездеходе», «Инструменты просты — изделия совершенны», «Охотники — создатели эпоса»; В.М. Кулемзиным подготовлены разделы: «В лесу как дома», «На воде как на суше», «Каким богам поклонялись ханты», «Человек и его состояния».

Глава «Семья и общество» содержит сведения о хантыйской семье, о рождении человека и связанных с ним обрядах и традициях, об уходе за новорожденным, о берестяной дневной и ночной колыбели, о кормлении, о приобщении детей к настоящей взрослой жизни, их играх.

В главе «Дом и очаг» даны подробные описания жилища, выбора места и подбора материала для строительства. Хозяйственных построек, по данным автора, насчитывалось более 20 разновидностей, а культовых около десяти — священные амбарчики, домики для рожениц, для изображений умерших, общественные здания. Некоторые постройки при разном назначении были схожи по конструкции. Архитектурная мысль народа была в постоянных исканиях и находила все новые варианты, сочетания уже известных форм, остроумно использовала скромный набор строительных материалов и творчески применяла опыт других народов.

В главах «В лесу как дома», «На воде как на суше», «На оленях, как на вездеходе» рассказано о традиционной хозяйственной деятельности: охоте, рыболовстве, оленеводстве, о взаимоотношениях с природой, домашними животными, об умении сделать и построить средства передвижения, охотничьи снаряжения и рыболовные снасти, о роли и месте в жизни хантыйского народа занятия оленеводством.

В главе «Инструменты просты — изделия совершенны» говорится о том, что может изготовить хантыйская женщина (изготовить нитки из сухожилий, крапивы или овечьей шерсти, из крапивных нитей соткать полотно, а из шерстяных сплести пояс либо носки, из самодельных и покупных материалов сшить покрытие для жилищ, полные комплекты одежды для всех членов семьи и различную мягкую утварь, заготовить и обработать бересту, сшить из нее покрытие к жилищу и различную посуду, обработать траву для стежек в обувь, сплести из нее циновки, приготовить составы для смягчения шкур, окраски различных материалов и их склеива-

ния, выполнить причудливые узоры из меха, ровдуги, бересты, ткаши, бисера, луговиц, металла). Автор описывает берестяную утварь и девять способов ее орнаментации: выскабливание (процарапывание), тиснение, ажурная резьба с подкладным фоном, аппликация, раскрашивание, профилировка краев, накальвание, нанесение узоров штампом, сшивание различно окрашенных кусочков бересты. В узорах по бересте наиболее полно выражено все многообразие орнаментального искусства: его структуры, композиции, стилистики, семантики. Описаны изделия из травы — циновки, плетенные вручную и на несложном станке. Автор упоминает и о древней выделке рыбьей кожи, которая упоминалась еще в летописях XVII в. (так, сообщалось, что остяки «...одевание и обувь имеют с рыбьих кож, с осетров, стерлядей, с налимов или сомней...»). Описаны также изделия из оленьей шкуры, ее покраска природными материалами и инструменты, использовавшиеся для ее обработки. Южные ханты умели изготавливать нитки из крапивы и ткали холст на самодельном ткацком станке. Известно также было вышивание по холсту цветными нитками — шерстяными, бумажными, шелковыми и гарусом. Автор рассказывает о картинном письме, затесах на деревьях.

Книга «Знакомьтесь: ханты» представляет собой интереснейшее исследование по истории и этнографии народа, в ней содержатся интересные сведения о традициях, обрядах и обычаях ханты.

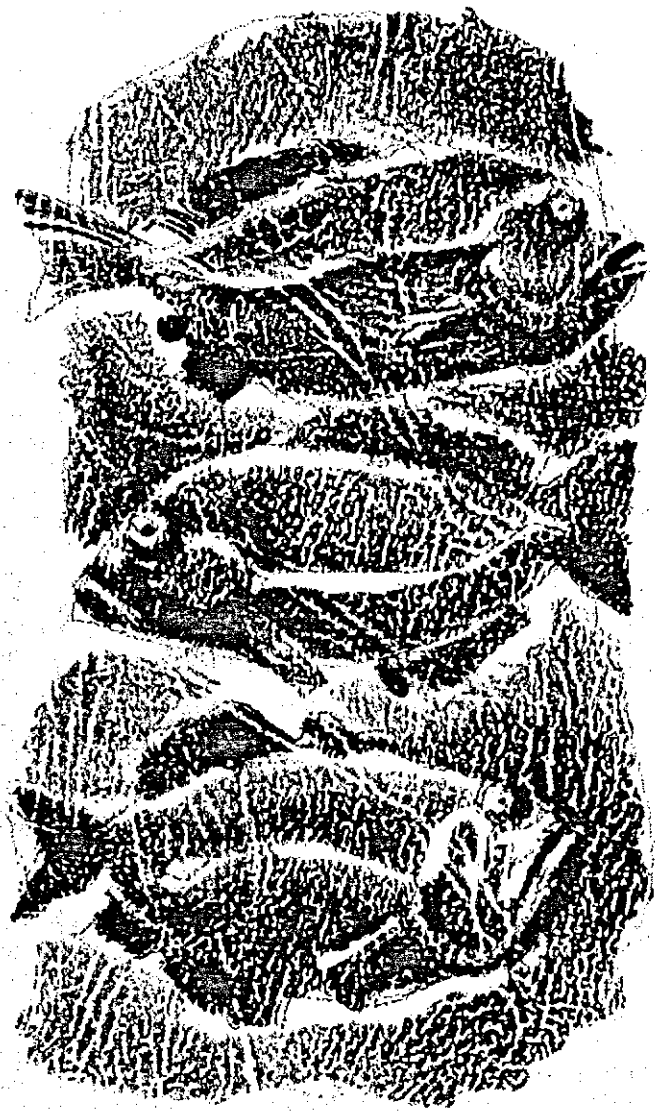
Н.В. Лукина редактировала монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» в трех томах, «Декоративно-прикладное искусство ханты Нижней Оби» А.М. Сязи, «Источники по этнографии Западной Сибири» (полевые экспедиционные материалы, собранные в 1925–1938 гг. В.Н. Чернецовым) и различные сборники статей: «Материалы по этнографии Сибири», «Из истории шаманства», «Из истории Сибири», «Археология и этнография», «Народы Северо-Западной Сибири», «Искусство и фольклор народов Западной Сибири», «История и культура ханты», «Пути выживания ханты и манси: материалы Международной научно-практической конференции» и другие⁸.

Н.В. Лукиной написано более 60 статей по истории и этнографии северных народов (о нарымских селькупках, шорцах, нивхах, ненцах), но в основном она исследовала в своих работах материальную культуру восточных ханты: оленеводство, пищу, антропонины, предметы с неопределенной принадлежностью, орнамент и т.д.

Н.В. Лукина подготовила к публикации статьи М.Б. Шатилова «Драматическое искусство ваховских ханты», «Дневник Мангазейской экспедиции (В.И. Мошинская, В.Н. Чернецов)» и «Из путевых заметок по Нарымскому краю».

Н.В. Лукина совместно с А.Н. Михалевым на киностудии Томского университета сняли получасовые кинофильмы «Речные люди Ягун-ях», «Зима речных людей», «В.Н. Чернецов».

- ¹ *Лукина Н.В.* Материальная культура васюганско-ваховских ханты в конце XIX — начале XX вв. Автореферат канд. дис. Л., 1972.
- ² *Лукина Н.В.* Библиографический указатель (К 60-летию со дня рождения). Ханты-Мансийск, 1997.
- ³ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.: Этнографические очерки. Томск, 1977.
- ⁴ *Лукина Н.В.* Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск, 1979.
- ⁵ *Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры ханты (восточная группа). Томск, 1985.
- ⁶ *Лукина Н.В.* Мифы, предания, сказки ханты и манси. М., 1990.
- ⁷ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
- ⁸ *Волдина Т.В.* Библиографический указатель по фольклору ханты (1880-1999 гг.). 2000.

IV. Λεξικογραφία

А.М. Кошкарёва

Лексика ямского промысла северных районов Тюменской области

Одновременно с заселением Западной Сибири происходило устройство путей сообщения. Без сомнения, на первых порах в Сибири в XVII веке могли хоть сколько-нибудь упорядочить один путь — водный.

Первоначально «подводную» службу несли одни коренные жители, на обязанности которых лежало возить сначала правительственных чиновников, а потом и частных лиц по рекам и в пределах известного района, несколько позднее стала входить в употребление езда на лошадях. Но бедность и малолюдность страны, следствием которых были челобитные ямщиков о трудностях перевозки между Тобольском, Березовом и Сургутом, были причиной того, что правительству пришлось усилить средства путей сообщения. С начала XVII столетия вместе с мерами по колонизации края идут меры к увеличению ямщицких слобод и пополнению их русскими людьми.

Устройство слобод с чисто русским населением на берегах Иртыша относится к 30-м годам XVII столетия¹. К середине XVIII века в Тобольской губернии существовало несколько ямов. По переписи 1748 года², Самаровский ям насчитывал 487 ямщиков, Демьяновский — 1418 ямщиков, Туринский — 1507 ямщиков, Верхнестуринский — 2169 ямщиков, Тарский — 1133 ямщика. Кроме того, там, где не было ямов, за определенную плату брались уздечные подводы.

История заселения тракта была очень детально исследована А.Д. Григорьевым³ в связи с изучением сибирских говоров. Этот автор привлек, в частности, путевые записки путешественников XVIII и XIX вв., характеризующие степень заселенности тракта и условия гоньбы по тракту в разные моменты его существования. Заселение шло в общем с запада, причем сам тракт смещался к югу. Боковая ветвь Сибирского тракта от Тобольска до Самарова, имеющая прямое отношение к нашему исследованию, утратила свое значение как часть Московского Сибирского тракта к 50–60 годам XVIII века: в 1741 году громоздкие грузы экспедиции Берин-

га шли еще по-старому, водой (по Иртышу, Оби, через Маковский волок), в то время как сам Беринг налегке ехал уже много южнее по новому сухопутному тракту⁴. Часть ямщиков Демьяновского и Самаровского ямов была переселена в двадцать станций от Тобольска до Тары, а сам тракт стал выполнять больше хозяйственную функцию, так как в связи с нехлебородностью северных районов там были заведены хлебозапасные магазины⁵. До 1917 года из-за Урала, из южных районов Западной Сибири хлебные припасы отправлялись по Иртышу до Демьяновского и Самаровского ямов, а затем на Конду, в Березово, Надым, Обдорск (ныне Салехард), Ларьяк и другие северные поселения. Целые деревни и даже волости занимались извозом, доставкой хлеба на Север. Благодаря ямскому промыслу во многих деревнях Тобольской губернии процветали промыслы по изготовлению средств передвижения и упряжи.

Лексика ямского промысла и теснейшим образом связанных с ним санно-тележного, лодочного и шорного промыслов, которую мы квалифицируем как специальную, формировалась постепенно, отвечая возникающим потребностям в обозначении важнейших понятий, действий, предметов промысла. Она формировалась на основе общенародной лексики.

Лексика ямского промысла состоит из двух неравных по своему объему групп лексики: в первую входят слова, связанные с обозначением видов промысла и понятием «ямщичить», во вторую — слова, связанные с организацией и проведением ямщины.

I. Лексика, связанная с обозначением видов промысла и понятием «ямщичить»:

Слово *ямщичить* было известно в XIX веке⁶. В исследуемых говорах употребителен и вариант этого слова *ямщичать*. Однозначное слово *проводничать*, которое было употребительным в Тобольской губернии в конце XIX века⁷, в современных говорах не сохранилось. Кроме того, по говорам зафиксированы слово *кучерить* и словосочетания со значением «заниматься ямским промыслом, ямщичить»: со словом *идти* и его производным — *идти в извоз, пойти в ямщину*; со словом *ходить* — *ходить гужевой, ходить в извоз, ходить в ямщину*; со словом *возить* — *возить товар гужом*; словом *ездить* — *ездить в дорогу*.

Слово *гоньба* по-разному определяется словарями литературного языка. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова «гоньба» (книжное, областное) обозначает «действие по глаголу гнать и гнаться, гонять и гоняться», в малом академическом словаре (1954 г., т. 3) «Гоньба — устарелое. Доставка почты на лошадях, перевозка пассажиров». В исследуемых говорах слово *гоньба* обозначает перевозку пассажиров и употребляется обычно или в сочета-

нии с глаголами *идти* (об обозе), *гонять* или с прилагательными *вольный, земский, междудворный, обывательский, пассажирский, подводный, почтовый, этапный, ямской*.

Слово *гоньба* и словосочетание *гонять гоньбу* были известны на территории Сибири и Урала: «Гоньба — извоз. Две зимы гоньбой промышлял»⁸, «гонять ямскую гоньбу»⁹, «гонить (или гонять) гоньбу» — отбывать волостную или сельскую подводную повинность». Слово *гоньба* в значении «ямщина, извоз» известно в говорах северных районов Тюменской области (Патканов), но чаще употребляется его эквивалент *ямщина*.

Слово *ямщина* в современном литературном языке является историзмом, обозначая занятие, профессию ямщика, а также ямскую повинность. В исследуемых говорах оно является многозначным:

1. Товарный извоз, т.е. перевозка товаров на дальнее или близкое расстояние. «Ямщина — извоз, груза возили» (Куг.)¹⁰. «Извоз — это и есть ямщина, оно же самое и есть» (Трош.).

2. Пассажирский и почтовый извоз. «Ямщина — перевозка пассажиров, почта, извоз — перевозка грузов. Ямщина легковая» (Ваг.).

3. Обоз. «В ямщине ехал на пяти лошадях» (Куг.). «Вот, когда в ямщине ехать, на последнюю лошадь привязывали» (Сам.). Многозначность слова осознают и носители говора: «Ямщиной называли и извоз, и гоньбу» (Защ.).

Литературное слово *извоз* — промысел, заключающийся в перевозке на лошадях грузов или седоков, — употребляется в речи старожилов исследуемого ареала в основном в значении «товарный извоз», так как для обозначения пассажирского извоза имелся свой термин, распространенный только на территории Тобольской губернии (не отмечен ни в одном областном словаре) — «веревочка».

Веревочка. Так называется своеобразная организация вольных ямщиков на бойких проезжих трактах, входящих между собой в соглашение возить проезжающих один к другому, как бы передавая, не навлекая цены без особо уважительных причин. Популярность этого вида ямщины породила образные словосочетания: *возить веревочку* (Винокур.), *держат почту по веревочке* (Алымка, Уват), *ехать по веревочке* (Тоб. Маляревский¹¹, Тоб. словарь фразеологизмов)¹².

Слово *разгон* в значении «ямская гоньба», известное в XIX веке¹³, известное в деловой письменности¹⁴, в говорах не отмечено. Ближе к нему по значению слово *разъезд*, отмеченное в кутаевском говоре: «В Винокуровой стояли, стаи был, разъезд был в город и в Брошикову».

К первой же группе лексики ямщины мы относим и следующие устойчивые словосочетания, отмеченные в исследуемых говорах: *бежать на колокольцах* (Тоб.) в значении «ехать на тройке с колокольчиками»; *ехать на сквозных* (Зап., Уват), *ехать на протяжных* (Уват), *пойти на переходняка* (Уват) в значении «схать, не меняя лошадей»: «*Ехать на протяжных. — ехать напроход, без пересадок, не меняя лошадей. Ехать на сквозных одно и то же, на переходняка пошел — тоже на сквозных*» (Уват); *сидеть (ехать, проскакать) на вершюй* (Бык., Тоб.¹⁵) в значении «сидеть (ехать, проскакать) верхом на лошади», *обгаивать вотчины* в значении «отбывать подвоязную гоньбу за пользование землей» (Тоб.¹⁶).

II. Лексика, связанная с организацией и проведением ямщины, включает в себя слова и словосочетания, обозначающие самые разные понятия:

1. Названия лиц, участвующих в организации и проведении извоза: *возчик, земляр, коморник и коморщик, конох, парядчик, прасол, проводник, ямщик, биржовый ямщик, голова, вахтер, верховой* (в знач. сущ.), *воротник, дворник, доставщик, езжалый, заединщик, обозный* (в знач. сущ.), *тикetchик, подрядчик* (часто с прилагательным *доверенный*), *повозчик, пролубщик или пролубчик, пассажир, почтальон, содержатель, сопровождающий, старший и управляющий* (в знач. сущ.), *почтарь* и слово *седок*, известное в говорах в нескольких значениях:

а) возница, возчик, ямщик. «*Сиделье сани с седоками в обозе — остальные груженые*» (Винокур.);

б) пассажир. «*Ласточка* — *кошовка одному ездить. Купцы ездили, для одного седока, двое на козле, а один сзади — купец*» (Винокур.);

в) наездник. «*Седоком в бега пускали*» (Винокур.).

Слово *связчик* также неоднозначно:

а) товарищ, компаньон в товарном извозе. «*Связчики парой ездили*» (Уват);

б) так назывались вольные ямщики на разных станциях, обвязавшиеся возить проезжающих один другому, образуя знаменитую веревочку (Тоб.).

2. Лексика, связанная с тягловыми животными:

а) слова, обозначающие масть лошади: слово *шерсть* в значении «масть, цвет, краска»; слова, обозначающие разновидности масти лошади: *бурый, вороной, гнедой, голубой, игрневый, карий; каурый, пегий, половый, рыжий, саврасый, серый, сивый, соловый, чалый*. Эти слова широко распространены в исследуемых говорах. Отмечены как общенародные XIX века слова: *буланый, бурый, вороно-пегий, голубой, игрений, карий, каурый, половый, пегий, серо-пегий, мухортый, темно-серый, чалый, чубарый*¹⁷.

Не отмечены в литературных и диалектных словарях слова: *белосерый, гнедо-мухортый, гнедо-карий, гнедо-серый, кауро-пегий, огненно-карий, рыже-пегий, темно-буланый, яблочный*;

б) слова, обозначающие название лошади по масти; а также кличку: *Воронок* (мн. *Воронки*), *Воронуха*, *Голубок* (мн. *Голубки*), *Каурко*, *Карько*, *Мухорко*, *Пеганко*, *Рыжко*, *Савраско*, *Серуха*, *Соловки* (мн. ч.), *Чалко*, *Чалуха*. Известные литературному языку как разговорные *Гнедко*, *Серко*, *Сивко*¹⁸;

в) слова, обозначающие кличку лошади по какой-либо особенности: *Балерина*, *Буря*, *Буян*, *Горбоносый*, *Вредитель*, *Воронко*, *Лештяй*, *Лысаико*;

г) слова, обозначающие кличку лошади в соотнесенности с явлениями и предметами внешнего мира: *Валетко*, *Ванька*, *Грифель* (фонетич. грифель), *Звездюлька*, *Селяшши*, *Воронко*, *Совет*, *Стрелка*;

д) слова, обозначающие название лошади по возрастным особенностям: *конь*, *лошнина*, *третьяк*, наречие *под годами* в значении «старый», *селеток*;

е) слова, обозначающие название лошади по назначению: *богун*, *битюг*, *рысак*, *тяжеловоз*;

ж) слова, обозначающие названия лошадей по полу: литературные слова *жеребец*, *кобыла*, *мерин*, *матка*, диалектное слово *жеребуха*;

з) слова и словосочетания, обозначающие название лошади по месту в оспе: *вытяжная лошадь*, *коренной* (в знач. сущ.), *передовая лошадь*, *пристяжная* (в знач. сущ.); современные литературные *кореневая лошадь*, *передовик* и диалектные *гусевая лошадь* в значении «идущая впереди при запряжке гусем», *кореновик*, *корневой* (в знач. сущ.), *подпередок* в значении «вторая лошадь в связке»;

и) слова, обозначающие различные качества (принадлежность, состояние, порода) лошади: *изпуретный*, *кокшановский* (кокшановские воронки, кокшановская порода — порода лошадей, выведенная сибирским конезаводчиком Кокшаном), *кроткий*, *сибирский*, *справный*, *ухарский*;

к) лексика, обозначающая действия: литературное разговорное *брякнуться*, *вылупа'ться* в значении «вылезать из оглобеля», *зали'хтеться* — «устать», *залехтеться* — «запыхаться», *запихаться тягой*, *сломать лен*, литературное *лупить* в значении «быстро ехать», *лягнуть*, *пристать* — «утомиться, выбиться из сил». Слова, известные литературному языку: *отвязаться*, *отставать*, *сбрасывать*, *переть* (прост.)¹⁹;

л) слова, обозначающие место для лошадей, связанное с лошадьми: слова, зафиксированные в литературном языке, — *ко-*

нюшня, поскотина, выгон; слова *связь* — «несколько строений для лошадей под одной крышей с почтовым домом», *редник* в значении «огороженное пастбище для лошадей», *забр* в значении «забранное, обнесенное заплотом и крышей место для лошадей» не отмечены в диалектных словарях, слово *вальбище* — «место, выкатанное лошадьми» — отмечено в красноярских говорах (ССГ);

м) лексика, связанная с кормлением лошадей: литературное слово *кормежка*, слова, обозначающие вид корма, общее название корма: литературные слова *фураж, месиво, мешанина, сею*; слова, обозначающие норму корма: литературные слова *вязапка, навильник* в значении «охапка сена, соломы, поддетая на вилы»; диалектное слово *пласт* в том же значении; слова, обозначающие виды кормушек: *покормушка, припон, торба, хребтук* и *хребтучок, мешанинник* в значении «длинная телега с кузовом в виде большого корыта для приготовления рабочим лошадям мешанины»;

н) слова, обозначающие действие, направленное на объект, связанный с лошадьми, непосредственно на лошадь: литературные слова *ковать, кормить, распрягать, впрячь, выкормить, выпрягать, переваливать, перепрягать*; диалектные слова *запрегчи, понукать, имать, нацепить, пятнать*; современные литературные слова *выучивать, закладывать, заложить, запрягать, наездить, обуздывать, переводить, подцепить, привязать, приучать, раскидывать*. Не отмечены в литературных и областных словарях слова: *завожжать* в значении «запрячь», *охомутать* — «запрячь, надеть хомут на шею», *подтыка'ть* — «пришпоривать», *свертывать* — «отворачивать» и словосочетание *ударить в бичи* в значении «тронуть с места обоз, одновременно ударить, хлестнув, щелкнув кнутом, как к тому приучены лошади каждого ямщика».

В литературе конца XIX века, описывающей извозное движение по Московско-Иркутскому тракту, неизменно встречается слово *присоглашать* в значении «составлять особого рода артель из ямщиков для перевозки товаров». Оно обычно заключено в кавычки, что свидетельствует о нелитературности данного слова, говоры не сохранили этого слова, в говорах употреблены слова — *договариваться, подряжать* и *подряжаться*, отмеченные в литературных словарях; диалектные слова *наряжать, наймовать* и *наймоваться*;

о) слова, называющие виды упряжек с лошадьми, составляющими обоз, литературные слова *упряжка* и *запряжка*; не отмеченное в словарях литературного языка слово *связка* в значении «лошади одного ямщика» бытовало в языке первой половины XIX века (см. у Даля: «Связка в обозе, три веза, связанные арканами за шею лошадей. Обоз идет связками»).

Кроме слова *связка* в исследуемых говорах употреблялись названия других видов запряжек лошадей: *тройка*, *пятерка* — по числу лошадей в связке, *запряжка гусем* — «одна подвода за другой, след в след», *запряжка бочкой* — «пара запряжена обычно: одна лошадь в корень, другая в пристяжку, а другая пара впереди рядом», *запряжка однокошкой*, *запряжка парой*, *запряжка тройкой*; *пара*, *тройка* — по числу лошадей, запряженных в экипаж.

Слова, называющие предметы ухода за лошадьми: диалектные слова *закрутка*, *скребница*. Слово *тамга*, «клеймо», известное древнерусскому языку (Срезневский), известно и в XIX веке (Даль).

3. Слова, обозначающие названия дорог: литературные слова и словосочетания — *дорога*, часто в сочетании с прилагательными *гужевой*, *колесный*, *обочный*, *окольный*, *поселочный* или *проселочный*, *стлановый*, *тележный*, *ямщицкий*; *путь*, часто в сочетании с прилагательным *гужевой*; *тракт* в сочетании с прилагательными *земский*, *иртышский*, *почтовый*, *проселочный*, *коммерческий*, пришедшими, скорее всего, из делового языка, так как часто встречаются в архивных документах, относящихся к территории бывшей Тобольской губернии (исследуемый ареал). Словосочетание *большая дорога* и его дублет слово *большак*, слова *зимник* и *летник*, *прогон* в значении «ходовая дорога в отличие от езжалой, обозной» и *стлань* (диалектный вариант слова *слань*) в значении «дорога из бревен или хвороста через топкое место». Не отмечены литературными и диалектными словарями слово *грунт*, широко употребительное в говорах (Алымка, Винокур, Куг, Трош, Уват) в значении «дорога»: «Дороги называли *грунтом*» (Уват), «Они (коровы) *грунтом* валят на *пшеницу*» (Куг.) — и слово *трактовка* — «тракт». К этой же группе можно отнести однозначные слова *перевоз* и *переправа*.

Лексика, связанная с сухопутной дорогой:

а) названия поворотов — литературное слово *поворот*, диалектные *поверток* и *сверток*;

б) названия разветвлений дороги — слова *развилка*, *росстани* и *росстань*, *вилка* и *полукресты*, слово *разъезд*;

в) место пересечения двух дорог — *кресты*;

г) след на дороге — литературное слово *след*, часто в сочетании с прилагательными *тележный*, *саный*; слово *сакма*, слово *шлях* в значении «след от саней на снегу», известное как тобольское в XIX веке (Патканов);

д) состояние дороги (природные условия) — литературные слова *бездорожье* (диалектный вариант *бездорожица*), *наледь*, *наст*, *распутица*, *сляча* в значении «мокрый, грязный снег на дороге»;

словосочетание *снег до гужей* в значении «много снегу на дороге», *ступик* в значении «рыхлый снег, по которому конь может идти лишь шагом», *субой* в значении «переметённые снегом места на дороге, заносы», *топлыш* в значении «дорога, проложенная по топкому месту», *уброд* в значении «рыхлый снег, в который лошадь постоянно проваливается», *чарым* в значении «наст, обледенелая кора по снегу».

Лексика, связанная с водным путем:

а) названия водных путей — для названия водных путей общим словом является литературное слово *путь*, часто в сочетании с прилагательными *водный* и устаревшим *водяной*; дифференцированными названиями в прииртышских говорах являются следующие литературные слова — *волок* и *курья*, *протока*, *река*, *речка* и диалектные слова — *низ* в значении «низовая часть реки Оби, Север», слово *полой* в двух значениях: 1) «курья, старица»; 2) «место, затопляемое в половодье водой»; слова *полуи* и *прямица* в значении «новое прямейшее ложе, прорываемое рекой», слова *пролив* и *прорва* в значении «протока», слово *эрик* (*ерик*) в значении «небольшой приток, пригодный для плавания»;

б) лексика, связанная с парусным ходом, — словосочетание *парусное погодье* в значении «погода, благоприятствующая ходьбе лодки под парусом», слово *погода* в значении «ветер»: «какая сегодня погода поднялась»; названия ветров: *обедник* — «юго-восточный ветер», *полудник* — «южный ветер», *полуночник* — «северо-восточный ветер», *шелоник* — «юго-западный ветер»; *хвонить* в значении «поддувать» — о ветре, *паями припадать* — о ветре, который дует порывами;

в) другие термины, связанные с водным путем: литературные слова *майла*, *стрелка* и др., диалектные *стреш*, *стрешень* и *зёрло* в значении «фарватер реки», слово *голец* — «остров, образовавшийся от наноса песка и обнажившийся после спада воды», однозначные с ним слова *салма* и *салм*, имеющие еще одно значение — «небольшое и не особенно глубокое место в дельте реки Оби», слово *рёлка*, выступающее в двух значениях: 1) «мыс, песчаная коса»; 2) «выступивший при обмелении реки островок», отмеченное в словаре В.И. Даля как сибирское; слова *перевор* — «перекат на реке» и *пустоплесье* — «пустынное, незаселенное место на реке», слово *плёсо* — «видимое пространство реки между двумя изгибами» — и словосочетание *глухое плёсо*. К этой же группе мы относим литературные слова, обозначающие движение лодки: *плавать*, *идти*, *ходить* с их производными.

Лексика, обозначающая расстояние: литературное слово *расстояние*, общеупотребительное в говорах, и слова, обозначающие конкретное расстояние — слово *верста*, словосочетание *остяц-*

кая верста — «мера длины, приблизительно равная 5–6 верстам», такая же мера длины в 5 верст встречается у зырян; литературное слово *персона* в значении «расстояние между двумя станциями», слово *плёсо*: «... в Тобольском округе, если едут рекой и не знают числа верст, которое остается проехать, нередко говорят, что осталось проехать два плёса, три плёса и так далее» (Патканов). Устаревшие слова *полднище* в значении «половина дневного пути», *поприще* в значении «половина нынешней версты» у В.И. Даля отмечены с другими значениями; слова *пядень* и *столб* с тем же значением, что и слово *сажень*, отмеченное как устаревшее в словаре АН (1957 г.)²⁰ и многозначное слово *пряжка*, одно из значений которого — «расстояние от одной станции до другой»:

Механические повреждения дороги: литературные слова *выбоина*, *раскат*, *колдобина*, *ухаб*, *кувец* (фонетический вариант литературного слова) и диалектное слово *пырок*:

Дорожные сооружения: литературные слова *веха*, *мост*, часто употребляемые с прилагательными *настильный*, *перетяжной*, *полновитый*, *сплавной* и существительными, а) обозначающими вид опоры моста: *мост на стойках* — *на лесках* — *на сваях* — *на рязу* — *на свинках*; б) обозначающими вид преграды: *мост через речку* — *через лог* — *через рытвину* — *через прорву* — *через промоину* — *через ров* — *через буерак*. Слово *перетяга* в значении «плот или паром, ходящий по канату», слово *пробег* в значении «небольшой мостик», не известные литературному языку, не отмеченное в диалектных словарях.

Остановки в пути: местом постоянных остановок ямщиков с обозом был *станок*. Данное слово имело три значения:

- 1) селение, в котором делали остановку, например: «Там большая пряжка была и здесь, в Винокуровой — станок» (Винокур.);
- 2) расстояние между двумя станциями по тракту. «Ямщики разные, через каждый станок» (Юровск.);
- 3) место остановки, кормления лошадей. «Избушка где-то поставлена, чтобы обогреться, иногда сено завозили — станки» (Юровск.).

В бумагах Тобольского филиала областного государственного архива Тюменской области начала XIX века в значении «почтовая или ямская станция» встречаются слова: *станция*, *стан*, *станк*, *станец*. В говорах (Куг., Винокур.) употребляется слово *стан*, в Самарово — слово *станк*. Слова *станция* и *станец* неупотребительны в говорах.

Существовали и непродолжительные остановки, часто вынужденные, которые назывались *полустановками*, слово было малоупотребительным, зафиксировано только в д. Кугаевой. Общеупотребительным в этом значении в исследуемых говорах было

слово *половинка* (Алымка, Винокур., Защ., Куг., Трош., Уват, Юровск.). Это слово закрепилось в названии небольшой деревеньки по старому Иртышскому тракту (д. Половинка в 70 км от г. Тобольска). Слово известно в томских говорах: «Ямщики, которые ехали «половинками», то есть миновали главные станки и заезжали в полустанки» (Григорьев).

Термин ямщины *пряжка* отмечен в говорах с разными значениями:

1) остановка, место отдыха и кормления лошадей, например: «*Станок или пряжка. До Тюмени шесть пряжек было, шесть кормежок, останавливались на постоялом дворе*» (Заш.). «*В Демьяновском пряжка была*» (Юровск.). «*Пряжка — следующий пункт. Там кормили и опять дальше*» (Уват);

2) расстояние от одной остановки до другой: «*Сорок километров пряжка*» (Уват), «*Пряжка — это путь*» (Заш.).

От старожилов, лично участвующих в ямском промысле, оно записано со вторым значением, с этим отмечено в словаре В.И. Даля, отразившем словарный состав общенародного языка первой половины XIX века. Первое значение слова *пряжка* «остановка», судя по имеющимся материалам, было распространено только в говорах Западной Сибири. Слово наблюдается обычно у старожилов, не принимавших личного участия в промысле, и возникло, очевидно, по ассоциации со словом *перепряжка*. Ср.: «Пряжка — селение или вообще остановочный пункт, на котором ямщики, отдохнув сами и дав отдых лошадям, перепрягают их затем для дальнейшего следования»²¹. Слово *бекет* в значении «сторожевой пункт на тракте в дни ярмарок» и словосочетание *заезжий двор* известны в языке первой половины XIX века (Даль). Литературное слово *подстава* и словосочетание *постоялый двор* (в говорах более употребителен вариант *постояло*) (Алымка, Винокур., Трош., Уват). Слова *ям* и *подъямок* в значении «станция, которая не входит в общее расписание земских как ям, а относится к числу волостных, содержащихся за счет отдельных волостей», встречаются чаще всего только в экономико-этнографической литературе о крае и в деловой письменности.

4. Названия специальной верхней, в основном меховой одежды ямщика:

а) головной убор, шапка: литературное слово *треух*, известное в первой половине XIX века (Даль), диалектное — *капор*;

б) род шубы: литературные слова — *тулуп*, *доха*, часто употребляемые с прилагательными *собачий*, *олений*, *козий*; *малица* (диалектный вариант *малиц*), слова *гусь* и *парка*, отмеченные как сибирские в словаре В.И. Даля; *полушубок*, *сдвига*, *сорочка* в значении «рубаша из сукна, одеваемая сверх малицы»;

тул в значении «татарский полушубок из козьего меха», *колек*, *кумыш* — неизвестные в современных говорах, однако отраженные в названиях экспонатов музея и в экономико-этнографической литературе; слова *яга*, *ягушка*, известные в новосибирских говорах (СНО);

в) рукавицы: слова *мохнатки* и *шубенки*, известные общенародному языку XIX века;

г) специальная обувь ямщика: слова *бахилы*, *бродни*; словосочетание *боярковые* (*поярковые*) *валенки*, *ичиги*, *кисы*, отмеченное в словаре В.И. Даля; слово *ноговицы*, слово *пимы*; известное северно-русским говорам и повсеместно в Сибири (Даль). К этой же группе слов можно отнести и слово *камас* в значении «шкура с ног оленя, используемая для шитья меховой обуви».

Другие предметы одежды: литературное (разг.) *штаны*, *челбары* в значении «зимние шаровары, надевающиеся поверх полушубка», *нашейник* — «воротник из беличьих хвостов, надеваемый для защиты горла от холода и снега, преимущественно в Деншиковской и в Демьяновской волостях Тобольского округа» (Патканов); слово *памордник* — «суконная маска для защиты лица от ветра, мороза»; *опояска* — «толстый пояс из какой-либо материи, надеваемый сверх шубы».

Предметы защиты ямщика от «*подорожников*», или воров, которые «*подорожничали*» (разбойничали, грабили) на тракте: литературное слово *оборона* в значении «совокупность средств, необходимых для защиты от нападения», средства защиты — литературные слова *топор* и *кистень*, диалектное *батик* — «толстая палка с шишкой, утолщением на конце». Слова, обозначающие детали кистеня: литературное слово *гиря* и семантические диалектизмы *тутька* и *шпора* в значении «выступ, шип на гире».

5. Лексика, связанная с грузом:

а) общие наименования груза — в основном литературные слова *груз*, *кладь*; *товар*, *тяга* и *тяжесть*;

б) место сбыта товара — литературные слова *рынок*, *ярмарка*, *базар* и *торг*;

в) вид упаковки товара — литературные слова *баул*, *тюк*, *вьюк*;

г) меры веса и объема, распространенные в ямщине: современные литературные слова *бочка*, *воз*, *кадка*, *кадь*, *четверть*, *фунт*, *пуд*, *куль*, *мешок*, *обоз*, *четверик*, *пудовка* и слова диалектные — *пестряк*, слово *пур* в значении «палка, унизанная мерзлой рыбой, которая продается нурами» (Даль) и слово *ямщик* в значении «обоз»: «*Ямщик пошел, через реку можно ехать*» (Винокур). Особняком стоит слово *оран* — «место, где хранились товары». «*Дак в оране товары хранились. Оран, где хранились товары*,

подрядчик возьмет, обоз отправит» (Уват.) — слово не отмечено в литературных и диалектных словарях.

6. Лексика, обозначающая действия, связанные с товарным извозом:

Слова литературные — *везти, возить, ковать, навязать, выгружаться, завозить, закладывать, ездить, езжать, запрягаться, запрячься, накладываться, наскочить, погрузиться, погрузаться, свертывать* и диалектные слова — *повернуться* в значении «сделать поездку, рейс», *натягать, кимарить* — «дремать в санях», *развытить* — «разделить на выги», *скарбчить* и *удернуть* в значении «украсть», не отмеченные в диалектных словарях. Не отмечено в литературных и диалектных словарях большинство словосочетаний, связанных с товарным извозом: *ехать целиком, ехать горой, вести перед, заработать себе на шею, идти на приквате, наехать себе на шею, подать след, проминать дорогу, резать мысы, рубить пролубь, шаговая езда.*

Интересна по составу группа наречий, связанных с дальним товарным извозом: литературные слова *гусем, гуськом, гусевой* в значении «в упряжке одна лошадь за другой»; слово *горой* в значении «берегом, сухопутной дорогой», противоположное — *рекой, поочередно* — и другие наречия с мотивированным значением.

Таким образом, в говорах северных районов Тюменской области, потрактовых сел старой ветви Сибирского тракта, рано обособившейся от него и живущей самостоятельной жизнью, сложилась богатейшая лексика ямщины (наличие многозначных слов, богатая фразеология — 100 устойчивых словосочетаний) и с прекращением промысла вынуждена была почти в полном составе уйти из активного запаса лексики говоров (76,9% слов лексики ямщины: 575 слов из 747 — устаревшая лексика).

¹ «В 1637 году заселены на нижнем Иртыше два яма: Демьяновский и Самаровский ямщиками из-за Урала». *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 35.

² *Лопарев Х.* Самарово. Село Тобольской губернии и округа (Материалы и воспоминания о его прошлом). СПб., 1892. С. 22.

³ *Григорьев А.Д.* Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия института исследования Сибири. Вып. 6. Томск, 1921.

⁴ *Покишишевский В.В.* Заселение Сибири (Историко-географические очерки), Иркутск, 1951. С. 109.

⁵ *Лопарев Хр.* пишет: «...высшую ежегодную пропорцию для Самаровского яма должно быть 20000 пудов хлеба в хлебных магазинах... места запасов должны быть сообразаемы с потребностью и населением, состоянием урожая и частной торговлей...» См.: *Лопарев Х.* Самарово. Село Тобольской губернии и округа (Материалы и воспоминания о его прошлом). СПб., 1892. С. 26.

- ⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- ⁷ *Зобнин, Николаев, Патканов.* Список тобольских слов и выражений // Живая старина. Вып. 4, СПб., 1899.
- ⁸ *Анучин В.* Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд Енисейской губернии. Красноярск, 1904. С. 44.
- ⁹ *Григорьев А.Д.* Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров. В сб.: Известия института исследования Сибири. Вып. 6. Томск, 1921.
- ¹⁰ *Здесь и далее см.* Список обследованных населенных пунктов в Приложении.
- ¹¹ *Маляревский Г.Я.* Особенности говора крестьян-старожиллов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 28. Тобольск, 1917.
- ¹² Словарь фразеологизмов и других устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск, 1972. С. 70.
- ¹³ *Даль; Лопарев (II)*. С. 15; Материалы. С. 373.
- ¹⁴ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Св. 60. Д. 778. Л. 20.
- ¹⁵ *Маляревский.* С. 8. Словарь фразеологизмов Сибири. С. 20.
- ¹⁶ *Патканов.*
- ¹⁷ *Даль; Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря. СПб., 1844.
- ¹⁸ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.; Л., 1950–1965.
- ¹⁹ Словарь русского литературного языка в 4-х томах АН СССР. М., 1957.
- ²⁰ Словарь русского литературного языка в 4-х томах АН СССР. М.; Л., 1957.
- ²¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. II. Томская губ. М., 1865. С. 58.

V. Прупога. Экология

*Ю.И. Винокуров, Д.Б. Гелашвили,
Г.Н. Гребенюк, Г.П. Краснощекоев,
Г.С. Розенберг, Ф.Н. Рянский*

Мифы и реальность устойчивого развития регионов Сибири

Das Wahre war schon langst gefunden...
Goethe
[Истинное было уже давно найдено...
Гёте («Завещание»)]

Осмысление общественностью второй ипостаси Природы — ее ценности как среды обитания человека — пришло в Россию с Запада. Более ранняя и интенсивная индустриализация развитых стран выявила реальность экологических ограничений развития цивилизации. В 1962 г. проблемы экоразвития были вынесены на обсуждение конференции ООН «Экологическое развитие и охрана природы». В резолюции конференции констатировалось, что сохранение, восстановление, обогащение и рациональное использование природных богатств является долгом всех государств. В ней сформулированы три основополагающих принципа нового этапа развития природоохранного движения:

- целостность окружающей среды, ресурсов, живых организмов;
- необходимость интеграции охраны природы в более широкий круг деятельности — охрану окружающей среды;
- неразрывность охраны окружающей среды и экологического развития.

Таким образом, уже в этом документе была закреплена дифференциация понятий «экология», «охрана природы», «окружающая среда». Изучение последней было развернуто за рубежом в комплекс наук об окружающей среде (environmental sciences), при этом экология сохранила самостоятельность как биологическая дисциплина со своим специфическим предметом исследования (это замечание чрезвычайно важно в условиях «сверхширокого» использования к месту и не к месту понятия «экология»).

Предпосылки возникновения концепции устойчивого развития

Существующий в настоящее время комплекс глобальных экологических проблем возник вследствие осуществления человечеством процессов жизнедеятельности без учета возможностей биосферы

компенсировать антропогенные воздействия, а также в результате выработки стратегии развития исходя из социально-экономических приоритетов. Нарастание глобальных экологических проблем, возникновение локальных кризисов и катастроф антропогенного происхождения, возникновение угрозы выживаемости человечества привели к необходимости пересмотра системы взаимоотношений в системе «природа — человечество», поиску путей их гармонизации. Возможность осуществления такого перехода становится реальной путем выявления причин и выработки механизмов согласования пути развития с объективными законами существования природы и общества.

Социально-экономические предпосылки возникновения парадигмы устойчивого развития

Рассмотрим ряд моментов, которые разные авторы называют в качестве социально-экономических предпосылок возникновения представлений об устойчивом развитии.

1. Господство «философии потребления». На протяжении многих веков человечество придерживалось «ресурсного» пути развития (Горшков и др., 1992), господствовали принципы «потребление ради процветания», «биосфера для человека» и «человек — царь природы». В результате чего возник конфликт в системе «человечество — природа». Сущность конфликта заключается в нарушении и разрушении взаимосвязей как в отдельных природных сообществах, так и в биосфере в целом, в процессе целенаправленной деятельности человечества, что является его отличительной чертой от других представителей биоты. В этом проявляется двойственная природа человека как элемента биосферы: с одной стороны, он является частью биосферы, с другой — человек, как биосоциальное существо, находится в конфликте с ней. Человечество на протяжении своей истории развития использовало биосферу (окружающую природную среду) в качестве источника ресурсов для удовлетворения своих возрастающих потребностей. Результатом такого способа хозяйствования явилось истощение ресурсного потенциала и деградация окружающей природной среды. Существовавшее в XX веке противоборство между капиталистической и социалистической системами способствовало интенсификации использования природных ресурсов и нарастанию глобальных экологических проблем.

2. Господство ресурсоразрушающих технологий. Высокая конкурентоспособность низкоэффективных технологий определялась приоритетом экономической выгоды и иллюзией неисчерпаемости ресурсного потенциала (примеры см.: Ряжский, 2000).

3. Неадекватность механизма ценообразования на природные ресурсы. Главным недостатком системы ценообразования является тот факт, что цены на ресурсы не отражают их

истинной стоимости. Существует неадекватность динамики цен на ресурсы по мере использования возобновимых и исчерпаемости невозобновимых ресурсов (в частности, цены на нефть). К недостаткам системы ценообразования следует также отнести отсутствие системы выплат за сохранение ненарушенных хозяйственной деятельностью территорий и обесценивание «нересурсных» природных ценностей.

4. Проблема «Север—Юг». Суть проблемы «Север—Юг» заключается в специфике взаимоотношений между индустриально развитыми и развивающимися странами (Моисеев, 1997). Доступность и относительно низкий уровень цен на сырье, а также низкая стоимость рабочей силы в развивающихся странах, с одной стороны, и высокий технологический и промышленный потенциал развитых государств, с другой стороны, способствовали возникновению проблемы «Север—Юг». Результатом этого является возникновение конфликта, то есть диспропорции в уровнях экономического развития (в частности, уровень потребления энергии и ресурсов на душу населения в развитых странах Севера превосходит в 10–20 раз уровень потребления в странах Юга).

Данная ситуация породила трудноразрешимые социально-экономические противоречия между этими группами государств. Основная проблема — постоянно возрастающий долг стран Юга, который сформировался как результат низких цен на природные ресурсы, а также недоступности для этих стран высокоэффективных технологий. Возврат задолженности, при сохранении данной ситуации, становится возможным только при условии еще более интенсивной эксплуатации природных ресурсов. Развивающиеся страны в настоящий момент стоят перед проблемой выбора пути своего дальнейшего развития. От разрешения конфликта во взаимоотношениях стран «Север—Юг» во многом зависит глобальный переход мировой системы на путь устойчивого развития. Попытка копирования системы хозяйствования, направленного на достижение уровня потребления, существующего в развитых странах, может привести к катастрофе, так как этот уровень не может быть достигнут в силу ограниченных возможностей биосферы (Горшков и др., 1992).

Экологические предпосылки возникновения парадигмы устойчивого развития

Аналогично рассмотрим экологические предпосылки.

1. Загрязнение окружающей среды, формирование новых техногенных геохимических зон, нарушение биогеохимических циклов как на глобальном, так и на локальных уровнях.

2. Техногенное нарушение целостности поверхности ландшафтов: обезлесивание, опустынивание, заболачивание и др.

3. Уменьшение видового разнообразия мира живых организмов.

4. Проблема качества продуктов питания и питьевой воды: накопление поллютантов в продуктах питания, загрязнение поверхностных и подземных вод.

5. Возникновение экологической патологии: заболевания, генетические отклонения, сокращение продолжительности жизни и др.

Таким образом, на сегодняшний момент состояние глобальной социо-эколого-экономической системы (СЭЭС), сложившееся под воздействием вышеуказанных предпосылок, можно охарактеризовать следующим образом (Горшков и др., 1992; Чепурных, Новоселов, 1996):

— *экологическая подсистема* — антропогенные воздействия на окружающую среду превысили допустимые пределы, происходит разрушение биосферы под воздействием ряда взаимосвязанных процессов: экономический рост — рост населения — рост потребления ресурсов — разрушение окружающей среды — распад генома человека, т.е. экологическая подсистема СЭЭС находится в состоянии нестабильности;

— *социальная подсистема* — господствует философия антропоцентризма; идеология защиты окружающей среды не сформирована; национальные, групповые, партийные интересы преобладают над общечеловеческими; продолжается рост населения, особенно в странах с низким уровнем развития; все это порождает увеличение разрыва в уровне жизни, увеличение количества бедных, рост заболеваемости, увеличивается количество аварий, т.е. социальная подсистема также находится в нестабильном состоянии;

— *экономическая подсистема* — приоритет экономических целей развития (экономическая прибыль, обогащение); экстенсивный характер развития (путь экономического роста); ориентация развивающихся стран на путь развитых государств; отсутствие индикаторов у существующих экономических систем, свидетельствующих о переходе порога допустимых воздействий на окружающую природную среду (снижению ее устойчивости), т.е. экономический рост не обеспечивает стабильности экономической подсистемы и СЭЭС в целом.

В результате сложившейся ситуации возникает опасность экологической катастрофы, уничтожения человечества и значительной части биоты. Перед человечеством встала необходимость определения дальнейшего пути развития, способствующего выходу из кризиса. Обобщая существующие представления о возможных путях дальнейшего развития, можно условно выделить три основных пути развития цивилизации (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика существующих возможных путей развития цивилизации

Пути развития	Биоцентризм	Устойчивое развитие	Антропоцентризм
Основной принцип	Человек для биосферы	Человечество + биосфера = гармонизация отношений	Биосфера для человека
Господствующая философия	Биосфера — единая самоорганизующаяся система. Человечество — часть биосферы	Развитие человечества в согласии с законами развития биосферы	Биосфера — источник ресурсов для удовлетворения возрастающих потребностей человечества
Пути достижения целей развития	«Назад к природе». Предоставление биосфере возможности восстановления своих функций путем отказа от благ цивилизации	«Вместе с природой». Осознанные ограничения на потребление ресурсов биосферы. Удовлетворение потребностей с учетом возможностей биосферы	«Вперед к природе». Обеспечение «процветания» человечества за счет технологического и технического прогресса

1. *Антропоцентризм* — путь развития, по которому человечество двигалось и движется сегодня. Данный путь на определенном этапе развития создает иллюзию процветания, экономического благополучия. Господствующей философией является «философия потребления», т.е. человечество при удовлетворении своих возрастающих потребностей не учитывает возможностей окружающей природной среды, потребностей последующих поколений. С теоретической точки зрения, базируясь на естественно-научной основе представлений о законах, закономерностях, принципах развития, можно утверждать, что данный путь приводит к исчерпанию ресурсов и гибели человечества (Виноградов и др., 1994).

2. *Биоцентризм*. Предполагаемый с данной точки зрения возврат к эволюционно сложившейся оптимальной структуре биогеохимических циклов с теоретической точки зрения невозможен. Этот путь развития, как и предыдущий, в своих крайних проявлениях утопичен (Котляков, 1994).

3. *Устойчивое развитие*. В поисках выхода из создавшегося критического положения, в котором оказалось человечество, все

большее количество ученых и политиков склоняются к пути, который обозначают как «устойчивое развитие» («sustainable development»). Основным принципом этого пути развития провозглашается гармонизация взаимоотношений человека и биосферы. В соответствии с декларацией концепции развития, провозглашенной на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., под устойчивым развитием следует понимать создание социально-ориентированной экономики, основанной на разумном использовании ресурсной базы и охране окружающей природной среды, не подвергая риску возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности (Розенберг и др., 1996; Данилов-Данильян, Лосев, 2000; Лосев, 2001).

Напомним, что в 1983 г. по инициативе генерального секретаря ООН и в соответствии с резолюцией 38/161 Генеральной Ассамблеи ООН была создана Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР), которую возглавила премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брундтланд. Эта комиссия была призвана вскрыть проблемы, объединяющие экологическую и социально-экономическую озабоченности в разных регионах мира. В 1987 г. был опубликован доклад МКОСР «Наше общее будущее» [«Our Common Future (The Brundtland Report)»]. В составлении и обсуждении этого доклада приняло участие 823 специалиста и 84 организации (по данным, приведенным в русском переводе доклада; Наше общее... 1989. С. 324–359). Среди приглашенных специалистов больше всего было канадцев (30%), бразильцев (9%) и россиян (6,5%). Среди отечественных ученых были академики В.Е. Соколов (член МКОСР), Н.Н. Моисеев, В.А. Легасов, Р.З. Сагдеев, И.Т. Фролов, Ю.А. Израэль и др.

Через этот доклад в обиход вошло понятие «sustainable development». В 1989 г. доклад был издан у нас в стране, и это понятие перевели как «устойчивое развитие» (редакторы перевода С.А. Евтеев и Р.А. Перелет). Еще раз заметим, что данный перевод весьма неудачен (вспомним хотя бы слова Б. Шоу: «Постоянна только изменчивость, а устойчива лишь смерть»). Правильнее было бы перевести sustainable development как «допустимое развитие» (Моисеев, 1997), «самоподдерживаемость», «не истощающее развитие» или «развитие, сохраняющее целостность».

Отметим, что понятие «устойчивое развитие» имеет три различающихся группы определений (Gatto, 1995):

— поддерживаемая продуктивность (урожай) биологических ресурсов (определение *прикладного биолога*);

— поддерживаемое биологическое разнообразие отдельных видов в экосистемах, подвергающихся эксплуатации или находящихся под тем или иным антропогенным воздействием. (определение *эколога*);

— поддерживаемое экономическое развитие, не подвергающее угрозе существующие ресурсы для будущих поколений (определение *экономиста*).

Более того, как было показано М. Гатто (*Gatto, 1995*) все эти определения противоречивы. Так, квотируемость биологических ресурсов при существующем росте народонаселения, падении уровня благосостояния и резких колебаниях факторов антропогенно нарушенной окружающей среды не позволяет ожидать достижения устойчивого развития (примерами могут служить истощение запасов перуанских анчоусов, североморской сельди, практическое уничтожение стадов усатых китов и пр.). Все это приводит к выводу о том, что «...потребление (*возобновляемых ресурсов*. — **Ремарка наша**) должно быть уменьшено до уровня намного ниже максимального уровня урожая, чтобы компенсировать ожидаемые и неожиданные изменения обилия» (*Ludwig, 1993. P. 556*).

Экологический аспект этой проблемы (поддерживать не урожай, а разнообразие и численность животных и растений на некотором «устойчивом» уровне) также весьма спорен. Популяциям и экосистемам свойственны динамические (флуктуационные, сукцессионные и эволюционные) изменения, что делает сам факт достижения «устойчивости» относительным. Можно, конечно, определить это состояние следующим образом: «устойчивость — ряд установок, которые не *существенно* влияют на естественные колебания и процессы в экосистемах» (*Rubenstein, 1993. P. 586*); но в этом определении критическим является значение слова «существенно», научное согласие по содержанию которого недостижимо.

Что касается третьего, экономического определения «устойчивого развития», то имеется столько же определений, сколько и различных экономических школ. При этом в узком смысле экономическое развитие определяется в традиционных понятиях как реальный валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения или реальное потребление на душу населения. Р. Тюрнер (*Turner, 1993*) определяет устойчивое развитие как такое максимальное развитие, которое может быть достигнуто без уменьшения капитальных активов нации, которые являются ее основными ресурсами. Далее Р.Тюрнер различает *слабую устойчивость* (постоянство во времени полного запаса капитальных активов) и *сильную устойчивость* (то, что, собственно, и должно называться экологической экономикой) — сохранение полного запаса капитальных активов при сохранении естественно-природного капитала. Но и в этом случае в противоречие вступают рост ВНП и постоянство капитальных и природных активов (за счет чего будет осуществляться рост?).

В настоящее время существует более 50 определений устойчивого развития, и количество их продолжает расти (*Данилов-Дани-*

льян, Лосев, 2000; Лосев, 2001). Это отражает как сложность самого понятия, заключающего социальные, экономические и экологические аспекты развития человечества, так и несовпадение взглядов представителей разных слоев сообщества — научных, политических, предпринимательских.

Наиболее распространены различные варианты определения, предложенного на конференции в Рио.

«Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Концепция устойчивого развития действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организацией, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности... Устойчивое и долговременное развитие представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями. Мы не утверждаем, что данный процесс является простым и беспрепятственным. Болезненная процедура выбора неизбежна. Таким образом, в конечном счете в основе устойчивого и долговременного развития должна лежать политическая воля» (Наше общее... 1989. С. 20). Справедливости ради заметим, что нечто подобное писал и Лев Толстой: «Жизнь истинная есть только та, которая продолжает жизнь прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей».

При разнообразии акцентов, квинтэссенция этого рода определений сводится к прогрессивному развитию, не ведущему к необратимым изменениям биосферы (осуществляемому в пределах ее экологической емкости), к истощению невозобновимых ресурсов, обеспечивающему равные возможности для будущих поколений человека. Такое определение должно исходить (Урсул, 1997. С. 90) из равенства антропо- и биосфероцентрических подходов, то есть не допускать деградации ни цивилизации, ни биосферы — это «...стратегия выживания и непрекращающегося развития цивилизации (и страны) в условиях сохранения окружающей природной среды». Подобные определения отражают гуманистическую сущность концепции. Для научных кругов идея устойчивого развития — бифуркация эволюции человека, переход к «коэволюции человека и природы», а биосферы в новое качество — ноосферу. Высказывается также мысль о том, что с переходом к устойчивому развитию следует

пересмотреть взгляд на эволюцию: полностью отказаться от дарвиновского видения эволюции как стихийного процесса борьбы за существование, конкуренции за ресурсы, заменив его прогнозируемой (а посему и плановой) эволюцией на основе кооперации и взаимодополняемости «...как в отношениях между людьми, так и в отношении человека с природой» (Голубев, 1997. С. 1107).

Для предпринимательских кругов суть устойчивого развития иная — «...это возможность работать без политических потрясений и переустройства общества» (Вахирев, 1997. С. 18). Философ А.И. Ракитов (1997. С. 1061) поясняет, что устойчивое развитие — «...финансовая стабильность, минимизация социальных конфликтов, спад социально-политической напряженности; неуклонный подъем производства и обслуживания, улучшение инвестиционного климата, четкая работа государственных и региональных институтов, обеспечивающих права человека и гарантирующих безопасность граждан и организаций». Такая интерпретация — «обратная» сторона концепции устойчивого развития, отражающая интересы не всего человечества, а правящих кругов как во внутренней, так и внешней политике. Она особенно привлекательна для транснациональных корпораций, получающих возможность достигать свои интересы, «управляя» развитием стран третьего мира путем предоставления финансовой помощи на определенных условиях; для лидирующих развитых стран — принципы Рио позволяют им поддерживать и укреплять ценой относительно небольших, к тому же добровольных затрат сложившееся неравенство; для правителей развивающихся стран — оправдывая невозможность достижения уровня жизни развитых стран. Так, по мнению экс-президента России, концепция «...может стать стержневой в процессе общероссийской консолидации, в которой мы так сейчас все нуждаемся». Не вторая мировая война, но все же угроза всему человечеству, перед которой россияне вновь должны сплотиться, чтобы спасти цивилизацию... На такую мысль наводят и многочисленные утверждения об особой роли России в решении глобального экологического кризиса, высказываемые как экологами, общественными деятелями, политиками, так и различного рода провидцами, экстрасенсами, философами религиозного толка. «Россия должна сыграть в переходном периоде к устойчивому развитию одну из ведущих ролей в мире» (Черномырдин, 1997. С. 13). К сожалению, за этими лозунгами практически не кроется никакого реального содержания.

Блестящей иллюстрацией некачественности политиков в сфере устойчивого развития и отношения к нему со стороны властей является скандал в Государственной думе вокруг этого вопроса. Как сообщила газета «Комсомольская правда» от 13 марта 1998 г., «...Жириновский неведь с чего (и правда, с чего бы? — **Ремарка наша**) привязался к президентскому указу двухлетней давности об обеспечении устойчивого развития России, требуя создать комис-

сию по проверке его выполнения». Объяснения, что «указ касается только экологии», на В.В. Жириновского не действовали — представители власти, очевидно, забыли, что документ готовился Минэкономики и касается всех сфер развития государства. Представитель президента в Госдуме А. Котенков «...демонстративно порвал подsunутые ему ксерокопии газеты «Президент» с указом и изложением концепции» (как объяснил В.В., они не нашли официального текста концепции). В результате разразился скандал с «окроплением» депутатов минеральной водой. Про «концепцию» и ее проверку никто больше не вспомнил...

С другой стороны, положительный пример использования «предпринимательских ресурсов» для достижения целей устойчивого развития крупного региона дает Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО; Рясский, 2000).

Таким образом, устойчивого развития предполагается достичь с помощью *сознательного* ограничения в удовлетворении потребностей человечества, минимизации возмущающего (до порогового уровня) воздействия на биосферу, используя способности биосферы к самоорганизации и основываясь на современных достижениях науки, техники и технологии.

С нашей точки зрения, данный путь (также в меру утопичный) представляется все же пока единственно возможным, однако для его реализации необходима разработка теоретических и практических основ устойчивого развития, адаптированных к условиям конкретных территорий (региональный подход). Устойчивое развитие требует формирования новых механизмов управления как на глобальном, так и на региональном уровнях. Для осуществления перехода на путь устойчивого развития должны измениться его приоритеты, цели, общечеловеческие ценности. Как следствие последуют кардинальные демографические, социально-экономические, культурные, политические и другие трансформации.

«Возрождение России, переход на модель устойчивого развития — это подход системной концепции, выявление условий и возможностей новой ориентации страны и цивилизации, определение структур, средств и путей оптимизации управления на глобальном, федеральном и региональном уровнях на длительную перспективу, модель социоэкологического развития. При этом необходима тщательная разработка новых механизмов управления экологическими процессами» (Урсул, 1994. С. 105–106).

Принципы устойчивого развития СЭЭС различных уровней организации и пространственного масштаба

Термин «социо-эколого-экономическая система» (СЭЭС) используется в данной работе для обозначения систем различных уровней

организации: глобального — биосфера, регионального — Россия, Волжский бассейн, Тюменская область — и локального — Самарско-Тольяттинская агломерация, система нефтяных месторождений. Под этим термином подразумевается вся совокупность образований биологической, географической, экономической и социальной природы, в основу которой положен принцип сбалансированности, обуславливающий рассмотрение СЭЭС как единого целого.

В настоящее время в литературе встречается большое число определений сходных понятий, базирующихся на комплексном подходе к рассмотрению систем данного уровня сложности: «природно-хозяйственная территориальная система» (ПХТС), «эколого-экономическая система» (ЭЭС), «эколого-экономический район» (ЭЭР), «территориальная социально-экономическая система» (ТСЭС) и «территориальная общественная система» (ТОС), «природный территориальный комплекс» (ПТК), «социально-экономическая система» (СЭС), «комплексная эколого-экономическая система» (КЭЭС) и некоторые другие, используемые для описания взаимодействий в системе «природа — человек — экономика». В этом ряду СЭЭС относится к классу открытых сложных динамических систем, в которой можно выделить три основные подсистемы: социальную, экологическую (биосферную) и экономическую.

Социальная подсистема включает в себя демографический, идеологический, юридический, культурный, морально-этический, социально-политический элементы.

Экологическая подсистема может рассматриваться на различных уровнях иерархии экосистем (от биосферного до локального уровня) и характеризуется ее качественными и количественными показателями (биологическими, климатическими, ландшафтно-географическими и др.).

Экономическая подсистема представляет собой совокупность производственных отношений, характеризующуюся определенным способом производства, формами и методами ведения хозяйства, формами собственности, денежными потоками и пр.

Данные подсистемы находятся в тесном взаимодействии между собой и окружающей их внешней средой, обмениваясь с ней потоками вещества, энергии и информации.

Большинство процессов, протекающих в СЭЭС, не имеет количественной меры и определяется только *качественными* показателями. При исследовании СЭЭС необходимо учитывать, что информация о процессах имеет *запаздывающий* характер. *Неопределенность* развития систем и неполная наблюдаемость происходящих в них процессов являются основными проблемами информационного обеспечения принятия управляющих решений в СЭЭС. Для таких сложных систем, как СЭЭС, характерно также наличие

следующих свойств: *неаддитивность, эквивифиальность, целенаправленность, эмерджентность, компартиментизация*, стремление к созданию и поддержанию *состояния гомеостаза*, определенная степень *открытости* системы и *взаимосвязь* (чаще всего нелинейного типа) между элементами системы.

Особую роль играет свойство *устойчивости* (Розенберг, 1986), так как необходимо выявление предельно допустимых нагрузок на экологическую подсистему, превышение которых ведет к катастрофам, разрушению всей СЭЭС. Широкое использование термина устойчивости в различных дисциплинах (физике, экологии, системологии, термодинамике, теории катастроф, экономике, социологии, экономической географии и др.) привело к специфическим определениям этого понятия, зависящим от области знания. Устойчивость является важнейшим свойством сложных систем, так как оно обуславливает их жизнеспособность, адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды.

Для сложных систем, к которым относится и рассматриваемая нами СЭЭС, определяющими устойчивостью являются в разной степени активные формы устойчивости. В существующей иерархии сложных систем наблюдается тенденция к понижению устойчивости при переходе от физико-биологических систем к социальным и техническим, причем в отличие от последних в биологических системах с ростом сложности устойчивость возрастает (Флейшман, 1982; Трофимов и др., 1996; Трофимов, Любарский, 1996). В основе этого лежит *неаддитивность* важнейших свойств биологических систем, связанная с их эмерджентностью. Устойчивость системы в разных ситуациях может быть рассмотрена как инвариант: состояние системы или структура, способ функционирования или траектория саморазвития. Выбор инварианта зависит как от свойств системы, так и от цели развития. Устойчивой является система, способная сохранять инвариант в течение времени, которое превышает время смены инварианта (переходного процесса; Горшков и др., 1992; Трофимов, Любарский, 1996).

Устойчивое состояние СЭЭС с точки зрения естественных законов — это «...способность динамической системы сохранять движение по намеченной траектории развития (поддерживать намеченный режим функционирования), несмотря на воздействующие на нее возмущения» (Ченурных, Новоселов, 1996. С. 11). Таким образом, можно сказать, что для такой сложной системы, как СЭЭС, характерна динамическая структурная устойчивость, сохраняемая непрерывной заменой элементов этих систем, обуславливаемая буферностью, саморегуляцией, скоростью развития, фазой развития системы.

Устойчивость СЭЭС определяется устойчивостью ее экологической подсистемы, которая является основополагающей по отношению к социальной и экономической подсистемам (рис. 1).

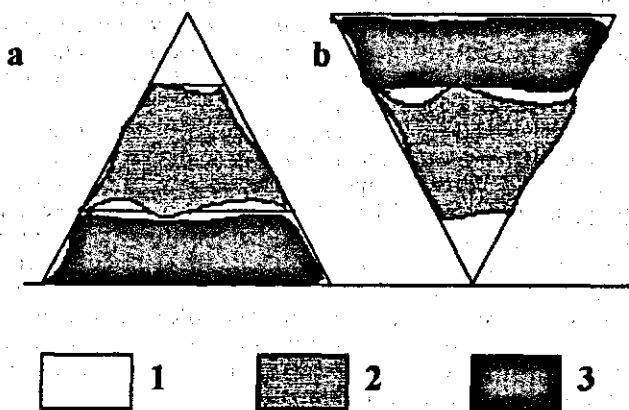

Рис. 1. Устойчивое (а) и неустойчивое (б) состояния СЭЭС, возникающие при различных приоритетах развития системы:

1 — экономическая подсистема; 2 — социальная подсистема; 3 — экологическая подсистема

В настоящее время развитие СЭЭС подчиняется экономическим приоритетам (рис. 1б), что приводит СЭЭС в неустойчивое состояние. Очевидно, что для обеспечения устойчивого развития СЭЭС необходима смена приоритетов развития с экономических на экологические, так как только при условии обеспечения устойчивости экологической подсистемы становится возможным обеспечение устойчивости двух других подсистем. То есть антропогенные воздействия на экологическую подсистему не должны превышать допустимых пределов ее запаса устойчивости. Таким образом, для обеспечения перехода на путь устойчивого развития необходимо осуществлять управление развитием в соответствии с состоянием экологической подсистемы исследуемой СЭЭС, то есть в соответствии с экологическими ограничениями или пределами устойчивости (Флейшман, 1982; Трофимов и др., 1996; Бобров, 1997).

Рассматривая свойства устойчивости СЭЭС в целом, необходимо определить условия, обеспечивающие устойчивость ее подсистем.

Устойчивость экологической подсистемы СЭЭС — это признак необходимости ограничений, определяемых условиями сохранения окружающей природной среды (антропогенные воздействия не должны нарушать процессы самоорганизации биосферы): сохранение видового разнообразия, структурной и функциональной составляю-

пих сообществ в течение характерного интервала времени; для популяций — отсутствие резких колебаний численности, способных привести популяцию к гибели; что определяется не только биотической, но и абиотической составляющей. Особо важным представляется сохранение функционирования и направленности биогеохимических циклов и потоков энергии, вещества, информации (*Горшков и др., 1992*).

Устойчивость экономической подсистемы СЭС — поддерживаемое экономическое развитие, не подвергающее угрозе удовлетворение потребностей в ресурсах для будущих поколений, то есть поддержание сбалансированности круговоротов вещества и потоков энергии и информации между социальной и экологической подсистемами; взаимосвязи между экономическими процессами, осуществляемыми в процессе круговорота (циркуляции) товаров, ресурсов и денежного дохода и расхода. Особую значимость приобретает адекватность системы ценообразования на природные ресурсы, призванной выполнять роль основного механизма регуляции взаимоотношений между потребностями «социальной подсистемы» и возможностями «экологической подсистемы» (*Gatto, 1995; Кондратьев, 1996*).

С социальной точки зрения, устойчивость человечества определяется: поддержанием динамики численности населения (демографической устойчивости) за счет механизмов регуляции (например, путем поддержания этнического разнообразия человечества); минимизацией зависимости от неблагоприятных условий окружающей среды; обеспечением равноправия, социальной справедливости и благополучия; уровнем жизни и культурного развития (*Кондратьев, 1996*).

Кибернетический закон У.Р. Эшби гласит: если одна подсистема в системе ведет себя не согласуясь с другими — устойчивость системы нарушается. Несогласование целей развития экономической подсистемы с возможностями окружающей природной среды, господство приоритета «экономической выгоды» способствовали потере устойчивости всех подсистем СЭС. По мнению Н.В. Чепурных и А.Л. Новоселова (1996), проблема устойчивого развития учитывает два ключевых аспекта: потребности общества в удовлетворении основных нужд, с одной стороны, и ограничения.

Поддержание устойчивости СЭС осуществляется посредством совершения пространственно-временных периодических флуктуаций в системе, которые характеризуют динамику ее развития. Для экологической подсистемы — поддержание биоразнообразия, замкнутости биогеохимических циклов, непревышение допустимого порога антропогенных воздействий, обусловленного социальной и экономической составляющими; для экономической подсистемы — флуктуации совокупного спроса от совокупного предложения (рыночный механизм в экономике, аналогично природному рынку, выполняет регу-

лирующие функции взаимоотношений; *Моисеев, 1996*); для социальной подсистемы — периодические флуктуации численности населения, общественных явлений и процессов (смена политических приоритетов, нравственно-ценностных установок и пр.).

Выполненный ранее (*Розенберг, Краснощеков, 1995; Розенберг и др., 1998*) критический анализ некоторых из предложенных в последнее время концепций и представлений об устойчивом развитии России позволяет сделать три принципиальных, на наш взгляд, замечания.

1. Все предлагаемые концепции — «линейны», а не «объемны», то есть они написаны для России в целом без представлений о том, как будут реализовываться «на местах».

2. Отсутствует четкое представление об объемах и источниках финансирования такого рода изменений в жизни страны, ее регионов и городов.

3. Практически отсутствует описание механизмов реализации этих концепций.

Любая «Концепция устойчивого развития» интегрирует в себе экологическую, экономическую и социальную сферы и является прежде всего политическим документом, для успешной реализации которого необходимо последовательное проведение демократизации управления и соблюдение следующих принципов (*Розенберг и др., 1998*).

Принцип иерархической организации. Основываясь на рассмотрении биосферного пути развития мира (восстановления биоты в объеме, необходимом для реализации устойчивого развития), следует выделить уровни:

1) планета Земля — общие («рамочные») принципы устойчивого развития (см., например, программные документы конференции в Рио-92; Программа действий, 1993);

2) страна, федерация — совокупность территорий, объединенных единством законодательной, экономической, нормативной баз для реализации принципов устойчивого развития (пример — указ президента РФ от 01.04.96 № 440 об утверждении Концепции перехода России к устойчивому развитию);

3) регион — объединение нескольких областей на основе добровольного сотрудничества в использовании ресурсов, организующегося преимущественно на определенном единстве природных условий (прежде всего бассейн крупной реки или его часть, природно-климатическая зона, морское побережье, крупные месторождения полезных ископаемых); в качестве примера может служить Федеральная целевая программа (ФЦП) «Оздоровление экологической обстановки на р. Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна («Возрождение Волги»); разработанная по поручению правительства РФ от 10.01.95 г. № АЗ-П-9-00611;

4) *область, автономия* — минимальная административная единица, включающая разнообразные по ландшафтам, степени антропогенной трансформации, характеру использования территории (как правило, в пределах одной экологической зоны) и обеспечивающая удовлетворение основных потребностей населения за счет собственных ресурсов (пример — ФЦП «Социально-экологическая реабилитация территории Самарской области и здоровья ее населения», принятая постановлением правительства РФ от 14.11.96 г. № 1353);

5) *крупные и средние города* — минимальные СЭЭС, способные самостоятельно решать проблемы устойчивого развития в рамках урбозосистем (создание «ноосферного каркаса городов»; пример — «Концепция экологической безопасности и устойчивого развития города Тольятти», принятая решением Тольяттинской городской Думы от 13.09.95 г. № 145 или ФЦП «Социально-экологическая реабилитация территории и охрана здоровья населения г. Чапаевска Самарской области», принятая постановлением правительства РФ от 21.06.96 г. № 720).

Каждый уровень иерархической организации территории решает задачи в пределах своей компетенции, в основном за счет собственных сил и средств, оказывая методическую и консультативную помощь нижележащим уровням и представляя интересы последних перед более высокими уровнями иерархии.

Принцип единства целей. Деятельность всех уровней иерархии объединяется единством целей, которые могут быть сформулированы в следующем общем виде:

1) обеспечение мира и безопасности (в том числе социальной и экологической), здоровья и полноценного воспроизводства населения на своей и сопредельной территории;

2) рациональное, экологически сбалансированное природопользование для удовлетворения основных материальных, духовных и иных потребностей всех членов сообщества данной территории с учетом потребностей последующих поколений и без ущерба окружающей среде за пределами ее границ; город, область, страна должны компенсировать причиняемый ими ущерб соседним территориям;

3) охрана естественных и антропогенно измененных, но еще устойчивых ландшафтов, разнообразия растительного и животного мира, реконструкция нарушенных ландшафтов для сохранения устойчивого состояния биосферы в целом.

Конечной целью развития территорий любого уровня иерархии является достижение принципов устойчивого развития, сформулированных в Рио-де-Жанейровской Декларации по окружающей среде и развитию; в процессе достижения этих принципов отклонения должны по возможности компенсироваться на следующем уровне иерархии. Работа по достижению этих целей организуется органа-

ми самоуправления территорий, контроль эффективности обеспечивается не ведомственными или центральными властными структурами, а населением территории.

Принцип последовательной экологизации всех сфер жизнедеятельности территории. Ресурсы каждой территории находятся в собственности и распоряжении ее населения и используются для удовлетворения основных материальных, духовных, эстетических потребностей, обеспечения здоровья населения, полноценного его воспроизводства и достижения целей устойчивого развития — это является основой экологизации всех сфер жизнедеятельности территории. Естественные природные ландшафты объявляются национальным достоянием, и в них устанавливается специальный режим природопользования. Использование их для иных целей допускается в исключительных случаях, при отсутствии альтернативных (даже более дорогих) возможностей.

Принцип «управление — для населения». Управление территориями строится на принципе передачи местным органам максимально возможных, а центральной власти — необходимых полномочий в принятии решений, а также на основе достижения общественного согласия по наиболее существенным вопросам, затрагивающим интересы всего населения или отдельных групп.

Органы управления территориями имеют все полномочия для прекращения деятельности предприятий и производств, независимо от форм собственности, представляющих угрозу для здоровья населения, а также применения «отлагательного вето» на решения вышестоящих органов управления, способных нанести ущерб окружающей среде, до проведения дополнительных и независимых экспертиз. Проекты с неясными или непредсказуемыми экологическими последствиями не принимаются к реализации до получения убедительных доказательств их осуществления без ухудшения среды обитания.

Принятие характера изменения экологической ситуации в территории в качестве приоритетного критерия оценки деятельности руководителей всех уровней в пределах их компетенций.

Принцип единого контроля и доступности информации. Необходимо создание в территориях комплексных, автоматизированных, межведомственных информационно-управляющих систем экологического мониторинга (МИУСЭМ), обеспечивающих сопряжение федеральных, региональных, муниципальных и производственных служб контроля окружающей среды и безвозмездный обмен информацией для обеспечения нужд органов самоуправления, бюджетных организаций и общественных объединений. В крупных городах («ноосферный каркас городов») в рамках МИУСЭМ должны быть созданы информационно-аналитические центры.

Население имеет право получать любую информацию, касающуюся экологической обстановки; органы управления поощряют информированность и участие населения в решении проблем устойчивого развития территории. Любой род деятельности открыт для служб экологического контроля всех уровней.

Принцип финансирования программ устойчивого развития. Этапность выполнения программ устойчивого развития территорий любого масштаба следует напрямую связать с выделением в защищенных разделах бюджетов территорий (страны, области, города) отдельной строкой расходов на охрану окружающей природной среды в объемах:

— I этап — не менее 3% расходной части бюджета (этот пункт первыми и пока единственными в России уже с 1993 г. выполнен Самарской областью и с 1994 г. — гг. Самара и Тольятти);

— II этап — не менее 5% расходной части бюджета;

— III этап — не менее 7% расходной части бюджета.

Принцип осуществимости концепции. На каждом иерархическом уровне для достижения устойчивого развития необходима реализация следующих систем обеспечения концепции:

— законодательно-правовой и нормативной;

— экономической;

— контрольно-информационной (мониторинговой);

— научной;

— просветительно-образовательной;

— материально-технической и трудовых ресурсов;

— организационной.

Прогнозирование и управление развитием СЭЭС

Не надо убеждать читателя в важности этого этапа исследования сложных СЭЭС. Продемонстрируем только один результат ошибочности прогнозов в рамках проекта «Большая Волга», разработанного еще в 30-х годах XX века (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные и реальные величины уловов в Волге до и после реконструкции, тыс. т (Копытцева, 1996. С. 10)

До реконструкции			После реконструкции	
Год	Улов	Прогноз	Год	Улов
1930	23,7	50,0	1990	12,6
1934	19,3	50,0	1991	13,7
1938	12,2	45,0	1994	6,6

Правда, эта таблица свидетельствует о том, что и резкого падения рыбопродуктивности не произошло (мы не рассматриваем структуру

уловов) — падение уловов после 1991 г. требует специального анализа (оно скорее связано с перестройкой экономики). Следует также учитывать, что загрязнение Волги, по сравнению с уровнем 1938 г. многократно возросло. «Обвальное» падение уловов осетровых в последние годы (с 16,8 тыс. т в 1983 до 2,0 тыс. т в 1994 г.) связано с политоксикозом вследствие загрязнения — только в 1988 г. погибло 8,5 тыс. производителей (газета «Зеленый мир», 1995, № 33).

Для современного состояния экологического прогнозирования характерны четыре основных принципа (Розенберг, 1984; Брусиловский, 1985):

1) принцип множественности моделей был предложен В.В. Налимовым и заключается в том, что для прогнозирования конкретной экологической ситуации возможно построение нескольких одинаково достоверных математических моделей;

2) принцип omnipotentности факторов также предложен В.В. Налимовым; суть его сводится к тому, что существуют факторы (они-то и называются omnipotentными, т.е. всемогущими), которые вчера и сегодня не играли никакой значимой роли в динамике той или иной сложной системы, но могут оказывать на нее определяющее воздействие завтра [классическим примером проявления omnipotentности можно считать все гидробиологические прогнозы развития равнинных водохранилищ, которые «не заметили» эффекта цветения водоемов (ни один прогноз!), хотя к их построению привлекались лучшие специалисты];

3) принцип контринтуитивного поведения сложных систем был предложен американским исследователем Дж. Форрестером; причинами такого поведения являются объективная сложность экосистем, субъективность наших знаний и уже названный принцип omnipotentности факторов (примеров контринтуитивного поведения СЭЭС — огромное количество, и можно смело утверждать, что экологический кризис сегодня во многом «обязан» проявлению этого принципа);

4) принцип несоответствия точности и сложности, который предложил Л. Заде и который формулируется следующим образом: понятия «точности» и «сложности» при прогнозировании структуры и поведения СЭЭС связаны обратной зависимостью — чем глубже анализируется реальная СЭЭС, тем менее определены наши суждения о ее поведении.

Таким образом, несмотря на то, что правдоподобных моделей одной и той же СЭЭС можно предложить несколько (первый принцип), ни одной из них нельзя безоговорочно доверять (второй принцип), как нельзя доверять и экспертам (третий принцип). Более того, высокие требования к точности эколого-экономического прогнозирования вообще представляются недостижимыми (четвертый

принцип). Если вспомнить еще об уникальности экосистем, невозможности их редукции, сложности проведения системных экспериментов над СЭЭС, значительной погрешности и малочисленности измерений многих экологических, экономических и социальных параметров (так, традиционны временные ряды наблюдений в 10–20 значений), неполноте наших знаний о механизмах функционирования этих сложных систем, то становятся понятны сомнения ряда специалистов относительно возможностей эколого-экономического прогнозирования вообще.

Однако необходимость в достаточно надежных эколого-экономических прогнозах становится все более острой, растет число их возможных потребителей.

Качество и тип любой модели (предиктора) для прогнозирования структуры и поведения экологических систем и СЭЭС определяются следующими обстоятельствами (Брусиловский, 1985):

- целью исследования;
- объемом знаний об исследуемой системе, находящихся в распоряжении модельера;
- объемом ресурсов, имеющихся в распоряжении модельера (например, количеством времени, отведенным на разработку модели, типом ЭВМ, числом системных программистов и т.п.);
- парадигмой, к которой принадлежит модельер (имитационная, самоорганизующаяся, статистическая, эскизная и пр.);
- опытом и талантом модельера.

Для эффективного функционирования системы экологического прогнозирования необходимо алгоритмическое и программное обеспечение, которое бы позволяло:

- работать с небольшими выборками данных, полученных со значительной погрешностью;
- использовать приемы борьбы с omnipotentностью факторов;
- учитывать неформальное знание и видение одного и того же феномена с помощью целого множества различных и более-менее равноценных моделей, возможную «разношкальность» предикторов, отсутствие унифицированной и общепризнанной методики оценки их качества;
- быть гибким по отношению к новой информации.

Новая методология прогнозирования (Брусиловский, Розенберг, 1983; Брусиловский, 1985) реализована в рамках экспертной системы «REGION», созданной для оценки устойчивого развития территорий разного масштаба (см. далее).

Однако любой прогноз сам по себе не имеет самостоятельной ценности — он становится важным в системе принятия решений и управления сложными системами. Эффективность управления, качество осуществления процесса регулирования развитием системы

характеризуются величиной отклонения ее от состояния динамического равновесия. В устойчивых системах отклонения достаточно малы, что обеспечивается действием механизма обратных связей и осуществлением оперативного управления, стремящихся уменьшить возникшее отклонение. Если в процессе управления системой не учитываются обратные связи или оперативность процесса принятия управляющего решения снижена, то отклонение может достичь критического и даже катастрофического значения. По мере нарастания конфликта система, продолжая оставаться управляемой, может оказаться неспособной к возвращению на прежний уровень (Армаид, 1995; Люри, 1997).

Важно также учитывать, что для СЭЭС различных уровней организации и масштаба характерно осуществление процесса управления посредством сочетания природной самоорганизации и управления, характерного для социальных процессов (возможность осуществлять сознательный выбор определенной цели развития, корректировать ее; интенсифицировать процесс самоорганизации, повышая адаптивные свойства системы и эффективность управления; способность предвидеть [эффект перспективной активности] последствия управления (Флейшман, 1982; Розенберг, 1984). Так как выбор, осуществляемый человеком, может не соответствовать законам природы и, следовательно, приводить к возникновению предпосылок и самих кризисов и катастроф, любой момент времени для социальной подсистемы СЭЭС потенциально катастрофичен («Возрождение Волги» — шаг, 1996).

По мнению Н.Ф. Реймерса и Н.П. Федоренко (цит. по: Трофимов и др., 1996), цель управления СЭЭС заключается в осуществлении процессов регуляции воспроизводства ресурсов для обеспечения сбалансированности имеющихся в системе потоков вещества, энергии, информации; в воздействии на определенные формы саморегуляции системы более высокого уровня. В.С. Столбова с соавторами (1996) и Г.А. Фоменко (1996) подчеркивают особую значимость обеспечения в процессе управления сбалансированности воспроизводства экономически, социально, экологически обоснованных пропорций ресурсов с учетом иерархической территориальной соподчиненности для перехода на путь устойчивого развития. Проблема перехода к устойчивому развитию для каждого региона состоит в том (Розенберг, 1994), чтобы развитие социальной и экономической подсистем СЭЭС происходило в пределах возможностей экологической подсистемы территории с учетом специфики характера проблем как регионального, так и глобального уровня. Таким образом, принятие научно обоснованных управляющих решений посредством разработки и реализации превентивных мер обуславливает возможность осуществления эффективного процесса управления, направленного на ус-

тановление разумного динамического компромисса с целью обеспечения оптимальной траектории развития системы, предотвращения возникновения кризиса, катастрофы.

Новая парадигма или развитие «старой»?

В основном документе конференции Рио-92 — «Повестке дня на XXI век» — основополагающими ориентирами новой парадигмы «устойчивого развития» были определены равновесие (баланс) экологической, социальной и экономической составляющих СЭС. Ключевые моменты конкретных действий заключаются в системном подходе к разработке концепции устойчивого развития на всех уровнях, признании и учете сложной совокупности взаимосвязанных социальных, экономических, экологических, политических, духовно-нравственных, межнациональных и других процессов, происходящих во всяком обществе. На конференции и в последующих документах настойчиво звучит мысль о том, что реализация концепции устойчивого развития требует серьезной корректировки жизненных ценностей. Наиболее болезненно воспринимается стержневая составляющая такой корректировки: погоня за максимальной прибылью — фундамент рыночной экономики — не может рассматриваться далее как главная движущая сила развития общества.

Прошло уже десять лет после конференции в Рио, однако говорить о смене парадигмы развития всей цивилизации и образа жизни всего человечества, ждать практических результатов еще преждевременно. Основным достижением последних лет можно назвать широкое распространение самой идеи устойчивого развития и, соответственно, разработку планов, концепций, стратегий устойчивого развития во многих странах мирового сообщества. В настоящее время такие планы разработаны более чем в 120 странах, в том числе и в России. Безусловно, программы каждой страны отражают национальную специфику. И все же каждая такая программа должна нести в своем содержании основные требования идеологии устойчивого развития.

Одним из ярких приверженцев и пропагандистов концепции устойчивого развития в России был академик В.А. Коптюг. Именно из его уст многие из российских ученых узнали о ходе работы МКОСР, конференции и ее решениях, именно он убеждал общественность в необходимости поиска регионального пути решения проблем устойчивого развития.

Сегодня в России разработаны республиканская, ряд региональных и даже муниципальных концепций устойчивого развития, о достоинствах и недостатках которых можно говорить много, но не это цель настоящей работы. Стратегия перехода России на модель

устойчивого развития имеет широкий спектр оценочных суждений, вплоть до ее отрицания.

Представители московской школы, в первую очередь В.И. Данилов-Данильян, А.В. Яблоков и другие, полагают, что в основу понятия «устойчивое развитие» следует положить понятие «хозяйственной емкости биосферы». Это понятие характеризует тот предел воздействия цивилизации на окружающую среду, превышение которого влечет ее необратимые изменения, угрожающие выживанию человечества как биологического вида.

Представители Санкт-Петербургской школы (Н.Г. Агафонов, Р.А. Исляев) в своей авторской концепции под устойчивым социально-экономическим и экологическим развитием понимают движение России по избранной стратегической траектории, обеспечивающей достижение системы общественных целей. Устойчивому развитию предшествует переходный период: создание стартовой базы (технологических, технико-экономических, политических и ряд других основ), разработка системы стратегических и промежуточных целей развития, включая достижение этих целей. Устойчивое развитие предполагает эффективное использование следующих новых экономических условий:

- отказ от унитарной модели государственного устройства и как результат — партнерство между центром и регионами;
- регулирование ценообразования в соответствии с экономическими программами;
- неуклонное удорожание природных ресурсов и, соответственно, развитие системы рентных отношений;
- относительная экономическая самостоятельность субъектов РФ;
- разнообразие региональных форм развития предпринимательства.

Некоторые представители томской школы (А.В. Поздняков и другие) полагают, что устойчивое развитие как сбалансированное развитие между социально-экономическими (СЭС) и экологическими (ЭкоС) системами, при котором природные ресурсы не истощаются, а условия для сохранения современных тенденций развития цивилизации остаются неблагоприятными неопределенно долго, нереально (ни практически, ни теоретически). Устойчивое развитие в таком понимании есть не более как правдоподобная иллюзия, построенная на взаимоисключающих положениях и неразрешимых проблемах.

На текущем этапе индустриального развития цивилизации попытка практического внедрения в России положений устойчивого развития в существующем понимании несет ей вред. Эта попытка в опосредованном и явном виде направлена на снижение уровня промышленного развития страны, на отставание России от экономичес-

ки развитых стран, а в целом — на превращение ее в сырьевой придаток этих стран.

Социально-экономические и экологические процессы, обеспечивающие «устойчивое», «допустимое» развитие, равно как управляемость этими процессами на разных иерархических уровнях, различны. На межправительственном уровне (*см. выше принцип иерархической организации*) Концепция устойчивого развития должна быть переведена в ранг государственной и межгосударственной политики, с которой должны сверяться все экономические и политические решения. При этом европейским сообществом предложено руководствоваться *принципом предосторожности-упреждения*.

Уровни решения проблем устойчивого, сбалансированного, подерживаемого развития дифференцированы от страны в целом до края, области, региона. Каждый уровень характеризуется специфическими задачами, принципами, методами и алгоритмом достижения поставленной цели. Наряду с административным имеют место и право на существование подходы обеспечения устойчивого развития в рамках природных и природно-хозяйственных систем (экономические и физико-географические районы различного таксономического уровня, пограничные и эколого-экономические зоны и т. п.), единый бассейновый подход для рек I–II (в некоторых случаях и III) порядка.

На государственном (в условиях России — федеральном) уровне вырабатывается общая методология устойчивого развития, формирующая условия функционирования всего национального хозяйства и обеспечивающая разработку схем развития общенациональных инфраструктурных систем и казенных предприятий. Данная методология в дальнейшем служит основой для создания региональных схем. Концепции устойчивого развития, максимально ориентированных на самоуправление, самоорганизацию, поиск нестандартных решений, отказ от стереотипа природоэксплуатирующего роста экономики.

Особенностью современного этапа для регионов России является одновременная смена общей парадигмы развития и формы организации политико-правовых и экономико-хозяйственных связей, а именно — формирование новых форм собственности и организации производства. Необходимо использовать данный момент, обеспечив переход на новые формы хозяйствования и на новом, более высоком технологическом уровне.

В России первые годы после Рио складывался преимущественно концептуально-экологический взгляд на устойчивое развитие страны и ее отдельных регионов (*Розенберг и др., 1998*). Этот взгляд прослеживался в большинстве принятых правительством документов и даже в представленном Министерством экономики России варианте Концепции устойчивого развития. На наш взгляд (*см.*

выше), модель устойчивого регионального развития должна состоять из трех равноправных взаимозависимых блоков, а именно — экологического, экономического и социального.

На региональном уровне особенно важна роль органов законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации, муниципалитетов, местного самоуправления. Именно они должны и могут обеспечить экологически приемлемый переход к рынку путем создания экономических и политико-правовых механизмов устойчивого регионального развития. Конкретная модель устойчивого развития региона всегда индивидуальна и требует предоставления районам-субъектам РФ большей автономии в решении вопросов внутрирегионального жизнеобеспечения (административно-правового, экономико-хозяйственного, социально-экономического и экологического характера). Устойчивое развитие региона предполагает комплексное сбалансированное развитие трех его основных элементов — экономической, экологической и социальной сфер. При этом устойчивое развитие понимается нами не как экспоненциальный рост производства, а как:

- рационализация территориальной организации региональных систем природопользования;
- структурная перестройка экономики;
- социальная стабилизация жизнедеятельности населения региона.

Рассмотрение возможности устойчивого, сбалансированного развития лишь одной из важнейших сфер региональной системы без тесной увязки с прочими, а именно — экономикой, экологией и социумом, невозможно. Говорить о приоритете той или иной сферы в эволюционном развитии общества можно лишь, во-первых, в единичных случаях в связи с некоторыми принципиальными особенностями территории, например, при наличии в регионе особо уникального того или иного природного объекта (например, озера Байкал или Валдай, Самарская Лука на Волге, плато Укок на Алтае и др.); во-вторых, на какой-то конкретный и в историческом разрезе короткий период времени, когда необходимо создать некий экономический (экологический, социальный) плацдарм для дальнейшего подтягивания прочих сфер.

Каждый регион по своей сущности оригинален, отличаясь от других характерными природными условиями, присущими им природными ресурсами и их индивидуальными сочетаниями, структурой населения (половозрастной, социальной, национально-этнической) и расселения, отраслевой и территориальной организацией и уровнем развития экономики и т. п. Поэтому и модель устойчивого развития региона, и алгоритм ее реализации индивидуальны и требуют комплексного, системного, регионально-адаптированного подхода.

Концепция устойчивого развития региона — структурная модель

В основу разработки региональной стратегии положены принципы региональной индивидуальности, взаимосвязанности (взаимобусловленности) элементов триады (экология, экономика, социальная сфера) и экологического императива регионального развития и пространственно-временной дифференциации начального состояния региональных систем. На наш взгляд, Концепция устойчивого развития регионального уровня должна состоять из четырех блоков, в зависимости от специфики отражаемых либо решаемых задач.

Блок 1. Определение места региона в государственной системе, соотнесение целей и задач развития региональной системы и принципов устойчивого развития глобального уровня.

Блок 2. Определение основных направлений стратегии сбалансированного, устойчивого развития региона. При выработке стратегии развития региона необходимо прежде всего выявить влияние переходных экономических условий, которые мы сегодня переживаем, на развитие региона и использование его природных ресурсов, определить направления структурной перестройки экономики края, во-первых, фактически происходящие, во-вторых, желательные для обеспечения устойчивого социально-экономического и экологического его развития.

Важное место в стратегии устойчивого регионального развития занимает территориальная организация хозяйства региона и факторы, его определяющие. При определении основных направлений пространственно-отраслевой структурной перестройки экономики региона необходимо четко учитывать экологический императив регионального развития, категоричность которого широко варьирует во времени и пространстве для отдельных отраслей, территорий и видов деятельности.

Блок 3. Третьим элементом концепции является оценка региональных ресурсов — природных, экономических, социальных, где наряду с оценкой потенциала региона определяется его место на экономической карте России, а также наличие, направление и потоки межрегиональных и внешнеэкономических связей. При этом каждый ресурс региона (природный, производственно-экономический, социальный) необходимо рассматривать, учитывая:

1. Экономическую, экологическую и социальную значимость ресурса (природные и иные материальные ресурсы, отрасли народного хозяйства производственной и непроизводственной сферы, социально-демографические: население и его здоровье — физическое и психическое) и его роль в обеспечении устойчивого развития региона.

2. Количественно-качественную характеристику ресурса:

— «восстановленный» потенциал ресурсов, то есть природообусловленный для природных ресурсов и первоначально создан-

ный для отраслей народного хозяйства с указанием реперных лет (min и max) и их параметров для каждой отрасли;

— тенденции изменения, этапы освоения (формирования отрасли);

— антропогенные загрязнения, нагрузки, количественно-качественные параметры сокращения потенциала для природных ресурсов, падение производства, начиная с 1990 г., условно принятого в качестве реперного для экономики региона (аналогично 1913 г. для оценки роста экономики СССР);

— современное состояние ресурса, отрасли — количественно-качественная характеристика с учетом экономической, экологической и социальной составляющей значимости.

3. Приоритетные направления сбалансированности развития отрасли, комплексного и рационального использования природных ресурсов: их экономическая, экологическая, социальная сущность.

4. Количественно-качественные индикаторы (основные, наиболее значимые показатели, пропорции и их сочетания) развития отрасли, использования ресурса (социальное, экономическое, экологическое, организационное).

Блок 4. Это наиболее важный и сложный элемент концепции, цель которого — определить приоритетные направления развития региона, выявить основные индикаторы, задачи и необходимые пропорции, а также разработать политико-правовые, социально-экономические, финансовые и информационно-технологические механизмы достижения устойчивого развития при соблюдении социальных гарантий для населения конкретной территории.

Приоритетные или ключевые направления развития региона определяются по всем трем сферам, то есть в области экономики, экологии, социального развития, в территориальном и временном аспектах. Индикаторы и пропорции регионального развития также определяются с учетом индивидуальных особенностей территорий отдельно для различных отраслей и сфер деятельности, которые условно можно разделить на следующие группы: социальные, экономические, экологические, организационные. Условность такого деления заложена в комплексности выделяемых индикаторов, когда один и тот же индикатор (показатель, пропорции, тенденции) одновременно отражает процессы как экономического, так и социального либо иного характера (правда, информация для определения индикаторов не всегда доступна и достоверна в рамках российской статистики). В этом случае представляет интерес опыт США, где уже несколько лет работает президентский совет по устойчивому развитию (ПСУР); этим советом сформулировано *десять национальных целей* устойчивого развития и предложены *комплексные показатели* достижения этих целей (большинство этих

показателей может быть рассмотрено как индикаторы развития, в том числе устойчивого). Заслуживает в этом направлении внимания также и опыт Нидерландов и других европейских государств.

Общим недостатком многих концептуальных работ регионального уровня является отсутствие (либо слабая проработка) механизмов достижения поставленных целей. Пытаясь избежать этого недостатка, нами была поставлена задача разработки такого механизма, включающего политико-правовые, социально-экономические, финансовые и информационно-технологические рычаги достижения устойчивого регионального развития. Разработка действенного механизма обеспечения устойчивого развития — задача ученых, создание же возможностей его успешной реализации является основной задачей региональных органов управления — законодательной и исполнительной ветвей власти.

Экологический императив в развитии региона. Категоричность. Территориальные и отраслевые приоритеты

Императив (от лат. *imperativus* — повелительный) означает требование, приказ, закон. Выделяется *гипотетический императив*, который имеет силу лишь при определенных условиях, и *категорический императив* — безусловный принцип поведения. **Экологический императив** в нашем понимании означает приоритет экологических требований в разработке долговременной стратегии развития региона. При этом в переходный период становления в России рыночных отношений, формирования предприятий разных форм собственности и преодоления экономического кризиса возможен в основном гипотетический экологический императив. При восстановлении же экономического потенциала и создании полноценной рыночной инфраструктуры — переход на более жесткий категорический экологический императив.

Гипотетический экологический императив предполагает соблюдение экологических нормативов с некоторой долей допуска, объясняющейся сложностями становления производства и отработкой (запуском) экологически приемлемых технологий. Восстановление производств, особенно ресурсоемких, необходимо осуществлять на новом технологическом уровне с обязательным соблюдением экологических требований и экспертиз.

Соблюдение **категорического экологического императива** возможно лишь при полном восстановлении производственного потенциала отраслей на новом организационно-технологическом и техническом уровне, а также при обеспечении тесной взаимосвязи с приграничными территориями. «Индекс категоричности» экологического императива дифференцируется как для отдельных территорий, так и для отраслей, определяется геополитическим и природно-экономичес-

ким положением региона, экологической емкостью отрасли, а также способом, видом и реципиентом ее (отрасли) загрязнения или воздействия. Наиболее жестким он должен быть в отраслях, на производствах, где реципиентом воздействия является человек; причем не в процессе производства, а в процессе жизнедеятельности. То есть это не так называемые вредные производства, а отрасли, выбрасывающие свои загрязнения (механические, химические, физические, социально-психологические) непосредственно в окружающую среду города, поселка. К таким отраслям прежде всего относится автотранспорт, на долю которого в разных регионах и по данным различных источников приходится 40–60% всех выбросов. Выбросы от автотранспорта находятся на физиологически опасном для человека уровне и непосредственно попадают в его дыхательные органы не рассеиваясь. Обеспечить сегодня жесткий экологический императив на автотранспорте невозможно, но стремиться к его постепенному достижению необходимо. При этом следует обратить внимание на разнонаправленность возможных мер по снижению загрязнений от этого вида воздействия:

- предотвращение либо существенное снижение химического загрязнения путем применения новых марок бензинов и иных видов топлива, внедрения разного рода нейтрализаторов и катализаторов;
- снижение механического загрязнения воздуха при существенном улучшении качества автомобильных дорог;
- нейтрализация реципиента воздействия — человека — от выбросов транспортных средств в результате создания транспортных развязок и обводных дорог.

Обеспечить внедрение категорического экологического императива в процесс развития региона такого ранга, как бассейн крупной реки (объединение нескольких административно-территориальных единиц — например, Волжский бассейн) или некоторые большие по территории автономии (Якутия), края (Красноярский) и области (Тюменская), по-видимому, невозможно. Экологическому императиву регионального развития (наряду с отраслевым) присущ пространственно-временной аспект, характеризующий приоритеты экологизированного развития отдельных территорий.

Несмотря на значимость экологических ограничений для любых территорий, обеспечить устойчивое развитие в условиях практически постоянного дефицита материальных и финансовых ресурсов (а в современной России — в условиях вялотекущего экономического кризиса) можно лишь поэтапно, через постепенный переход от гипотетического к категорическому императиву разной степени жесткости с учетом значимости той или иной территории для:

- всемирного наследия и сохранения биоразнообразия (уникальные природные объекты, регионы регламентированного хозяйствования и др.);

— населения региона (высокая концентрация населения в пределах городских агломераций и крупных городов).

Экология и стратегия развития сибирских регионов

Стратегия развития Сибири, намеченная и в федеральной целевой программе «Сибирь», и в концепции, и в находящемся сегодня на рассмотрении в правительстве России проекте собственно «Стратегии развития Сибири», связана со всевозрастающим объемом вовлечения в хозяйственный оборот минерально-сырьевых ресурсов региона. При этом вопросы экологической безопасности сибирских регионов рассматриваются вскользь, при рассмотрении отраслевых стратегий. Хотя уже сейчас вопросы обеспечения рационального использования и воспроизводства природных ресурсов при их эксплуатации, сохранения природы для нынешнего и будущего поколений весьма актуальны. Общая экологическая обстановка в Сибири уже в настоящее время сложна и имеет явно выраженную тенденцию к ухудшению.

Среди долговременных негативных тенденций наиболее неблагоприятное воздействие на состояние окружающей среды оказывало и оказывает:

— фактически проводимая на всех уровнях управления анти-экологическая политика, что является в свою очередь следствием отсутствия единой экологической доктрины Сибири;

— экстенсивное развитие хозяйственного комплекса региона с избыточным материало- и энергоемкими производствами с донельзя изношенными основными фондами, с отсталой ресурсорасточительной экологически-агрессивной технологией (все это приводит даже при нынешних условиях производства к фактическому увеличению загрязнения окружающей среды);

— деформированность структуры хозяйства с превалированием природоэксплуатирующих производств, огромными объемами добычи природных ресурсов;

— слабая правовая и экономическая защита природы (сложившаяся законодательная база мало способствует рациональному природопользованию, а искаженная система экономических оценок по экологическому ущербу и издержкам не дает положительных результатов в экологическом регулировании хозяйственной деятельности);

— сокращение бюджетных средств на экологические цели и фактическое отсутствие финансовых возможностей предприятий на реализацию природоохранных мероприятий;

— отсутствие действенного организационно-экономического механизма природопользования, практическое свертывание работ по учету, оценке и мониторингу природных ресурсов;

— недостаточность работы по формированию экологического мировоззрения, развитию экологической культуры у населения, его слабая информированность в экологических проблемах.

Стратегическим направлением в области экологической политики Сибири следует считать минимизацию ущерба окружающей среде при постоянно усиливающемся антропогенном прессе. Для чего требуется:

— разработка научной концепции сохранения экосистем, рационального использования и охраны окружающей среды в условиях интенсивного развития производительных сил, адаптация ее к реалиям сибирских регионов, имеющих в своем большинстве сырьевой характер освоения и развития;

— разработка и внедрение методов очистки и утилизации промышленных твердых, жидких и газообразных отходов, переход к малоотходным и безотходным, в том числе безводным, технологиям (конкретные предложения можно взять, например, из «Заключенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ институтов СО РАН»);

— разработка бассейновых и отраслевых схем комплексного использования и охраны водных ресурсов с учетом оценок природных вод и потребностей водопользователей, расчетом водохозяйственных балансов с максимальным внедрением повторного или повторно-последовательного использования воды;

— перевод природоохранной политики в промышленных центрах на принципиально новый уровень, основой которого должен стать природоохранный (экологический) паспорт, а также переход от учета суммарных объемов выбросов к удельным показателям, относимым к единице продукции;

— сокращение загрязнения окружающей среды в результате снижения объемов транспортировки сырья, его глубокой переработки и захоронения отходов в местах добычи;

— решение проблемы продовольственной безопасности сибирских регионов путем рационализации территориальной организации сельскохозяйственного производства и биологически-активных средств защиты растений и животных, всемерная поддержка традиционных видов природопользования коренных и малых народов Сибири, изучение их экологического опыта и адаптации к новым формам хозяйствования;

— создание единой системы особо охраняемых природных территорий с целью сохранения генофонда и биоразнообразия сибирских регионов; жесткое регламентирование хозяйственной деятельности в водоохранных зонах. Особого внимания требуют объекты, занесенные в списки Всемирного наследия ЮНЕСКО (озеро Байкал, озеро Телецкое, территории Алтайского и Катунского заповед-

ников, гора Белуха, плато Укок); в рамках Севильской конвенции необходимо развитие Убсунурской и создание Алтайской трансграничной биосферной территорий;

— всемерная поддержка национально-этнических видов природопользования коренных и малых народов Сибири, изучение их экологического опыта и адаптации к новым формам хозяйствования;

— развитие Единой государственной системы экологического мониторинга (ЕГСЭМ) на базе общегосударственной службы наблюдений и контроля за загрязнением окружающей среды (ОГСНК) с организацией сертифицированного аналитического центра, оснащенного современными приборами и оборудованием, научным сопровождением институтами СО РАН в интерпретации полученных данных;

— создание единого информационно-коммуникационного пространства (создание, как уже отмечалось, в территориях комплексных, автоматизированных, межведомственных информационно-управляющих систем экологического мониторинга — МИУСЭМ), содействующего традиционным технологиям государственного управления природоохранной деятельностью и порождающего новые технологии и методы экологического менеджмента и аудита, а также обеспечивающего доступной, достоверной и действенной информацией не только лиц, принимающих решения, но и широкую общественность.

Для этого необходимо *комплексное районирование (районирование) территории*, учитывающее как уровень экономического и социально-демографического развития, так и экологическую емкость (в иной редакции — несущую способность региона), а также природную предрасположенность к проявлению чрезвычайных ситуаций и иных экологических рисков.

К числу отраслей, требующих первоочередного внедрения жесткого категорического экологического императива, следует отнести сельскохозяйственное производство, как по реципиенту воздействия — человеку, так и по широте охваченного экономического пространства и природных ресурсов. При этом предлагается рассматривать сельское хозяйство не как отрасль экономики, а значительно шире, а именно — как аграрное природопользование, как особый вид (фоновый, в отличие от локального либо точечного) взаимодействия человека в процессе своей жизнедеятельности с окружающей природной средой (см., например, Розенберг, 2001).

Географические предпосылки устойчивого развития сибирских регионов

Каждое из административно-территориальных образований, обладая достаточной хозяйственной самостоятельностью как полноправный субъект Российской Федерации, является в то же время и элементом региональной системы более высокого порядка — Си-

бири или сибирского региона. При этом Сибирь в нашем представлении — это 19 субъектов РФ, являющихся членами Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Формирование федеральных округов — мера как минимум своевременная, однако создание Сибирского федерального округа без Тюменской области с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами, являющимися на наш взгляд, органической частью сибирского региона, вызывает множество вопросов, решение которых находится, естественно, вне компетенции авторов.

Физико-географическое положение. Территория сибирского региона в физико-географическом отношении представлена Западно-Сибирской равниной, восточнее которой, в междуречье Енисея и Лены расположено обширное Среднесибирское плоскогорье, осложненное чередованием крупных плато и древних кряжей (плато Путорана, Вилюйское плато, Енисейский кряж), с характерными формами рельефа, связанными с распространенной в этих широтах многолетней мерзлотой. Понижаясь к северу и востоку, плоскогорье переходит в Северо-Сибирскую низменность и Центрально-Якутскую равнину.

С юга территорию Сибири окаймляет горный пояс, протянувшийся вдоль Государственной границы России. Это в основном среднегорные системы — Алтай, Салаирский кряж, Кузнецкий Алатау, Западные и Восточные Саяны, горы Тувы, Прибайкалья, Забайкалья и Станового нагорья. Самая высокая вершина — г. Белуха на Алтае высотой 4506 м (*Экономическая и социальная... 1997*).

Административно-территориальная структура. Сибирский регион — это 16 субъектов федерации Сибирского федерального округа, в том числе 4 республики — Алтай, Бурятия, Тува, Хакасия — и 4 автономных округа — Агинский Бурятский (Читинская обл.), Усть-Ордынский Бурятский (Иркутская обл.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский (Красноярский край), а также Тюменская область с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами. Площадь региона составляет 6,55 млн. кв. км, или почти 40% территории России (всего на 1 млн. кв. км меньше Австралии), при этом здесь проживает около 17% населения страны (плотность населения составляет 2,7 чел./км², что более чем в три раза ниже средней по стране).

Природные ресурсы. Сибирский регион — это «кладовая» природных ресурсов не только российского, но и мирового масштаба. Здесь сосредоточено, по некоторым оценкам, 90% природных ресурсов России, что соответствует 45% мировых запасов природного газа, 13% нефти, 23% угля, 20% пресной воды. Сибирь в настоящее время дает 3/4 производимых в России энергоресурсов и остается главной топливно-энергетической базой России.

Экономический потенциал. Сибирь сегодня — это не только богатейшие природные запасы, но и достаточно индустриально-развитые территории. Около 68% валового внутреннего продукта (ВВП) Западной и 64% Восточной Сибири производится в промышленности, это более 25% промышленного производства страны. Сибирские регионы производят 47% сырьевого продукта России, в том числе 73% добычи основных видов топлива, более 29% заготовки деловой древесины. Регион поставляет около 30% электроэнергии, что определяет высокую долю энергоемкой продукции — около 81% алюминия, свыше 50% никеля и меди, 23% пластмасс и синтетических смол, 41% химических волокон и нитей, около 29% целлюлозы и пиломатериалов. В 80-е годы на долю сибирских регионов приходилось 16,7% ВВП страны, сегодня эта доля составляет 24,7%, но думается, что эти цифры сильно занижены, так как значительная часть сибирского углеводородного сырья, цветных и черных металлов и иной продукции проходит, минуя каналы государственной статистики регионов-производителей. То есть сегодня лишь часть валютообразующей сибирской продукции учитывается в добывающих регионах, прочая продукция проходит через столичные фирмы.

Следует отметить, что доля Сибири в общероссийском промышленном производстве постоянно растет, но это факт скорее настораживающий, так как он объясняется все большей долей топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплексов в ее отраслевой структуре. Промышленность сибирских регионов в еще большей степени, чем всей России, нуждается в структурной перестройке, ориентированной на более глубокую переработку сырья, выпуск конечной продукции, создание современной производственной инфраструктуры.

Основной недостаток сибирской экономики — это слабая согласованность действий субъектов Федерации, и тут необходимо решить — являются ли сибирские регионы не только субъектами права одного государства, но и членами одного (а именно — сибирского) пространства, характеризующегося собственным экономическим полем и менталитетом. Исходя из ответа на этот основной вопрос, рассматриваются и проблемы федерального устройства государства и региональной политики:

— федерализм и регионализм (сценарии государственного устройства: сильный центр — сильные регионы);

— принцип «двух ключей» — закрепление прав и полномочий Федерации и ее субъектов в распоряжении своим природно-ресурсным потенциалом; программно-целевой подход — ФЦП «Сибирь», «Чистая Обь» и др.;

— региональный протекционизм — проблемно- и социально-ориентированная поддержка регионов; экономическая мотивация регионального развития;

— бассейновое соглашение как инструмент межрегионального управления социальными эколого-экономическими системами.

Сибирские регионы характеризуются разнообразием природно-климатических условий и ресурсов, что позволяет развивать различные виды аграрного природопользования: от общераспространенных в России зернопроизводства и скотоводства (в степной и лесостепной зонах) до оленеводства и звероводства (в тундровой и таежной) зонах. В южных районах Восточной и Западной Сибири природно-климатические условия таковы, что здесь при соблюдении агротехники и выращивании районированных сортов могут успешно развиваться садоводство и овощеводство.

Геополитическое значение Сибири. Сибирь с момента заселения русским населением имела большое значение как для экономической, так и для политической жизни России, являясь центром Евразийского континента и осуществляя связи между востоком и западом, Азией и Европой, севером и югом. В последние годы геополитическое значение Сибири существенно изменилось, как в связи с распадом СССР и, соответственно, усложнением связей (экономических, политических и др.) с его бывшими территориями, так и в результате активизации экономического развития стран Юго-Восточной Азии (государств АТР). Кроме того, Сибирь продолжает осуществлять связи между Дальним Востоком и остальной территорией России и иными регионами, характер которых в период вхождения страны в рынок и суверенизации территорий существенно усложнился. Все эти весьма сложные процессы и требуют самостоятельного и специального изучения.

Транспортное обустройство территории. С вопросами геополитического значения сибирского региона близко связаны проблемы транспортного обустройства территории. Это и вопросы частичной потери Южно-Сибирской и Средне-Сибирской железных дорог, и изменение в связи с этим роли Транссиба, незаконченность строительства и слабое использование магистралей БАМа и Северной сибирской железной дороги. Решается вопрос о расширении широтных и арктических авиалиний, которые могут обслуживать не только внутренние российские, но и международные авиалинии. Много проблем накопилось и на флоте, как речном, который постепенно теряет свое значение в материально-техническом снабжении северных территорий, так и морском, где происходит постоянное старение подвижного состава и утеря регулярности грузоперевозок. В этом контексте интересны предложения Н. Н. Моисеева (1997) о развитии Северного морского пути (вариант плана ГОЭЛРО-2).

Наряду с глобальными проблемами, потери значимости ряда транспортных связей для сибирских регионов, равно как и для территории всей России, остро стоит задача внутреннего транспортно-

го обустройства. Внутри отдельных субъектов Федерации, кроме 2–3 магистралей государственного значения, практически отсутствуют более или менее приемлемые автомагистрали, плотность железнодорожной сети крайне низкая, внутренние авиалинии сохранились только на Севере, где они жизненно необходимы, все иные практически прекратили свое существование. Конечно, все вышесказанное не способствует стабильности труднодоступных и удаленных регионов и требует незамедлительного решения. Развитие этих регионов возможно лишь при условии их цивилизованного транспортного обустройства, а также при наличии современных средств связи (телекоммуникационные, электронные сети).

Социально-экономические аспекты. Сибирские регионы, поставляя почти 50% экспорта России, характеризуются достаточно низкими показателями социального развития: уровень жизни, уровень здоровья, соотношение богатых и бедных, соотношение заработной платы и стоимости потребительской корзины или прожиточного минимума. При этом административные территории существенно различаются по этим показателям, и эта дифференциация продолжает усиливаться. Различия среднедушевого производства валового регионального продукта увеличились с 3–3,5 раза до 16,6 раза. Приведем лишь некоторые данные, отражающие соотношение уровня жизни в Москве и отдельных регионах Сибири. Если в марте 1993 г. уровень жизни населения Тюменской области был в 2,85 раза выше, чем в Москве, то в марте 1996 г. в Тюменской области он составил 72% Москвы, а в Новосибирской области и Алтайском крае — 20% (!).

Сегодня в Сибири наблюдается сжатие экономического пространства, которое проявляется в изменении системы расселения и плотности населения на периферии, сокращении площади освоенных территорий. В последние 10 лет наблюдался нерегулируемый отток населения из северных районов. Этот процесс закономерен, но его размеры не всегда оправданны, а направление в густонаселенные и трудоизбыточные регионы приводит к дальнейшему росту в последних безработицы и социальной напряженности. Разработанные ныне программы переселения определили в качестве приоритетных регионов в Западной Сибири Новосибирскую и Омскую области, в Восточной — Красноярский край и Иркутскую область, однако фактические потоки отличаются от программных как по направлениям, так и по величинам. Например, Алтайский край в последнее десятилетие имеет положительное сальдо миграции в обмене с другими регионами России и странами СНГ. При этом, несмотря на принимаемые меры по организации потоков вынужденных переселенцев и беженцев в отдаленные районы края с низкой плотностью населения, основная часть мигрантов оседает в больших городах и их пригородах.

Экологический колониализм. Анализ отраслевой структуры промышленного производства свидетельствует, что Сибирь является экологическим заложником как российской, так и мировой, особенно высокоразвитых стран, экономики. В чем же суть этого процесса?

Вот уже более четверти века идет интенсивная откачка сибирских недр, первичная переработка или обогащение сырья и его вывоз в более развитые европейские регионы России и на экспорт. Тем самым из Сибири вывозится наиболее ценное сырье и загрязняется природная среда сибирских регионов. Наблюдается существенное загрязнение окружающей природной среды, особенно в промышленных центрах и местах добычи и первичной переработки полезных ископаемых. Не случайно что если на долю Сибири приходится 14,7% городов, то ежегодно в числе 20 наиболее грязных городов России в Сибири, то есть 30%. Среди наиболее грязных городов регулярно называют Братск, Норильск, Кемерово, Новокузнецк, Красноярск, Омск; зачастую в этот список попадают Новосибирск, Иркутск. На юге Сибири наблюдается существенное снижение почвенного плодородия, отмечены территории прогрессирующего опустынивания. Повсеместно сокращается биоразнообразие, особую тревогу вызывает алтай-саянский горный и байкальский регионы. Многочисленные примеры негативного воздействия на природную среду нефтегазового комплекса можно найти в многочисленных публикациях (*Детков, Астахов, 1994; Грищенко и др., 1997; Московченко, 1998*).

Ханты-Мансийский автономный округ как реализованный вариант устойчивого развития одного из регионов Сибири

1. Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) составляет около 3% территории и 1% населения России вблизи от параллели 60° с.ш. Западной Сибири, по территории округ сопоставим с Украиной или Францией. Однако экономические показатели последних лет и роль энергетического и финансового донора страны выводят его в разряд наиболее привлекательного региона (что не преминул отметить В.В. Путин при посещении ХМАО в марте 2000 г.). Здесь в год добывается 6% мировой нефти, что больше, чем у таких нефтяных держав, как Норвегия, Иран, Мексика, Китай, Венесуэла, Кувейт. При этом территория ХМАО — самый заболоченный регион мира (300 тыс. озер и заболоченность от 40–50 до 70–90% площади).

В сентябре 1953 г. получен первый газовый факел в Березово и в июне 1960 г. — фонтан Шаинского месторождения нефти. В марте 2000 г. в ХМАО была добыта 7-миллиардная тонна нефти, что составляет пятую-шестую часть от разведанных запасов (39 млрд. т) региона. При нынешнем достаточно умеренном уровне добычи этих

запасов может хватить на 150–200 лет, даже без вполне возможного прироста. В 70-е годы в развитие западносибирского нефтегазового технико-экономического комплекса было вложено средств больше, чем в БАМ, КамАЗ, ВАЗ и Атоммаш вместе взятые. При всех недостатках советского периода (добыча нефти любой социальной ценой) был создан «архипелаг» вполне обустроенных городов, поселков и промкомплексов, связанных грандиозной инфраструктурой, т.е. совершенно современной сетью транспортных, сырьевых и энергетических коммуникаций, хорошо видимых из космоса.

В 1990 г. начал снижаться дебит скважин, требовалось вводить более чем в два раза больше новых скважин, их глубина существенно увеличилась, к середине 90-х себестоимость 1 т нефти была более чем в два раза больше, чем на мировом рынке, ничтожными стали затраты на фундаментальные исследования, как и в целом на воспроизводство. Ситуация стала существенно меняться после 1996 г., в 1998 г. обстановка стабилизировалась, а с 1999 г. началось социально-экономическое оживление и быстрый подъем. Успех носил системный характер с несколькими важными компонентами. Один из них — укрупнение нефтяных компаний, в том числе создание в 1995 г. ТНК — Тюменской нефтяной компании, в настоящее время ставшей транснациональной компанией мирового уровня, одной из 30 крупнейших в мире. Вместо разрозненных предприятий, добывающих и продающих сырую нефть и перерабатывающих, пребывавших в хроническом недогрузе, сложился вертикальный интегрированный холдинг, объединяющий предприятия добычи, переработки и сбыта «от скважин до бензоколонки» готовых нефтепродуктов. К предприятиям добычи на территории ХМАО добавился Рязанский НПЗ, который в 1999 г. произвел около 2 млн. т автобензина, а также дизельное топливо, авиакеросин, топочный мазут, автомасла европейского уровня, выпуск которых за год увеличился в пять раз, битум, сжиженный газ. В 1999 г. появились также меньшего размера НПЗ и в самом округе, ориентированные на нужды ХМАО и его соседей, — бензин, масла и авиатопливо, цена на которые в розничной продаже уменьшается. В конечной стадии — автозаправки, непрерывно работающие под флагом ТНК, Славнефти, ЛУКойла, ЮКОСа.

Кроме крупных и крупнейших нефтяных компаний, стоимость основных фондов которых составляет миллиарды долларов, появились совершенно новые для России, но вполне обычные сегодня в развитых странах диверсифицированные (многопрофильные) компании «стоимостью» в сотни миллионов долларов (например, СлавТЭК), объединяющие широчайшую гамму предприятий пищевых (первоклассная мясопереработка), торговых (универсамы, крытые рынки и т. д.), строительных, сферы развлечений. Однако важней-

ший компонент устойчивого развития региона — это сложившиеся в последние годы позитивные отношения *власти* (руководители всей ветвей и всех уровней), *капитала* (руководство новых акционированных и частных предприятий округа) и *труда* (всех трудящихся как бюджетных, так и других перечисленных предприятий) на основе взаимного понимания, уважения и ориентированные на гармоничное сосуществование в XXI веке. Существенно улучшилось взаимодействие и в системе самой власти, между округом и муниципальными образованиями, в том числе в важнейшей сфере межбюджетных отношений.

В 1999 г. бюджет всех уровней, основанный на налоговых поступлениях, был впервые выполнен полностью. Бюджет на 2000 г. впервые был бездефицитный и имел высокую социальную составляющую, по крупным городам — Сургут, Нижневартовск — приближался или превышал 5 млрд. рублей. За счет местных бюджетов были существенно повышены зарплаты бюджетников и пенсии, резко активизировано жилищное строительство, строятся или заканчивают строительство первоклассные объекты здравоохранения, театры, объекты культуры, новый железнодорожный вокзал, международный сектор аэропорта т.д. Свой социальный вклад делают и нефтяные компании. В 2001 году ТНК вкладывает деньги в строительство 224 квартир и планирует в течение 3-х лет всех нефтяников переселить в комфортабельное жилье, будет на 10% ежеквартально индексироваться оплата их труда. Доверие к ТНК со стороны федеральных финансовых структур подтверждено выданным Сбербанком РФ в феврале-апреле 2001 г. инвестиционным кредитом в 500 млн. долларов. В апреле того же года конгресс США гарантировал американским финансовым компаниям кредитоспособность ТНК, что позволяет получение зарубежных кредитов на сумму до 1 млрд. долларов. В сентябре 2000 г. в Нью-Йорке в российском представительстве ООН в присутствии президента России В. Путина состоялось подписание соглашения о предоставлении ТНК гарантий американского Эксимбанка по первому траншу кредита в 672 млн. долларов.

Округ ведет огромное дорожное строительство за счет своих средств. Только в 1999 г. было освоено 3,5 млрд. рублей, введено и построено несколько автодорог (114 км). В 2000 г. закончено строительство крупнейшего в Азии автодорожного моста через Обь, также построенного только за счет окружного бюджета. Города ХМАО хорошо обустроены, озеленены, это единственный регион России, где полностью выполняются социальные программы. ХМАО оказался единственной территорией России, где последние 2–3 года наблюдается постоянный естественный прирост населения. В результате правительство округа и администрации городов ежегодно

сдают в эксплуатацию новые школы и детские сады, расширяют подготовку собственных педагогических кадров. Округ, который 15 лет назад не имел ни одного вуза, сейчас имеет сургутский госуниверситет, сургутский и нижевартовский госпединституты. Формируются югорский университет и нижевартовский многопрофильный университет на базе НГПИ.

Торговая инфраструктура городов скорее избыточна, ассортимент обширен, цены близки или ниже цен регионов, производящих продуктовые или промышленные товары. При средней зарплате в основном производстве около 7 тыс., в бюджетной сфере 3–4 тыс. руб., при регулярной выдаче ее покупательная способность рубля в ХМАО существенно выше, чем в других регионах России.

Фактически за последние два года округ выведен из зоны экологического бедствия усилиями как окружной власти, так и нефтяных компаний. Экологическое состояние оценивается как «острая ситуация». Проблема сохраняется не только из-за ее застарелости (проблема росла более 30 лет), но и положением округа в низовьях Оби и большим процентом попадающих отходов — это результат деятельности многочисленных промпредприятий, находящихся в верховьях реки. В самом же ХМАО за последние 10 лет приняты жесткие финансовые и экономические санкции, при этом также создан режим, стимулирующий предприятия заниматься природоохранной деятельностью.

Последние два года как нефтяные компании, так и руководство округа внесли значительный вклад в культурную жизнь ХМАО. В марте 2001 г. в Ханты-Мансийске по приглашению и с финансированием округа прошел финал чемпионата мира по биатлону, оборудование для которого, лучшего европейского образца, было доставлено из Австрии большегрузными транспортными самолетами. 11 февраля 2001 г. в Ханты-Мансийске было подписано Соглашение между правительством ХМАО и представителями национально-культурных объединений автономного округа, которое упорядочило процесс выработки эффективного механизма реализации государственной национальной политики на региональном уровне. Были образованы и активно действуют национально-культурные автономии, объединяющие русских, украинцев, молдаван, татар, башкир, дагестанцев, армян, чеченцев и ингушей и других.

Косвенным показателем этих и многих других действий, складывающихся в эффективную экономическую и социальную региональную политику, стали выборы президента РФ и губернатора округа, прошедшие 26 марта 2001 года, где за В.В. Путина проголосовало более 60%, а за А.В. Филипенко более 90%, которые подтвердили доверие к власти вообще. ХМАО стал единственным регионом России, где на деле решились снизить налоги, и прежде всего в основ-

ной, нефтяной отрасли. Нефтяники получили четкие «правила игры» и льготы. Можно сравнить с другим нефтедобывающим регионом России — Коми, где региональное руководство пошло по пути тотального выжимания налогов, а пришли к всеобщей нищете, падению производства, «войнам» между компаниями. В то же время в ХМАО за последние 2–3 года новой внятной региональной политики увеличилась нефтедобыча, и округ получил профицит, т.е. превышение доходов над расходами. Последнее и позволило не только полностью выполнить все социальные программы, но и существенно нарастить их. В марте 2002 года в Ханты-Мансийске прошел первый международный форум «Россия: нефть, энергия, прогресс», сразу названный журналистами «русским Давосом».

Последние два года правительство ХМАО провело большую работу по определению путей диверсификации экономики округа и освобождению ее от абсолютной ориентировки только на углеводороды. И прежде всего это развитие других минеральных ресурсов ХМАО. На 1.01.2002 г. можно твердо говорить о реальной перспективе эффективной разработки месторождений циркония и титана, многомиллиарднотонного месторождения железных руд, оптического кварца, редкоземельных элементов, золота и алмазов. В 2001 году правительство ХМАО и ОАО «АЛРОСА» создали совместное предприятие для поисков алмазов, и уже в октябре 2002 г. в Ханты-Мансийске откроется гранильно-ювелирный завод по переработке алмазов, на первых порах якутских. Соответственно, открываются три фирменных магазина по продаже бриллиантов в Сургуте, Нижневартовске и Ханты-Мансийске. В случае с золотом правительство ХМАО предлагает возможным разработчикам льготный инвестиционный кредит в сто миллионов рублей. Первые 27 кг золота получены в 1999 г., но в плане на 2004–2005 гг. — получение до 3 т золота в год. Не будет забыто и восстановление лесной и рыбной промышленности, которые составляли основные производства и славу округа до начала нефтедобычи. Ищут и другие современные нетрадиционные пути развития, скажем, развитие производства чипов для крупнейших зарубежных компаний в Мегроне и др.

Другой важной стороной устойчивости региона стало установление прочных экономических и социально-культурных связей с субъектами «матрешечных» отношений — с Тюменской областью и Ямало-Ненецким округом. Что отличается от таких же отношений Хабаровского края и ЕАО, которые в момент установления региональных суверенитетов были полностью прерваны, в том числе и по линии законодательных органов. Пятеро депутатов от ЕАО в Хабаровской краевой думе были исключены. Этого не произошло в отношении Тюменской области и ХМАО, оба субъекта проявили достаточно разумную осторожность и сохранили общий законода-

тельный орган. Теперь, когда стало ясно, что кардинальный путь развития регионов — в их экономической и политической интеграции; эта предусмотрительность в прошлом позволяет наращивать общее экономическое пространство.

В бюджете округа на 2001 г. расходы были приняты в более чем 47 млрд. руб., доходы — более 45 млрд. руб. В отличие от бюджета страны на 2001 г. был предусмотрен дефицит более 2 млрд. руб. Однако правительство и Дума ХМАО в тот период не сомневались, что высокие мировые цены на нефть и соответствующие налоговые поступления позволят выполнить все намеченные программы. При этом бюджет г. Сургута был 12 млрд. руб., а г. Нижневартовска — более 5 млрд. руб. Существенная разница в бюджетах связана с тем, что «Сургутнефтегаз» платит более высокую цену за тонну покупаемой у производителя нефти, отсюда и более высокие налоговые поступления. ТНК — сравнительно молодая, бурно развивающаяся корпорация, разница между более низкой ценой за нефть внутри страны и ценами на мировом рынке идет на укрепление устойчивости компании, а следовательно, и региона. В то же время ТНК финансирует отдельные городские и районные проекты — жилищное строительство для нефтяников, международный сектор аэропорта и т.д. — суммами, исчисляемыми первыми миллионами долларов. Важно, что руководство ХМАО и Нижневартовска готово принять разные условия, предлагаемые нефтяными компаниями. В принятом Нижневартовской городской думой 10.12.2001 бюджете на 2002 г. предусмотрены доходы в размере 6,2 млрд. руб., расходы — 7,5 млрд. руб.

Снижение цен на нефть на мировом рынке в конце 2001 г. и начале 2002 г., а также отмена отчислений в восстановление минерально-сырьевой базы и изменение соотношений распределения бюджета в пользу федерального центра снизили возможности регионального руководства регулировать устойчивость развития округа на длительную перспективу. Только инвестиционные потери округа в первом квартале 2002 г. составили 1 млрд. долларов, фактически будущее нефтяной отрасли было отдано в частные руки. Однако и в этом случае правительство ХМАО ищет нестандартные решения по привлечению потенциальных инвесторов, отличные от привычных в России кредитов, — реализация проектов на условиях 50 на 50, т.е. раздела акций будущего предприятия пополам, либо выпуск облигационных займов под гарантии правительства округа. Создаются совместные с иностранными участниками страховые фонды, которые покрываются средствами округа и иностранного государства, и т.д.

2. Активное стремление территорий рассматриваемого региона к форсированному подъему экономики позволяет сделать вывод.

что и в будущем в областях (территориях) Сибири и Дальнего Востока России сохранится, по-видимому, весьма напряженная экологическая ситуация, требующая повышенного внимания к проблемам организации рационального природопользования и охраны окружающей среды.

Заключение

Так что же представляет собой устойчивое развитие — миф или реальность? В качестве доктрины гармоничного социально-экономического, не истощающего ресурсы и поддерживающего естественное состояние биосферы в пределах ее экологической емкости, оно наиболее корректно может быть определено как *утопия*. По своей гуманистической направленности и глубине теоретической проработки концепция устойчивого развития близка к коммунизму — различия касаются в основном движущих сил. Оба этих учения предполагают революционный, или, как определяет синергетика, — бифуркационный процесс, переход общества в новое качество, требующее для своей реализации «нового человека», формирования новой глобальной этики. Идеологическое сходство объясняет и тот энтузиазм, с которым концепция устойчивого развития была принята в России (*Розенберг и др., 1998*), — многие усмотрели в ней основу новой «национальной идеи», к восприятию которой страна была наиболее подготовлена за время существования советского строя. Параллели между коммунизмом и устойчивым развитием можно было бы продолжать и далее, но отметим лишь одно их подобие — наличие «двойной морали». Применительно к устойчивому развитию это было показано нами ранее (*Розенберг и др., 1998*), при сопоставлении мнения о нем гуманитариев и «зеленых», с одной стороны, предпринимателей и политиков — с другой, в том числе и при оценке официальной Концепции устойчивого развития России.

Утопичность не означает принципиальную неосуществимость представлений об устойчивом развитии. Например, реализация ее природоохранного блока уже сейчас проводится международным сообществом достаточно эффективно. Но, в конечном счете, некое подобие коммунизма было построено и в СССР, его достижения в отдельных сферах общепризнанны. Даже такие, совершенно нежизнеспособные структуры (по мнению ряда отечественных экономистов), как колхозы, стали основной формой ведения сельского хозяйства в Израиле. Однако нас интересуют не преимущества и недостатки «коммунизма» и «устойчивого развития», а то, что при определенном сходстве этих двух моделей развития можно ожидать и сходства результатов. Применительно к устойчивому развитию они выразятся, например, в дифференциации мирового сооб-

щества на управляющую верхушку (пресловутый «золотой миллиард», аналог «партократии») и обслуживающую ее основную массу человечества — «народ».

Эффективность достижения целей и решения задач устойчивого развития с точки зрения социально-экономического эффекта заключается в достижении экологической безопасности, нормативного качества окружающей среды, здоровья населения, в повышении качества жизни, создании условий устойчивого функционирования и развития территории в окружающей природной среде, с одной стороны, и затрат на их достижение — с другой. Эффективность затрат, направляемых на улучшение состояния экосистем, выражается в стоимостной оценке предотвращаемых потерь здоровья населения и ресурсов (природных, трудовых, материальных и финансовых, потерь качества продукции), достигаемых путем улучшения качества окружающей среды.

Стратегические направления реабилитации крупных территорий (в частности, Волжского бассейна или Тюменской области) достаточно ясны и частью хорошо проработаны («*Возрождение Волги*» — шаг, 1996; Розенберг, Краснощечков, 1996; Рянский, 2000; Соколов, 2000). Работы по реабилитации следует вести в нескольких направлениях. Прежде всего это сокращение выбросов путем увеличения мощности и совершенства технологий очистных сооружений, а также реконструкции предприятий. Чисто инженерная, если не сказать «сантехническая проблема».

Несчастье в том, что эти направления реабилитации давно известны, и по крайней мере часть из них вводилась неоднократно в законодательном порядке, но так и не была реализована. Кроме того, в условиях кризиса сколь-либо серьезных инвестиций в производственную сферу ожидать — бюджетное финансирование природоохранных мероприятий практически прекращено. Это позволяет заключить, что возрождение крупных территорий (Волжский бассейн, Тюменская область, Сибирь, Дальний Восток и пр.) возможно только с возрождением России, подъемом ее экономики.

Арманд А.Д. Случайны или закономерны кризисы в эволюции геосферы? // Теоретические проблемы экологии и эволюции. Тольятти: Интер-Волга, 1995. С. 184–191.

База эколого-экономических данных крупного региона (методическое пособие). Тольятти: АН СССР, 1991. 54 с.

Большая Волга: проблемы и перспективы / Под ред. В.П. Можина. М.; Ульяновск: КЕПС РАН, 1993. 255 с.

Бобров А.Л. Состояние и динамика социальной и эколого-экономической устойчивости России и ее регионов // Вести. Моск. ун-та. Сер. 6. 1997. № 5. С. 3–27.

- Бобылев С.Н.* Экологизация экономики и бизнес // Экология. Экономика. Бизнес (Эколого-экономические аспекты устойчивого развития). М.: ИРИС-ПРЕСС, 1995. С. 134-142.
- Брусиловский П.М.* Становление математической биологии. М.: Знание, 1985. 62 с.
- Брусиловский П.М., Розенберг Г.С.* Модельный шторм при исследовании экологических систем // Журн. общ. биол., 1983. Т. 44. № 2. С. 254-262.
- Виноградов М.Е., Михайловский Г.Е., Мониш А.С.* Вперед к природе // Вестник РАН, 1994. Т. 64. № 9. С. 810-817.
- «Возрождение Волги» — шаг к спасению России. / Под ред. И.К. Комарова. М.: Нижний Новгород: «Экология», 1996. 464 с.
- Вахирев Р.И.* О роли деловых кругов и предпринимателей при переходе России к устойчивому развитию // Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. М., 1997. С. 15-18.
- Гелашвили Д.Б., Розенберг Г.С., Басуров В.А. и др.* Анализ пространственной динамики напряженности экологической ситуации региона на основе обобщенного индекса антропогенной нагрузки (на примере Нижегородской области) // Теоретические проблемы экологии и эволюции (Третьи Люблинские чтения). Тольятти: ИЭВБ РАН, 2000. С. 44-52.
- Голубев В.С.* Устойчивое развитие: новая парадигма // Вестник РАН, 1997. Т. 67. № 12. С. 1104-1107.
- Горшков В.Г., Кондратьев К.Я., Лосев К.С.* Глобальные экологические перспективы // Вест. РАН, 1992. № 5. С. 70-81.
- Гриценко А.И., Аكوпова Г.С., Максимов В.М.* Экология. Нефть и газ. М.: Наука, 1997. 597 с.
- Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-традиция, 2000. 416 с.
- Двадладе Т.Ш., Поздняков А.В., Самуйленков М.Ю.* К методике регионально-экологического прогноза при эксплуатации нефтегазовых месторождений // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости развития нефтегазовых регионов России: теория, методы и практика. Нижневартовск: НГПИ, 2000. С. 23-29.
- Детков В.П., Астахов В.А.* Охрана природы нефтегазовых районов. М.: Недра, 1994. 355 с.
- Иванова О.И.* Оценка антропогенной преобразованности природной среды // Прогноз возможных изменений природной среды под влиянием хозяйственной деятельности на территории Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 188-189.
- Ивахненко А.Г.* Индуктивный метод самоорганизации моделей сложных систем. Киев: Наук. думка, 1982. 296 с.
- Кондратьев К.Я.* Глобальные изменения и демографическая динамика // Изв. РГО, 1996. Т. 128. Вып. 5. С. 1-12.
- Конобеева В.К.* Критические ситуации в сукцессионных процессах в водных экосистемах: Автореф.: докт. биол. наук. М.: 1996. В надзаг. Моск. ун-т. 36 с.
- Котляков В.М.* Сохранение биосферы — основа устойчивого развития общества // Вестн. РАН, 1994. Т. 64. № 3. С. 217-220.
- Лосев К.С.* Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке. М.: Космосинформ, 2001. 400 с.
- Люри Д.И.* Развитие ресурсопользования и экологические кризисы, или Зачем нам нужны экологические кризисы? М.: ИГ РАН, 1997. 174 с.

- Моисеев Н.Н.* Рынок и Анти-Рынок в природе и обществе // Природа. 1996. № 5. С. 97-105.
- Моисеев Н.Н.* Смыслами о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 210 с.
- Москоченко Д.В.* Нефтегазодобыча и окружающая среда: эколого-геохимический анализ Тюменской области. Новосибирск: Наука, 1998. 112 с.
- Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
- Пичугина Т.* Нельзя подменить географию экологией // Газ. «Известия», 9 ноября 2001 г. («Наука», № 26, с. III).
- Программа действий. Новостка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993. 70 с.
- Рикитов А.И.* Роль науки в устойчивом развитии общества // Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. Москва, 1997. С. 126-144.
- Розенберг Г.С.* Модели в фитопенологии. М.: Наука, 1984. 264 с.
- Розенберг Г.С.* Устойчивость экосистем и ее математическое описание // Экологические аспекты гомеостаза в биогеоценозе. Уфа: ИБ БФАН СССР, 1986. С. 120-130.
- Розенберг Г.С.* Экологическая экономика и экономическая экология: состояние и перспективы (с примерами по экологии Волжского бассейна) // Экология, 1994. № 5. С. 3-13.
- Розенберг Г.С.* Комплексный экологический анализ сельскохозяйственной нагрузки в Волжском бассейне // Аграрная Россия, 2001, № 4. С. 44-48.
- Розенберг Г.С., Гелашвили Д.Б., Краснощекоев Г.П.* Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вест. РАН, 1996. Т. 66. № 5. С. 436-441.
- Розенберг Г.С., Краснощекоев Г.П.* Устойчивое развитие в России. Опыт критического анализа. Тольятти: Интер-Волга, 1993. 46 с.
- Розенберг Г.С., Краснощекоев Г.П.* Волжский бассейн: экологическая ситуация и пути рационального природопользования. Тольятти: ИЭВБ РАН, 1996. 249 с.
- Розенберг Г.С., Краснощекоев Г.П., Крылов Ю.М. и др.* Устойчивое развитие: мифы и реальность. Тольятти: ИЭВБ РАН, 1998. 191 с.
- Рянский Ф.Н.* К вопросу обеспечения устойчивого развития азиатских регионов России (аналоговая модель на примере ХМАО) // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости развития нефтегазовых регионов России: теория, методы и практика. Нижневартовск: НГПИ, 2000. С. 18-23.
- Соколова С.Н.* Социально-эколого-экономическая ситуация и проблемы природопользования в нефтегазодобывающих районах Сибири // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости развития нефтегазовых регионов России: теория, методы и практика. Нижневартовск: НГПИ, 2000. С. 32-36.
- Столбачай В.С., Савини И.Ю., Овечкин С.В., Сизов В.В.* Полевно-экологическое зонирование как стратегия экологически-рационального использования земель // Геогр. и прир. ресурсы, 1996, № 3. С. 15-19.
- Тихуня В.С., Ципук Д.А.* Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение. М.: Смоленск: СГУ, 1999. 176 с.
- Трафимов А.М., Котляков В.М., Селиверстов Ю.П., Хузеев Р.Г.* Пространственное выражение комплексных эколого-экономических систем // Изв. РАН, 1996. № 2. С. 32-38.

- Трофимов А.М., Любарский Е.Л.* Проблемы изучения комплексных эколого-экономических систем // Экология, 1996. № 5. С. 330-334.
- Урсул А.Д.* Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития // Нелинейные явления в распределенных системах. М.: Гос. ин-т физико-технич. проблем, 1994. С. 103-157.
- Урсул А.Д.* Социально-экологические аспекты устойчивого развития цивилизации в России // Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. М., 1997. С. 86-104.
- Флейшман Б.С.* Основы системологии. М.: Радио и связь, 1982. 386 с.
- Фоменко Г.А.* Территориальная дифференциация платежей за использование природных ресурсов и загрязнение окружающей среды // Изв. РАН. 1996. № 3. С. 63-76.
- Чепурных Н.В., Новоселов А.Л.* Экономика и экология: развитие, катастрофы. М.: Наука, 1996. 272 с.
- Черномырдин В.С.* Обращение к участникам симпозиума // Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. М., 1997. С. 12-14.
- Экологическая ситуация в Самарской области: состояние и прогноз / Отв. ред. Розенберг Г.С., Беспалый В.Г. Тольятти: ИЭВБ РАН, 1994. 326 с.
- Экономическая и социальная география России / Под ред. Хрущева А.Т. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 352 с.
- Gatto M.* Sustainability: is it a well defined concept? // Ecol. Application, 1995. v.5 (4). P. 1181-1183.
- Ludwig D.* Environmental sustainability: magic, science and religion in natural resource management // Ecol. Application, 1993. V. 3. P. 555-558.
- Rozenberg G.S., Shitikov V.K.* Expert system «REGION» as instrument of simulation of a large-scale ecosystems and reservoirs // Сб.: Экологические проблемы бассейнов крупных рек (тезисы докладов международной конференции). Тольятти: ИЭВБ РАН, 1993. С. 264.
- Rozenberg M.M., Rozenberg G.S.* Ecological modelling: space-distributed data base and forecast (for example ecosystems of Volga river basin) // Programme and Abstracts. 3rd International Conference on Reservoir Limnology and Water Quality. Ceske Budejovice, Czech Republic, 1997. P. 150.
- Rubenstein D.I.* Science and the pursuit of a sustainable world // Ecol. Application, 1993. V. 3. P. 585-587.
- Tikunov V.S., Berdnikov K.V.* Humanware in Geographic Information Science / / Geographical Information'97: From Research to Application through Cooperation. Amsterdam: IOS Press, 1997. P. 271-276.
- Turner R.K.* Sustainability: principles and practice // Sustainable Environmental Economics and Management. London: Belhaven, 1993. P. 3-36.

С. Н. Соколов

Оценка природно-ресурсного потенциала Западной Сибири и региональная политика

Без предсказания и планирования социально-эколого-экономической ситуации в любом регионе страны, без анализа современных тенденций, без оценки потенциала не может быть продолжения истории развития этого региона. Познание причин — первый шаг к выздоровлению страны. Процесс возрождения России очень длительный и сложный. По нашему мнению, одним из главных районов возрождения России может стать ее азиатская часть, и в частности Западная Сибирь.

В прошлом региональная политика государства строилась на представлении о несметных богатствах Сибири и Дальнего Востока с опережающим ростом добычи ценных природных ресурсов [15]. Предпочтение было отдано развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири, ориентированного на границу. Освоение других природных ресурсов не привело к образованию соответствующих высокоэффективных комплексов [18]. Поэтому вместо продвижения к постиндустриальному обществу Россия в ходе реформ оказалась отодвинута к доиндустриальному типу социальных отношений через разрушение экономического потенциала. Россия продемонстрировала всему миру «экономическое чудо»: уникальное по масштабам и темпам разрушение экономики.

Богатства ресурсного потенциала Западной Сибири в совокупности с особенностями экономико-географического положения в условиях закрытой экономики и строгой ориентации на внутренний рынок обуславливали своеобразную региональную политику. Выгодность добычи сырья сочеталась, естественно, с невыгодностью его переработки на месте (слишком велико экономическое расстояние до внутренних районов потребления и слишком велики сравнительные текущие затраты, особенно на заработную плату и эксплуатацию). Поэтому получили преимущественное развитие добывающие отрасли промышленности [6].

Резкий переход в России в 1990-е годы от административно-регулируемого народного хозяйства к рыночно-ориентированной экономике негативно отразился на экологической обстановке в регионе.

Несмотря на значительный спад экономической активности, здесь возросла интенсивность загрязнения окружающей среды, а в ряде мест наблюдается напряженная экологическая обстановка. В некоторых случаях антропогенные нагрузки давно превысили установленные нормативы, и сложилась критическая ситуация, при которой возникают значительные изменения ландшафтов [4], происходит истощение и утрата природных ресурсов, значительно ухудшаются условия проживания населения. К числу таких регионов относятся и нефтегазодобывающие ареалы Западной Сибири, где нерациональная, а подчас хищническая эксплуатация природных ресурсов способствует прогрессивной деградации природных комплексов.

Опорой экономики Западной Сибири являются сырьевые отрасли (топливно-энергетический комплекс, лесная отрасль промышленности, черная и цветная металлургия). Они вслед за потребительскими секторами экономики пали жертвой начавшейся реструктуризации ценообразования и плохо спрогнозированного падения спроса и роста издержек. Отрасли, традиционно «вытягивавшие» экономику региона, оказались в зоне экономического бедствия, имея вместе с тем хорошие возможности не только помочь самим себе, но и по-прежнему являться «локомотивом региональной экономики».

Все большая часть сырья стала отправляться на экспорт в обмен на нефтедоллары, и все меньшая часть стала поступать на отечественные перерабатывающие центры. Все это способствовало тому, что возникло и широко распространилось представление об исчерпании сырьевых ресурсов Западной Сибири [19]. На самом же деле природные ресурсы были и остаются одним из главных элементов развития региональной экономики, а в ряде территорий — главной базой местной экономики, особенно это касается Среднего и Нижнего Приобья.

Сегодня истощительным освоением охвачена значительная часть углеводородных ресурсов, и именно поэтому трансформация широко распространилась по территории региона. Трансформация природно-ресурсного потенциала (ПРП) привела к тому, что сейчас практически закончен первый этап их освоения — добыты первично-доступные ресурсы практически всех видов, т. е. «сняты сливки». Эти ресурсы были доступны при минимальных затратах, относительно простых технологиях и экстенсивных методах освоения. Наступил второй этап освоения ресурсов, который характеризуется все еще достаточно большими объемами ресурсов, но требует интенсивных методов, применения более тонких и изощренных технологий, современной высокоавтоматизированной и экологически безопасной техники и технологии добычи ископаемых [28].

Естественно, назрело преобразование всей системы природопользования в регионе. Оно опоздало во времени и сожнулось с началом

перестройки. Кроме того, старая система оказалась достаточно живой и не может распасться сразу. Тем не менее она должна быть заменена новой системой природопользования, и этот процесс не может быть безболезненным. К тому же идет борьба организаций и личностей, поддерживающих разные системы природопользования. Поэтому необходимо рассматривать проблему устойчивого развития региона.

Устойчивость — это одна из тех проблем, которая привлекает специалистов разных отраслей уже не одно десятилетие. Огромная теоретическая и практическая значимость привела к тому, что по проблеме устойчивости опубликовано большое число работ [24]. В результате накоплен богатый качественный и количественный материал. В понятие устойчивости входит единство устойчивости структуры и подвижности функций. Однозначно решается вопрос о соотношении устойчивости и равновесия, но возможны случаи, когда равновесие, обусловленное подвижностью функций, может быть неустойчивым. Центр тяготения системы и ее устойчивое равновесие находятся в таком положении, где они максимально отвечают условиям окружающей среды (место экологического оптимума). Этот центр тяготения можно считать своеобразным нулем, точкой отсчета устойчивости системы. В силу определенных закономерностей и причин связи между отдельными объектами и территорией имеют избирательный характер, в их направленности наблюдается определенная предпочтительность. По нашему мнению, с проблемой устойчивого развития тесно связана проблема трансформации ПРП [27].

Загрязненная природная среда отрицательно воздействует на «реципиентов» (людей, промышленные, транспортные и жилищно-коммунальные объекты, сельскохозяйственные угодья, леса, водоемы и т.п.). Эти отрицательные воздействия проявляются в основном в повышении заболеваемости людей и ухудшении их жизненных условий, в снижении продуктивности биологических природных ресурсов, ускорении износа зданий, сооружений и оборудования. Применяемые в практике экологических исследований показатели ПДК и ПДВ характеризуют в большей мере источники загрязнения природной среды, чем реальные социальные, экономические и экологические последствия для населения от неблагоприятных условий жизни. Более обоснованным представляется при разработке экологических программ региона использование категории качества жизни и выявление его экологической составляющей. Анализ состояния населения, оказавшегося под негативным воздействием факторов природной среды и социально-экономических условий их проявления, позволяет оценить уровень качества жизни для населенных пунктов в целом и его внутригородскую дифференциацию. Создаются системы особо охраняемых природных территорий как основы для поддержания естественной динамики экосистем и их

естественного эволюционного процесса. Такие системы должны рассматриваться в качестве основополагающей задачи в современных условиях для экологического мониторинга за состоянием природной среды и природно-ресурсного потенциала территории.

Природно-ресурсный потенциал территории — это совокупность естественных ресурсов, выступающих в качестве средств производства или предметов потребления в границах ландшафтов или регионов. Это та часть природных ресурсов земли, которая может быть реально вовлечена в хозяйственную деятельность при данных технических и социально-экономических возможностях общества с условием сохранения среды жизни человечества [7].

Современный этап развития экономики отличается возрастающими масштабами потребления природных ресурсов, резким усложнением процесса взаимодействия природы и общества, интенсификацией и расширением сферы проявления специфических природно-антропогенных процессов. В этой связи большое значение приобретает изучение ПРП отдельных регионов и страны в целом, анализ систем их хозяйственного использования. «Природные ресурсы» — одно из наиболее часто употребляемых в литературе понятий [2, 10]. По определению А.А. Минца, это «тела и силы природы, которые на данном уровне развития производительных сил и изученности могут быть использованы для удовлетворения потребностей человеческого общества в форме непосредственного участия в материальной деятельности» [17].

Под оценкой ПРП подразумевается единство ее содержания: 1) в широком значении слова, как определение территориальной дифференциации в эффективности его использования (экономико-географическая оценка ПРП); 2) как установление его общественной потребительной стоимости, формой выражения которой выступает стоимостная величина (экономическая оценка ПРП).

Как отмечают Т.Г. Рунова и Л.И. Мухина [23], в географических работах наиболее разработана внеэкономическая сравнительная оценка природных ресурсов. Она обычно базируется на ранжировании количественных и качественных характеристик свойств отдельных компонентов и природных комплексов (с последующим взвешенным или невзвешенным суммированием) и на определении соответствия объектов этих рангов требованиям субъекта оценки. Такие оценки важны для ориентировочных вариантов размещения хозяйства или способов использования данного природного компонента. Но они оказываются недостаточными для практики проектирования, так как выражаются в общем виде — категориях, словесно.

В экономических исследованиях показатели оценки приобретают стоимостную форму. В этих оценках природные ресурсы выступают как производительные силы, в первую очередь в виде средств

производства и предметов потребления. В конкретных методиках экономических расчетов оценок преобладают показатели максимальной дифференциальной ренты, прибыли, дополнительного объема продукции или минимума затрат на ее получение. Такие оценки имеют отраслевой характер и нацелены на поиск экономически эффективного варианта размещения тех или иных отраслей. В качестве оценки часто выступает величина экономической эффективности их использования. Обычно она рассматривается с помощью балансового метода (или метода замыкающих затрат) на уровне территориально-производственного комплекса.

Углубление оценок в поиск экономической эффективности размещения отдельных отраслей хозяйства приводит к потере комплексного характера оценки ресурсов с учетом всех их совокупных свойств и полезностей. Пока нет общепризнанного подхода к оценке ТСПР. Как правило, оценка определяется по следующей схеме [2], состоящей из этапов:

1) проводится инвентаризация всех источников ресурсов и дается обоснование технических возможностей их эксплуатации;

2) осуществляется приведение натуральных показателей объемов (запасов) природных ресурсов к единому знаменателю. Например, натуральные объемы возобновляемых и невозобновляемых ресурсов приводятся к потенциальной годовой продуктивности предприятия, осваивающего эти ресурсы;

3) пересчитываются натурально-условные показатели в соизмеримые стоимостные величины с учетом сложившихся цен на продукцию сырьевых отраслей;

4) получают итоговую оценку путем сложения частных оценок в рамках принятых таксонов.

Экономическая оценка ПРП территории при всей своей специфике является, в общем, одной из разновидностей оценок природных ресурсов и поэтому не может быть рассмотрена вне их системы. Исходные аспекты проблемы освещались в трудах С.Г. Струмилина, И.К. Смирнова, В.С. Немчинова, Н.П. Федоренко, А.А. Минца, Ю.Г. Саушкина, К. Г. Гофмана и других. Историография и обстоятельное изучение сущности экономической оценки природных ресурсов проведены А.А. Минцем [16].

Важнейшим свойством ПРП территории как системы является эмерджентность (комплексность), которая означает, что совокупная производительность входящих в ПРП территории природных ресурсов не равна сумме их производительностей в отдельности. Это положение перекликается с понятием мультипликатора Дж.М. Кейнса [12]. Поэтому очень сложной является стоимостная оценка. В некоторых методиках рекомендуется оценивать не сами ресурсы, а возможные результаты и масштабы их освоения на тот или

иной заданный срок [3]. В других же работах на эту тему [8] предлагается давать денежную оценку какого-либо одного вида ресурса, который будет признан в данном районе основным. Остальные ресурсы оцениваются с точки зрения того, будет ли их освоение удешевлять или удорожать освоение главного ресурса. Таким образом, налицо субъективные элементы данных методик. В связи с этим снижение субъективности, объективизация оценок ПРП — одна из главных методических проблем.

Значение того или иного ресурса для народного хозяйства не является постоянной величиной и меняется в связи с научно-техническим и экономическим прогрессом. Изменение ценности природных ресурсов (относительно друг друга) происходит не так быстро, как изменение состояния экономики или изменение в размещении производительных сил. Поэтому для определенных, достаточно длительных периодов времени (30–50 лет) можно говорить об относительном постоянстве этой ценности [9].

Хотя положение о том, что разные виды природных ресурсов имеют неодинаковые значение и ценность, не вызывает сомнений, сама оценка этой значимости представляет значительные трудности. Балльная оценка исходит из определения значимости (или «полезности») для народного хозяйства видов ресурсов, а отсюда их источников. Стоимостные (ценовые) оценки почти всегда подвержены колебаниям конъюнктурного характера, связанных с динамикой цен и потребностью народного хозяйства в том или ином ресурсе в разные периоды своего развития. Они отражают коммерческую значимость природных ресурсов. Другие стороны при этом не находят должного отражения. Так, отдельные виды ресурсов могут иметь большое значение как объекты специализации какой-либо территории в государственном разделении труда. Другие ресурсы могут иметь большое значение для развития традиционных видов промысла местного населения. Третьи могут иметь особое значение для отдельной территории или района из-за дефицитности соответствующей производимой продукции, например, сельскохозяйственные угодья при дефиците местной свежей сельскохозяйственной продукции, вода в маловодных районах или местный торф для обогрева жилищ в некоторых районах. Четвертые могут при их освоении дать значительный толчок в социально-экономическом развитии соответствующей территории и т.п.

В условных единицах (баллах) можно оценить значимость разных видов ресурса для народного хозяйства. Низшим баллом можно оценить наиболее распространенный ресурс, а высшим — очень редко встречающийся, но чрезвычайно ценный по своим свойствам ресурс, поэтому и имеющий по сравнению с другими наибольшее значение. Например, для условий Сибири как крупного региона в целом можно принять воду и алмазы соответственно. Остальные виды ресурсов дол-

жны занимать промежуточные ступени шкалы. В качестве одного из возможных вариантов может быть использована шкала относительной ценности главных промышленных природных ресурсов, составленная для условий Сибири с учетом их современного значения, с использованием экспертных оценок. Ценность (значимость) ресурса определяется в этом случае по удельному баллу его народно-хозяйственной значимости в расчете на 1 балл запасов [9, 14].

Один и тот же вид ресурса может иметь различную оценку значимости на разных уровнях рассмотрения. Могут быть приняты традиционные уровни рассмотрения, такие, как страна, крупный регион, область, район, населенный пункт. Эксперт, давая оценку «веса» ресурса, может присвоить разные баллы одному и тому же ресурсу для разных уровней рассмотрения. Важно, чтобы эксперт соответствовал возлагаемым функциям «выразителя интересов» соответствующей территории.

Использование метода экспертных оценок заключается в следующем. Для проведения оценки привлекается группа экспертов. Полученные оценки проходят соответствующую обработку. Среди методов обработки можно отметить метод, предложенный А.С. Шейгаузом и др. [30]. Он заключается в том, что каждому эксперту заранее сообщается смысловое содержание оцениваемого показателя с какой-либо точки зрения. Ранжированные ряды возможных качественных состояний данного показателя, составленные разными экспертами, сопоставляются с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмэна. Если ранговая корреляция между рядами, составленными различными экспертами, существенна (при 5%-м уровне), выводится усредненный ряд рангов, который выступает в качестве балльной оценки. Если какой-то ряд существенно не коррелирует с другими, то производится совместное обсуждение принципов ранжирования, после чего этот ряд исключается из расчетов или каждым экспертом выполняется повторное ранжирование с последующим окончательным усреднением.

Все подобные оценки являются относительными и имеют смысл при оценке не отдельного источника, а их системы, так как дают их значимость (ценность) относительно друг друга. Если мы не учитываем условия освоения источника ресурсов, то такая оценка будет являться «идеальной» [9]. В действительности же разные источники имеют разные условия освоения. Различными будут их транспортная доступность, характер изученности, степень освоенности и заселенности территории и т.д. Все эти условия облегчают либо затрудняют освоение различных источников, а следовательно, непосредственно влияют на их оценку. Найденная с учетом современных условий освоения ценность (значимость) источников будет их «реальной» (для сегодняшнего дня) ценностью (значимостью). Она прямо пропорци-

ональна «идеальной» ценности, коэффициенту изученности, освоенности и обратно пропорциональна коэффициенту удаленности от основных путей сообщения. Вычисленные «реальные» ценности (значимости) должны быть приурочены к определенной дате. Они будут подвержены изменениям во времени в связи с научно-техническим прогрессом, транспортным строительством т. д. Это конъюнктурная ценность, базирующаяся на наших нынешних знаниях о них и на современном географическом положении. Поэтому можно считать «реальную» ценность (значимость) оценкой ресурсов в ПРП [25].

Степень освоенности территории может быть также оценена с помощью коэффициентов. Как отмечается в [13], многие авторы при оценивании степени освоенности территории применяют показатель, характеризующий два основных аспекта: уровень развития производительных сил и уровень производительности («отдачи») территории. Такой показатель в виде совокупности показателей стоимости валовой продукции, численности занятых в производстве и объема основных производственных фондов приводится к общему знаменателю пересчетом каждого из них на душу населения и на единицу площади [11, 21], что свидетельствует и об уровне использования ПРП. Таким образом, оценивается роль средств труда и затраченной на освоение природных ресурсов рабочей силы — важных элементов производительных сил.

Для более полного отражения экономического значения ресурсов и их хозяйственной роли все природные ресурсы классифицируют по видам хозяйственного использования. ПРП оценивается с помощью суммирования отдельных его составляющих [29]:

$$P = M+W+A+S+(L+F)/2+R+E$$

где P — суммарный природно-ресурсный потенциал. Потенциалы ресурсов: M — минеральных, W — водных, A — агроклиматических, S — почвенно-земельных, L — дикой природы, F — лесных, R — рекреационных, E — выгоды ЭГП территории.

Определив частные потенциалы ресурсов, необходимо произвести их стандартизацию (нормирование) для приведения их в сопоставимую форму. Складывать баллы можно только в том случае, если предварительно нормировать их [1]. Обычно нормируют относительно среднего арифметического значения. Поэтому для расчета ПРП производится стандартизация каждого отдельного потенциала ресурсов, перевод нормированных показателей в положительные показатели, пересчет их в 100-балльной шкале и затем их суммирование.

Подобным образом поступим при вычислении агроклиматического, лесоресурсного, дикой природы, почвенно-земельного и рекреационного потенциалов, но с учетом «весов» отдельных показателей частных потенциалов. «Весом» назовем среднее арифмети-

ческое из абсолютных значений величин линейных коэффициентов корреляции между каждым показателем и всеми остальными. Определив величины этих показателей и их «вес», проведем стандартизацию и суммирование.

Данные вычислений ПРП регионов Западной Сибири приведены в таблице

Регион	M	W	A	S	L	F	R	E	P
Тюменская область	8,8	51,4	92,0	72,5	80,8	28,4	77,9	86,3	443,5
Ханты-Мансийский АО	46,8	71,2	68,3	32,6	89,0	81,2	54,2	40,7	398,9
Ямало-Ненецкий АО	51,8	74,7	7,6	11,2	29,8	5,7	14,4	16,4	193,9
Омская область	0,0	51,4	95,7	85,9	40,1	45,5	62,9	55,5	394,2
Томская область	16,9	56,8	78,4	44,9	100	81,5	79,8	21,7	389,3
Новосибирская область	1,3	64,0	100	89,7	52,7	25,0	87,3	44,3	425,5
Алтайский край	56,5	42,4	91,2	100	41,6	43,4	79,9	48,8	461,3
Республика Алтай	3,6	33,5	38,6	19,5	24,1	74,3	47,3	0,9	192,6
Кемеровская область	75,8	46,0	85,9	72,7	82,6	66,4	45,2	100	500,1
ИТОГО (среднее)	29,1	54,6	73,1	58,8	60,1	50,2	61,0	40,6	377,7

Наибольшее значение потенциала минеральных ресурсов у Кемеровской области, водных ресурсов — Ямало-Ненецкого АО, агроклиматических ресурсов — Новосибирской области, почвенно-земельных ресурсов — Алтайского края, ресурсов дикой природы и лесных ресурсов — Томской области, рекреационных ресурсов — Алтайского края, выгодности экономико-географического положения — Кемеровской области. Оценка суммарного ПРП наибольшая в Кемеровской области. Оценка ПРП ниже средней региональной лишь у двух субъектов федерации — Ямало-Ненецкого АО и Республики Алтай, которые занимают последние места практически по всем потенциалам отдельных ресурсов (за исключением минеральных).

Традиционно Западная Сибирь считается регионом, богатым природными ресурсами [20, 22]. Действительно, абсолютные запасы природных ресурсов подтверждают это мнение, хотя природно-ресурсный потенциал до конца не изучен и не разведан. Однако

большие абсолютные величины связаны в значительной степени с огромными размерами территории. Реальная средняя концентрация ресурсов на площади невелика, размещение их по территории неравномерное, и наряду с местами сосредоточения тех или иных ресурсов имеются достаточно бедные пространства. При неразвитости инфраструктуры, прежде всего путей транспорта, это создает значительные трудности в освоении [10].

Процесс перехода к устойчивому развитию должен затрагивать фактически весь комплекс внутренних проблем долгосрочного развития страны, включая структурную и инвестиционную политику, вопросы изменения структуры потребления, охраны, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, экономической и экологической безопасности, социальной, научно-технической и региональной политики, а также внешнеполитических аспектов, где экологический фактор играет все более заметную роль. В целом успех в продвижении к устойчивому развитию определяется уровнем развития общества, включая экономические возможности и общий уровень культуры. Структурная перестройка в этих направлениях не может быть осуществлена быстро, но с позиций ее возможной роли в дальнейшей перспективе (что особенно важно для экологической политики) именно она имеет приоритетное значение и требует государственной поддержки.

Переход к устойчивому развитию предполагает строгое соблюдение ряда ограничений, следовать которым будет нелегко, особенно на начальных этапах. Это, в частности, осуществление хозяйственных мероприятий, преимущественно на уже освоенных территориях, и отказ от реализации любых проектов, которые наносят невосполнимый ущерб окружающей среде или экологические последствия которых недостаточно изучены. Ущерб окружающей среде должен быть на столь низком уровне, какой только может быть разумно достигнут с учетом экономических и социальных факторов. При этом никакая хозяйственная деятельность не может быть оправдана, если выгода от нее не превышает вызываемого ущерба.

Экологическая политика должна быть совместима с экономической политикой и обеспечивать ее результатами эколого-экономического учета и оценки природных и экологических ресурсов и активов; стимулировать эффективные экономические и финансовые, а также институциональные механизмы управления и формирования рынка, чтобы сделать выгодным для хозяйствующих субъектов переход на менее энерго- и материалоемкие и малоотходные технологии; стимулировать экологически ориентированное и экономически эффективное управление предприятий [26]. В сфере охраны окружающей среды необходимо развитие методов экономической оценки негативных экологических воздействий природных

ресурсов, усовершенствование систем лимитирования выбросов (сбросов) загрязняющих веществ и размещения отходов.

Сверхприбыльность основных производителей сырья и полупродуктов в настоящее время может основываться единственно на до конца не оплачиваемой «даровой» эксплуатации уникальных природных ресурсов региона (гидроэнергетических, лесных, водных, минерально-сырьевых), его населения и инфраструктуры, а никак не на передовых технологиях, способах организации труда и т.д., и, следовательно, составляет чистый рентный доход, в подавляющей части должный по праву принадлежать всему населению региона и использоваться на решение стоящих перед ним внутренних социальных, экономических и экологических проблем. Поэтому оставаться в распоряжении указанных предприятий и расходоваться во внутриотраслевых целях должна лишь небольшая часть их свободных финансовых средств, оправданная непосредственными технико-экономическими, социальными и экологическими требованиями. Основная часть их избыточной прибыли должна перераспределяться для решения областных проблем либо в виде непосредственных денежных рентных платежей в бюджет, либо в форме натуральных платежей — организации производства по выпуску конечной продукции на внутренний рынок области, либо через дивиденды по акциям, принадлежащим ее населению.

Рентные платежи, с одной стороны, должны стать источником устойчиво-повышенного уровня заработной платы и качества жизни населения региона, с другой стороны — использоваться для субсидирования несырьевого производства: закупок технологий, оборудования, машин, механизмов и инвестиций в сельское хозяйство, легкую, пищевую промышленность, машиностроение. Кроме того, введение полномасштабных рентных платежей с основных крупных сырьевых предприятий позволит резко сокращать и полностью освобождать от регионального налогообложения множество мелких, средних и более крупных предприятий, работающих на внутренний рынок областей Западной Сибири, что должно способствовать как росту уровня жизни населения (через снижение цен), так и росту деловой активности производителей конечной продукции.

Интегральная оценка большинства параметров экономической и политической жизни — мощь ресурсного, промышленного, научно-технического и трудового потенциалов, выгоды геополитического и экономико-географического положения, стабильность экономической обстановки — явно выделяет Западную Сибирь, имеющую наибольшую потенциальную инвестиционную привлекательность и благоприятные возможности для перехода на траекторию устойчивого развития [26].

Необходимо предпринять целенаправленные усилия в самых различных областях природопользования для создания ситуации,

благоприятствующей превращению природных ресурсов в действительно фундаментальный фактор развития всего региона. В конечном счете, все эти возможные и необходимые мероприятия основываются на активизации инвестиционной деятельности. Совершенно необоснованно ресурсно-сырьевая специализация экономики считается символом отсталости. Это неверно, например, Канада, Австралия — развитые страны, хотя именно добывающие отрасли определяют развитие их экономики, уровень жизни населения достаточно высок [5]. Именно северное и евразийское положение России с достаточно богатыми природными ресурсами и низкой плотностью населения определяет ее будущее. Ресурсно-сырьевая специализация в сочетании с высокими технологиями — путь процветания Западной Сибири.

1. Арманд Д.Л. Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. М.: Наука, 1983.
2. Божьева Т.Г. Природно-ресурсный потенциал как обобщающий региональный показатель естественной базы развития экономических районов СССР // Региональные особенности рационализации природопользования и охраны среды. Иркутск: Изд-во Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, 1980.
3. Ботвинников В.И. Некоторые вопросы количественной (стоимостной) оценки территориальных комплексов естественных ресурсов // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1966. № 6.
4. Булатов В.И. Антропогенная трансформация ландшафтов и решение региональных проблем природопользования: Автореф. ...докт. геогр. наук. Иркутск, 1996.
5. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
6. Гранберг Л., Рубинштейн А. Участие Сибири во внешнеэкономической деятельности: Проблемы и перспективы // Внеш. торг. 1989. № 8.
7. Дмитриевский Ю.Д. О природно-ресурсном потенциале // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974.
8. Должных В.Н., Куликов А.И. Комплексная технико-экономическая оценка природных ресурсов формирующихся промышленных районов или промышленных узлов // Природные ресурсы и эффективность их использования. М., 1966.
9. Зайцев И.Ф., Изюмский О.А. Природные ресурсы — на службу экономическому прогрессу. М.: Мысль, 1972.
10. Ильичев А.И. Природно-ресурсный потенциал Сибири в народно-хозяйственном комплексе (вопросы теории, методологии и практики): Автореф. ...докт. геогр. наук. Кемерово, 1990.
11. Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил. Новосибирск: Наука, 1979.
12. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948. 11. 396 с.
13. Кривоборская А.И. Вопросы выделения и оценки территориальных сочетаний природных ресурсов // Региональное природопользование в Сибири. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО АН СССР, 1984.

14. Кузьмин И.Я., Барышев А.С., Русин Г.Г., Верхозин А.И. Принципиальная основа прогнозирования, рационального использования и охраны минеральных ресурсов Восточной Сибири // Оценка, прогнозирование, рациональное использование и охрана минеральных ресурсов. Новосибирск: Наука, 1980.
15. Лексин В.Н., Андреева Е.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения. М.: Экспрос, 1993.
16. Минц А.А. Содержание и методы экономической оценки естественных ресурсов // Вопросы географии. 1968. Вып. 78.
17. Минц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов. М.: Мысль, 1972.
18. Недешев А.А. Устойчивое развитие Сибири и Дальнего Востока и географические типы районов // География и природные ресурсы. 1995. №1.
19. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой в начале 90-х. М.: Изд-во Ин-та геогр. РАН, 1994.
20. Николаев С.М. Минеральные богатства Западной Сибири и их использование. М.: Недра, 1973.
21. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Территориальная организация промышленности и природные ресурсы СССР. М.: Наука, 1980.
22. Ресурсный потенциал региона: Теоретические и методологические аспекты исследования. М.: Наука, 1991.
23. Рунова Т.Г., Мухина Л.И. Роль и место социально-экономических оценок в рационализации природопользования // Региональное природопользование в Сибири. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО АН СССР, 1984.
24. Светлосапов В.А. Устойчивость и стабильность природных экосистем (модельный аспект). Теоретические и общие вопросы географии // Итоги науки и техники ВИНТИ. М., 1990. Т. 8.
25. Соколов С.Н. Об оценке природно-ресурсного потенциала территориальных сочетаний природных ресурсов // Природные ресурсы Иркутской области: современный взгляд: Тез. докл. конф. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 1993.
26. Соколов С.Н. Возможные подходы к разработке направлений концепции развития производительных сил сибирского региона // Регион и география: Тез. докл. конф. Ч. 1. Вып. 1. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995.
27. Соколов С.Н. Социально-эколого-экономическая ситуация и проблемы природопользования в нефтегазодобывающих районах Сибири // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости развития нефтегазовых регионов России: Теория, методы и практика. Нижневартовск, 2000.
28. Соколов С.Н. Трансформация природно-ресурсного потенциала и природопользование в Сибири // Экология и рациональное природопользование на рубеже веков. Итоги и перспективы: Материалы международной конф. (Томск, 2000). Т. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000.
29. Соколов С.Н. Оценка природно-ресурсного потенциала сибирского региона // Современные проблемы науки и образования: Матер. Республиканской школы-семинара докторантов (Нижневартовск, 2001). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002.
30. Шейнгауз А.С., Дорофеева А.А., Ефремов Д.Ф., Саложников А.П. Комплексное лесохозяйственное районирование. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980.

А. Ф. Борискин

Методологические вопросы формирования экологической компетентности учащихся

В наше время антропогенная деятельность достигла глобальных размеров и привела к экологическому кризису. Это проявляется в сокращении видового разнообразия живых организмов в биосфере, загрязнении воды, воздуха, почвы, истощении природных ресурсов. Возникла угроза существования жизни на нашей планете, в том числе и человека. Особую остроту экологические проблемы приобретают в северных регионах, на территории ХМАО. Своеобразие северных регионов состоит в том, что природа края, экосистемы являются более уязвимыми к техногенным факторам. В последние годы хрупкое равновесие природной среды и человеческой деятельности (техносферы) резко нарушено. В результате освоения нефтегазовых промыслов на территории ХМАО наблюдаются загрязнения всех сред жизни — воды, почвы, воздуха.

Большинство ученых считает, что единственной возможностью для выживания человека является переход на путь устойчивого развития планеты, коэволюции с природой; старая парадигма научно-технического прогресса и техногенной культуры подошла к такому рубежу, когда общество становится заложником техногенных катаклизмов [1, 2, 3].

Понятие *устойчивое развитие, коэволюция* [3] означает, что люди берут на себя ответственность за развитие биосферы. Эта ответственность должна базироваться на знании природных и социально-экономических законов. «Природа знает лучше» — этот постулат американского эколога Б. Коммонера мы должны использовать в своей деятельности: не изменять бездумно биосферу, которая за миллиарды лет создала и отработала механизмы для своего существования, а понять свое место в ней и жить по законам экологического партнерства с природой.

Разумеется, эта проблема глобальная и затрагивает всех людей нашей планеты. Вот почему экологическое образование и воспитание признается мировым сообществом, в том числе и в нашей стране, приоритетным. «Повестка дня на XXI век» призывает государства и

правительства обеспечить просвещение по вопросам развития и сохранения окружающей среды для людей всех возрастов.

Обязательность и приоритетность экологических знаний в системе образования официально закреплены в законе Ханты-Мансийского автономного округа об экологическом образовании населения ХМАО и в Комплексной программе развития образования Ханты-Мансийского автономного округа на 2000–2005 гг.

Сегодня становится все более очевидным, что одних знаний будет недостаточно для формирования нового человека, следующего экологическому императиву в отношении к окружающей среде. Важнейшим человеческим качеством личности должна стать экологическая ответственность.

Что же такое *экологическая ответственность*? Экологическая ответственность есть *мера свободы человека в условиях экологической необходимости* как единство сознания, чувства и воли, как мировоззрение, опирающееся на конкретное знание [1].

С другой стороны, ответственность может остаться только декларацией, если она не подтверждена компетентностью специалиста. Только профессионалы, компетентные в своей области люди, могут делать качественно свою работу и отвечать за нее.

Понятие *компетентности* (от лат. *competento* — добиваюсь, соответствую, подхожу) означает определенную меру соответствия знаний, умений человека уровню понимания реальной сложности выполняемых задач и решаемых проблем. Это понятие своим содержанием охватывает, таким образом, не только глубокие знания, необходимую информированность, но и способность их применения, готовность взять на себя ответственность в принятии решения в согласии с требованиями конкретной ситуации, фактическое воплощение знаний в реальной деятельности.

Экологическая компетентность — это часть профессиональной компетентности, она предусматривает, в первую очередь, глубокие знания и широкую эрудицию в экологической проблематике, умение проявить нестандартное экологическое мышление, владение инновационными технологиями, методами решения творческих экологических задач, вместе с тем должна выражать его способность сознательно, добровольно следовать требованиям экологического императива, готовность к принятию соответствующих решений (см. рис. 1).

Каковы же технологии реализации экологического образования, вытекающие из требований экологической ответственности и экологической компетентности?

Практика уже показала, что однопредметная модель экологического образования оказывается малоэффективной. Более оправданным на сегодня является системный подход в реализации экологического образования, когда многие аспекты его содержания рас-

Рис. 1. Содержание понятия экологическая компетентность

крываются во взаимодействии дисциплин естественно-научного направления, таких, как химия, биология, физика, география и др.

Содержание физики как базового предмета в естественнонаучном образовании открывает широкие возможности в реализации задач непрерывного экологического образования на междисциплинарной основе. Нами был разработан комплекс методических материалов: учебное пособие «Экология в школьном курсе физики» [4], программа интегрированного курса «Экологическое образование в школьном курсе физики», а также лабораторный практикум «Физические основы экологии: школьный практикум», которые содержат экологически значимый материал, активно включается также региональный компонент.

Как и все естественные дисциплины, физика и экология тесно связаны между собой. Большая часть явлений в организмах имеет физическую природу, будь то зрение, слух или движение соков по стеблю. У физики и экологии достаточно много также общих объектов исследования. Одним из них, например, является среда. В физике это достаточно широкое понятие: среда (вещество) может находиться в газообразном, жидком (конденсированном) и твердом состояниях. Среда может быть заряженной или незаряженной. Существует особая среда (особый вид материи) — поле. В экологии среда — это место обитания живых существ, определяемое физическими факторами, она же — источник ресурсов для существования. Окружающая среда — это все живое и неживое вокруг нас. Среда характеризуется биотическими, абиотическими и антропогенными факторами. К абиотическим факторам относятся температура, давление, гравитационное и электромагнитное поля, освещенность, влажность, радиационный фон, шумы и вибрации и т.п., т.е. факторы, которые являются объектом изучения физики. Часто в исследованиях мы пользуемся одними и теми же терминами; таковы, например, вопросы переноса и превращения энергии (энергетические потоки), вопросы массо- и теплообмена, устойчивости и др.

Практически все разделы физики позволяют ставить экологические проблемы и задачи, органически увязывая их с изучаемым материалом по физике. Главная же задача экологизации курса физики, как нам представляется, состоит в том, чтобы сформировать основы единой научной картины мира у учащихся, целостного пред-

ставления о живой и неживой материи, их взаимосвязи и взаимозависимости, сложности и многообразия природы, ее универсальной ценности в жизни каждого человека.

Ядром междисциплинарного экологического образования через физику должны стать понятия и законы глобальной экологии [2, 4]. Ключевыми темами здесь можно назвать, например, такие, как *понятие о биосфере как о многоуровневой открытой системе* (кибернетической машине); *космические предпосылки формирования Земли и биосферы*; *циклические процессы в природе, роль солнечной радиации в них*; *физико-экологические аспекты энергетики, производства, транспорта* и др.

Остановимся на рассмотрении некоторых понятий, важных как в физике, так и в экологии.

Подобно движению, пространству, времени, *системность* представляет собой всеобщее, неотъемлемое свойство материи. По современным представлениям организованность, структурность присущи материи в любых ее пространственно-временных масштабах. Бесструктурной материи нет. Именно поэтому принцип системности выдвигается в качестве универсального методологического принципа. Так, вещество состоит из молекул и атомов, атомы состоят из ядра и электронной оболочки, ядра в свою очередь состоят из нуклонов, нуклоны из кварков. Структурными единицами в микромире принято считать элементарные частицы. Структурной единицей в химии является атом. Структурной единицей в живой материи является клетка. Структурной единицей в мегамире принято считать звезду. Современные представления о научной картине мира включают понятие экосистемы как структурной единицы окружающей среды.

Таким образом, понятие экосистемы является исходным при определении содержания экологического образования и тесно связано с понятием окружающей среды.

Экосистему можно определить как некую целостность живых существ и абиотических компонентов, которые находятся во взаимодействии. В более широком контексте, как уже подчеркивалось, системное строение окружающей среды отражает системное строение Вселенной. Здесь важно подчеркнуть, что системное целое не является суммой его частей, оно принципиально качественно иное. Можно указать на следующие ключевые понятия, характеризующие функционально полное описание экосистемы как системного целого [1]: *экологическая система, ее компоненты; экологическое взаимодействие; экологическое противоречие; экологическое развитие; экологическая устойчивость.*

Центральным объектом экосистемы является живая масса, представленная сообществом популяций видов, относящихся ко всем основным царствам живого — растениям, животным, грибам.

Экологические взаимодействия в экосистемах происходят между биотическими и абиотическими компонентами, а также между самими биотическими компонентами. Формы проявления экологических взаимодействий на каждом из уровней организации живой материи — на уровнях клетки, организма, популяции, природного сообщества — биоценоза, биогеоценоза — экосистемы и биосферы в целом отличаются друг от друга. Так, основной биотический компонент биосферы — живое вещество — взаимодействует с абиотическими компонентами, что приводит к проявлениям биогеохимического круговорота веществ и потока энергии, первоисточником которого является Солнце.

Важным понятием в экологии является понятие *экологической устойчивости*. Глубина усвоения этого понятия учащимися также потребует от учителя высокого педагогического мастерства.

Формирование элементов такого сложного понятия, как экологическая устойчивость, начинаем в механике. После рассмотрения динамических законов учителю важно актуализировать проблему механического равновесия, указать на различия в таких понятиях, как *устойчивое равновесие, неустойчивое равновесие и безразличное равновесие*.

Обобщая проблему устойчивости в других разделах физики, в конечном итоге учитель подводит учащихся к формулировке важного закона: *система находится в устойчивом равновесии, если ее потенциальная энергия имеет минимальное значение, наоборот, система находится в неустойчивом равновесии, если ее потенциальная энергия максимальна*.

Принцип минимума энергии является общефизическим фундаментальным принципом природы, лежащим в основе устойчивого равновесия любых систем.

Принцип периодичности. В поведении систем разной природы — космологических, физических, химических, биологических и других — наблюдается определенная периодичность. Например, в изменениях солнечной активности наблюдают 11-, 22-, 600-летние циклы; ритмы космоса оказывают глобальное воздействие на био- и геосферу Земли. Сложное взаимодействие периодических процессов рождает как случайные, так и закономерные изменения циркуляции масс в атмосфере и гидросфере, что в глобальном масштабе ведет к изменению климатических условий. Периодичность, таким образом, является фундаментальным свойством природы, важнейшим условием функционирования систем. С математической точки зрения, все периодические процессы можно описать с помощью единой модели, а именно — линейного гармонического осциллятора: и механические, и электрические колебания подчиняются одному дифференциальному уравнению второго порядка.

Когда отсутствуют потери энергии, система может находиться в колебательном состоянии бесконечно долго. Периодичность, таким

образом, характеризует некоторую устойчивость системы, ее нарушение способствует появлению неустойчивости, которая может привести либо к разрушению, либо, при благоприятных внешних условиях, стать шансом для перехода системы в новое, более высокое качественное состояние. В окружающей нас жизни также часто встречаются и аperiodические, затухающие процессы. Как правило, они связаны с сильным рассеянием энергии. Если нет ее поступлений извне, любой процесс в конце концов останавливается.

В природе существует весьма распространенный класс колебательных систем, совершающих незатухающие колебания за счет действия источника энергии, не обладающего колебательными свойствами. Такие системы называются *автоколебательными*, а незатухающие колебания, существующие в какой-либо системе при отсутствии переменного внешнего воздействия, *автоколебаниями*.

Автоколебательными системами являются электрические звонки, зуммеры, паровые машины и двигатели внутреннего сгорания, отбойные молотки и т.п. Многие биологические системы (сердце, легкие и др.) также являются автоколебательными. Автоколебательной системой является, например, и система «хищник — жертва».

За воздействием на систему всегда следует отклик. Поэтому для характеристики взаимодействий между элементами сложной системы вводят так называемые обратные связи. Существуют положительные обратные связи и отрицательные обратные связи. Если в течение промежутка времени, пока осуществляется взаимодействие (сила действует на систему), источник энергии произведет над колебательной системой положительную работу, т.е. передаст ей энергию, то колебания не будут затухать. Если же источник отберет энергию от колебательной системы, то тем самым усилит затухание.

В первом случае говорят, что в системе действует **положительная обратная связь**, во втором — **отрицательная**. Положительная обратная связь используется для возбуждения автоколебаний, отрицательная — для подавления нежелательных автоколебаний там, где они не нужны.

При изучении основ молекулярно-кинетической теории и законов термодинамики мы переходим к обсуждению ключевых, в то же время достаточно трудных тем экологии: это самоорганизация в природных системах, энергетика экосистем, экологическая устойчивость.

Из формулировки первого закона термодинамики учащиеся уясняют, что энергия не производится в природе, она только переходит из одной формы в другую; этому закону подчиняются все известные процессы в природе. При этом важным энергетическим условием для экосистем является так называемый принцип *энергетической проводимости* — потоки энергии, вещества и информации в системе как целом должны быть сквозными, охватывающими

всю систему (или косвенно отзывающимися в ней). Иначе система не будет иметь свойства единства [5].

С другой стороны, многие процессы, вполне допустимые с точки зрения закона сохранения энергии, никогда не протекают в действительности. На конкретных примерах механических и тепловых процессов (передача теплоты, колебания маятника, падение камня на землю) учитель подводит учащихся к важному выводу: механическая энергия может самопроизвольно переходить во внутреннюю, но не наоборот. Понятие обратимости, таким образом, является идеализацией, все процессы в природе являются необратимыми, они имеют определенную направленность, никак не отраженную в первом законе термодинамики.

Немецкий физик Р. Клаузиус ввел специальную величину, назвав ее *энтропией* (от греч. entropie — поворот, превращение), которая может служить мерой отклонения реальных процессов в природе от идеальных. По поводу введения самого термина Клаузиус писал: «Я предпочитаю обращаться к древним языкам в поисках названий для важных научных величин с той целью, чтобы эти названия обозначали одно и то же на всех живых языках. Поэтому я предлагаю назвать S энтропией тела, что по-гречески означает «превращение», чтобы оно было созвучно со словом «энергия», так как эти две величины настолько сходны по своему физическому значению, что созвучие их названий кажется мне полезным».

Клаузиус показал, что энтропия остается постоянной при обратимых процессах (идеальная машина Карно), тогда как в необратимых она всегда возрастает.

Итак, в термодинамике состояние системы, независимо от способа, каким она приходит в это состояние, определяется двумя функциями: энергией и энтропией. При этом важно отметить: энтропия в природе играет роль директора, диктующего направление процессов, тогда как энергия — это всего лишь бухгалтер, подсчитывающий баланс энергетических приходов и расходов (закон сохранения энергии).

В дальнейшем Л. Больцман установил связь энтропии с вероятностью. Тепло, как отмечалось, есть мера хаотического движения атомов и молекул, составляющих макроскопическую систему. Поэтому переход энергии механического движения отдельных частей системы в тепло означает переход организованного движения в хаотическое, увеличение беспорядка в системе. Именно в таком направлении самопроизвольно протекают процессы в природе. Второй закон термодинамики можно сформулировать так: самопроизвольные процессы в изолированной системе всегда происходят в направлении перехода от маловероятного состояния в более вероятное, т.е. равновесное, характеризующееся максимальной энтропией.

Рассмотрев множество формулировок и смысловых оттенков второго закона термодинамики, учитель подытоживает материал, отмечая, что для экологии важнейшими являются следующие:

1) энергетические процессы могут идти самопроизвольно только при условии перехода энергии из концентрированной формы в рассеянную;

2) потери энергии в виде недоступного для использования тепла всегда приводят к невозможности стопроцентного перехода одного вида энергии в другой.

Итак, закон снижения качества энергии — фундаментальный закон природы.

Условились высший класс качества присваивать тем формам энергии, которые способны превращаться в большее число форм энергии, к таким видам, например, относятся гравитационная энергия, электрическая, энергия солнечного излучения и т.д., самым низким качеством обладает тепловая энергия.

Из всех форм энергии живые существа используют для образования органических веществ световую и химическую. В связи с этим учителю следует пояснить учащимся несколько вольное трактование категории «неисчерпаемых» видов энергии, к которым причисляют солнечную. Дело в том, что здесь не учитываются ограничения, накладываемые самой энергетикой биосферы, антропогенное изменение которой сверх допустимого предела по правилу одного процента чревато серьезными последствиями. Согласно правилу одного процента изменение энергетики природной системы в пределах 1% выводит природную систему из равновесного (квазистационарного) состояния. А искусственное привнесение энергии в биосферу в наше время практически уже приближается к предельному значению, диктуемому правилом одного процента.

Важнейшей термодинамической характеристикой живых систем (организма, экосистемы и биосферы в целом) является их способность создавать и поддерживать высокую степень внутренней упорядоченности. Системы, обладающие высокой внутренней упорядоченностью и организацией, имеют низкую энтропию. И наоборот, равновесные системы характеризуются высоким значением энтропии.

Таким образом, через понятие энтропии устанавливается фундаментальная взаимосвязь между структурой системы и ее взаимодействием с внешней средой: учащиеся должны глубоко усвоить, что экосистемы с термодинамической точки зрения представляют собой открытые неравновесные системы, постоянно обменивающиеся с окружающей средой энергией, веществом и информацией, уменьшая этим энтропию внутри себя, но увеличивая энтропию вовне. Живые существа — это, по существу, крошечные хранилища порядка, который поддерживается созданием океана беспоряд-

ка в окружающей их среде [6]. Вырабатывая и заимствуя энергию, открытая система производит энтропию, но она не накапливается в ней, а выводится в окружающую среду с отходами.

Относительную стабильность экосистем обеспечивает устойчивый круговорот веществ и поток энергии. Данная зависимость проявляется в принципе Ле Шателье-Брауна: при внешнем воздействии, выводящем систему из состояния устойчивого равновесия, равновесие смещается в том направлении, при котором эффект внешнего воздействия будет ослабляться.

Для лучшего усвоения этого фундаментального принципа следует привести несколько примеров из других областей естествознания. В химии можно указать на принцип смещения химического равновесия Ле Шателье. В электродинамике формулировка этого положения известна как правило Ленца: если на систему (замкнутый проводящий контур) действует внешнее магнитное воздействие (приводящее либо к увеличению, либо к уменьшению магнитного потока), то в системе индуцируется электрический ток, который стремится скомпенсировать влияние внешнего магнитного воздействия.

Наукой установлено, что количества вещества, образующиеся в результате биологического синтеза и разлагающиеся в биосфере, совпадают, образуя сложную систему замкнутых биогеохимических циклов. Нарушение этой цикличности (нарушение действия закона Ле Шателье-Брауна) и проявляется в истории биосферы в виде экологических кризисов.

Как отмечают многие ученые, действие принципа Ле Шателье-Брауна в настоящее время нарушено: если в конце прошлого века еще происходило увеличение биологической продуктивности и биомассы в ответ на возрастание концентрации углекислого газа, в соответствии с законом Ле Шателье-Брауна, то с начала нашего века это явление не обнаруживается, наоборот, биота выбрасывает углекислый газ, а ее биомасса автоматически снижается [5].

Подведем итоги. Содержание экологической подготовки подрастающего поколения состоит в приобретении и развитии следующих составных компонентов:

1. Овладение научной системой знаний в области экологии.
2. Экологическое мышление, гуманистическое мироощущение, широкий диапазон эмоционально-чувственного мира.
3. Волевой фактор, экологическая ответственность, без которых невозможна реализация знаний и чувств человека в практических действиях как в быту, так и в производственной сфере.

Эти три компонента и составляют понятие экологической компетентности. Вводя принцип экологической компетентности, мы подчеркиваем ведущую роль глубоких и прочных экологических

знаний, приобретение и развитие которых школьниками может быть успешным только на интегративной основе.

В данной работе рассмотрены некоторые возможности изучения глобальной экологии на основе интегрированного курса «Экологическое образование в школьном курсе физики». Этот курс, в рамках национально-регионального и школьного компонентов, предлагается изучать в старших классах, он рассчитан на два года и состоит, как уже отмечалось, из двух частей: теоретической и практической. Разработанная автором программа проходит этап внедрения в Аганской муниципальной национальной общеобразовательной школе (учитель физики Долгова Т.А.). Диагностика качества обучения в этой школе показала, что уровень сформированности экологических понятий, знаний экологических проблем, экологической компетентности в целом за два года вырос, что можно проследить по результатам диагностики, из ответов учеников на занятиях, внешкольных мероприятий.

Как отмечается, одна из сложных проблем методики преподавания экологии состоит в достижении положительных результатов обучения [2]. На наш взгляд, взаимодействие физики и экологии может способствовать преодолению некоторых учебно-методических проблем при усвоении экологических знаний.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что введение экологического аспекта в физику является далеко не простым делом. Это требует от преподавателя новых знаний, изменения сложившихся стереотипов мышления. Физика исторически сложилась как наука о наиболее простых свойствах окружающей среды, традиционный метод классической и современной физики — это локализация явлений в закрытых системах, приведение их к идеализированным моделям. Реальные же системы в окружающей среде, да и сами организмы, являются открытыми системами, и далеко не простыми. Поэтому рассмотрение экологических вопросов часто выводит нас за рамки стандартной школьной программы по физике. Показательный пример тому — рассмотренное нами второе начало термодинамики. Формулировки этого закона в школьном курсе физики не связываются с введением такого ключевого понятия, как энтропия, но для понимания процессов в живой материи это понятие является необходимым.

1. Суравегина И.Т. Экология для учителя. М.: NOTA BENE, 1999.
2. Игнатова В.А. Формирование экологической культуры учащихся: теория и практика. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1998.
3. Моисеев Н.Н. Экология и образование. М., 1996.
4. Борискин А.Ф., Иванова Н.А. Экология в школьном курсе физики. Нижегородск: Изд-во НГПИ, 1999.
5. Реймерс Н.Ф. Экология. Теория, гипотезы, законы. М., 1994.
6. Порядок из хаоса. М., 1986.

Б.А. Колобова

Эколого-воспитывающий потенциал спекурса «Экология города»

*Кто утолен, тому природа
Великий друг, по сердцу брат...*
(К. Случевский)

Человек является творцом науки и техники, но, к сожалению, одновременно и разрушителем природы. Рост численности населения Земли на рубеже тысячелетий усугубил проблемы с обеспечением пищей, энергией и загрязнением окружающей нас среды.

В последние десятилетия XX века люди начали осознавать, что в мире, где так много нужды и где окружающая среда ухудшается, невозможны здоровое общество и эффективная экономика.

Жизнь человека, его здоровье, условия труда и быта почти целиком зависят от правильности решений, принимаемых нами самими, а поэтому очень важно, чтобы наука о жизни стала неотъемлемой составной частью мировоззрения каждого человека. Эти знания нам необходимы как важная составная часть общечеловеческого культурного наследия.

Экология сегодня — это не только биологическая наука о связях организмов с окружающей средой, но и практика выживания человечества в условиях экологического кризиса и надвигающейся экологической катастрофы. Наша цивилизация оказалась на перекрестке дорог. Какой же путь следует выбрать? Найдутся ли силы, способные остановить разрушительные процессы и возродить надежду на будущее, или дальнейшее ухудшение состояния окружающей среды приведет мир к экологической и социальной катастрофе?

В нижневартовском регионе проблемы экологии выражены наиболее ярко из-за добычи нефти. Пренебрежение экологическими проблемами при освоении и разработке богатств территории привели нас на грань экологической катастрофы, что немедленно повлекло за собой недопустимое снижение уровня здоровья населения.

Дети всех возрастов города Нижневартовска знакомы с экологическим кризисом, ощущают его на себе отнюдь не абстрактно. Они интересуются экологической ситуацией, понимают реальность экологической катастрофы, хотят что-то сделать, охотно собирают-

ся в экологические отряды, кружки, клубы, секции и т.п., где изучают экологию, причины и последствия экологических катастроф, чтобы в будущем не повторить сегодняшних ошибок. В таких объединениях отношения между детьми и взрослыми носят характер постоянного «клубного» общения, где они способны решать серьезные экологические проблемы.

В современных цивилизационных условиях приоритетной целью образования является воспитание человека с высоким уровнем экологической культуры (ЭК), готового не только адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни, но и обеспечивать своей деятельностью устойчивое развитие человечества в будущем, человека, готового к свободному нравственному выбору, независимого в суждениях и в то же время толерантного к иному мнению, уважающего себя и способного уважать других.

В структуру понятийной матрицы ЭК органично вписываются экологическое мировоззрение, экологическое сознание, экологическое мышление, научные и ненаучные знания, умения и навыки, способности познания и образцы экологически обоснованной деятельности.

Любая программа организации детской жизни реализуется в определенной социальной, экономической, а главное — в культурной среде. Базовым источником является специально организованная образовательно-воспитательная среда. В качестве её важнейших структурных элементов выступают: содержание образования, технологии, методики и формы управления воспитательным процессом, специально организованная практическая деятельность учащихся в окружающей среде, направленные на воспитание экологически культурной личности. Важнейшее значение имеют гармонизация процессов обучения и воспитания, тесное взаимодействие обязательного и дополнительного образования.

Программа интегрированного спецкурса «Экология города Нижневартовска» для учащихся 9–11 классов была разработана по просьбе учителей школ города педагогами детского эколого-биологического центра и получила экспертную оценку специалистов института природопользования. Она успешно прошла апробацию в школах города с 1994 года (МОШ №№ 2, 4, 6, 7, 8, 10, 12, 17, 25, 32 и др.).

Ядро экологической культуры составляют общечеловеческие гуманистические идеи, гуманистические ценности и идеалы, ценностные ориентации и отношения, нормы и требования экологического и нравственного императивов, гражданская и экологическая ответственность, которые формируются в акте осмысления и оценки объектов окружающего мира и являются ориентирами для воспитания гуманной личности, гармонично сочетающей в себе такие человеческие качества, как толерантность, отзывчивость, заботливость, сочувствие, сопереживание, содействие, доброжелательность, демократизм, со-

вестливость, справедливость, и в то же время, при необходимости, принципиальной и бескомпромиссной, готовой принимать жесткие управленческие, но экологически оправданные решения.

Интеграция разнопредметных знаний данного курса позволяет создать условия для наиболее полной реализации одного из важнейших принципов экологического образования — принципа единства познания-переживания-действия (И.Д. Зверев, И.Т. Суравегина). Она требует переосмысления роли и соотношения естественно-научных, гуманитарных и технологических дисциплин, теоретической и практической деятельности в воспитании ЭК.

Программа спецкурса предусматривает совместную работу эколога, учителей химии, биологии, географии, физики и литературы, которые занимаются изучением окружающей среды своего региона. В курсе раскрываются научные подходы к взаимосвязям человека со средой, к рациональному использованию природных ресурсов региона. В основу курса положена концепция прямой и обратной связи ЧЕЛОВЕК — ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА (тема «Антропогенное воздействие на окружающую среду»).

В данной теме рассматриваются глобальные проблемы современности: озоновые дыры, парниковый эффект, кислотные дожди, сокращение биологического разнообразия, проблемы Мирового океана и токсических отходов.

Регион Нижневартовска являет собой пример экологических бедствий, в которых повинна нефтегазодобывающая промышленность. Воздушная, водная, почвенная среды загрязняются. Основными загрязнителями являются нефтепродукты, оксиды азота, серы, углерода, твердые взвеси, сажа, ароматические углеводороды, включая фенол. Загрязнители рассеиваются-воздушным переносом на высоте 200–400 м от поверхности земли на дальние расстояния. Нижневартовск входит в десятку наиболее запыленных городов России. В связи с повышенным загрязнением атмосферы весьма актуальным стало изучение экологической устойчивости организмов к техногенным выбросам и выявление видов, особенно растений, обладающих повышенной газо- и дымоустойчивостью, что очень важно для озеленения города (тема «Деградация окружающей среды»).

Экология города и городская культура — понятия, взаимосвязь которых осмысливается ныне в проектах благоустройства урбанизированных территорий. Взаимоотношения человека и природы немислимы вне сферы культуры. Творческая, созидательная деятельность человека в природе и явилась актом культуры, в результате которого на Земле возникла цивилизация.

В теме «Городская экосистема. Структура города» учащиеся знакомятся со структурой г. Нижневартовска и его зонами, экосистемами, социоэкосистемой.

Городские экосистемы Нижневартовска недостаточно обустроены: не во всех микрорайонах города работают сточные коммуникации, озеленение новых районов малоэффективно на бедных песчаных почвах. Бытовые отходы вместе с неподдающимися пока оценке промышленными отходами вывозятся на свалки, не соответствующие санитарным и экологическим нормам. Образовательные учреждения города расположены на территории тюменского Севера, страдающего от необоснованного и потому нерационального природопользования, что явилось одной из причин возникновения потребности в создании «сквозных программ» и самой системы дополнительного экологического образования.

Разрешение экологических проблем становится не только предметом одной науки, но и экономики, политики, образования.

В современном мире природа не существует изолированно от человека: деятельность его на планете приобрела глобальный размах. В этих условиях задача сохранения природы состоит в том, чтобы строить и совершенствовать человеческую культуру, развивать поистине бесценное многообразие культурных взаимоотношений человека и природы.

Проводимая образовательно-воспитательная и научно-исследовательская работа, ориентированная на решение проблем экологического образования, убедила нас в необходимости использовать идеи системного, деятельностного и личностного подходов в их единстве.

Исходя из социоприродных и эколого-экономических особенностей (проблем) района и города, мы строим изучение темы «Здоровье человека и окружающая среда».

Здоровье, как всякое научное понятие, имеет историческую характеристику, изменяясь по мере развития цивилизации. Особенности противоречивых взаимоотношений природы и общества отражаются на физической и духовной жизни людей. На самочувствие человека влияют природные и социальные условия.

Будучи социоприродной, проблема здоровья основывается на общественных структурах разных эпох. Эту проблему рассматриваем в связи с такими особенностями взаимодействия человека и общества, как освоение природы, культура, мировоззрение, отношение к здоровью, его черты в различных периодах развития общества — биогенном, аграрном и индустриальном.

Формирование нового мировоззрения — экологического сознания, направленного на становление идеала физически, психически и духовно здорового человека, — выступает главным условием деятельности по защите и улучшению здоровья.

Экологизация содержания образования, смыкаясь с идеями интеграции разнопредметных знаний и разных форм познания человеческого бытия, выступает, с одной стороны, как важнейшее

условие, необходимое для реализации принципа единства обучения, воспитания и развития личности, и повышает воспитывающий потенциал содержания естественно-научного образования, а с другой — как один из способов его гуманизации и гуманитаризации.

Реализация идей спецкурса «Экология города» создает богатейшие возможности для широкого использования эвристического метода, дискуссии, полилога, ситуативных задач. На данной ступени обучения осуществлялись систематизация и обобщение экологических знаний, увеличение объема и усложнение информации, формирование экологического мировоззрения и экологического мышления, продолжалось формирование научных основ природоохранной деятельности, активной гражданской позиции. Организация совместного поиска решения проблемы на основе исследовательского метода создает в аудитории особую нравственно-интеллектуальную атмосферу, формирует культуру общения учащихся, стимулирует духовное развитие и способствует формированию мировоззренческих установок, приводит в соответствие собственные ценностные ориентации с социальными запросами общества, помогает принять экологически обоснованные решения и нести за них ответственность и сделать свободный и осознанный выбор стиля поведения.

На занятиях используются различные виды дидактического материала. Они способствуют формированию умений учащихся работать с картами, содержанием видеofilьмов и содержат практические действия. Задания по темам курса разнообразны по содержанию, объему и оформлению. Они представляют собой гибкое сочетание текущего, тематического и итогового контроля с широким использованием разных форм, что позволяет активизировать учебный процесс, создает богатые возможности для выявления у учащихся общих знаний и умений.

Диагностика обученности учащихся подтверждает правоту К.Д. Ушинского о том, что учение успешно, если изучаемое есть отчасти близкое.

1. Архитектура и природа. М.: Знание, 1987. 96 с. (Нар. ун-т. Фак. «Человек и природа»; №3).
2. Глазачев С.Н. Экологическая культура учителя. М., 1998.
3. Игнатова В.А. Формирование экологической культуры учащихся: теория и практика. Тюмень, 1998.
4. Колобова Б.А. Совершенствование системы дополнительного экологического образования детей в северном регионе / Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001.
5. Тарасов Л.В. Интегративно-гуманитарный подход как методологическая основа модели «Экология и диалектика» // Школа радости. 1994. №1. С. 15–26.
6. Харьков В., Гросман А. Тренинги самооздоровления и самосоздания. М., 1998. 196 с.

**В. Захарова, Е. Гавриленко, И. Меликова,
О. Мосина, О. Палчук, А. Полковников,
Е. Семенова, К. Сулягина, А. Таипова,
А. Трушкин, И. Хачанкова**

«Мониторинг географической среды 10-а микрорайона города Нижневартовска»

*Птица ль с криком легла на крыло...
Дождь во мрак ли вползает тревожно,
В каждом звуке я слышу одно:
«Полюбить этот край тяжело,
Разлюбить этот край — невозможно».*

На просторах великой Оби, там, где в нее впадает река Вах, по свидетельству старожилов и краеведов, в 1909 году появилась дровяная пристань. И кто бы мог подумать, что через несколько десятилетий на этом месте вырастет город, который будет обеспечивать не пароходы, а всю огромную страну — не дровами, а нефтью? Каждая третья тонна этого энергетического сырья в общем российском потоке вплоть до середины 80-х годов XX века была нижневартовской. Кто знал, что тихая пристань на полноводной сибирской реке станет жизненным причалом для геологов, строителей, нефтяников, учителей, транспортников, врачей, работников культуры? За что мы любим свой Нижневартовск, ведь город еще молод, ему нет и тридцати?

Если десять лет назад это был город нефтяных профессий, то сегодня, в новом XXI веке, он становится университетским городом, городом бизнеса, туризма... Открывается международный аэропорт, отели прибавляют себе звездочки... Город живет, развивается не только в материальном измерении... Любим же мы его за крепкий временной дух, который помогает выжить в мороз и безработицу. Да, не хлебом единым жив сегодня нижневартовец. Взметнулись к небу кресты храма, скоро появятся минареты. Город преобразается. Именно здесь ощущается возрождение России. И если сегодня в городе есть проблемы, то надо понимать, что ночь темна перед рассветом. Мы любим свой город потому, что это Город немеркнувшего солнца, которое дарит

нам «самотлорские ночи». Этот город дорог нам и потому, что в нем наша душа, что все мы, пусть в разной степени, сопричастны его процветанию. Каждый из нас вложил частичку материальных богатств и сердца в него. Любим мы этот город за то, что он есть и будет, любимый и прекрасный сибирский город — Нижневартовск.

Именно любовь к родному городу заставила нас, членов научного общества учащихся средней школы № 29, посвятить два года своей работы изучению маленькой частицы города — 10-а микрорайона, в котором многие из нас родились и живут.

Работу свою посвящаем 30-летию города Нижневартовска.

Географическое положение 10-а микрорайона

*Судьба моя навечно связана с тобою,
О юная частичка града моего...*

(Из сочинения Масалимовой Ренаты, 9 «в», МОСШ № 29)

10-а микрорайон — один из самых молодых северных микрорайонов города. Границы микрорайона — улица Северная, улица Интернациональная, улица Дзержинского, улица Нефтяников.

Площадь микрорайона составляет около 4,5 кв. км. По форме он напоминает пятиугольник. Со всех сторон микрорайон окружен внутригородскими дорогами. Микрорайон граничит на востоке с промзоной, старым кладбищем, на юго-востоке — с кварталом Северным, на юге — с седьмым микрорайоном, на западе и северо-западе — с 10-6 микрорайоном, с севера и северо-востока к нему примыкает железная дорога с железнодорожным вокзалом. С экологической точки зрения, не очень выгодно соседство с четырьмя автостоянками, двумя АЗС, контейнерной станцией и железнодорожными путями, которые окружают микрорайон.

Связь микрорайона с городом осуществляется благодаря городским автобусным маршрутам №№ 7, 13, 15, 16, которые движутся вдоль южных и западных границ микрорайона. Север и восток микрорайона не имеет маршрутных автобусов, что крайне неблагоприятно сказывается на транспортно-географическом положении микрорайона.

Крупных промышленных предприятий в микрорайоне нет. К центральным улицам города ведут хорошего качества дороги, тротуары и пешеходные переходы.

В будущем географическое положение микрорайона может измениться в связи со строительством нового здания железнодорожного вокзала и увеличением грузоперевозок со станции Нижневартовск и в связи с реконструкцией контейнерной станции.

Архитектурная застройка 10-а микрорайона

...В каждой постройке должны быть соблюдены вещи, без которых ни одно здание не может заслужить одобрения: это польза и удобство, долговечность и красота; ибо невозможно было бы назвать совершенным здание хотя бы полезное, но недолговечное, равно как и такое, которое служит долго, но неудобно, или же то, что имеет одно и другое, но лишено всякой прелести.

Андреа Палладио (архитектор XVI века).

Площадки для застройки 10-а микрорайона стали готовить с 1973 года. Поскольку в то время плана генеральной застройки города не было, микрорайон строился не совсем продуманно. До застройки микрорайона здесь было болото, богатое клюквой. Старожилы вспоминают, что отсыпка территории длилась около года, прежде чем сюда пришли строители. Структура застройки микрорайона — решетчатая, с прямоугольной сеткой улиц.

Современная архитектурная застройка представлена домами МСК, ДСК, ленинградского проекта, сургутского проекта. Наиболее распространенными домами являются дома серии А-112, разработанные новосибирскими архитекторами. Стеновые панели для них изготавливались на домостроительном комбинате нашего города.

Планировка квартир очень удобна. Дома отстоят друг от друга на оптимальном расстоянии. Между домами — тротуары и сквозные дороги, качество которых отвечает стандартам. На первых этажах многих домов расположены объекты социальной сферы: магазины, мастерские, парикмахерские и т.д. Социологический опрос по оценке качества жизни в микрорайоне среди жителей, который провели члены научного общества, позволил сделать следующие выводы:

1. Однообразие застройки, преобладание домов ДСК утомительно сказывается на сознании людей, вызывает зрительный дискомфорт.

2. Повышенная этажность домов не спасает жителей от струй дымовых газов.

3. Вблизи многоэтажных домов возникает порывистость ветра, они более продуваются, в них холоднее (особенно в 16-этажках).

4. В квартирах высоких домов качество воздуха хуже, что связано с вентиляционными коммуникациями и лифтами, которые как бы засасывают теплый нагретый воздух вверх, что сказывается на качестве воздуха в квартире.

5. Велики электромагнитные поля в высоких зданиях, что плохо сказывается на здоровье людей.

6. Окраска домов в микрорайоне разнообразна, хотя некоторые жилые дома и предприятия уже требуют ремонта фасадов.

7. Микрорайон имеет 15 игровых площадок, которые хорошо вписываются в архитектурный ансамбль, но отсутствие зелени, так называемых защитных полос, которые бы играли роль препятствий для проникновения пыли и гари от машин, резко снижает их основное назначение.

8. Внешний вид микрорайона очень портят недостроенные объекты по адресу: улица Северная, дома №№ 52, 52-а, 58, 58-а.

9. Архитектурный облик микрорайона дополнит новый дом, который строится по адресу: улица Северная, дом № 68-а.

10. Здания нестандартной застройки в микрорайоне есть. Среди них магазин «Сибиряк», кафе «СТОП», что, несомненно, украшает микрорайон.

11. 85% жителей микрорайона хотели бы иметь название своего местожительства.

12. 92% жителей заявляют о том, что им не хватает элементов художественного оформления зданий и строений, что придавало бы уют и особое очарование микрорайону.

Исходя из общих выводов, хотелось бы привести в связи с этим слова И.В. Гоголя, который в своей статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1831 год) писал:

«Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания... из которых редкие останавливают изумленный взгляд величием рисунка, или своевольной дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений...

Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались делать как можно более похожими один на другой... Оттого новые города так правильны, гладки, так монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку...

Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры? Неужели величие и genialность больше не посетят нас?»

К сожалению, проблемы, так образно описанные И.В. Гоголем, не устарели.

Количественный состав домов в микрорайоне:

5-этажные дома — 4 дома; 9-этажные дома — 19 домов; 10-этажные дома — 2 дома; 16-этажные дома — 2 дома.

Население

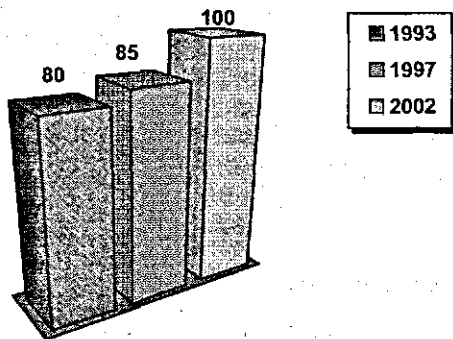
Люди — не перелетные птицы. И движут ими не биологические, а социально-экономические законы.

Н.Н. Баранский

По данным ЖЭУ-21, в микрорайоне насчитывается 11826 человек. По числу жителей наш микрорайон уступает только 10-6 и

10-г микрорайонам. Если проследить динамику численности населения, то она будет выглядеть следующим образом:

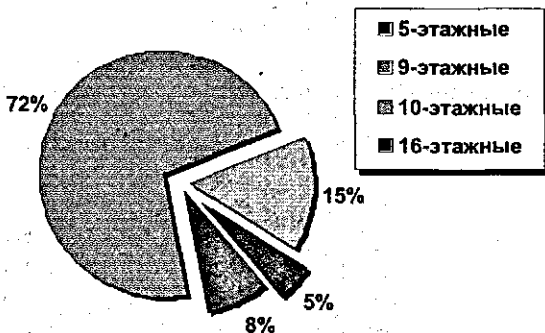
Динамика численности населения, %

С 1993 года (год образования ЖЭУ-21) численность населения росла за счет введения в эксплуатацию новых жилых домов. Все население микрорайона распределяется по месту проживания следующим образом:

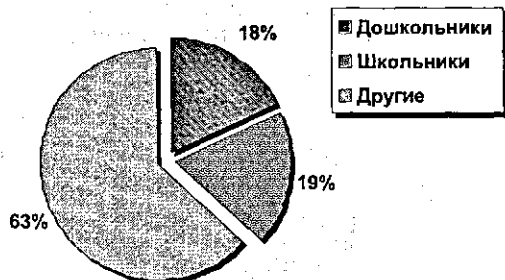
5-этажные дома — 625 человек; 9-этажные дома — 8529 человек; 10-этажные дома — 1671 человек; 16-этажные дома — 1001 человек.

Проживание населения микрорайона в домах различной этажности

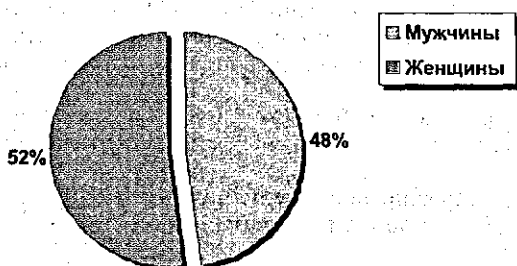
За последние годы в микрорайоне, как и по всей России, постепенно сокращается рождаемость, а при уменьшении доли детей растет доля пенсионеров, что приводит к повышению смертности. По данным ЖЭУ-21, в микрорайоне проживает 950 пенсионеров, из них 235 участников Великой Отечественной войны.

Возрастной состав населения микрорайона

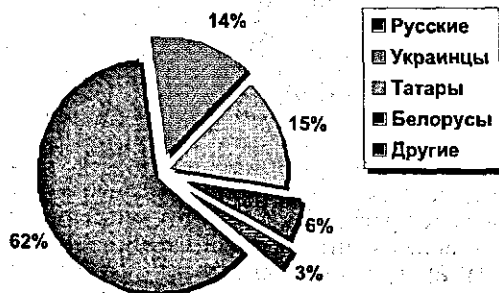
Доля лиц дошкольного и школьного возраста невелика.

Половой состав населения микрорайона

В микрорайоне незначительно преобладает женское население.

Национальный состав населения

Данная диаграмма наглядно демонстрирует преобладание трех национальностей: русских, татар и украинцев, такая тенденция наблюдается во всем округе.

По языковой принадлежности эти народы относятся к индоевропейской и алтайской языковой семье.

Преобладающая религия — православие и мусульманство (ислам).

Количество детей в семьях в среднем два человека. Количество многодетных семей в микрорайоне составляет 59 семей.

За последние годы уменьшился отток населения из микрорайона, что связано с улучшением жизни людей, общей социально-экономической ситуацией в стране.

Социальный комплекс микрорайона

«Еще совсем недавно казалось, что достаточно человека накормить и сделать богатым. Сейчас же выяснилось, что для того, чтобы жить долго и не болеть, этого мало. Нужна еще благоприятная среда жизни...»

Н. Ф. Реймерс.

Социальный комплекс микрорайона представлен следующими предприятиями (в первой строке указано название организации, во второй — ее адрес, в третьей — форма собственности):

Магазин «Джоконда»
Интернациональная, 39
Частная

Магазин «Элина»
Северная, 68
Частная

Магазин «Старожил»
Северная, 56
Частная

Магазин «Продукты»
Нефтяников, 92
Частная

Магазин «Российский»
Интернациональная, 35
Частная

Магазин «Перекресток»
Нефтяников, 80
Акционерная

Магазин «Сибиряк»
Дзержинского, 27-а
Частная

Магазин «Ласточка»
Дзержинского, 47
Частная

Магазин «Снежка»
Интернациональная, 45
Частная

Магазин «Славтэк»
Интернациональная, 39
Акционерная

Магазин «Продукты»
Интернациональная, 39
Частная

Магазин «Спектр»
Нефтяников, 88
Частная

Магазин «Парма»
Интернациональная, 37
Акционерная

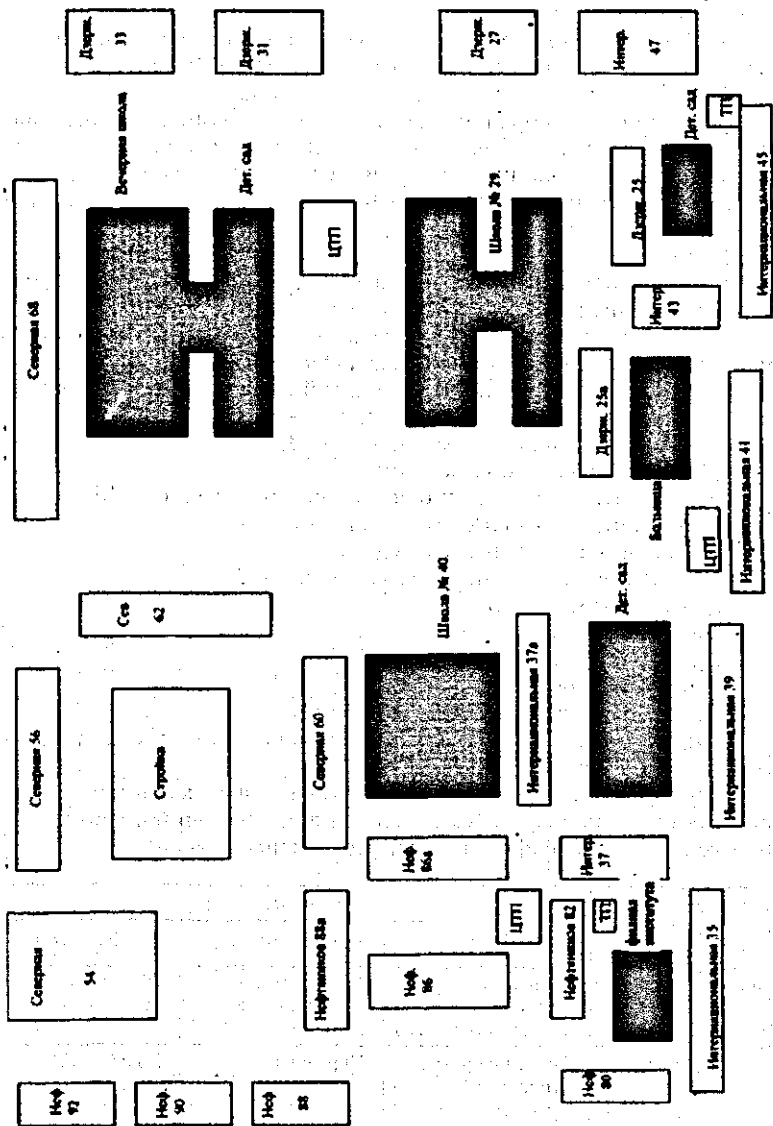
Магазин «Продукты»
Интернациональная, 37
Частная

- Ювелирная мастерская*
 Интернациональная, 47
 Частная
- Стоматология*
 Интернациональная, 37
 Муниципальная
- Банк ЗСКБ (филиал)*
 Интернациональная, 37-а
 Акционерная
- Аптека СИБ-ОС*
 Интернациональная, 41
 Частная
- Клуб волевой борьбы*
 Нефтяников, 90
 Муниципальная
- Госохотинспекция*
 Нефтяников, 90
 Федеральная
- Парикмахерская «Дива»*
 Интернациональная, 43
 Муниципальная
- Парикмахерская*
 Интернациональная, 35
 Частная
- Парикмахерская*
 Северная, 60
 Частная
- Парикмахерская*
 Дзержинского, 27
 Частная
- Ремонт обуви*
 Интернациональная, 47
 Частная
- Гостехнадзор*
 Интернациональная, 35
 Федеральная
- Детский сад «Малахитовая
 шкатулка»*
 Северная, 68-б
 Муниципальная
- Телеком (филиал)*
 Интернациональная, 41
 Муниципальная
- Госпединститут (филиал)*
 Интернациональная, 37-а
 Федеральная
- Фотоцентр*
 Интернациональная, 37
 Частная
- ЖЭУ №21*
 Северная, 62
 Муниципальная
- Гостиница «Венеция»*
 Интернациональная, 39
 Муниципальная
- МОСШ №29*
 Дзержинского, 27-а
 Муниципальная
- МОСШ №40*
 Северная, 60-а
 Муниципальная
- Вечерняя школа №1*
 Северная, 68-а
 Муниципальная
- Детский сад №45*
 Интернациональная, 27-а
 Муниципальная
- Детский сад №9*
 Интернациональная, 39-а
 Муниципальная
- Ремонт одежды*
 Интернациональная, 43
 Муниципальная
- Кафе «СТОП»*
 Нефтяников, 88-а
 Частная
- Психоневрологический
 диспансер*
 Интернациональная, 43-а
 Муниципальная

Основные выводы по социальному комплексу микрорайона:

1. Микрорайон достаточно хорошо обеспечен объектами социального комплекса.

Карта-схема «Места сосредоточения населения
10-а микрорайона в дневное время»

2. Действует хорошо отлаженная сеть муниципальных предприятий, имеющих не только районное, городское, но и федеральное значение.

3. В микрорайоне действуют две муниципальных общеобразовательных школы, в которых обучается около 2000 детей.

4. Действует 2 детских сада и 1 сад-школа.

5. Жители микрорайона, не выходя за границы проживания, могут приобрести себе товары различного назначения.

6. В микрорайоне имеется медицинское учреждение.

7. Микрорайон обладает вместительным зданием филиала педагогического института.

Проблемы:

1. Нет библиотеки. Имеющиеся библиотеки в школах обладают слабой материально-технической базой.

2. Нет спортивно-оздоровительного комплекса. Наличие его в микрорайоне сняло бы проблему занятости детей.

Количественный состав предприятий социального комплекса:

объекты дошкольного образования — 3;

объекты школьного образования — 3;

объекты высшего образования — 1;

предприятия торговли и общественного питания — 15;

предприятия бытового обслуживания — 8;

жилищно-коммунальное хозяйство — 1;

органы государственного управления — 2;

здравоохранение — 3;

связь — 1;

гостиничное хозяйство — 1;

финансово-кредитная сфера — 1;

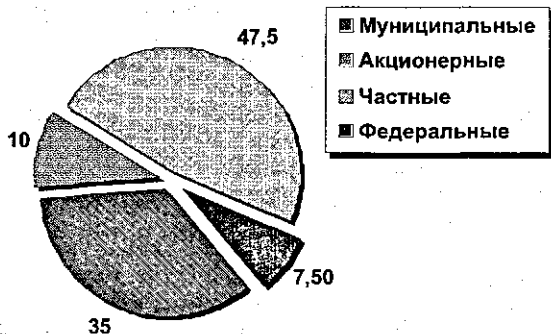
культурно-оздоровительный комплекс — 1;

Инфраструктурный комплекс обеспечивает всеми видами услуг жителей микрорайона.

Виды услуг материального и нематериального характера предоставляются в полном объеме. Периодичность и широту потребления услуг мы классифицировали следующим образом:

Периодичность потребления услуг	Услуги нужны:		
	Всем	Большинству	Немногим
Постоянные	Жилищное обслуживание, покупка продуктов	Транспортное обслуживание	Школьное обслуживание
Нужны иногда	Парикмахерские, ремонтные службы	Учреждения отдыха	Больницы, автосервис

Соотношение предприятий различной формы собственности, %

Проблемы развития и пути решения

*Плеиэд в искусстве и в природе нас
Отнюдь не частность — не губа иль глаз:
Мы постигаем красоту вещей
В гармонии, в единстве их частей*

А. Поп, английский поэт, XIII век.

Живя в условиях города, мы учимся пониманию взаимодействия человека и природы не только из школьных уроков, но и из повседневной жизни. Работая над темой научно-исследовательской работы, мы более внимательно рассмотрели все проблемы нашего микрорайона и попытаемся в этой главе их охарактеризовать.

Самой главной, на наш взгляд, проблемой является проблема экологии. Микрорайон обладает соседством с объектами, которые вредят общей экологической обстановке в районе: это железнодорожный вокзал, грузонапряженные магистрали улиц Дзержинского, Нефтяников, Интернациональной и Северной. С востока к району примыкает большая стоянка, внутри района между школами № 29 и № 40 расположена довольно большая стоянка автомобилей, с северо-востока к району примыкает АЗС, микрорайон загружен автомобилями различных марок, которые стоят вдоль домов, не давая возможности нормального проезда спецтранспорту по уборке мусора, уборке снега и так далее.

Мы предлагаем между школами убрать стоянку автомобилей и сделать на этом месте специальную зону здоровья для учащихся обеих школ, оборудовав её спортивными снарядами, беговыми дорожками и зонами отдыха.

Второй проблемой является проблема озеленения. Микрорайон молодой, имеет очень мало зеленых зон, на которых лежит

большая нагрузка за чистоту и состав воздуха в районе. Очень жаль, что состав древесных пород в районе не отличается разнообразием.

По оценкам специалистов, самой продуктивной породой является тополь, а его посадки в районе отсутствуют вообще.

В районе идет озеленение, но оно малоэффективно. Требуются более крупные силы, техника, большое количество саженцев, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Школы своими силами стараются озеленить свои участки, но сил их порой на это не хватает.

О состоянии окружающей среды можно судить по продолжительности жизни горожан. По данным комитета по здравоохранению, продолжительность жизни горожан за последние годы несколько увеличилась. Очевидно, за этот период некоторые экологические качества окружающей среды улучшились.

Прежде всего существенно улучшилось качество питьевой воды, которой пользуются жители микрорайона. Это связано со стабильно работающей системой очистки питьевой воды в городе. В среднем увеличены и объемы питьевой воды, хотя в праздничные дни вода не всегда бывает на верхних этажах многоэтажных домов микрорайонов.

По итогам социологического опроса, который провели члены НОУ, 90% респондентов заявили, что одним из главных вопросов, который в состоянии решить мэрия, является вопрос с кладбищем. С востока к нашему микрорайону примыкает старое кладбище, на территории которого уже 20 лет не ведутся захоронения. Все дело в том, что кладбище превращено в лыжные трассы, снежную горку зимой. Зимой и летом по кладбищу во всех его направлениях движутся люди.

Только в компетенции мэрии можно изменить эту ситуацию. Поставить соответствующие ограждения и окультурить эту территорию.

Пагубная черта нашей жизни — гиподинамия. Движение является важнейшим биологическим стимулятором развития всех физиологических функций организма. Люди, ведущие малоподвижный образ жизни, обречены на самые различные болезни, и в первую очередь болезни сердца.

Горожане в значительной степени страдают синдромом большого города: подавленное состояние, психическая неуравновешенность.

Поскольку наш город, и микрорайон в частности, относится к региону неблагоприятных климатических условий, мы должны очень серьезно задуматься о своей жизни и жизни своих детей. Уже 10 лет на территории нашего микрорайона находится незаконченная

стройка двух детских садов, мы предлагаем построить на этом месте новый спортивный комплекс, макет которого мы представляем на ваш суд. Этот макет мы создавали с помощью своих родителей и учителей. Спортивный комплекс может быть использован для занятий групп людей различного возраста. Он способен будет принять и баскетболистов, и теннисистов, и лыжников.

Наш спортивный комплекс станет настоящим украшением любимого микрорайона.

Особо мы хотели в своей работе сказать о нашем ЖЭУ, работники которого практически в одиночку сражаются за чистоту и порядок в микрорайоне. 38 дворников, 41 уборщица лестничных клеток, 27 уборщиков мусора, 12 рабочих по текущему ремонту, 13 мастеров ежедневно убирают 11002 кв.м тротуаров, вывозят 48,4 куб. мусора, ежегодно ремонтируют 14 подъездов. Их труд был не раз замечен местными властями. В 2001 году микрорайон стал лучшим микрорайоном города.

Закончить свою работу мы хотим проектом документа о поведении человека в природе «Стратегия жить» (документ прилагается).

СТРАТЕГИЯ ЖИТЬ

Проект документа о поведении человека в природе,
составленный членами НОУ

«Школьный экологический мониторинг»

Энтузиасты охраны природы всегда встречали непонимание и упреки, особенно тогда, когда особенно рьяно выступали против бесчеловечных поступков людей. Однако жизнь всегда подтверждала: колокол тревоги звучал вовремя.

Мы, члены НОУ, выступаем за то, чтобы охрана природы стала непрерывной заботой каждого государства и каждого человека.

Попытаемся обосновать некоторые части нашей программы:

1. Земля у нас только одна.

Этот прекрасный корабль имеет все для путешествия на нем. В случае поломки пересечь будет не на что. Надо беречь то, что имеем.

2. Главная беда хозяйствования человека на Земле — это неуправляемое стремление к выгоде сегодняшнего дня.

Выход из создавшегося положения мы видим в тщательном планировании экономики, жизни вообще.

3. Природа — друг! — такой должна быть этика человека.

Экологическая грамотность и сознание ответственности за судьбу природы — еще одна важная предпосылка для заключения мира с природой.

4. Знания, культура, продуманные законы, ответственность, информированность — вот что поможет преодолеть растущий конфликт с природой.

5. Мы призываем шире и ярче пропагандировать каждый заметный успех в охране природы.

Без прямого участия горожан в экологических проблемах города достичь цели чистого города невозможно. Для осуществления этого нужны не только материальные затраты, но и экологическая культура, формируемая на основе нового понимания ценностей в жизни человека, экологического мышления и, наконец, ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПРАВДАНОГО ПОВЕДЕНИЯ. Речь идет о внутренней потребности каждого человека участвовать в формировании города.

Это и практическая работа по озеленению, очищению водоемов, это и осмысление и обсуждение новых градостроительных проектов по созданию экологически чистого города.

Следует иметь достаточное представление о городской среде, и таким представлением должны обладать все, без него нет полноправного гражданина.

Общий вывод:

Микрорайон окружен сетью дорог, отличающихся большой грузонапряженностью.

Велики выбросы вредных химических веществ, особенно CO_2 . Это самым отрицательным образом сказывается на экологической ситуации в микрорайоне. В самой худшей ситуации находятся жители домов, прилегающих к дороге.

Они страдают и от шумового воздействия.

Во многих странах мира развернулась борьба за развитие и расширение велосипедного транспорта. В условиях нашего климата он не может найти широкого применения и стать альтернативой другим видам транспорта.

В некоторых городах мира используют четные и нечетные номера для поездов по очереди в городе. В Джакарте в центр города допускаются только те автомобили, в которых не менее двух человек.

Очевидно, что и у нас в районе можно тоже принять какие-то меры воздействия по ограничению транспорта в экологически загрязненных районах.

Наблюдения за бытовыми отходами

Оцените примерно, сколько бумаги выбрасывает ваша семья, сколько пластмассы, стекла, другого мусора.

Рассчитайте общее количество мусора, который выбрасывает ваш дом, микрорайон за сутки, за неделю, за год.

Узнайте, куда выбрасывают мусор.

Собирают ли его для дальнейшего использования?

Если да, то какие виды отходов используют?

Предложите варианты сортировки, утилизации отходов.

Составьте классификацию замеченных вами отходов по составу, источникам поступления, по предполагаемым срокам разложения.

Общие выводы, сделанные в процессе мониторинга.

За неделю семья в среднем выбрасывает 15–20 кг отходов, из которых пищевые составляют 14–18 кг. В среднем дом выбрасывает 2800 кг. Мусор вывозят ежедневно на полигон по утилизации твердых отходов. Там работает специальная бригада по сортировке мусора, которая не всегда справляется с большим объемом мусора (об этом говорят водители, которые обслуживают наш микрорайон). Металлолом вывозят с полигона на свалку станции Нижневартовск-1. Бытовые отходы закапывают в специальные канавы, через некоторое время уже готовый компост вывозят на дачи пенсионеров, «афганцев» и т. д.

Агаджанян Н.Л. Человеку жить всюду. М. 1982.

Бархин М.Г. Архитектура и человек. М. 1979.

Реймерс Н.Ф. Охрана природы и окружающей человека среды. М. 1993.

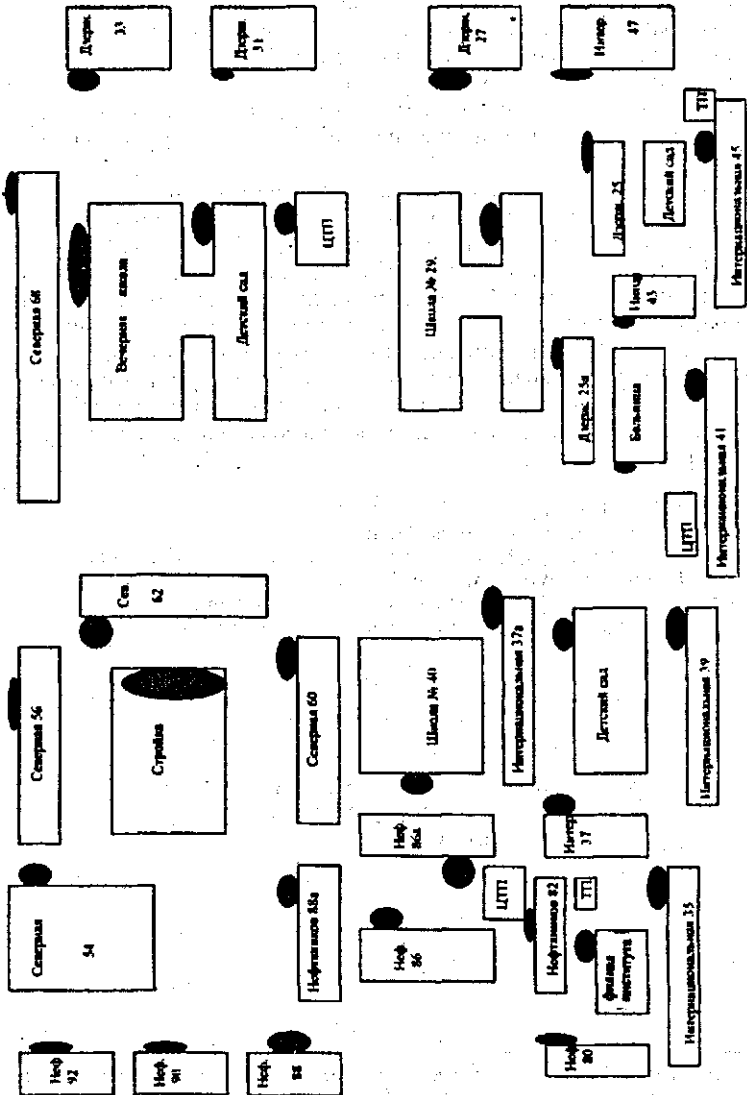
Ланно Г.М. Города на пути в будущее. М. 1987.

Статистические данные ЖЭУ, архитектурного отдела мэрии, результаты социологических опросов, выдержки из сочинений учащихся МОСШ № 29.

**Карты-схемы* экологического состояния
10-а микрорайона
(см. С. 342–348)**

* Качество карт-схем соответствует качеству предоставленного оригинал-макета работниками издательского отдела МУ «БИС г. Нижневартовск».

Места скопления бытового и строительного мусора 10-а микрорайона

Автомобильные стоянки 10-а микрорайона,
где есть выбросы вредных веществ

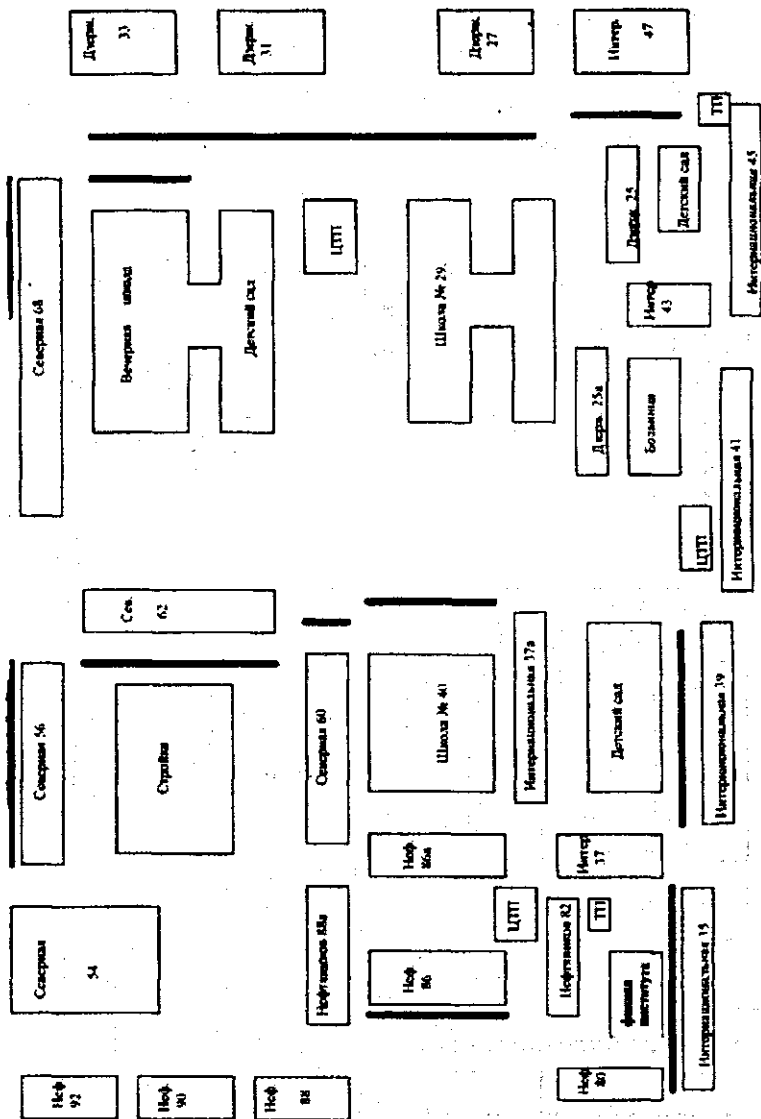
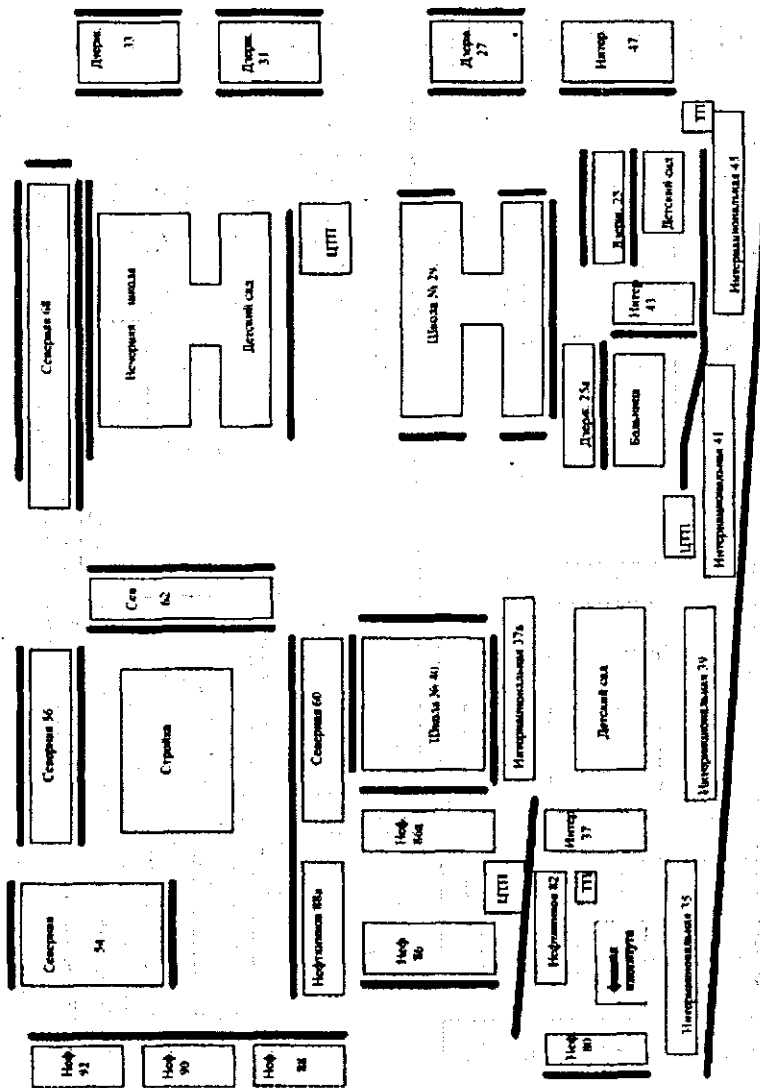
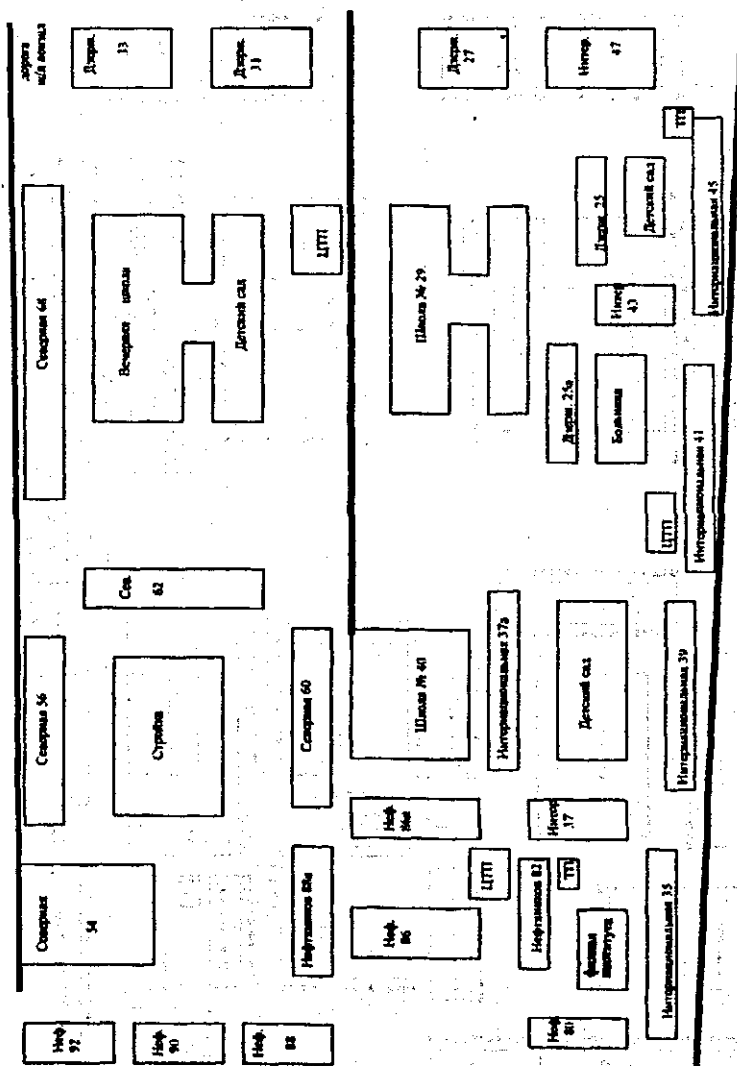

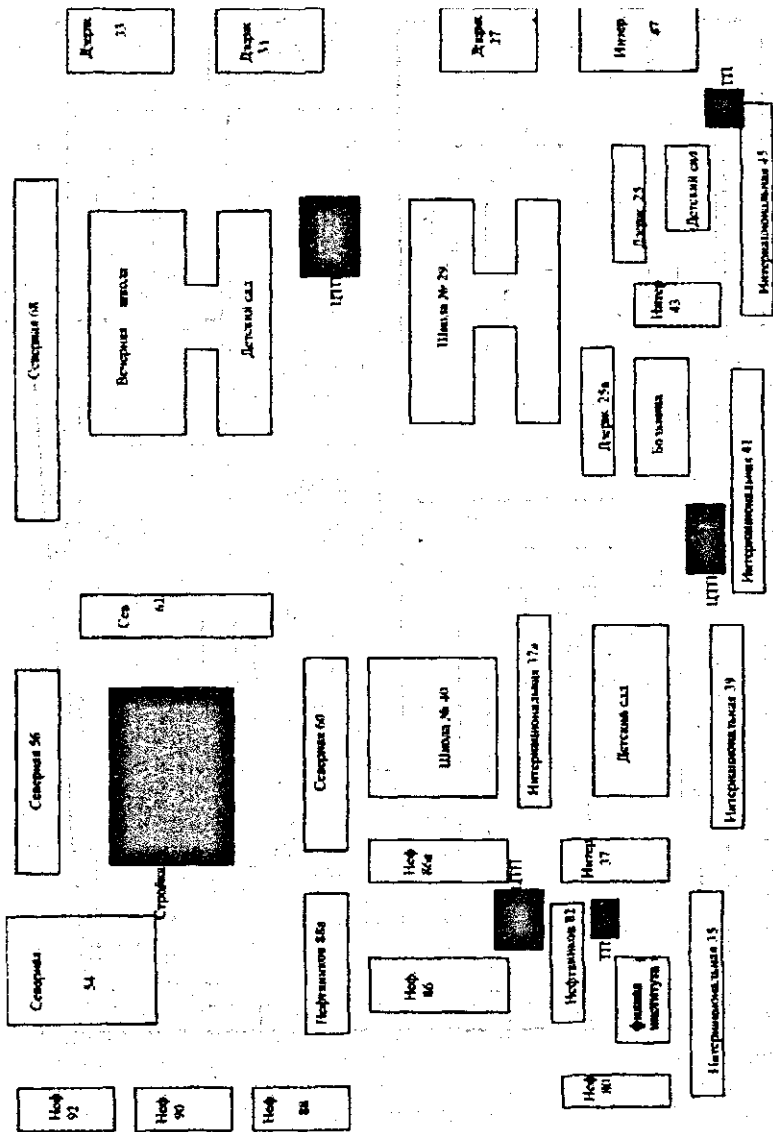
Схема зеленых насаждений 10-а микрорайона

Экологически неблагоприятные факторы соседства для 10-а микрорайона

Экологически неблагоприятные места 10-а микрорайона

Н. А. Иванова

Фитонцидные свойства растений как фактор формирования внутренней среды в биогеоценозах ХМАО

Естественные сообщества видов глобальной биоты представляют собой уникальный механизм поддержания пригодных для жизни условий окружающей среды в локальных и глобальных масштабах.

Данная идея рассматривалась еще в работах В.И. Вернадского, в настоящее время она получила свое развитие в работах В.Г. Горшкова. Согласно взглядам В.Г. Горшкова биотическая регуляция окружающей среды — это механизм управления окружающей средой, основанный на отобранных в процессе эволюции видах, содержащих необходимую для управления средой генетическую информацию.

Фундаментальная роль в поддержании параметров внутренней среды биосферы и экосистем принадлежит растительному покрову Земли. Растения выполняют ряд функций в биосфере: энергетическую, газовую, окислительно-восстановительную, почвообразования и т.д. Все эти функции работают на сохранение и поддержание параметров внутренней среды, экологических систем в пределах необходимых для сохранения жизни.

Одним из важнейших средообразующих факторов в сообществах являются химические выделения растений различной природы, которые регулируют отношения растений с другими представителями биоты. Данная проблема крайне важна в научном и практическом плане. Взаимоотношения растений с другими представителями сообществ лежат в основе эволюции видов, возникновения, развития и смены растительных группировок; играют важную роль в почвообразовательном процессе, в создании условий жизни и функционирования живых организмов.

К настоящему времени накопилось немало фактов о том, что каждая особь фитоценоза, выделяя во внешнюю среду различные продукты метаболизма, создает вокруг себя специфическую среду, которая для рядом расположенных организмов может быть токсичной, благоприятной или же индифферентной.

Химическое взаимодействие растений в сообществах, осуществляемое путем образования и выделения различных химических соединений в окружающую среду, получило название аллелопатии. Данный термин был введен в научную литературу Молишем, под аллелопатией он понимал как вредные, так и благоприятные биохимические взаимодействия.

Как мы уже сказали, растения являются важнейшим средообразующим фактором в биосфере и отдельных экосистемах, в том числе и антропогенных (например, в городах), изменяя параметры природной и антропогенной среды, они участвуют в формировании биогеоценозов. В процессе эволюции в результате сложного взаимодействия растений с абиотической и биотической средой формируются биологически устойчивые сообщества. Соответствие организмов друг другу в них определяется биологическим суммированием многообразных форм и способов взаимных влияний, в том числе и физиологически активных химических соединений, выделяемых растениями в процессе жизнедеятельности. Среди них большое значение имеют физиологически активные вещества, которые условно обозначаются как фитонциды.

Термин фитонциды состоит из двух слов: (от греч. *phyton* — растение и лат. *caedo* — убиваю). Они впервые были открыты Б.П. Токиным. Б.П. Токин под фитонцидами понимал продуцируемые растениями бактерицидные, фунгицидные, протистоцидные вещества, являющиеся одним из факторов их иммунитета и играющие важную роль во взаимоотношениях организмов в биоценозах. Растение, выделяя фитонциды, создает вокруг себя биохимически специфическую среду. Фитонциды одного растения (донора) усваиваются рядом растущим (акцептором), под влиянием их меняется интенсивность процессов жизнедеятельности организма акцептора. Таким образом, осуществляется непосредственное влияние одного растения на другое.

Различают летучие фракции фитонцидов и фитонцидные свойства тканевых соков, которые обладают свойством губительно действовать на микробиоту различных классов: бактерии, вирусы, простейшие одноклеточные животные, микроскопические грибы и т.д.

Фитонциды отличаются большим разнообразием по химической природе, это обуславливает сложность и различие форм их взаимоотношений с организмами окружающей среды. Фитонцидная активность зависит от различных факторов: сезонности года, продолжительности дня и ночи, освещенности, температуры и влажности воздуха, физиологического состояния растений и т.д.

Фитонциды могут быть регуляторами санитарного состояния биосферы, средством борьбы с болезнями и вредителями растений и животных. Они оказывают эффект не только на живые организмы (в том числе на человека), но могут непосредственно влиять на

летучие загрязнения, которые создаются промышленностью, транспортом или в бытовых условиях, осаждаая, окисляя или нейтрализуя их, тем самым очищая воздух от загрязнений. Вышеуказанное свойство растений крайне важно для формирования благополучной окружающей среды урбанизированных территорий, в том числе городов. Правильная подборка древесных, кустарниковых и травянистых растений для озеленения городов с учетом их фитонцидных свойств позволит значительно улучшить санитарно-гигиеническое состояние окружающей среды.

Представленная работа посвящена изучению фитонцидных свойств деревьев и кустарников природных антропогенных и сообществ. В качестве биотеста использовали особенности роста клеток истинных микроорганизмов и грибов на твердой питательной среде (МПА).

Исследования проводили в течение двух лет в городе Нижневартовске и его окрестностях. Были поставлены две группы экспериментов.

Первое направление было связано с изучением фитонцидной активности в лабораторных условиях. В качестве объектов исследования использованы виды деревьев и кустарников, рекомендованные к озеленению городов нашего округа и широко представленные в зеленой зоне Нижневартовска. Это тополь черный, осина обыкновенная, береза повислая, береза пушистая, ива белая, ива прутивидная, сирень венгерская, сосна обыкновенная, черемуха обыкновенная; рябина сибирская и роза колючая.

Во второй группе опытов фитонцидную активность листьев изучали в естественных условиях: в черте города Нижневартовска и его окрестностях, в природных (лес) и природно-антропогенных (городской парк) экосистемах.

В качестве объектов исследования были взяты чистые и смешанные посадки деревьев и кустарников. В лесу — хвойные (сосна обыкновенная и ель обыкновенная), ивняки, черника. В смешанных посадках — береза пушистая, сосна обыкновенная и ель обыкновенная; осина обыкновенная, ива белая; береза пушистая, тополь и ива белая.

В природно-антропогенной экосистеме — парк Победы — береза пушистая и ивняки; ива белая; береза пушистая и осина обыкновенная; сосна обыкновенная и береза пушистая. Посев микрофлоры вели под кронами деревьев на высоте 20 см от почвы. В качестве контрольных вариантов служили пробы, взятые на открытом от посадок пространстве.

Фитонцидная активность вышеуказанных растений определяли методом биотеста. В качестве биотеста использовали особенности роста клеток истинных микроорганизмов и грибов на твердой питательной среде (МПА). Засев микрофлоры осуществляли методом Коха в течение 10 минут в чашке Петри. Количество выросших

колоний грибов и микроорганизмов определяли на 1 дм² агаровой пластинки. Все определения вели в трех повторностях, на листьях среднего яруса одновозрастных насаждений.

В первой группе опытов по степени подавления общего роста колоний грибов и микроорганизмов все изученные виды были условно разделены на 3 группы. Виды, имеющие высокую фитонцидную активность: сосна обыкновенная, черемуха обыкновенная, тополь черный, береза повислая и сирень венгерская. Степень подавления в дневной период достигала 70–76%. Среднее положение по фитонцидной активности в ряду изученных видов занимали береза пушистая, роза колючая и рябина сибирская. Общий рост подавления колоний достигал 60–65% в дневные часы. Меньшую фитонцидную активность на протяжении всего дня имели осина обыкновенная, ива белая и ива прутьевидная. В дневные часы фитонцидная активность достигала величины, равной 45–50%. Фитонцидная активность у изученных видов в течение дня менялась по одновершинной кривой и была максимальной в дневные часы.

Рост колоний грибов и микроорганизмов под посадками деревьев и кустарников в лесных сообществах представлен в таблице 1. Результаты исследования в природных условиях показали, что фитонцидная активность большинства изученных деревьев и кустарников, так же, как и в лабораторных условиях, максимальна в дневной период времени.

Как видно из таблицы, в утренние часы подавления роста колоний под деревьями почти не проявлялось, исключение составили варианты смешанного леса из березы пушистой, ели и сосны обыкновенной; ивы белой и черники — степень подавления числа колоний соответственно 9,2%, 60,7% и 42%. Для лесных сообществ характерно наличие большого числа клеток грибов. Здесь присутствовали виды грибов из рода *Aspergillus*, *Penicillium* и *Trichoderma* и другие. Максимальную степень фитонцидной активности в дневной период времени проявили посадки черники — степень подавления роста колоний достигала 76,3%.

Среднее положение занимало смешанное сообщество из лиственных и хвойных пород, уменьшение числа колоний к контролю составило 57,6%. У хвойных пород: сосна обыкновенная и ель обыкновенная — 34%. Чистые посадки ив и смешанные посадки из березы пушистой, тополя и ивы белой фитонцидной активности не проявили. Для ивняков характерна низкая фитонцидная активность.

Результаты данных, полученных при изучении фитонцидных свойств в парке Победы города Нижневартовска, представлены в таблице 2.

Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что максимальное подавление численности колоний под посадками в ос-

Таблица 1.

**Особенности роста колоний грибов и микроорганизмов
на МПА (посев в природных условиях — лес)**

№ п./п	Вариант	Время взятия проб (часы суток)	Время экспозиции (мин.)	Число колоний на 1 дм ² поверхности агаровой пластинки			% подавления роста колоний		
				Бактерии	Грибы	Общее число колоний	%	%	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Смешанный лес: береза пушистая, ель обыкновенная, сосна обыкновенная	10.00							
	Контроль		10	2,5	27	29,5	—	—	100
	Опыт	10	6,4	20,4	26,8	—	24	9,2	
2.	Хвойный лес: ель обыкновенная, сосна обыкновенная								
	Контроль		10	7,6	14	21,6	—	—	100
	Опыт		10	14,0	25	39	—	—	—
3.	Ивовый лес: Ива ушастая, трехтычинковая, белая								
	Контроль		10	2,5	10,2	12,7	—	—	100
	Опыт		10	8	38,6	46,6	—	—	—
4.	Лиственный лес: осина обыкновенная, ива белая								
	Контроль		10	28	51	79	—	—	100
	Опыт		10	6	25	31	78,6	50,7	60,7

1	2	3
5.	Лиственный лес: береза пушистая, тополь черный, ива белая Контроль Опыт	
6.	Черника Контроль Опыт	
1.	Смешанный лес: береза пушистая, ель обыкновенная, сосна обыкновенная. Контроль Опыт	13.00
2.	Хвойный лес: ель обыкновенная, сосна обыкновенная Контроль Опыт	
3.	Ивовый лес: ива ушастая, трехтычишковая, белая Контроль Опыт	
4.	Лиственный лес: осина обыкновенная, ива белая Контроль Опыт	
5.	Лиственный лес: береза пушистая, тополь черный, ива белая Контроль Опыт	
6.	Черника Контроль Опыт	

4	5	6	7	8	9	10
10	12,7	6,4	19,1	—	—	100
10	29,4	42	71,4	—	—	—
10	15,3	88	103,3	—	—	100
10	22	39	61	—	55,5	42
10	43,3	77,7	121	—	—	100
10	28	23,3	51,3	35	70	57,6
10	29,3	36,6	66,2	—	—	100
10	16,6	27,1	43,7	43	26,6	34
10	10,0	24,0	34,0	—	—	100
10	7,0	30	37,0	30	—	—
10	10,2	20,4	30,6	—	—	100
10	13,6	20,4	34	—	—	—
10	7,6	5,1	12,7	—	—	100
10	42	47,5	89,5	—	—	—
10	79	71,1	150,3	—	—	100
10	45	69,7	114,7	43	2,3	76,3

Особенности роста колоний микроорганизмов и грибов на МПА,
в контрольных и опытных вариантах, в парке Победы

№ п/п	Вариант	Время взятия проб (часы суток)	Время экспози- ции (мин.)	Число колоний на 1 дм ² поверхности агаровой пластинки			% подавления роста колоний		
				Бактерии	Грибы	Общее число колоний	%	%	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Одновидовые посадки: Береза пушистая	10.00	10	11,5	—	11,5	—	—	100
	Контроль		10	34	6,4	40,4	—	—	—
2.	Смешанные посадки: береза пушистая, ива белая, осина обыкновенная	10	10	321	9	330	—	—	100
	Контроль		10	70,8	43,3	114,1	78	—	65,4
3.	Смешанные посадки: осина обыкновенная, береза пушистая	10	10	32	10,2	42,2	—	—	100
	Контроль		10	60,0	8	68,8	—	21,2	—
4.	Смешанные посадки: сосна обыкновенная, береза пушистая	10	10	35,7	6,4	42,1	—	—	100
	Контроль		10	65,7	6,4	72,1	—	—	—
	Опыт								

1	2	3	4
5.	Смешанные посадки: ива белая, трехтычишковая, козья, прутьевидная		
	Контроль		10
	Опыт		10
1.	Одновидовые посадки: береза пушистая		
	Контроль	13.00	10
	Опыт		10
2.	Смешанные посадки: береза пушистая, ива белая, осина обыкновенная		
	Контроль		10
	Опыт		10
3.	Смешанные посадки: осина обыкновенная, береза пушистая		
	Контроль		10
	Опыт		10
4.	Смешанные посадки: сосна обыкновенная, береза пушистая		
	Контроль		10
	Опыт		10
5.	Смешанные посадки: ива белая, трехтычишковая, козья, прутьевидная		
	Контроль		10
	Опыт		10

5	6	7	8	9	10
20,4	5,1	25,5	—	—	100
33,9	34,4	68,3	—	—	—
123,6	2,5	126,1	—	—	100
10,67	2	69	45,8	20	42,6
34,4	30,6	65	—	—	100
47,9	21,7	69,9	—	29	—
105,7	8,9	114,6	—	—	100
45,9	7,6	53,5	56,6	14	53,3
359,2	—	359,2	—	—	100
35,2	3,3	38,5	90	—	89,3
117,2	17,8	135	—	—	100
71,7	47,9	119,6	39	—	11,4

1	2	3
1.	Одновидовые посадки: береза пушистая Контроль Опыт	17.00
2.	Смешанные посадки: береза пушистая, ива белая, осина обыкновенная Контроль Опыт	
3.	Смешанные посадки: осина обыкновенная, береза пушистая Контроль Опыт	
4.	Смешанные посадки: осина обыкновенная, береза пушистая Контроль Опыт	
5.	Смешанные посадки: ива белая, трехтычишковая, козья, прутьевидная Контроль Опыт	

4	5	6	7	8	9	10
10	123,6	2,5	126,1	—	—	100
10	96,8	67,5	164,3	21,6	—	—
10	52,2	5,1	57,3	—	—	100
10	43,9	12,7	56,6	16	—	1,3
10	3,8	—	3,8	—	—	100
10	49,7	1,6	51,3	—	—	—
10	168,2	2,5	170,7	—	—	100
10	36,9	5,1	42	78	—	75,4
10	186	22,9	208,9	—	—	100
10	22,9	19,9	42,8	88	13	79,5

новном наблюдается в полуденные часы. При этом смешанные посадки из сосны обыкновенной, березы пушистой характеризуются наибольшей активностью. На втором месте стоят чистые посадки березы пушистой и смешанные — из осины обыкновенной и березы пушистой (подавление роста колоний соответственно на 43% и 53% в полуденные часы).

Все полученные результаты говорят о том, что посадки березы и сосны отличаются высокой степенью подавления численности микроорганизмов в воздухе, что согласуется с лабораторными данными.

В смешанных посадках ив в утренние и вечерние часы фитонцидная активность практически отсутствовала, но был скачок в послеобеденное время. Данный факт требует проверки. Возможно, такая динамика микрофлоры под посадками ив связана с их физиологией и особенностями движения устьиц, но, возможно, это отражает неблагоприятное состояние посадок ивняков в данном сезоне в связи со значительным развитием листовых вредителей. Кроме того, необходимо отметить, что в городе под посадками преобладают микроорганизмы, грибных колоний значительно меньше как в контроле, так и в опыте. Искусственные посадки в городе обладают большей активностью в подавлении численности микроорганизмов, чем природные биоценозы.

Таким образом, на урбанизированной территории бактерицидное действие древесных растений выражено ярче, чем фунгицидное. Представленные данные подтверждают идеи о регулирующем действии растений в сообществах с участием фитонцидов.

1. Айзенман Б.Е., Смирнов В.В., Бондаренко А.С. Фитонциды и антибиотики высших растений. К., 1984.
2. Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978.
3. Владимиров В.В. Расселение и экология. М., 1996.
4. Горшков В.В., Горшков В.Г., Данилов-Данильян В.Г., Лосев К.С., Макарьева А.М. Биотическая регуляция окружающей среды // Экология, 1999. №2.
5. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНТИ, 1995.
6. Горышина Т.А. Растения в городе. Л., 1991.
7. Колесниченко М.В. О взаимовлиянии древесных растений посредством фитонцидов // Фитонциды. Киев, 1981.
8. Райс Э. Аллелопатия. М., 1976.
9. Судачкова П.Е., Расторгуева Е.А., Козловский Р.А. Физиология подростка кедра. М., 1982.
10. Смирнов В.В., Бондаренко А.С. Фитонциды и антибиотики высших растений. К., 1984.
11. Титов Ю.В., Титова Ю.В. Зеленые насаждения г. Нижневартовска. 1997.
12. Токин Б.П. Целебные яды растений. 3 изд. Л., 1980.
13. Часовенная А.А. Механизмы регуляции фитоценологических систем и роль в них фитонцидов // Фитонциды. Киев, 1981.

Ю.В. Бобков

Зимнее население птиц северной тайги в верхнем течении реки Глубокий Сабун

Обширные и обобщающие сведения по птицам северной тайги Западно-Сибирской равнины опубликованы [Вартапетов, 1998]. Имеются также весьма краткие эколого-фаунистические данные по Нижневартовскому району [Шор, 1997, 1998]. Однако полные и подробные исследования на р. Глубокий Сабун не проводились.

Район работ находился в Нижневартовском районе Тюменской области от 62° 16' до 62° 40' с.ш. и от 81° 32' до 81° 40' в.д. В приречной части долины средних и малых рек — темнохвойный лес с преобладанием кедра и ели, чередующиеся с небольшими «пятнами» низинных болот. На междуречьях — сосняки, гары по ним и березово-кедрово-сосновые леса. Болота в основном с кедром и сосной и небольшими гривами или участками низкорослых рямов (озерно-болотные комплексы).

Работы выполнены преимущественно в феврале 1999 г. Следует отметить, что материалы собраны в неурожай кормов. Учеты птиц проводились на постоянных, но не строго фиксированных маршрутах без ограничения дальности обнаружения, с последующим раздельногрупповым пересчетом на площадь [Равкин, 1967]. В каждом ландшафтном урочище проведено, как правило, не менее 10 км учетов. Редкие виды птиц, незарегистрированные в учетах, подсчитывались дополнительно вне учетных маршрутов. Протяженность основных учетов птиц 98,2 км, дополнительных, с подсчетом редких видов — 42,5 км.

Балльная шкала обилия приводится по А.П. Кузякину [1962], особей/км²:

Весьма многочисленны	100 и более
Многочисленные	10–99
Обычные	1–9
Редкие	0,1–0,9
Очень редкие	0,01–0,09
Чрезвычайно редкие	0,001 и меньше

Показатели обилия рассчитывались без соотношения площадей, занимаемых разными ландшафтными урочищами (таблица). Видовые названия птиц даны по «Конспекту орнитологической фауны СССР [Степанян, 1990].

Повидовой обзор, обилие и ландшафтное распределение

Беркут (*Aquila chrysaetos* L.) Очень редок. Единственный раз встречен вблизи озерно-болотных комплексов (0,01 особей/км²). Зимой для северотаежной подзоны зарегистрирован впервые.

Белая куропатка (*Lagopus lagopus* L.) Изредка встречалась на озерно-болотных комплексах (0,3).

Тетерев (*Lururus tetrrix* L.) Многочислен в березово-кедрово-сосновых и сосновых лесах (24 и 10) и обычен на зарастающих сосной гарях и в приречных темнохвойных лесах долины р. Глубокий Сабун (8 и 4).

Глухарь (*Tetrao urogallus* L.) Обычен в сосняках и березово-кедрово-сосновых лесах (6 и 8) и редок на зарастающих сосной гарях (0,8).

Рябчик (*Tetrastes bonasia* L.) Многочислен в приречных темнохвойных лесах с преобладанием ели (11), обычен в сходных лесах с участием кедра (4) и редок в сосняках (0,5).

Черный дятел (*Dryocopus martius* L.) Очень редок. Один раз встречен в сосняках вблизи приречных темнохвойных лесов (0,05).

Пестрый дятел (*Dendrocopos major* L.) Редок. Единственный раз встречен в приречных темнохвойных лесах (0,1).

Трехпалый дятел (*Picoides tridactylus* L.) Редок, но отмечался чаще, чем другие виды дятлов. Населяет в основном темнохвойные и смешанные леса, реже сосняки (0,3-0,6).

Кукша (*Perisoreus infaustus* L.) Обычна в сосняках (2-5) и изредка встречалась на облесенных гривах среди болот (0,1).

Кедровка (*Nucifraga caryocatactes* L.) Встречается повсеместно. Обычна в темнохвойных и смешанных лесах (4-9), редка в сосняках, на гарях и залесенных болотах (0,1-0,6) и очень редка на открытых болотах (0,01).

Ворон (*Corvus corax* L.) Встречается почти повсеместно, как правило, в полете, редко и очень редко (0,02-0,5).

Буроголовая ганчка (*Parus montanus* Bald.) Многочисленна в приречных темнохвойных с преобладанием ели и березово-кедрово-сосновых лесах (44 и 11). Обычна в речных долинах с существенным участием кедра и в сосняках (9 и 3) и редка на гарях (0,9).

Сероголовая ганчка (*Parus cinctus* Bodd.) Многочисленна и обычна. Встречена только в сосняках и на зарастающих сосной гарях (16 и 19) и в смешанных березово-кедрово-сосновых лесах (5). В отличие от наблюдений других исследователей учеты синичьих стай показали, что сероголовые ганчки с буроголовой очень редко образуют смешанные стаи. Из 42 отмеченных групп лишь в 7 случаях в их составе наблюдались одиночные особи ганчек другого вида.

Эти различия, наряду с территориальной разобщенностью этих двух видов синиц, видимо, обусловлены неурожаем кормов.

Обыкновенный поползень (*Sitta europaea* L.) Обычен в лесах (2-6) и редок на зарастающих сосновой гарях (0,6).

Обыкновенный клест (*Loxia curvirostra* L.) Очень редок. Дважды, по-видимому, одна и та же птица наблюдалась в полете над сосняками (0,01).

Таким образом, во время работ зарегистрировано 15 видов. Наибольший интерес представляет беркут (вид включен в Красную книгу РФ), который впервые встречен зимой не только в Нижневартовском районе, но и в пределах северной тайги. Многочисленны и обычны буроголовая и сероголовая гаички, тетерев и рябчик (последний местами редок), обычны и редки кедровка, обыкновенный поползень, глухарь и кукушка, редки и очень редки трехпалый, пестрый и черный дятлы, обыкновенный клест и беркут. В отличие от наблюдений других исследователей учеты показали, что сероголовые гаички с буроголовой очень редко образуют общие стаи и обычно территориально разобщены. Различия, видимо, обусловлены неурожаями кормов.

В приречных темнохвойных лесах с преобладанием кедра долины р. Глубокий Сабун плотность населения птиц составляет 27 особей/км². Зарегистрировано 8 видов птиц. Наибольшее обилие свойственно буроголовой гаичке и меньше — кедровке, рябчику, тетереву и обыкновенному поползню. Минимальные показатели характерны для трехпалого и пестрого дятлов и ворона.

В приречных темнохвойных лесах с преобладанием ели долины р. Липикъинкигол плотность населения более чем вдвое выше, а количество видов ниже (соответственно 70 и 5). Не отмечены дятлы и тетерев. Обилие остальных несколько больше, особенно буроголовой гаички (почти в 5 раз). По-видимому, это обусловлено молодым возрастом насаждений по сравнению с более зрелой поймой, что, возможно, создает лучшие условия для таежных (сибирских) видов, формирующих сообщество птиц. Кроме того, высокое суммарное обилие вполне может быть в результате повторного учета видов (буроголовой гаички, кедровки и обыкновенного поползня) на маршрутах, поскольку время на его прохождение заметно возрастает из-за плотности древостоев и часто встречающихся поваленных стволов.

В березово-кедрово-сосновых лесах плотность населения птиц примерно такая же, какая в лесах долины р. Липикъинкигол (61). Не отмечены рябчик, ворон и пестрый дятел, но встречены тетерев, глухарь, сероголовая гаичка и кукушка, обилие которых выше.

В сосняках плотность населения 44 особи/км². Встречено наибольшее число видов. Сравнительно высокое видовое богатство в

некоторой степени объясняется большей протяженностью учетов и расположением в них конечного пункта наблюдений (базы). Кроме уже упоминаемых видов очень редко отмечались черный дятел и обыкновенный клест. Более чем вдвое, по сравнению с темнохвойными и смешанными лесами, возрастает обилие сероголовой гайчки и кукушки и снижается — кедровки, буроголовой гайчки, обыкновенного поползня и тетерева.

На участках зарастающих сосной гарей плотность населения и количество видов почти вдвое меньше и примерно такие же, какие в приречных темнохвойных лесах долины р. Глубокий Сабун (29 и 6). Наиболее велико обилие сероголовой гайчки и тетерева.

На участках свежих гарей показатели одни из самых минимальных (1 и 3). Изредка отмечены лишь державишнеся вблизи лесных опушек буроголовые гайчки и кедровки, а также пролетающие вороны.

На болотах плотность и видовое богатство населения уменьшаются от обширных, частично облесенных, где изредка встречаются белая куропатка, кедровка, кукушка и беркут, к небольшим, почти полностью открытым, расположенным среди лесов. На последних отмечены только очень редко пролетающие вороны и кедровки.

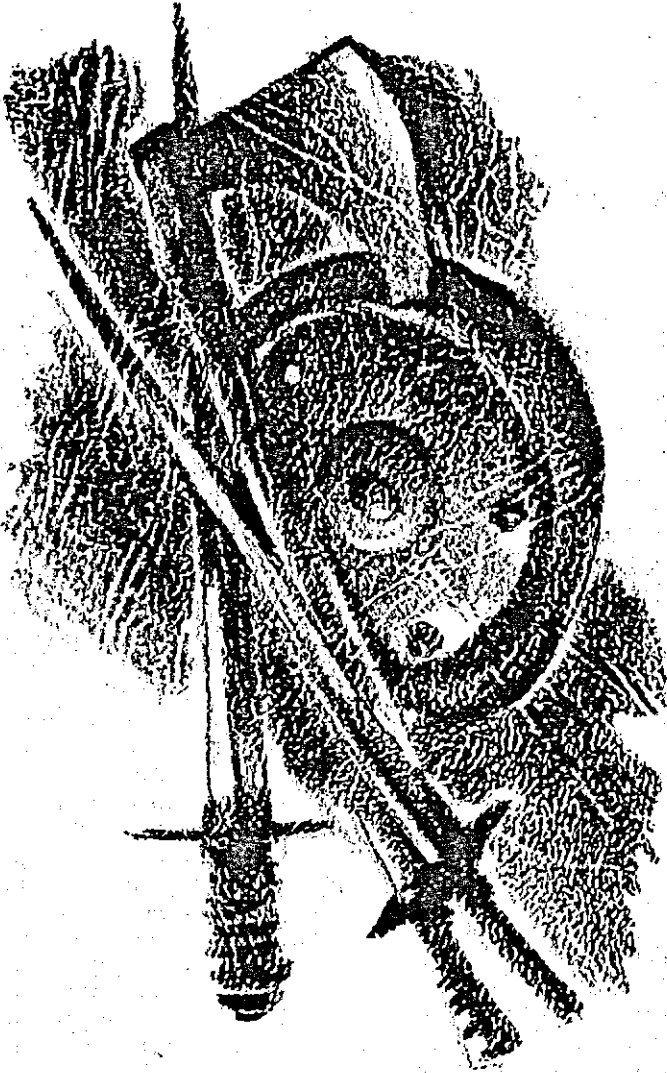
Таким образом, показатели плотности населения птиц и видового богатства в сравниваемых природных орнитокомплексах уменьшаются от лесов к болотам. Среди лесных сообществ в приречных темнохвойных лесах и гарях значения, как правило, ниже в 1,5 и 2 раза по сравнению с березово-кедрово-сосновыми и сосновыми лесами, главным образом за счет видов, встречающихся обычно только в сосняках (сероголовой гайчки, глухаря и кукушки и в меньшей степени тетерева). Обилие последнего существенно влияет на суммарное обилие птиц и случайно, потому что в середине дня птицы преимущественно отдыхают в снегу и вылетают в нескольких метрах от учетчика, что при пересчете дает высокие результаты.

В результате проведенных работ можно сделать следующие выводы.

Зарегистрировано 15 видов птиц из 27, встречи с которыми возможны зимой в северотаежной подзоне. Наибольший интерес представляет беркут (вид включен в Красную книгу РФ), который впервые встречен не только в Нижневарттовском районе, но и в пределах северной тайги. Многочисленны или обычны 4 вида — буроголовая и сероголовая гайчки, тетерев и рябчик, последний местами редок; столь же обычны или редки — кедровка, обыкновенный поползень, глухарь и кукушка; и 7 видов редки или очень редки — трехпалый, пестрый и черный дятлы; ворон, белая куропатка, обыкновенный клест и беркут.

Плотность населения птиц и видовое богатство уменьшаются от лесов к болотам. В лесных орнитокомплексах показатели ниже в местообитаниях, нарушенных пожарами, и без сосны в составе древостоев. В отличие от наблюдений других исследователей учеты показали, что сероголовые гаички с буроголовой очень редко образуют общие стайки и территориально разобщены.

1. *Вартапетов Л.Г.* Птицы северной тайги Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1998. 327 с.
2. *Кузякин А.П.* Зоогеография СССР // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. П.К. Крупской. 1962. Т. 52. С. 3-182.
3. *Равкин Ю.С.* К методике учета птиц лесных ландшафтов // Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае. Новосибирск: Наука, 1967. С. 66-75.
4. *Степанян Л.С.* Конспект орнитологической фауны СССР. М.: Наука, 1990. 728 с.
5. *Шор Е.Л.* Птицы города Нижневартовска // Биологические ресурсы и природопользование. Сборник научных трудов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. Вып. 1. С. 74-81.
6. *Шор Е.Л.* Редкие птицы Нижневартовского района // Биологические ресурсы и природопользование. Сборник научных трудов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. Вып. 2. С. 79-85.

VI. Поръпреѣи земакоб

Н. П. Смирнов

Люблю жить!

Очерк

В нижевартовских газетах несколько десятилетий появлялись обращения городского исторического общества присылать в краеведческий музей или по адресу документы по истории города и района.

Иногда обращения подписывал председатель общества, Почетный гражданин Нижевартовска, участник трех войн Т. Шуваев, и адрес указывался его, домашний.

Многие годы Тимофей Дмитриевич вел Серебряную и Золотую книги памяти, занося в них наиболее заметных горожан.

Впервые на территории округа он появился подростком, в деревне Нялино возле Ханты-Мансийска. Там после гражданской войны создали приют для детей-сирот, и Тимофей Дмитриевич волей судьбы оказался в нем. Познакомился, таким образом, с Севером. А началась его биография в селе Летняя Ставка Ставропольской губернии, здесь двенадцатилетним и принял боевое крещение: вступил в схватку с дезертиром, покусившимся на личное имущество и без того обнищавших селян («красные придут — грабют, белые придут — грабют. Куда крестьянину податься?»). Справедливости ради скажем, красные Летнюю Ставку миловали. Шуваевым даже оставили жеребенка за постой на подворье, а тягло для деревенца важней всего. Прониклись уважением к «краснозвездым».

В один из вечеров банда из лога наведалься решительная, пошарила съестное, вещи, какие подвернулись, упряжь, собрала все припасливо в кучу, чтобы вывезти в лесополосу, подальше от чужих глаз. Удалилась на другой конец села в поисках повозки, лишь дозорный остался возле награбленного, задремал в ожидании сообщников. Винтовка при нем, Тимошка, спедаемый чувством голода и мщения за расстрелянных бандой соседей, подкрался незаметно, схватил трехлинейку и хотел убежать за амбар, откуда и появился, но часовой спохватился, вскочил.

И вот в то мгновение ствол трехлинейки уперся ему в грудь, непроизвольно получилось, и непроизвольно палец давнул на спуск. Грохнул выстрел, показавшийся Тимошке оглушительным. Дезер-

тир рухнул, зажав ладонью разворотную с близкого расстояния рану, заматерился страшно. Из рта выступила кровавая пена, а глаза закатились смертно.

Перепуганный Тимошка убежал с трехлинейкой в недалекую заимку, где квартировали красные, все рассказал им. «А оставайся пока у нас за сына копармейцев, — рассудил командир из бывших печников. — Будешь разведчиком на довольствии. Глинобитные каменки научу мастерить. А пока мы эту компанию мигом к праотцам». И ушел с эскадроном в ночь. Изрубили банду, вернули награбленное, и в придачу пшеницы и овса из подседельных сум отсыпали.

Тимошка в самом деле ходил в разведку, являлся к белым пастушонком в поисках отбившейся буренки. Белые долго не догадывались, кто узнает расположения, выдает намерения противнику, пока летчеставец Артюшка Быков не опознал парнишку широкоскулого. Но удалось уйти Тимошке, чудом спасая от стрелявших прямо с коней, на скаку, в лазутчика. Спасла извилистая глубокая балка — нырнул в нее и пропал из виду. Ночь окончательно обескуражила преследователей. Потеряли Тимошку окончательно.

На этом его разведдеятельность прервалась... до следующей войны — с финнами. Командир из печников, и по сути оставшийся печником, мудро решил отправить подростка в детдом. Сперва по Кубани и Краснодарскому краю Шуваева перемещали. По югу, это понятно, но почему Сибирь да север дальний, ума не приложу. Может, потому, что часто власть переходила из рук в руки и дети снова оказывались беспризорными, а персонал зачастую подрастательным. Наказывали без суда и следствия, круто и крупно. Раз и навсегда.

Северный уклад пришелся кстати, рыбой да орехами, олениной откормили золотушного, отошального паренька няинцы, с прежней бескормицы едва передвигавшего ноги. Раздерганная его душа успокоилась, недавнее сумятичное казалось сном. С жадностью заново возродившегося набросился Тимошка на учебники, дни и ночи шелестел книжными страницами, обрел статью и крепость, на девчонок стал поглядывать.

И много он мечтал о счастливой сытной жизни, изведавший рано пустые застолицы, перестрелки, звоны клинков. За бревенчатыми стенами, бывало, беснуется пурга, рвет в ключья дым из труб, а он твердит свое в кедровом гуле: «Мама рыла окоп. Отец партизанил. Советская власть — самая лучшая народная власть!». Твердил по учебникам скородельным и верил на самом деле, что так и есть: Ленин самый мудрый, а Сталин за ним на подхвате, и сообща с Марксом и Энгельсом они — светочи мира. Вот только почему не с ним родители, и где коростели и перепелки летчеставские, нали-

вистые хлеба в дымчатой распростертости и стукоток молотилок на гумнах? Нет и песен про батьку Нечитайло, его свет-красу Неделяну, про солдата Гарбузова — молодца задонского? Где? Канула безмятежность вместе с явлением большевизма, невесть откуда взявшегося. Большевизма и большевиков, что предстали в шлемах.

Не свихнулся на беспризорничество, хулиганку. Самого усидчивого, его и направили в столичную сельскохозяйственную школу образовываться агрономин. Вернется — поднимет пашни и огороды, вознаградит за науки овощью да хлебами. Возле Оби и Иртыша поселенцы прежде все это возделывали. Но разразилась братоубийственная гражданская, и шикому ни до чего не стало забот. Выясняют, кто справедливей и больше за мировую перетряску. Новая власть обещает райское благоденствие, молочные реки и кисельные берега и равновесие во всем. Каждому по лопате.

Отправился одухотворенный Тимофей Шуваев в столицу.

И вот тут, в школе, ощутил в себе два генетических качества: потребность новизны и скорую адаптацию в любой обстановке. Упористым оказался. Третья страсть добавилась в городке Козлове, где селекционировал народный самородок от садоводства Иван Алексеевич Мичурин. Тимофея в Козлов на практику отправили на три полных лета. Он трепетно относился к фруктоводу, запестрившего портретами их учебные пособия. Знаменитость! Но великое с курьезным соседствует. Два практиканта самовольно сорвали и съели пронумерованные яблоки. Старичок Авденч, что за сторожа и привратника у Мичурина был, узрел это и донес Ивану Алексеевичу. Провинившихся отправили в Москву несостоявшимися — сверхсурово наказали.

Иван Алексеевич жил один в домишке, питался вегетариански — больше растительным. Не пил и не курил, а все сорта скрещивал яблочные. Авденч ему помогал по хозяйству. Все же у педантичного, тихого Ивана Алексеевича в его размеренном мирке присутствовала еще одна, кроме фруктоводства, страсть: любовь к эсперанто. Международному языку. Все шуршит и шуршит вечерами залистанными общими тетрадями, значки по бумаге вьет. Оказавшись дежурным в домишке, любознательный Шуваев заметил это не свойственное агрономии увлечение, спросил: что оно такое, никакой письменности не прилагательное?

Мичурин охотно объяснил и посоветовал заняться международным средством общения, приобрести в Москве пособия необходимые. Адрес магазина назвал. Тимофей внял совету. Вернувшись в белокаменную, на всю стипендию купил в специализированном магазине книг. За неделю эсперанто самостоятельно освоил. В Великую Отечественную знание его помогло крепко в Бухаресте — среди недоброжелательных румын, которые под Одессой «шли

сплошной стеной», — целую дивизию водой наполнил. И не только людей, но утолил жажду в жаркий летний полдень лошадям. Недоброжелательные хозяева города замкнули водокачку, в колонках ни капли влаги. А солнце палит несусветно, взмокли от пота бойцы и каурые гривастые. Тимофей отправился к здешнему эсперантисту, владельцу богатой виллы. Расположил именно осведомленностью в спецаречии. Тот проникся: надо же, москаль из диких просторов, а образованный до невозможности, велел отомкнуть водокачку. «Ради тебя это делаю, в порядке исключения», — заявил эсперантист Бухареста и пожелал Тимофею удачи. Люди пили, лошади пили и отфыркивались, довольные. Жажда больше не томил дивизию.

Авдеич с Мичуриным вообще-то не жадные были, сами яблоки в ведрах приносили практикантам, характеристики хорошие писали, учили созиданию. Тимофей Дмитриевич до последнего часа их помнил. Оставался верен эсперанто (вел клуб любителей всепланетарного спецаречия), кашу варил по-мичурински, просяную с подсолнечным маслом, до которой Иван Алексеевич с Авдеичем большими охотниками были.

А к садам и огородам прилежания не обрел, дачи не имел в Нижневартовске. Увяз основательно в историко-краеведческих помыслах и пропаганде того же эсперанто — друзей по всему земному шару для переписки искал. Всегда неутомимый и целеустремленный.

Институт окончил, в историки перепрофилировавшись. Возможно, гены деда-родиноведа проявились. Еще студентом с однокурсниками побывал в гостях у Шолохова. Их встретила супруга Михаила Александровича, усадила за стол, чаю налила. Сам писатель появился, в клетчатой рубашке с короткими рукавами, улыбочивый, добродушный. Рассказал о своей повседневной работе над книгой, и про особенности писательского ремесла рассказал доходчиво, с акцентом на то, что любая большая задумка требует больших вложений.

Тимофей еще раз после Мичурина уяснил непреложную эту истину. А еще уяснил любовь Михаила Александровича к жизни, с его слов и при чтении «Тихого Дона», подаренного автором. Может, именно тогда утвердился в мысли о собственном призвании историка-краеведа. Будет пропагандировать отечественные периоды, как дед его пропагандировал в школах родиноведение, сочинял бывальщины про Стеньку Разина и казака Нечитайло, про царей и думных дьяков. Вокруг пули свистели, анархия, мать порядка, про «Яблочко» блажила, пулеметными лентами опоясанная, а дед все бывальщины сочинял и вел родиноведение в школе. Мальчонку патриотом воспитывал.

Служить в армии считалось делом чести. Тимофей с радостью и желанием пошел в вооруженные силы. Его спросили, на какой фронт хочет попасть: Киевский или Ленинградский? Тимофей удивился: какие фронты, если о мире твердим? «Мир — это для песен, — ответили. — На деле готовимся к войне». И он удовольствовался разъяснением. К войне, так к войне. Угодил вначале в Архангельск, прошел серьезную тактическую подготовку. Стал пулеметчиком завзятым. Одним из первых добровольцем ушел в расположение белофиннов, с мыслью, что так оно и следует. Уверен был в правоте своего пролетарского предназначения: вершить мировую революцию. Торопато рейдировал по вражеским тылам, изю всех видов оружия упражнялся. При случае пользовался и финкой. Уже на подступах к Хельсинки, рассказал, были, когда последовал нелепый приказ отступить. С досады артиллеристы весь боекомплект почти в упор выпустили по ближнему укрепайону, бросили орудия в болотах, распушенных весноталицей. Ретировались налегке.

Несусветица, разобценность творились в изобилии.

Тимофей с однополчанами всю последующую зиму бдил в Заполярье на острове Безымянном. От кого обороняли клочок суши в безбрежье вод и льдов, не ведали, но провокаций ждали постоянно, о них твердили командиры. Военное предгрозье чувствовалось и в Заполярье, где морозы до минус пятидесяти, а главный враг — цинга. Грызали во избежание сырую рыбу, отваривали мох и ползучие кустарники. В гости к ним навевывались всенощные звезды да белые медведи, их постреливали, питались и медвежатиной, кислой на вкус, отдающей собачатиной залежалой. Но врачевала и медвежатиная, целебной оказалась.

Весной их сняли с Безымянного.

И вовремя. Через несколько месяцев — финская кампания: прелюдия к большой несвязке с Германией. В Архангельске Шуваев услышал выступление Молотова, понял, что несвязка надолго, нешуточная и рукопашных схваток не избежать. Наострил ножик за голенищем. Так и оказалось. Уже возле станции поучаствовал в мордобойне отважно. Ножик за голенищем пригодился. А дело оно такое образовалось. После чрезвычайного ночного ливня, когда были на марше, в рассвете обозначившемся чужом столкнулись неожиданно с немцами. Огнестрельное подмокшее оружие отказало, орудовали холодным, в основном штыками и прикладами. Растерялись вначале те и другие. Кто «ура» кричит, кто «хенде хох», а кто молча звереет. «Безымянцы» перезверили, загнали немцев в Топозеро, многие из гитлеровцев спаслись на подручных плавсредствах.

Тимофея тогда ранили, и он, отлежавшись в госпитале, влился в стрелковую дивизию на Карельском направлении — дивизия эта закрыла образовавшуюся после предательства генерала Власова пре-

огромную брешь, способствовала выходу из окружения некоторым сметливым. Неутомимый Шуваев в числе армейцев Волховского фронта штурмовал к лиху помянутые Синявинские высоты на подступах к блокадному Ленинграду. С песнями про казака Нечитайло и красавицу Неделяну карабкался по обледенелым склонам. На бросок гранаты взбирался. Там впервые увидел в действии «катюши», и немецкие многоствольные минометы «ванюши» испытал на себе. Верил неизменно, что враг будет повержен и победа останется за нами. О смерти мыслей не допускал, смерть его миновала. Не допускал в Нарвской Краснознаменной стрелковой дивизии, любовно принимая любые ситуации. Значит, так тому и быть, а не иначе...

Видел близко Жукова, Ворошилова и Мерецкова.

Освобождал Прибалтику. В Прибалтике его снова зацепило чувствительно. Он остался в строю, хотя ныла рана, от потери крови кружилась голова. Не подал вида, что страдает. Еще побывал Тимофей Дмитриевич в Чехословакии, Румынии. Самим собой остался, если помните, в Бухаресте среди нелюбимых, «которые шли сплошной стеной». Международным языком эсперанто их расчувствовал. А других взбадривал гармошкой и песнями в собственном исполнении. Энергия через самый край. Еще бы не так, если с помощью эсперанто полную дивизию с лошадьми наполнил. Лишь с несколькими пластунами пленил деморализованных гитлеровцев. Предупредительно пустили автоматные трели, враги охотно подняли руки, сами пожелали сдаться, разуверившись в блицкриге. Но могли пустить в ход оружие. Все решила внезапность.

Из Дуная он воду пил, пригоршнями черпая мутноватую. Из Вислы и Одера котелком черпал. О кирзовые сапоги спички зажигал. Братался со встреченными иноземцами, и те дивились добродушию и могучности русского солдата.

После виктории повлекло Шуваева в Сибирь. А сошел с поезда в Тюмени — попутчик речистый внушил приязнь к непримечательному в те годы поселению: «столице деревень». Женился здесь на родственнице бывшего председателя Нижневартовского райисполкома Михальченко. Михальченко сагитировал на Север перебраться. Перебрались дождливыми днями осени — из относительной неухоженности в неухоженность полную, когда грязь по колено и птицы неохотно голос подают, словно их нет вовсе. Народу вокруг мало. Газеты опаздывают. В магазинах залежалая тушенка да керосин для семилинеек. Случалось при свечах вечеровать, если электричество пропадало надолго.

Того и сего недоставало, но родственное участие Михальченко и оптимизм корневой Тимофея Дмитриевича перелавливали всякие неудобства. Руководил Шуваев школой, преподавал в ней, созда-

вал краеведческий музей, детьми обзаводился и немудреным личным хозяйством — после приюжного от Тюмени райцентра Юрга, где тоже директорствовал. Возле пшениц наливыстых и перепелок в ночи. Вспоминал, как едва не пленил прославленного главного финна Маннергейма возле Хельсинки в болотах. Тот позиции свои и шведского добровольческого отряда осматривал и натолкнулся с охраной на пластунов Шуваева, так едва ноги унес бравый барон. И то ли еще в военпрактике случилось! Но не успел Тимофей Дмитриевич написать книгу воспоминаний, все откладывал на потом: несущественные-де боестолкновения.

Школы, которой заведовал по назначению свояка Михальченко, в реальности еще не было. Строил ее, подбирал кадры, готовил производственные инструкции для новообразованного коллектива. Преподавал. Успеть во всем хотел. И мне в дни 85-летия заявил: «Очень хочу жить!». А кто не хочет. Одним православным отработавшим культа по теории все равно, на каком свете быть. Тимофей Дмитриевич к тому же активно хотел жить. Кроме истории вел еще географию, биологию, химию: учителей не хватало. Летом отправлялся со старшеклассниками в археологические экспедиции, на отмелях речных и приозерных собирали всякие древние достопримечательности, восстанавливали давнее прошлое Угории. Копался Тимофей Дмитриевич в архивах, листал подшивки газетные, малопомалу формируя историю Нижневартовска — откуда есть пошел городок на Оби. И каковым стал в развитии своем нефтегазовом. Жена не успевала керосин для семилитровых приобретать. Ночи напролет читал и писал одержимый летнегостевец.

Опубликовал вначале «историю» в местной газете, списав похвалу читателей и парторганов. На правах рукописи издал «историю» в Томском университете — до сих пор не утратила своего значения. Для нынешних краеведов источник познаний. Замышлял осуществить трехтомник. Фото и воспоминательные материалы собирал в содружестве с музеем, им некогда созданным. Часто выступал в школах, библиотеках, вел клуб эсперантистов, всем своим подвижничеством проявляя жизнелюбие: «Очень хочу жить!».

В день 85-летия часа три с ним беседовал, ничего не записывая, просто внимал образной, впечатляющей речи бывалого человека. В тот раз и узнал от него непечатаемое про Шолохова, Мичурину, Маннергейма и шведский добровольческий отряд, который накрыли прямой наводкой остаточным боекомплектом после абсурдного приказа отступить от Хельсинки. Шведы разбежались, как при Полтаве, и с тех пор держали устойчивый суверенитет, предпочитая строить в своей небольшой стране коммунизм по-шведски, без мировой революции. В чем и преуспели. Патриотизм Тимофей Дмитриевич мерил по Шолохову и Мичурину, их девизами вдох-

новлялся до предела земных сроков. Тогда еще вдохновлялся. Своим образом эсперанто через него открыл. Многое открыл.

В частности, проверил и непреложную в веках истину: незаурядные личности остаются изгоями в обществе, на них смотрят как на чудаков и воспринимают чужаками. Отстраняются на всякий случай. Отстранялись долгое время от Шуваева. Он оставался самим собой. Напористым и самостоятельным.

Жил в шестнадцатизэтажке возле Оби. Как многие бывалые, простовато жил, буднично. Часто общался по телефону с местными абонентами, переписывался на эсперанто со многими иностранцами, приобретенные адреса охотно передавал всем желающим переписываться. Оглухший, страдающий слабостью ног, простуженных на Волховском фронте и Сивявинских высотах, методично вел книги памяти, появлялся на людях. В газете «Местное время» его не признавали, зато радушно принимали в городской «Варте». Особенно с появлением нового редактора Александра Страбыкина. И он занес «Варту» в книгу памяти, изустно и печатно пропагандировал. Достойно оценивал краеведов, что продолжили его дело и весьма успешно проявляются. Но это особая тема.

После юбилея, весьма скромного, в скромном кафе, вплотную занялся Тимофей Дмитриевич другим юбилеем — тридцатилетием города. Член редколлегии, он подбирал темы и авторов для книги о Нижневартовске. О нем самом тема была. Поручили написать очерк о Шуваеве директору музея Н. Гасниковой. Музей тесно сотрудничал с Тимофеем Дмитриевичем. Дружила городская центральная библиотека, ее краеведческий отдел с заведующей Л. Семеновой.

Они и провожали бывалого человека в последний путь — на кладбище. У него внезапно обнаружилась непроходимость кишечника из-за опухоли в прямой кишке. Ему предлагали операцию, но он отказался. Стойко переносил страдания последних дней. Зная, что скоро его не будет, единственное, о чем просил, — высечь на памятнике, что он историк и краевед. Вот как высоко ценил свое гражданское призвание! Меньше говорил о воинских заслугах, чем о гражданском своем поприще. Значимость его оценили лишь после кончины, и то ненадолго, и то лишь восклицком в газетах боронников международного языка наименовать клуб эсперантистов именем бессменного руководителя. Восклицок опал, затерялся среди здравниц и самовосхвалений за большие деньги нынешним политическим и всяким прочим лидерам. Снова позабыли о подвижнике, сделавшем невероятно многое для того, чтобы восстановить и утвердить местную северную связь времен. И не как-нибудь, а крупно, масштабно, целеустремленно.

Говорят, что письма эсперантистов со всех концов земного шара к нему домой еще идут, в том числе из Бухареста, который он в

давнем военном времени покорил не гранатой и пистолетом, но знанием международного языка. Идут письма из Аргентины, Франции, Америки, Испании, Парагвая, Венесуэлы, Японии, Кореи, Австралии, от адресантов, еще не ведающих о кончине своего далекого друга. И только мало интереса к личности народного самородка-одержимца в среднеобских широтах. По-прежнему мало.

А ведь знают лишь верхнюю тонкополосную срезь его бытности, не изучили педагогический его вклад в общее дело, его внутрисемейные девизы, историко-краеведческие, системность занятий в архивах и скрупулезных исследований газетных подшивок и журналов, всего печатного, что касалось прошлого и настоящего края, ставшего для него до последних дней главной Родиной. Слышатся мне напористые шуваевские шаги по асфальту города и паркету различных учреждений, его глуховатый убеждающий баритон, непреклонный взор, прямота высказываний.

Последние годы он верил больше мне, отказывался от авторства других, предпочитая исповедаться одинаково непризнанному исследователю истин с немалым стажем. Считал меня малодоступным для сообществ, но я пришел к Шуваеву своевременно и зеркало его пути основательно закрепил в мыслях и сердце, и оно мне освещает свой собственный путь, сохраняя уверенность в правоте однажды избранного направления, и что истинное рано или поздно возобладает над сиюминутным, корыстным и черствым. Верю в подвижников! Поклоняюсь людям, подобным Тимофею Дмитриевичу Шуваеву!

И. С. Антонова

Чудотворство выстраданной лирики

(Признания поэту-земляку)

Талант — явление редкое, но не случайное. Закономерность явленного миру таланта осознается потомками, современники же нередко обманываются в ориентирах. Уникальность и самостоятельность существования таланта рядом раздражает, вызывает некорректное желание копаться в душе поэта, провоцировать его на неадекватные, с точки зрения обыденных норм, поступки. Хрестоматийными стали факты непонимания зрелой лирики Пушкина при его жизни, факты оскорбительных нападок на редко пишущего, а потом смолкнувшего Блока, факты нищенского положения мало востребованного при жизни Рубцова. К сожалению, опыт прежних ошибок в отношениях «поэт и власть», «поэт и толпа», «поэт и критика», «поэт и читатель» ничему нас не научил.

Видимо, истина заключена в том, что поэзия всегда трагична, а поэт — баловень судьбы невозможен, он по чудовищной справедливости природы существует среди нас, как самоистребляющий актер в трагических ролях на сцене жизни. Метафизическая перенасыщенность человеческими страстями, болью души, напряженным анализом человеческого естества, рефлексией реализует мучительное счастье поэта Владимира Мазина. Его творческое счастье — ответственность мастера создавать звуками, словами, интонацией фраз новую речь в языковом пространстве. И его поэтический голос, как неоднократно отмечали филологи, ни на чей не похож и все-таки звучит в рамках норм великого русского языка. Можно обратиться к откровениям Мазина в стихах «Города исчезают и страны...», «Когда страдальчески немею...», «Стихотворство», «Мирская благодать» и других, чтобы выявить высокое ученичество нашего поэта, его беспредельную преданность базовым ценностям отечественной литературы. Но мы непременно выявим самостоятельность поставленного классикой голоса лирика, рожденного в экс-столице нашего района, в селе Ларьяк.

Не случайно наш поэт признавался:

Стихотворство — как актерство,

Где на тренинге в тиши

Легкомыслие, притворство

Открывали часть души...

Действительно, обыденное здравомыслие вряд ли позволило бы самореализоваться, самоистребляться не в быту, но в трансформации материала чувств и языка. Любимый Мазиним поэт Блок не так ли в игривом притворстве воплотил в себе многообразие страданий и восторгов?! Владимир Алексеевич знает и высоко ценит лирику и эпические шедевры Ивана Алексеевича Бунина. А вот что говорил Бунин о творческом тренинге писателя: поэты, художники, созерцатели, творцы должны обладать «способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, не только свою страну, но и другие, не только себя самого, но и прочих людей, т.е., как принято говорить, способностью перевоплощения и... памятью».

Способности Мазина перевоплощаться и помнить отмечают и московский литературовед Леонид Ханбеков, и сибирский писатель Николай Смирнов, и санкт-петербургский историк Владимир Селицкий. При этом поэт Мазин не просто предлагает, но и вызывает к сотворчеству, чтобы читатель осознал всю сложность, весь трагический оптимизм якобы легкомыслия, якобы притворства. Легкая, летящая к читателю мысль при творческой самоотдаче поэта наполняется необходимой работой разума и чувств при восприятии. И к сотворческому восприятию читатель — потребитель изящной словесности — должен быть готов. Автор не напрасно рассчитывает быть услышанным. Чудо преобразования обыденности, дарованное поэту, нам необходимо.

Поэтизация действительности, создание ирреальной картины мира требует перевоплощений. В этой несочетаемости «игры» и «реальности» осуществляется востребованность метафорического преобразования души поэта. И как результат творческой самоотдачи Мазин обозначает судьбу лирика:

Счастливые люди не пишут стихов,

Счастливые не рассуждают:

Куда и зачем гнали их двойников...

Сцена жизни, высокое напряжение «игры» с материалом стихосложения, постоянное движение от событийности к осмыслению чудотворной силы добра, красоты — вот мазинское существование, не ради признания, но ради собственно искусства; поэзии. Об этом и стихи: «Среди певчего племени вырос...» (1974), «Вдохновение» (1976), «Безрассудство» (1978), «Хорошо убывать пленному» (1997), «Вопреки возрасту» (2001) и многие другие.

Такова была и остается одна из тем лирики В.А. Мазина, о котором литературовед Леонид Ханбеков писал: «Сложившимся поэтом был давно, еще четверть века назад». Не преувеличивает ли автор очерка о нашем земляке? Но стоит обратиться к старым подшивкам газет, в которых публиковались стихи Мазина с 1967 года,

а в 70-е годы — наиболее активно, чтобы обнаружить справедливость мнения московского литератора.

В одной миниатюре поэта, написанной в 1963 году, читаем:

*Зари вечерней коромысло
Два озера уносит в ночь.
Луна без долгой укоризны
Простилась, как большая дочь,
С избою солнца за болотом
И поплыла одна легко
По раскачавшимся высотам
Привычной скоростью веков.
Но через несколько мгновений
Ей коромысло брать пора,
Чтоб к солнцу вынести из тени
Два переполненных ведра.*

Почти точная картина деревенского пейзажа с неброской, но живописной интонацией поэта-импрессиониста. Впечатлительность юного автора обнаруживает подвижность, изменчивость реального мира. Мимолетность и продленность события сирессованы в переживаниях и переданы в изысканной музыкальности всего стихотворного этюда. Нет ничего странного в том, что Владимир Мазин был публикуем, но не признан как самобытный незаурядный поэт. Кажется, к этому не стремился и сам Владимир Алексеевич. Недавно мне посчастливилось слышать старожилов, которые окружили Мазина после его встречи с читателями. Земляки поэта с восторгом вспоминали, как маленький Володя постоянно пел. Шел из детского сада с песней, ходил в школу с песней, его голос раздавался в летнем и зимнем кедраче. Вот откуда неизменная музыкальность, чистота интонации в стихах Владимира Мазина: из детства!

По датам публикаций можно обнаружить, что первые поэтические миниатюры Владимир создавал в 12 лет. Но, как он откровенно признается, естественность сочинять тексты частушек, песен была для него давнишним занятием. Он и не помнит, когда начал «знакомые слова расставлять незнакомо», чтобы стало красиво, звучно.

Впрочем, и мне, и многим работникам культуры, просвещения нашего края Владимир Алексеевич известен был как опытный организатор досуга. Возглавляемый им ДК «Радуга» славился хорошими мероприятиями, добротными концертами. К Владимиру Алексеевичу много раз обращались молодые специалисты за консультациями при написании сценариев, десяткам студентам-заочникам он безвозмездно помогал работать над дипломами, контрольными по философии, культурологии, истории искусств. В скромно обставленной квартире поэта тесно книгам, хотя более тысячи экземпляров Владимир Алексеевич подарил районной библиотеке.

Книгочей, меломан, хореограф, преподаватель русского языка и литературы, В.А. Мазин постоянно занят. В часы досуга не отказывается участвовать в городских и районных культурно-просветительных мероприятиях. Его добрые слова поддержки, сердечный отклик на события духовной жизни города подкрепляются функциями организатора, члена жюри, редактора, консультанта, репетитора, режиссера.

Он хорошо знает и постоянно изучает историю нашего края, культуру ваховских ханты. Его происхождение (по отцу — ханты, по матери — русский) сыграло определенную роль в формировании качеств добротолюбия, восхищенного отношения к финно-угорскому компоненту в русской культуре. По статьям Владимира Алексеевича, его стихам, сказкам будущее поколение сформирует образ нашего времени. В одной из столичных публикаций сказано: «Спасибо В. Мазину за поэтический рассказ о ваховском крае, за новые слова в русской литературе: Ларьяк, обласок и другие, органично представленные в стихах».

И на родине Владимира Алексеевича, в его Ларьяке, гордятся своим поэтом, по заслугам восхищаются его творчеством. Ведь благодаря поэтическому дару Мазина полузабытая древняя столица Ларьякской волости стала известна всей России и за рубежом.

Реалистические ли картины рисует поэтическим словом Мазин, романтические ли интонации обозначает в метрике, ритмике строф — всем существом своего духовного бытия ларьякский лирик с почтением, неиссякаемой любовью, сознательно возвращается к истокам своим. Тяжело переживши последнее прощание с матерью, поэт много раз обращался к образу скромной женщины, родившей и воспитавшей чуткого лирика, человека, масштабность таланта которого нам еще предстоит осознать. Будто декларация поэтического кредо, откровенность взволнованной души звучат строки из стихотворения 1998 года:

*...Поручила мне матушка,
На тот свет уходившая,
Не далеке, а рядышком
Видеть землю, родившую
Православное отчество
В моем ваховском племени,
Где хантыйская вотчина
Учит вечному времени.*

Филолог из Йошкар-Олы, доцент Наталья Ивановна Старыгина признается: «Меня восхитили масштабность и разнообразие деятельности, а многие стихи Мазина оказались созвучными и по строению, и по чувствам, и по мыслям».

Для меня же примером спасительного возвышения стало одно из стихотворений Владимира Алексеевича, которому, на мой взгляд,

суждена долгая жизнь, за которое благодарны будут поэту все женщины.

Стихотворение «Надежда» — не тоскливая элегия и не праздничный гимн мужчины, добывающего или достигшего счастья. Это выстраданное откровение лирического героя, нашедшего самые нужные слова, пройдя по бурелому использованной лексики, не поддавшись соблазну инноваций, но и не повторившись в доверительной простоте интонации. У Мазина любовная лирика — это мучительное служение нежной половине человечества. Но лирический герой не отказывается от любимой ради чужого счастья, он и молит остаться, и хорошо знает, что только его возвышенное чувство оградит любимую от ошибок и бед. Мазинское восхищение женщиной заложено в душу поэта с детства. От образа доброй матери наш земляк несет благодарность деревенским и городским женщинам, взволновавшим нежную душу поэта.

*Господь, сохрани эту женщину,
Как нежное чудо твое,
Как слово на счастье вещее,
Что только молитва дает!*
*Господь, сохрани ее помыслы
К любви, что достойна она,
И пусть ей лишь лучшие помнятся
Встречи,
года,*

имена!
*Она мне судьбою обещана
И детям по праву любви...*
*Господь, сохрани эту женщину
И дольше к себе не зови!*

Ваятелем духовных ценностей в нашу эпоху деградации гуманитарного знания при постоянных разговорах о гуманитаризации всех сторон жизни быть не только трудно, но и нередко опасно: враждебность малообразованных лидеров от хлынувшего в Россию шоу-сознания много раз пыталась оскорбительными провокациями отрешить нашего поэта от любящих его читателей. Но у Мазина есть главный ответ всякой мерзости. Он работает, полон замыслов: завершить поэму, выпустить книжку сказок, собрать из разных папок, тетрадей черновики стихов, которые пока не обнародованы...

Поэту, члену Союза писателей России — 50.

Но по-прежнему расточается его добрый талант. Учитель, краевед, исследователь и пропагандист межэтнических форм доброты-любимого сотрудничества востребован на родине. Он всегда кажется в хорошем расположении духа, ему несвойственно жаловаться, толкаться в очереди за почестями, наградами. Мазин признан пат-

риотами края, земляками, литературоведами. Владимир Алексеевич серьезно говорит: «Мне некогда участвовать в околολитературных разборках, заниматься интригами в среде с-краю-ведов. Дел столько, что не успеваю выспаться, передохнуть». И мы знаем, что новые стихи, новые статьи В.А. Мазина, как и прежде, будут волновать, заставят думать, чувствовать, сопереживать.

Талант не выбирают. Ему истово служат, он осложняет жизнь. Он как божественный дар сам определяет судьбу человека. И в муках творческого преобразования мира талантливая личность счастье осознает лишь на уровне востребованности. А за востребованностью следуют новые мучительные труды познания обобщенного опыта, созерцания частностей, чтобы в душе поэта вызрели темы, образы. Стихотворческий дар непреодолимого поэта в лирическом герое помогает нам существовать, видеть красоту.

Книги Владимира Алексеевича не пылятся на полках. С скромные тиражи шести сборников давно стали раритетными. Поклонники поэта, все любители изящной словесности ждут выхода избранной лирики. Книга под названием «Бубен и скрипка» издается в Москве. И уже по названию понятно, что мы встретимся с неповторимой интонацией поэта, сумевшего гармонизировать хантыйские и русские мотивы, сумевшего в напряженной работе души до самоистребления сыграть свою главную роль — роль сына Ларьяка, роль первого поэта Среднего Приобья, заставившего слушать неповторимую интонацию лирических мотивов о ваховских просторах, человеческой сочувливости, доброте земляков, о дружбе и любви. Воспитанник русской классической литературы Владимир Алексеевич Мазин, преданно любящий свои хантыйские истоки, познавший поэтику фольклора, вошел в отечественную литературу как неповторимое явление. И мы, его земляки, счастливы мгновениями общения с талантом, рожденным на югорской земле.

VII. Интерактивное краеведение

В. А. Мазин

**Воспитание юных литераторов в
Ханты-Мансийском автономном округе
(из опыта работы руководителя
поэтической студии)**

Педагогика, ориентированная на развитие индивидуальных способностей детей, не может пройти мимо проблемы востребованности детского литературного творчества. В классно-урочной системе преподавания литературы нет достаточных возможностей личностного проявления в лингвистическом самовыражении. Древнейшая индийская мудрость «Познай самого себя, и ты познаешь мир» относительно языкового творчества понимается нами как развитие способностей активно созерцать действительность, вслушиваться в не молчащий для поэтов мир, отражать краски и звуки действительности средствами словесного искусства.

Детская речь на первых ступенях развития рассматривается психологами как эмоциональная форма поведения. Постепенно речевое развитие входит в этап интеллектуального обогащения. Но эти формы не сменяют одна другую. Они сосуществуют. Но чем активнее социальные контакты, тем менее активно «удивление» миром, ярче проявляется рационализм. Уже достигнув понимания того, что «каждая вещь имеет свое имя» (по Штерну), ребенок активно использует множество слов, пользуется «клише», идиомами, но мало проявляет творческой энергии в словотворчестве. В школьном возрасте дети перестают «мыслить вслух», шепотом проговаривать мысли. Внутренняя речь приходит в противоречие с речью звуковой и письменной. Мы не сомневаемся, что внутренняя речь гораздо богаче. Во внутренней речи интеллектуальные и эмоциональные усилия переплетаются. Внутренняя речь непонятна никому, кроме автора. Психологическое поле этой речи — тайна. Произносимая и письменная речи разворачиваются в известных всем понятиях, словотворчество постепенно снижается до минимума. Однако потребность эмоционального самовыражения не ослабевает. Поэзия дает возможность познания личностных эмоций. Познавая эмоции, подросток учится ими управлять, учится их выражать в адекват-

ных социальных формах. Эстетические усилия, затраченные в поэтическом творчестве, реализуют эмоционально-волевой поступок.

Писать стихи подсознательно нельзя. Но можно несознательно, то есть реализуя потенциальные способности сознания, в котором есть материал (словесный, знаковый, образный, ритмообразующий). Совершенно не думая о рифме, метафоре, размере, ребенок в раннем детстве совершает эмоциональные речевые действия. Опыт восприятия песен, детских стихов несознательно оформляет мысли в стихотворную структуру. Одаренные дети долго сохраняют способность к литературному творчеству, которая без должного развития постепенно все более углубляется во внутреннюю речь.

В рамках школьной программы развитие литературных способностей останавливается на низшем пороге познания художественной речи, то есть на уровне понимания разницы бытового, публицистического, научного, делового и художественного стилей. В художественной речи, как в особой реальности, хороший ученик способен узнавать известное в новом (образ маленького человека, тема родины, некоторые переклички композиционных приемов, художественно-выразительных средств). Более высокий уровень познания художественной речи предполагается при индивидуальных занятиях. Эксперимент по развитию способностей к лингвистическому творчеству гораздо глубже погружает в поэтику, рассматривая лингвистику как прикладной механизм самопознания и самовыражения. Ученик начинает понимать слово как знак, которым надо уметь пользоваться в эмоциональном поступке.

Слово — понятие,

слово — символ,

слово — звукокомплекс,

слово — строительный материал мысли с морфологическими, синтаксическими свойствами и свойствами этимологической памяти — приспособляется к оригинальному мышлению благодаря талантливым усилиям. Современная культурная среда стандартов не выдвигает требований, стимулирующих развитие природных способностей к образной речи. Даже такой важный фактор индивидуальной речи, как интонирование, перестает быть сугубо личностным. Речевое поведение нынче в большей мере формируется не в школе, а в общении вне ее (групповые тусовки, влияние средств массовой информации, структурные штампы массовой культуры). И в этих условиях необходимо расширение среды художественной речи в формировании речевого поведения учащихся.

В литературной студии на групповых занятиях оформляются ориентиры эстетических оценок. На индивидуальных занятиях ученики проявляют опыт исследователей, анализируя художественные тексты великих поэтов, проявляют способности конструировать художественные

миниатюры, изучают теорию и практику стихосложения по утвержденной и рецензированной программе. Интерес к словесному творчеству естественно сочетается с интересом к чтению. Писательство и читательство переплетены, порой трудно отделимы, одно невозможно возвысить над другим. Поразительная детская способность радоваться изящной словесной миниатюре вне зависимости от авторства, с одной стороны, активизирует потребность к чтению, с другой стороны — рождает благородный азарт поиска нужных изобразительно-выразительных словесных форм в собственных литературных опытах. Принцип индивидуального подхода позволяет постепенно выявить пробелы в знаниях по русскому языку, выявить ориентиры эстетического созерцания, скорректировать книжный мир, окружающий ребенка, раскрепостить творческие способности в лингвистическом самовыражении. На занятиях по ритмике, строфике, при изучении тропов и фигур речи, обсуждении роли рифмы в структуре поэтической речи и т.д. мы обращались к великим творениям А.С. Пушкина. Художественное слово необходимо понимать чувствами. Так учатся понимать музыку будущие композиторы, живопись — будущие художники. И самое лучшее «пособие» в развитии личностных чувств восприятия прекрасного — сам материал искусства. В нашем случае — поэзия.

Сравнивая два пушкинских текста о весне, мы научились различать поэтику фольклорной формы и поэтику романтического осмысления явлений природы. А все это — А.С. Пушкин, его особенный поэтический стиль.

*...Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать:
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ль луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.*

1828

(«Еще дуют холодные ветры»).

*...Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро
года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют,
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и нестроят;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.*
(Из 1-й строфы VII главы
«Евгения Онегина»)

Индивидуальный сравнительный анализ двух поэтических фрагментов показал:

1. Наименее способные к стихосложению учащиеся обратили внимание на отсутствие рифмы в первом отрывке, который им казался «нескладным».

2. Наиболее способные к лингвистическому творчеству заметили не только разницу времен, изображенных поэтом (1-й — ранняя

весна: пчелка летит разведать; 2-й — поздняя весна: пчелка (в значении множества) собирает дань), но обнаружили признаки авторского метафорического мышления: (весна=утро года; деревья пухом зеленеют, хотя они еще прозрачные=без листьев)...

3. Учащиеся, не продемонстрировавшие ярких способностей, но с увлечением занимающиеся стихосложением, обратили внимание прежде всего на стихотворный размер. Быстро определили четырехстопный ямб в отрывке из «Евгения Онегина»; легко обозначили анапест первой строки стихотворения фольклорного характера. Пытались доказать неправильность размера четных строк. Приобщение дополнительного материала убедило их в традиционности акцентного народного стиха. И здесь уже активизировалось внимание. Студийцы самостоятельно указали устойчивые эпитеты, характерные для народных песен: «красная весна», «кудрявая береза», «душистая черемуха».

Диалог читателя с лирическим героем, диалог автора с интерпретатором при корректном участии педагога позволяет детям проявлять весь комплекс умений самостоятельной работы с текстом, приобретает практические навыки. На занятиях мы почти не говорим о биографии поэтов, но часто перечитываем произведения художественной литературы, передумываем, советуемся, сопоставляем образы гармонии слов, звуков, интонации, чувств. Интуитивно многие дети чувствуют красоту поэтической речи гораздо острее, тоньше взрослых. Усвоив некоторые приемы филологического анализа, они свободно объясняют причины вдохновенного уoenия пушкинской речью, корректно критикуют сочинения местных поэтов.

По результатам работы поэтической студии школьный творческий центр ежегодно выпускает сборник сочинений студийцев под названием «Здравствуй, Пушкин!». Воля к поэтической мысли, сформированная в результате кропотливой работы, — это и есть творческий результат эстетического воспитания в нашем литературном объединении. Катя Спирина, ученица 9-го класса, которая, по ее словам, пишет стихи со второго класса, четыре года назад выполняла простое задание: сочинить несколько строк о зиме. Катя принесла восьмистрочное стихотворение в ямбе. Самой интересной мыслью текста оказалась срединная фраза о снежинке, которая, упав на землю, пропала в сугробе. Сопоставьте: идет человек, его отливает походка. Он сел в зале, встал в очередь — и превратился в массу, в толпу. Кому-то покажется такая аналогия надуманной. Но нам она показалась интересной. В результате поисков, нескольких исправлений, переработок родилась миниатюра в шесть строк, которая была опубликована в нашем первом сборнике.

*Летит, блестит снежинка,
Как мошка, как искринка,
На солнышке сверкает,*

*Резвится да играет... —
Покуда не упала,
В сугробе не пропала.*

Маленькая снежинка может быть похожа на многое, как человек на многих, но все-таки она выделена движением. Но когда звездочка становится снегом на земле, она уже ни с кем не сравнивается. В приведенной миниатюре все естественно, легко. Незаметны трудности подбора слов, сохранения трехстопного ямба. Это и говорит об одаренности начинающей поэтессы.

Музыкальностью отличаются стихи Елены Селюшкиной, философской глубиной — Кирилла Попова, легкой игривостью — Яна Маркелова, элегической грустью — Кристины Сорониной. Все дети очень разные по миросозерцанию, по ощущениям, по самореализации в словотворчестве. Работать с такими детьми нелегко, но интересно. Работы наших учащихся публиковались в «Новостях Приобья», «Местном времени», в «Варте», «Новостях Югры», в альманахе «Эринтур» (Поющее озеро), издаваемом окружной писательской организацией, в коллективных сборниках «Маленькая муза», в ежегоднике «Здравствуй, Пушкин!», который выпускается небольшим тиражом творческим центром третьей школы г. Нижневартовска. Нельзя ставить перед собою невыполнимых задач воспитания поэтов или профессиональных литераторов. Наша задача скромнее: создать необходимые условия для развития способностей детей к литературному творчеству. Занятия поэтическим творчеством спасают человека от голода души, от постыдного хамства, интеллектуального одиночества. Юное поколение имеет право выйти из тисков серого обывательского всезнайства (по сути, невежества) к ощущениям высокого поэтического духа. Познание чувств, самопознание через эстетизацию ощущений — вот смысл приобщения к поэтическому слову. И это приобщение на занятиях литературного объединения носит индивидуально-ориентированный характер, что и позволяет раскрыть личностные способности ученика к художественному творчеству в литературе как виде искусства.

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1996.
2. «Здравствуй, Пушкин!». Сборник наших стихотворений. Ред.-сост. В.А. Мазин. Вып. 1–4. Нижневартовск: Изд. Творческого центра школы № 3, 1998–2001.
3. *Есин А.Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.
4. *Рождественский В.А.* Читая Пушкина. Л., 1966.
5. Русский стих / Сост. Д. Бак и др. М., 1996.
6. *Смелкова Э.С.* Литература как вид искусства. М., 1997.
7. *Федотов О.И.* Основы русского стихосложения. М., 1997.
8. *Штерн В.* Умственная одаренность. Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста. С-Пб., 1997.
9. Эринтур (Поющее озеро). Ханты-Мансийск, 1999. Вып 4.
10. Эринтур (Поющее озеро). Ханты-Мансийск, 2001. Вып 5.

А. Б. Даутбеков

Деревенька моя!

Сколько нежных и ласковых слов я хочу сказать тебе наедине, рассказать о моей любви к тебе. Где бы я ни был, в чужих краях или у себя на родине, всегда помню о тебе и на всех ладах своей памяти вспоминаю тебя и места разные твои: озеро Саянское, Агаи-ские увалы, географический центр Советского Союза, находящийся недалеко от посёлка Красный Север, огромные болота, множество речек и тайгу. Как ты красива осенью в позолоте берёзы, багрянце осины или изумруде кедра. Вокруг тебя на сотни, а то и тысячи километров стоит вековой лес, охраняя и не допуская к тебе любителей наживы и твоей простоты. С тобой не сравнится никто — они либо мелочь, проходящая мимо тебя суетливой брентностью каждого дня, либо это хорошие люди, оставившие память на челе твоём. Они здесь родились, делали первые шаги, впитывали особый мир своего двора, тропинок к речке или в лес, посещали детский садик, учились в школе и уходили в другой мир, мир взрослой жизни, мир забот, тревог и любви, но за суетой жизни они забывали о тебе, деревенька моя. Посмотри на них, теперь они, сытые и самодовольные, блестящие от пота хамства, изнеженные и распущенные, с презренной гордостью смотрят на тех, кто приехал из деревни, мол, смотри на деревню, и откуда, мол, такие берутся. Даже великие по мысли и таланту, они к концу своей жизни возвращаются к тебе, вновь обретая родину рождения. Хоть поздно прозревают, но сначала вспоминают о детстве, потом плачут о юности и едут к тебе, чтобы подтвердить свою любовь к старине и тащат своих родственников-нахлебников или детей любимых на алтарь памяти, которые ненавидят твои воспоминания и память босоногой страсти...

Господи! Всевышний! Подтверди мои мысли о моей деревеньке, находящейся в далёком краю югорской земли! Что может сравниться с тобой: ты белоснежна и стройна зимой, только сизый дымок выдаёт тебя издалека. Легкоранима и уязвима весной, одной воды неисчислимое количество. Зелена и ягодна летом, только слишком много комаров и мошки. Красива, разноцветна осенью, страстная охота или завораживающая рыбалка вызывают зависть и жад-

ность у любого горожанина, приезжающего сюда попинать твои коврижки.

Деревенька моя, ты у каждого человека своя, в дальней или ближней сторонке, большая или маленькая, в горах или степи, в лесу или пустыне, но своя, родная, до боли знакомая, а после долгой разлуки — вызывающая слезу умиления и шемящая сердце. Поверь мне, родная моя, ведь и я из тех, кто давным-давно уехал от тебя, но всегда приезжающий к тебе каждое лето, а не на берег Чёрного моря, чтобы вкусить твои прелести, побегать от комаров и поспать на душистом сеновале из сухой осоки, прибрежной ромашки, разнотравья и лечебного трилистника. Особенно осенью, когда в густых сумерках по уже знакомой тропинке после охоты выходишь из соснового леса к деревеньке Корлики, что стоит на берегу одноимённой речки. Она тоже течёт на запад, чуть ли не с самого края света, где-то от водораздела с рекой Енисей...

Запахи смолы и чистой тайги взбудоражили меня, зовут на местные подвиги и заставляют искать приключений на свою голову, а таинственная вечерняя тишина неторопливо спускается на древнюю землю местных жителей-ханты. Вокруг до того тихо, что невольно озираешься по сторонам и часто оглядываешься назад, словно кто-то наблюдает или идёт сзади, а по спине тихонько пробегают мурашки страха. Тусклый пенельный свет полной луны освещает большую поляну, в середине которой стоит мой давний друг, по жизни и судьбе, Борис Колмаков. Крепкий, крижистый, как вековая сосна, но зато верный во всём — и в словах, и в делах. Сзади него стоит одинокий кедр, повидавший многое на свете, чутко охранявший покой опушки и маленькой сибирской деревеньки. А видел он немало — сапные дороги, олени упряжки, полярных волков, медведей-шатунгов, людей старых, ушедших в мир иной, и тайну рождения ребёнка...

На сердце шемящая грусть прощания с деревенькой, ведь завтра улетаю домой, в город, в сутолоку машин, суету каждого дня и мелких тревог бытия, но это завтра, а сегодня я ещё здесь, с тобой, радость моя. Тень леса бодрит и освежает меня, всё стихло и ушло в покой, в лучах заходящего солнца горят вершины старых сосен. Под ногами шуршит песок, пожухлая трава и опавшие листья деревьев, только лёгкий ветерок доносит до меня лесные запахи и раздаётся тихий голос Бориса, встречающего меня: «Ну? Как дела? Что видел, кого стрелял и что несёшь с собой, князь?» «Что ответить тебе, мой друг? Не знаю...».

«Ведь охота, как и жизнь, состоит из тысячи неудач и маленьких радостей, сотен мелких открытий и счастливых улыбок, не знаешь, когда и повезёт. И нельзя загадывать, чёрт всегда за моей спиной сторожит мою удачу, увидев или услышав её, старается сле-

лать всё наоборот. Кто поверит мне, что утренняя свежесть забирается под лёгкую куртку и тревожит спину колючими мурашками в томительные минуты ожидания первого, хоть и неудачного выстрела, а рядом краснеет брусника, чуть дальше темнеет черника, а у речки стоят разноцветные кусты голубики. Кто поверит мне, что бордовая дичь прилетает в деревеньку, рядом с ней гуляют медведи, а речка мерно несёт свои воды в Северный океан. Кто поверит мне, что я не пинал шляпки белых грибов, не удивлялся красным мухоморам и на босую ногу в тапочках гуляю в родовых угодьях моего друга. Или пылающий шар солнца, поднявшийся над волнистым изумрудом тайги и согревающий озябшую за ночь землю, сообщает о кипячёном молоке и душистом, пышном, горячем домашнем хлебе с какими-то толчёными травами и приправами, который испекла мама моего друга...»

Уже совсем темно, мы тихо и медленно идём по влажному песку аэродрома в далеко-близкую деревеньку. На фоне далёкого бисера звёзд слабо темнеют кроны деревьев, и стоит сказочная тишина. Природа настроенно, боясь упустить что-то важное, чутко дремлет под вечерним покрывалом неба. Только возле клуба носились стайки деревенских мальчишек да в тёмных закоулках влюблялись парочки. Дома ждали сытный ужин и просторный, дивно благоухающий сеновал. Луна успела уйти за горизонт, а звёзды упрямо напищывали мне сказочные сны из тёмных глубин Вселенной...

Среди ночи, перед самым рассветом, из тайги прилетело какое-то ухање, эхом окружившее мою деревеньку. Резко просыпаюсь, скатываюсь с сеновала, хватаю рюкзак и ружьё, на ходу плескаю в лицо воду и двигаюсь в тайгу. Темно, ещё совсем темно, долго властвует над корликовской землёй ночное безмолвие. Слух напряжён до предела. И вдруг справа, у знакомой сосны, раздаётся слабое щёлканье — и снова тишина. Я остановился как вкопанный, почти не дыша, до очередной трели, ощущая солёные капли пота на лице, шее и коже от волнения. Светлеет восток, еле-еле тянутся минуты томительного ожидания встречи с новым и неожиданным. Снова где-то там, чуть впереди, раздаются звуки любви. Вначале отрывистые, с длинными паузами, переходящие в горловое бульканье, потом уходящее в своеобразное шипение. Меня охватывает трепет и восхищение, во мне всё померкло перед чарующей волшебной песней любви гордой и величавой лесной птицы. Время неумолимо течёт мимо меня, а я не замечаю его, надо успеть увидеть и услышать, то, что, может быть, больше никогда не удастся...

Алсет восток. Рядом, с хлопаньем мощных крыльев, опускается на песок глухарь — и опять тихо. Заря набирает степенство, в гамме красок набирают силу и проявляются розовато-красные тона. Открывается небосвод, где-то застонал чибис, вскоре всплакнула

чайка и прошелестел крыльями селезень. Уже рассветает. В дымке лёгкого тумана скрылась кромка леса, а восход превратился в огненно-красный цвет. Ещё долго красит он в разные цвета спектра мою деревеньку. Всё замерло, оцепенело, когда из-за далёкого леса, у самого горизонта появился край огромного огненного диска. Его первый робкий луч коснулся кромки леса и сверкнул на стёклах деревеньки. Глухари мелкими перебежками, короткими перелётами, сопровождающимися хлопаньем крыльев, громогласным щёлканьем, глухими ударами тел сходились в игре и тянулись в сторону тайги. Солнце поднимается всё выше и выше над корликовским лесом. Под бесконечно голубым небосводом красавицы Югры льётся серебристая песня нового дня. Там, где-то в тишине, вдалеке, хлопнули двери, прокукарекал чей-то заспавшийся петух, и раздался визгливый голос недовольной домохозяйки. Стало оживать расцвеченное цветным солнцем селение, затерявшееся где-то в географическом центре бывшей страны Советов.

*Деревенька моя, как мне не любить тебя!
Ведь я твой навсегда, душой и телом,
От рождения до смерти, влюблённый
В каждый уголок твоей древней красоты.
Прости, родная, и помни меня ...*

Аганская сказка

Быль это или небыль, произошло это со мной или нет, я не знаю, но тогда мне было всего 34 года. Работая зав. отделом народного образования Нижнеуртовского районного исполнительного комитета, по поручению зампреда райисполкома А.П. Кауртаева вместе со своим водителем Виктором выехал в посёлок Аган на стареньком автомобиле «уазик» по решению нескольких вопросов районного масштаба. Необходимо было решить проблемы в поселковом совете, в школе и интернате, на лесоучастке и вернуться домой. Где бы мы ни находились, что бы ни делали, дом всегда оставался единственным островком благополучия. Прошло два дня. К вечеру, закончив все вопросы РИК и образования, мы выехали в дорогу. Как только проехали аганский мост, наш «уазик» встал. Ни ну, ни тпру. Зима, февраль, лёгкий морозец, под -25°C , и никого вокруг. Ни жилья, ни души, только скрип снега под ногами, благо хоть были тепло одеты. У обоих на ногах унты, сверху шапка, шуба, брюки с подстёжкой и шубенки. В общем-то, если быстро двигаться, то можно выстоять. Поначалу все мысли были заняты машиной: что случилось и что можно сделать. Потом пришла удачная мысль — развести костёр. Наломали веток, развели маленький огонёк и решили, что он нас не спасёт. Нашли в машине топор и нарубили сучья. Хорошо, что попросил водителя по-

ложить в багажник широкие лыжи. В стороне от лежнёвки снега было по пояс. Нужно искать более подходящее пристанище. На лыжах пошёл искать дрова и наткнулся на плавник. Надо было носить, таскать, ибо только огонь давал жизнь. У костра всегда теплее и веселей. Он горел, давая надежду на свет и будущее. Виктор искал причину отказа двигателя, понимая, что от него зависит наша жизнь. Мучаясь в проблемах бытия, я в это время, набив тропинку от речки, еле-еле, из последних сил таскал плавник. Оказывается, жизнь — это такая штука, независимо от должности, звания или награды надо на неё пахать, носить, уважать, делеять, бодрить, чтобы она не брыкалась и не скинула тебя же с себя на обочину дороги жизни. Вот тогда я впервые и оценил понятие силы воли. Никто меня не заставлял идти таскать, рубить, колоть деревья, не манил рублём и не обещал награды. Можно было тихо отсидеться в машине, укрывшись или завернувшись в меховые одеяла. Но когда морозик начал хватать за пальчики рук и ног, шариться по телу, то вдруг захотелось жить, и я стал стараться себя хоть как-то усладить. Пошёл работать сам, без принуждения и с уважением к самому процессу жизни.

Темнело быстро. На небе потихоньку зажигались звёзды. Появилась Большая Медведица, мерцали Плеяды, блестела Кассиопея, и одиноко светил Орион. Звездный мир набирал силу, просвечивая темноту пыли Млечного пути и подсказывая глубину Вселенной. Я не знаю, как описать глубину моих ощущений, так как это всё я вижу и понимаю в глубине души по-другому, чем те, кто не знает звёздный мир. Всё выше и выше поднималась одинокая, печальная от мороза луна, заглушая свет мириад искрящихся снежинок от костра. Мороз притаился в подлунном мире невидимой сторожкой над рекой и шьёт-пошивает свои узоры на ветках деревьев. Лес чутко дремлет, охраняя покой долины реки. Белые холмистые аганские просторы укрыты шелковистым пухом снега, только увалы темнеют полосой тайги. Он расположен чуть выше реки, разделяя невидимой линией лес и реку. Красиво замерла тайга в тишине наступающей ночи.

...луна и глушь...

Легко шурша, оседает снежок. Ни шороха, ни звука. В лунном свете зимний лес затейливо сплёлся густыми ветками, как будто белые кораллами. А в пойме реки то тут, то там стояли серебристыми арками пригнутые вершинами к земле берёзки, осины и тальник. Светлыми сводами куполов они завершали белый танец природы, сообщая всем красоту и совершенство Агана. Нет ничего впечатлительнее изгибов и крутояров судоходной реки, особенно у моста, не говоря о чистых кедровых лесах и шишках чуть крупнее изюма...

На согни вёрст никого — и так, и так — разверзлась тихая и дрёмная глухомань, спрятав в себе живность и буреломы в пуховом

снегу. Вторя мерцанию звёзд и костра, на снегу переливаются синие искорки. Луна уже плывёт над вершинами леса. Ничто не шелохнётся, даже тени какие-то размазанные, растянутые на белом покрывале зимы. Таёжная хмарь надёжно скована зимним сном, зачарована фиолетовым с просинью лунным светом и тонко звенящей тишиной. Тишина такая, что иногда кажется, что я глухой и слепой в этом мире, мире снега, холода и красоты. Мне становится от своих мыслей страшно, и с большей яростью таскаю плавник, чтобы скрыть свою трусость в этом мире, и кажусь героем, но только для себя. Только иногда звякнет металлом инструмент у водителя да слышны непередаваемые слова из местного лексикона. И только, а вокруг...

...только тишина...

Возле непролазного бурелома и плавника у реки, в двух километрах от моста, залегли лоси. Осели на зимовье. Тут, хоть и шумно, но было поспокойнее. Их было немного: самец, самка и телёнок. Выжить стаду было трудно — то полярные волки, то люди с топорами и оружием. Приходилось бродить по просторам аганских увалов в поисках удобного зимовья. Вот и выбрали это место, впереди — большой чистый песчаный мыс, сзади — естественная опасная ограда, справа мост — его и то еле-еле видно, а слева — река. Тихая морозная ночь охраняет покой лосиного стада. Матка и телёнок лежат рядом, головами в разные стороны. Поодаль темнеет огромной горой туша старого самца. Морду он подвернул к боку, челюсти непрерывно молили извечную жвачку. Одного рога нет, он потерял его во время осеннего гона в борьбе за свою единственную самку. Уши, как локаторы на аэродроме, непрерывно крутятся и сторожко прядают на неизвестный звук. Чутко спит самец, тонкий слух настороженно бдит за округой. Где-то витает дым от огня, что-то звякает на мосту и редко-редко приносит какой-то чужой, незнакомый, но неопасный запах. На речном просторе пошаливает ветерок, смешивая все запахи ночи, шум леса и падающего снега, да и всех других, что вторглись в просторы белого безмолвия.

...ни единого звука...

Луна в зените, стало ещё ярче, ещё светлее. Низина реки как-то преобразилась в морозной лунной синеве. До моста оставалось уже немного, когда ведущий волк вдруг встал. Он услышал металлический звук. Остановилась и стая. Потом ещё один звук, другой — и заметил, с высокогорья, пляшущие тени на снегу от костра. Потянуло дымком. Стая, состоявшая из трёх взрослых волков, трёх переярков и самки, долго стояла, раздумывая над проблемами ночи. Самка тихо рыкнула и решительно повела за собой стаю в обход моста и машины по кромке леса. Взрослые волки пошли след в след, меняясь местами, подолгу останавливаясь и прислушиваясь к шорохам

ночи. В ночи от них оставались только следы, метки на кустах или деревьях да тонкий, еле уловимый запах хищных зверей.

...тихая сказочная ночь...

Тягуча и долга зимняя ночь, особенно в дикой глухомани. Я не мог уснуть в машине. Крутился, вертелся на жёстком сиденье, мысли не давали покоя. Вдобавок холодно, и надо было думать о костре. В такую ночь и сон, и явь бродят по одной тропе в лесной чаще. На косогоре мелькнули тени. Наверно, показалось, подумал я и занялся костром. Он сейчас наша душа, без него было бы трудно. Наверно, тысячи лет назад, может, здесь или в горах, в степи или пустыне, точно так же жил мой предок, охранял костёр и при этом остался жив. Поэтому и родился я, точно так же повторяясь, стою на земле и думаю о костре. Делюсь своими мыслями с шофёром. Он как-то странно смотрит на меня, с какой-то жалостью и предлагает выпить по сто граммов. Выпили, постояли, закурили и долго молчали, прислушиваясь к ночной тишине.

Мороз начал крепчать, да и луна тихонько поползла книзу. Тени на земле удлиннились и стали чуть резче. А лес, что стоял в коралловом сплетении, стал воздушен и прозрачен. Уходило ночное леденящее, а приходило какое-то светлое и чистое, почти феерическое бытие. Но ещё сказочны и странны тени от костра. Как-то горбатится машина с открытым капотом, и пахнет бензином. Косо и тускло врезался в стекло машины лунный свет, выхватывая из глубины отражение ружья, лыж и панели приборов.

...быль и небыль вокруг...

Увеличенная, потерявшая свою округлость, теперь не волшебная, но медно-багряная, луна скатилась вниз за верхушки леса. Она подсвечивала верхушки леса, рисуя фантазмагорию света и тени. Откуда-то взялась длинная серая тучка, вытягиваясь вдоль горизонта от мороза и накрывая утренний восход солнца. Она, словно зацепившись краями за верхушки леса и накрывая утро, удлиняла ночь. Телёнок по привычке уткнулся в бок матери, а та, словно прикрывая

его, сложила голову на спину детёныша. Лось давно перестал жевать жвачку, только уши лениво прыдали временами по сторонам.

...тихо, очень тихо...

Волчья стая тихо подошла к бурелому, долго стояла, словно обсуждала план атаки, и, разделившись, начала обходить завал. Стал оседать иней. В призрачном пологе небо утеряло свою бездонность и глубину ночи. Оно начало сливаться с белизной зимы и леса, то тут, то там подчёркивая вершины тайги. Мороз крепчал, набирая силу. Где-то пушечным выстрелом в предрассветной дымке от мороза лопнуло дерево, подняв на ноги лося-самца. Уши рогача бешено вертелись, что-то грозное чувствовал самец, но пока не мог понять. В утреннем воздухе примешивались, кружась, посторонние запахи. Ноздри с шипением втягивали острый зимний воздух — знакомую горечь березняка, гниющий под снегом старый мох, сладость осинового коры и...

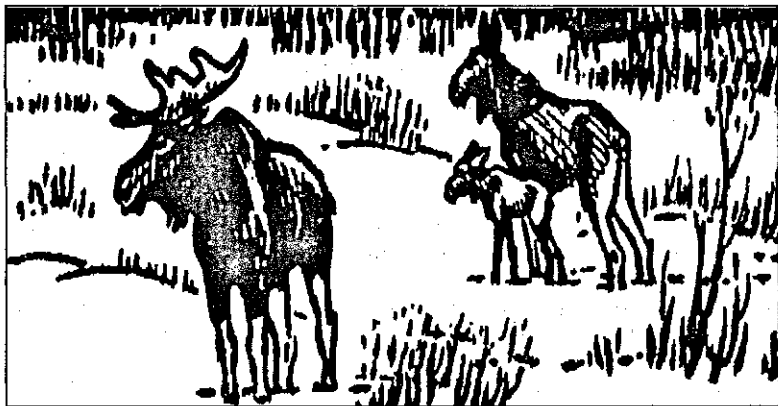
Уши прыдали, вывёртываясь в разные стороны. Что-то непонятное носилось в воздухе. Соскочили с мест самка и телёнок. Дрёма уже была потревожена. Только телёнку были невдомёк проблемы родителей. Он тыкался в брюхо матери. Сначала подтянулся на передние, потом на задние ноги, взбрыкнул и стал сосать молоко из вымени. Самец тихонько начал выходить к песку, увлекая за собой лося и телёнка, который обиженно толкался в её бок. Наперерез им уже вылетала одна половина волчьей стаи, загоняя стадо к бурелому. Лось, развернувшись на 90°, резко, аллюром, пошёл вдоль берега реки, не ступая на лёд. С другой стороны, охватывая фланги, неслась вторая часть волчьей стаи. Вдруг раздался выстрел, второй и заработал двигатель машины. Волки растерялись, а лоси, воспользовавшись суматохой, проскочили к мосту. Стая бросилась вдогонку. В свете фар на заснеженной дороге стояли трое животных, тяжело дыша и оглядываясь назад. Виктор выскочил из машины, выстрелил дважды из ружья в воздух и залез обратно, чертыхаясь, на сиденье. Лоси постояли и пошли вдоль дороги в нашем сопровождении. Через некоторое время они свернули с дороги и ушли в лес. Остановились и мы. Встали на дороге и закурили, молча озирая увалы и всматриваясь в лес.

...свежо, бело и морозно...

Блесая утренняя просинь залегла в небе, а в лесу ещё гуляли тени. Где-то затренькала синица, дуплетом отозвался дятел, недовольно цокнула белочка и, вспушив красиво хвост, пошла скакать по ветвям к одной только ей известной кладовой, где припрятаны орешки и сушёные грибы. На укатанную дорогу, на другом холме, оставляя позади чёткие следы, пригнувшись к следам лосей и машины, вышла осторожная лисица. Что-то почуяв, она быстро подняла голову, прислушиваясь к утру, ушла в лес. Синице ответил самец, и в

воздухе затренькали две струны. На холме стояли два молодых мужика, уставших, но довольных ночными происшествиями. Долга была ночь в пути. Может, и было сказано всего с десяток слов, но усталость брала своё. В самый раз освежиться, попить горячего чаю и уйти в сладкую дрему на пуховой перине. Но мы стоим на вершине аганских увалов и любуемся наступающим утром. Когда ещё придётся увидеть такую красоту утра и волшебство зимней почвы? Уже далеко-далеко внизу, там, за холмами, ползут по трассе трубопроводы, оживляя долину новыми звуками и светом фар.

...только быль и небыль остаются за спиной...

Мудрость

Это было прошлой осенью, когда я был на охоте во второй раз. Прилетев в пос. Корлики, что расположился на самом востоке Нижнеартовского района, на равном или почти равном расстоянии между великими реками Сибири Обью и Енисеем, я увидел старых знакомых по охоте и рыбалке. Именно там и повстречал мужчину средних лет, который каждый год находился в дороге в поисках пути из Повгорода в Хабаровск и осваивал водные пути, наиболее короткие на этой трассе. Невысокого роста, с широкой бородой, что отрастала каждое лето, физически крепкий, сероглазый, он оставил незабываемое впечатление, доказывая, что его предки прошли именно этим путём и обосновались в дальневосточных краях, передавая из поколения в поколение быль о великом походе новгородского мужика на край земли. Сергей был не просто уверен, он этим жил, считая, что это его сыновний долг — повторить и доказать всем правду о стариках. Жил в пригороде Хабаровска, начал путешествие с Новгорода и по воде, через Урал, добрался сюда, везде

отмечая печатями и штампами в городских и сельских советах маршрутный лист. Он горько смеялся над тем, как некоторые люди, особенно начальствующие, крутили у виска пальцем, показывая на него, не понимали его стремления в жизни. Но отмечал в дневниковых записях, что в каждом селении находились те, кто помогал в пути исправить оборудование, пополнить нехитрые припасы, перетаскивать на волоках или поправить лодку и хранить ее до следующего года. Удачи тебе, путник! Здоровья и счастья тебе и семье в твоих начинаниях!

Борис Колмаков посоветовал мне пожить в родовых угодьях Куниных: «Послушай, князь, там очень красивые места, они славятся ягодниками, что в лесу и на болоте. Давай поедем, не пожалеешь. Обрати внимание на сосновый и кедровый боры, тем более тебе нужны хорошие фотоснимки. Мать, два сына: один женат на учительнице, другой холостой. Это их летнее стойбище, если побродишь, но только с их согласия, найдёшь неподалёку и зимнюю стоянку. Обрати внимание на хозяйку стойбища, пригласи её на чашку чая, побеседуй, вечерами тебе всё равно делать нечего».

Сборы недолги, и ранним утром, перед самым рассветом, мы на двух лодках-казанках с подвесными моторами выбирались из лабиринта речки Корлики на спокойный Вах, что нес свои воды из географического центра бывшего Советского Союза в красавицу Обь. Поохотившись поутрянке на глухарьиные выводки, мы остановились у удобного крутого яра, где были причалены две чужие лодки. Вахские ханты, осевшие в этих краях с незапамятных времён, считали себя хозяевами этих мест. Чумы или юрты стояли на опушке леса внутри соснового бора и на берегу старицы, на хорошо продуваемом месте. Традиционная железная печка, кучка дров и вещи, валявшиеся в беспорядке в разных местах стоянки. Тут и сани, и старые вещи, снаряжение для оленей и оборудование. Под навес бы их, но хозяева привыкли к обыденным вещам и не обращали внимания на культуру двора. Им было непонятно, особенно сыновьям, зачем я перекладываю с места на место, подвешиваю или складываю их в одно место. Для них это было естественно. Но когда увидел что то, что я складывал или убирал, на следующий день оказывалось на своём месте, то понял истину поговорки «Не лезь в чужой монастырь со своим уставом». Они жили своим укладом привычных вещей и их расположением. Тут и медвежья шкура, и ватные одеяла, и трава на подстилку, парты и старая юрта, от которой остались только жерди. Палки можно было бы сжечь, но они оставались везде, я на них натёкался по всему лесу, отмечая по заросшим стоянкам примерный возраст. Как отмечали хозяева стойбища, стоянку они меняли каждый год, но зимнее у них постоянное. Рубленая изба, небольшая, примерно 3х5, несколько полок

для посуды и валяющиеся вещи. У старшего сына семья угорела прошлой зимой в палатке, а младший детей не имел, да и его жена, видимо, особого желания не испытывала. После интерната и педучилища она имела на всё своё мнение, да и условия жизни, после города, оставляли желать лучшего. Цивилизация имеет свои оттенки влияния на малочисленные народы Севера. В городе они теряются среди огромной массы людей и рассылаются в толпе. Приживаются очень мало, но многие возвращаются в лес, с разбитой психикой городского жителя и, не находя себя здесь, утешаются в винно-водочных изделиях.

Встретили нас радушно. «Нынче люди стали шибко мало ездить, нет бензина, запчастей к мотору, и везде демократия, бери — не хочу. Поэтому встретить нового человека в тайге и поговорить о многом, это тоже радость», — выразился один знакомый охотник-ханты, встречавший вертолёт на местном аэродроме. Накормили чебаком, что во множестве сушился над костром на осиных палочках, это блюдо называется тертам-кул, и напоили чаем. Старую женщину, которой подчинялись здесь беспрекословно, звали Анастасия Андреевна. Она не помнила своего дня рождения и сколько ей лет, но была крепка, как сухая палка. Наблюдая за ней, я обратил внимание на то, что она весь день в работе. Сама возит на обласе дрова с другого берега, ставит силки на птицу и зайцев, готовит еду. Но больше всего любила трубку с табаком. Зная страсть местных абorigенов к хорошему табаку, я и привёз её его в подарок, а мужчинам привёз модные тогда сигареты «Прима». Старушка тут же набила трубку табаком и, взяв голыми руками угольки с костра, закурила, пуская кольцами дым, с удовольствием и хитринкой поглядывая на невестку. Та, от робости, что увидела перед собой живого зав. районо, молчала все дни моей охоты. Ещё в начале 80-х годов в пос. Охтеурье я обратил внимание, как мужчины-ханты, собираясь в круг, пускали бутылку вина по кругу. Наблюдая в окно из кабинета директора школы за происходящим, заинтересовался, почему эта бутылка обходит круг по два или три раза. Директор школы, сама ханты, смеясь, отвечала, что им не хватает культуры. Да, пить из одного горлышка, имея в виду заразу, некультурно. Но ведь бутылка обходит весь круг и, как по волшебной палочке, содержимого хватает всем и первый допивает остаток. Первый — это тот, кто купил бутылку вина. Видимо, старушка и рассчитывала на это, зная, как ходит по кругу трубка с табаком. Сыновья молча курили сигареты, а невестка так не подняла голову. Здесь разрешают курить даже детям. Получив разрешение, мы поставили палатку на берегу реки. Борис бензоилой нарезал дров и, пообедав, уехал домой, оставив одну лодку, чтобы можно было мне вернуться в посёлок. Он не представлял меня одного надолго, приезжая через день-два, навещаясь

и оставляя припасы — то картошку, то буханки хлеба, то свежеебитую птицу, или оставался ночевать.

Пожилой человек, хозяйка стойбища часто приходила ко мне по вечерам. Мы долго просиживали с ней у костра, беседуя о разном. В ней оказалось столько мудрости, что я порой терялся, запоминая простые слова о высоком и житейском. Однажды во время последнего вечернего чаепития, а я привёз с собой хороший по тем временам индийский чай «со слоном», это она сразу оценила, прилетел и уселся прямо над нами, на сосне, молодой глухарь. Хлёсткий выстрел раздался по урию, и птица упала рядом с костром. Старушка похвалила меня и, показывая указательным пальцем на младшего сына, заговорила:

— Его отец с малых лет занимался охотой. Сытно кормил всё стойбище. Но сам до отвала кушал всего один раз, после охоты. Мы не отказывали ему, он ел сырую вкусную печёнку, пил тёплую кровь, ел отварные мягкие губы и сытый язык дикого оленя, груддинку и ребра медведя. Очень любил полакомиться отварной головой и разбивать полые косточки, доставая из них мозги. Почему? Не думай, что ему всегда везло, он и замерзал зимой, и тонул весной, и голодал в лесу. Смерть ходила за ним по пятам и сторожила его, как россомаха свою добычу. Видел когда-нибудь россомаху? Вон медведь всю зиму спит, но все его боится. А ты знаешь почему? Он постоянно голодный, всё время в движении, но ест один раз и много и тут же спит.

Хозяин всё время был в тайге, охотился и добывал больше всех. Умел лечить оленей, никто из детей не научился. С детства он был сиротой, никто не жалел его. Ему постоянно говорили: «Хочешь жить, быть сытым, иди тайга». И тайга давала ему одежду и пищу, уважение и достаток. А вот им, — показывает на детей, — не повезло. Они ничего не умеют. Старший ещё ничего, мало-мало успел кое-что понять и научиться, а младший ходил в интернат и ничего не знает. Днём спит, ночью мучается, в посёлке не работает, а здесь даже силки не умеет ставить, чтобы прокормить себя и жену. Умирает постепенно мой народ, кому мы оставим стойбище? Боюсь, пропьют его за бесценнок, поэтому и живу, только работа, трудная работа даёт мне силы жить дальше.

А знаешь, и ты тоже в этом виноват, забирая детей в интернат из леса. Поучившись и пожив там на всём готовом, наши дети не хотят охотиться и жить в лесу. Если не научился в молодости, то так ничему в жизни больше и не научится. Им постоянно нужны деньги на кино, на концерты, на вино. А где их взять? Вот и уходят олени за бесценнок крепким людям. Дети не хотят работать и поэтому быстро умирают. Сколько было у нас оленей, ты даже не можешь себе представить. В том бору, где стоит зимнее стойбище, им

не было места, и они гуляли здесь. А летом мы кочевали на север, в район реки Толька, возвращаясь к осени домой. После смерти хозяина осталось всего пять оленей, да и те только мои. Своих оленей дети уже съели, как будут жить этой зимой, я не знаю.

Тут я не выдержал и рассмеялся, вспомнив давнишний случай с моими детьми, точнее, младшей дочерью Олесею. В ту пору ей было 2–3 годика. Старшая дочь Асель росла хваткой и крепкой, съедала и своё, поглядывая на чужое, где и что можно было бы ещё урвать, а Олеся всегда оглядывалась на нас и как бы спрашивала, можно это или нельзя. Мы приехали в Казахстан, на родину моего отца, в дом, где он когда-то жил. Вся семья и родственники по моей линии, человек 40, собрались у брата Асылхана, где был уже готов обед-бесбармак. Собрались все племянники и племянницы, от Асылхана — 4, Отебая — 3, Абдыкадыра — 5, своих — 2, Сеита — 2, Абдрамана — 2 и т.д. В общем, человек 20 детей. Как положено, дети отдельно, взрослые отдельно, снохи собрались к нам, к мужчинам. Давно не виделись, и общение было праздничным, всё-таки приехал издалека старший брат. К нам только занесли обед, начали ставить самовар, как вдруг заходит младшая дочь Олеся, с ложкой в руках и полными слёз глазами. «Папа, мне не хватило ложки. Пока я искала ложку, они всё съели руками, ничего даже не оставили, а лепёшки разобрали, и мне не досталось даже хлеба».

Мы дружно рассмеялись над её комичным состоянием и отчаянностью, что осталась без обеда, а дочка разрыдалась от собственного бессилия перед колхозными родственниками, которые быстро подмели горячий обед. Городское дитя привыкло к размеренной жизни, позволяя приглашать себя к столу по несколько раз, проверяя чистоту посуды и «инструментария». Когда много народа, тут не до приличия, что ложки нет, вилка грязная или не мыты руки. Надо успеть поесть то, что есть, хотя бы даже и рукой. Перспектива остаться голодным никого не прельщает. Об этом случае она теперь не забывает, да и мы нег-нет напоминаем ей о давнем событии.

— Ты почто смеёшься? — спросила Анастасия Андреевна. Я рассказал во всех подробностях этот случай, смакуя подробности давно прошедшего события. Она улыбнулась, покачала головой и продолжила свою мысль:

— Вот-вот, о чём я и говорю, если с малых лет ребёнок не может накормить себя, то взрослым он пропадёт в тайге. Неправильно вы учите детей в интернате. Надо бы научить детей рыбу ловить, сети вязать, ловцы мастерить, белку на петлю ловить, промышлять зверя, посуду готовить из бересты. Надо бы научить готовить лекарства из местных трав, и чтобы они были заняты целый день, а не лежали на кровати в интернате или слонялись от безделья возле магазина. Если ребёнок научится работать, то он сможет жить везде, где захочет. Не

сможет он жить в городе, вернётся в своё стойбище, и будет с него работник. Посмотри на моего сына, 30 лет ему, ничего не может, только деньги давай. Ты же видел, как я ставила петли на птицу, каждый день у меня есть еда, а он даже их не может поставить. Женился, и жена такая же, вся правильная, не правится ей в лесу. Словом сказать, интернатовская она, как и мой сын.

— Анастасия Андреевна, вам уже много лет, почему бы ни переехать в посёлок. Там у вас есть свой дом, можно было бы на старости пожить в хороших условиях, — начал было я и замолчал, увидев выражение её лица.

— Ты, наверно, совсем глупый, не понимаешь, что это моя земля. Здесь родились мои дети, все предки жили здесь и здесь я буду свой век кончать. Соль горькая, но люди без нее не могут жить. Так и я, не могу жить без леса, на кого бросишь оленей, стойбище и всё это нажитое годами. В посёлке хорошо, но нельзя мне жить там, нет работы, а сидеть одна я не привыкла, быстро буду помирать. Пусть там младший сын живёт, всё равно здесь ни от него, ни от его жены никакого проку. А мне надо ещё пожить, видишь, старший сын без семьи скучает, совсем худо, жёнка ему нужна, где искать, не знаю. Ну ладно, давай допьём чай и пойдем спать, — обидчиво сказала она. И надолго замолчала, дохлёбывая остывший чай, упорно вглядываясь в ночной костёр, боясь обидеть меня резко сказанными словами. Но она была права, и права во многом, старушка переживала за всех, и за непутёвое образование, и за внешний мир, что вторгается танком в лесную жизнь, за детей, что оказались неготовыми к этой жизни.

Мне почему-то показалось, что знаю её давным-давно, такую простую, бесхитростную, чистую в делах и помыслах. Меня бросило в воспоминания, в прошлое. И мелькнуло что-то неуловимое, из памяти далёкого детства, в лице моей бабушки, которая была по своему тогда права, старавшись научить меня ухаживать за скотом, выбирать пастбища, резать животное и разбираться в мясе. Только дед и отец страстно желали, чтобы я выучился и на чёрной «Волге» въехал во двор их дома. В 60-е годы XX века чёрная «Волга» была синонимом власти и богатства. При них я выучился, стал учителем, многое видел и пережил, но на такой желанной им машине я въезжал во двор моих родителей и стариков уже без них.

Ночь вступила в свои права. Звёзды, скрытые густыми кронами хвойных деревьев, одиноко мелькали сквозь их просветы. Только свет костра, то удлиняя, то укорачивая тени, отодвигал тёмную стену леса. Отблески костра, что играли на воде, создавали невообразимую игру отражённого света. Старушка поблагодарила меня за чай, молча приняла оставшуюся заварку и ушла в ночь. Вместе с ней поднялась собака и поплелась за ней, выражая всем видом

сожаление за случившийся разговор. Заторопились и сыновья, приглашая на охоту на лосей, но мне надо было уезжать. Заканчивался отпуск на осеннюю охоту.

Оставшись один, я долго перебирал про себя этот разговор и размышлял, перебирая тонкую нить беседы, мысли, которые она высказала мне. Таёжная женщина говорила про то, что хотела от нас, общества, для будущего своего народа. Разговоры, что прошли вечерами, были о житье-бытье её семьи, различные и своеобразные по сути, описывающие поверхностное состояние этой женщины, без намёка на сострадание. Можно только представить себе, это я знаю по опыту проживания в тайге зимой, сколько она пережила в этой лесной глуши, сколько испытала горя. Не замкнулась, не очерствела душой, не оскудела мыслью. Думая о завтрашнем дне, старушка не забывает о продолжении своего рода. Она озабочена материнской добродетелью, видя доброе отношение к себе. Мне стало не по себе от мысли, что я расстаюсь с необыкновенным человеком. Мы как-то незаметно сроднились за десять дней моей охоты. Разные культурные понятия и житейский опыт, но объединяло нас чувство взаимопонимания. Она была близка мне тем, что я вырос в простой семье, среди простых людей, и мне не понаслышке знакомо человеческое горе. Улетая из глухой тайги, я увозил с собой заботу маленькой старушки-ханты о нарождающемся дне и будущем, переживавшей о своем маленьком лесном народе, потом как мог решал её проблемы на уровне районного образования.

Князь

Наконец пришла осень, только почему-то вся озабоченная. То окропит землю дождичком, то пригонит облака разного пошиба, и хмурое небо давит на нас ненастным днём. Капризная хмарь, длившаяся долгий август, подошла к «бабьему лету» и куда-то исчезла. Соответственно и похолодало, что ни говори, всё равно чувствуется близость холодного океана. Солнышко с трудом поднималось по утрам, расцветивая разноцветными красками холодное утро середины сентября, и еле-еле отогревало природу от прохладных почей. Утро, на счастье, выдалось ясное и лёгкое. Как только порозовел восток, открылись дальние дали. Ни одного облачка, ни единой зацепки за горизонт.

Я шёл ближайшей дорогой к лесу, надеясь поохотиться на рябчиков. Тропинка, такая же старая, как я, петляла по песчаным буграм, поросшим мелколесьем. Это всё, что осталось от вековой тайги, где ступала нога человека. Капельки росы, словно бриллианты тысяч белых звёздочек, рассыпались по паутинке. Развешанные повсюду между кустами, они были похожи на ёлочные гирлянды причудливых серебряных нитей. Не дойдя до опушки ближнего

леса, вдруг почувствовал, что здесь, в этих местах, что-то не так. Давно забытая охота вдруг изнутри подтолкнула меня, напоминая об осторожности. Не слушая своего внутреннего голоса, я выскок на крутую горку.

С неё открывался прекрасный вид на речку, петляющую по аганской долине. В оврагах и низменных местах отходили последние голубичные и черничные поля да усыпанные брусникой лесные опушки и пригорки. С полей и опушки поднялась большая стая рябчиков, потянувшись к лесной кромке. Сколько раз здесь бывал в прошлые годы, знал и помнил, что здесь всегда бывает дичь, и такая неудача. Не послушался себя, своего внутреннего мира, и остался без мясного обеда. Зная по опыту осторожность птиц, я вернулся обратно к палатке, любуясь природой. Заметно пожелтели листья у березки, покраснели — у осины, меняется на глазах цвет зелени кедровника. Цвет зелёных иголок постепенно густеет от светлого до тёмного.

Настоящая осень приходит исподволь, тонко описывая в душе охотника своё состояние. Намекая на особые чувства, ей хочется предупредить человека о приближающейся смене времени года, сообщить о границе тепла и холода, показать красоте уходящего года. Осень, несмотря на сентябрь, уже на излёте. Ведь скоро октябрь, а там и снег, который ляжет на землю как белый долгий сон зимы. Скоро холодный ветер будет трепать последние золотые листочки, стараясь сбить их на землю. Некоторые из них, с трудом пережив холод и голод, доживут до весны. Но это потом, а сейчас в этих краях была редкостная осень. Резко очерчены контуры леса, далеко видно с балкона восьмого этажа, и душа просится в неведомые края. В словно рисованные утра, когда наступает осенняя благодать, забывается мирская суета и все противоречия на работе и в жизни.

Меня обступает какая-то меланхолия, на смену которой приходит тоска. Тоска о чём-то безвозвратно утерянном, может быть, утраченном навсегда. Жена знает про мою болезнь и смотрит на меня так жалко, что уже никуда не хочется. Со мной это случается только осенью, когда желтеют листья, когда северный ветер напоминает о себе прохладой, и иногда весной, когда слышу и вижу улетающих на север журавлей. И вот наступает время, когда грусть, копившаяся долгим летом на сердце, просится наружу, уступая место безмятежной радости.

В пятницу после уроков, пока жена на работе, достаю свои старые вещи. Перебирая их, дышу запахами бензина и пороха, тепла и холода давно забытой последней охоты. Нюхаю стреляные гильзы и примериваю иссохшие альпийские ботинки. Неожиданно рано пришедшая жена застаёт меня за преступлением века и тихо

спрашивает: «Поедешь?». «Да, поеду», — упрямо твержу я в ответ, кротким взглядом буравя линолеум на полу квартиры, стараясь не поднимать глаза выше её пояса. Не нужно искать в её глазах понимания, соучастия или безмолвного разрешения. Я знаю, что она будет все эти дни переживать за меня и ждать, когда свалюсь как ком снега на голову домой, усталый и счастливый, пропахший дымом костров и потом особенных удач.

Солнце начало пригревать, когда достигло зенита. Его лучи ласкают землю, давая знать, что тепла скоро не будет. Близкое дыхание Северного Ледовитого океана может за сутки изменить пейзаж югорской стороны. Не успеешь опомниться, как яркие краски осени сменяются на унылые и однообразные холодной зимы. Поэтому я радуюсь каждому пригожему дню и стараюсь продлить их в душе. Вон там река Аган спокойно и величаво несёт свои воды. Слева стелется длинное болото, заросшее травой и мелким соснячком. Справа безымянная речка, петляя меж песчаных холмов, шумит своими перепадами.

Пока придумал и сварил себе обед да напился чаю, размышляя о красоте природы, пропало время. День клонился к вечеру. Закат, играя красками, был чистым. Надо было готовиться к утренней охоте. Перебирая и откладывая на спальник патроны, я мысленно думал о стрельбе из новой двустволки. Новое ружьё было опробовано в школьном тире. На расстоянии 50 метров оно било кучно и в центр, разнося в пух середину ватмана. Но птичка никогда не подпускала к себе близко, и это меня радовало. На расстоянии 75, даже 100 метров можно было дробью «тройка» бить рябчика.

Когда уже угасал и таял день, послышался далёкий звук лодочного мотора. Шум явственно набирал громкость, заполонив всю окрестность своим звуком. Подбросив сухостоя в огонь и повесив давно остывший чайник и котелок на треногу, я пошел по тропинке к речке, блестящей серебряной лентой на фоне чернеющего леса. Заглох мотор, и явственно простушила тишина. Старая лодка-казанка ткнулась в берег, заскрежетав металлом. Поднятая волна ударила о берег и откатилась обратно. В лодке встал маленький человек, в ватнике и вязаной шапочке. Лицо заросло куцей и реденькой бородкой. Из-под бровей выглядывали острые и пронзительные глаза. Он ловко спрыгнул на землю и спросил: «Чаю поставил? Кормить будешь? Наверно, давно забыл запах дичинки? Не узнаёшь, что ли? Максимка я. Здорово, князь!». И засмеялся открытым душевным смехом, поняв, что напугал меня поздним вечерним визитом. Это был Максим, старый аганский охотник-ханты, что жил у истоков этой речки. «Слышу, вертолётка кружит. Думаю, дай-ка схожу посмотрю, может, ты прилетел. Вишь, однако, правда. Не зря пришёл, рыбку привез, давай ужинать».

Старый чёрт знал, что у меня для него припасена литровая фляжка чистого спирта, но также я знал, что завтрашняя охота будет ни к чёрту. Пропади пропадом завтрашний день, посидим и приложимся, ведь редко видим друг друга, да и когда ещё придётся. Достав из лодки бензопилу, Максим без слов быстро срезал сухую сосну и начал пилить чурбаки. Один в один, словно отмеренные по линейке, они легли у костра. Лесного человека не устроила форма моего костра. Выложив рядом колодцем дрова, абориген Агана с удовольствием причмокнул и решил, что пора приложиться к чарке. Сбежал к роднику за свежей водой и уселся, поставив ватник под себя, у импровизированного столика на земле.

Он не спрашивал, есть или нет у меня спирт, он просто ждал. Чистые и лучистые глаза с тонкой хитринкой, в которых отражался свет большого костра, ожидали праздника двух старичков. Алюминиевая кружка со спиртом перешла от меня в его сухие и жилистые руки. Максим не торопился, он священнодействовал молча, наслаждаясь полновесной посудкой. Так было всегда, когда встречались мы вдвоём. Никого нет вокруг, ночь и костёр, журчащая речка, да шальной ветерок иногда шевелит палатку, нагоняя на нас дым от костра. Старик живёт один в лесу, семья потихоньку принимала очертания цивилизации и жила в посёлке. Только он один, по привычке, уезжал из посёлка Аган и жил в лесу. Хозяин тайги, выросший в чуме и не знавший прелести города, всегда терялся среди одинаковых многоэтажек. Всего раз побывал у меня дома, но больше решил не приезжать: «Однако много людей, все пегают, пегают, моя голова не поймёт, что им надо. Ты хороший человек, но ты живи здесь, а я там».

Он был растерян и подавлен массой людей, доверял только старшей дочери Асель и без неё никуда не ходил. Деньги Максим прятал далеко под оленью дошку, что была телогрейкой. Пока доставал их, у него пропадало желание что-то купить. Возили его везде, он побывал на выставке мехов и камней, в картинной галерее и везде цокал языком, как белка. В винном погребке пил оригинальное вино, от пива отказался, попробовал шашлык, но скучал по свежему мясу. С интересом стоял у прилавка магазина «Охотник». Он по-детски перебирал пальцами, когда видел дорогие патроны, порох или дробь. По рукам можно было понять, как он трогает в мыслях и заряжает ружьё. Молодая девушка-продавщица, увидев его, странно посмотрела на меня, молчаливо спрашивая меня, что это с ним. На мой знак она ушла на другой конец прилавка и наблюдала издали за человеком из тайги. Максим долго стоял за прилавком, что-то говоря про себя вслух на родном языке и часто ощупывая карман под дошкой.

Про новые ружья и говорить нечего. На карабины, увидев их цены, смотрел, как на дорогие картины из магазина господина

Соловьёва. Но остановился, словно замер, возле дробовых ружей. Их там было много — 32, 28, 16, 12 калибр, по это было то, чего он никогда не мог получить на руки. По моей просьбе со стены сняли МЦ 12—21 и подали ему в руки. Надо было видеть благоговение его перед оружием: Люди, державшие в руках много видов оружия, понимающие цену себе и металлу в форме, знают, что это такое, и относятся к нему как к необходимости каждого дня. А для Максима это был праздник, праздник души. 45-летний мужичок истомился по хорошему оружию и притом новому. Мы ему помогли, он купил себе ижевское ружьё 16 калибра и не стал больше гостить. Весь вечер Максим был сам не свой. Всю ночь что-то бормотал во сне. На следующий день он улетал домой. Знакомые вертолётчики обещали подбросить его домой, в посёлок Аган. С тех пор наши дороги разошлись на долгие годы, и вот судьба снова свела нас вместе.

Ночь была долгой, мы говорили о многом и обо всём. О рыбалке и охоте, о старых знакомых и ружьях, о семье и детях, но страстью каждого оставались волки. Местный житель знал о них много, так как природа заставила их быть вместе. Максим знал почти каждое семейство на аганских увалах и рассказывал, как много бед приносили с собой припльные полярные волки зимой, кочевавшие вместе с оленями. Картофельно-бобово-пряный суп с добавками от «Г. Бланки» он не стал даже пробовать.

После приезда, когда напил дрова и поставил нормальный, по его разумению, костёр, он достал свежую щуку и стал готовить «сэхрам-кул». Обывателям не понять, что щуку нужно распотрошить, посолить, и пока спиртус вини опускается в нужное время и нужное место, надо немного подождать, чтобы рыба успела просолиться. А потом, через полчаса, нанизав на осиновые шампурь, словно шашлык, жарить ее на костре. И в нужное время спясть с жара, но не с огня или костра, а именно с жара, дать немного остыть, пропустить чарочку спирта без воды. Отдышавшись, приняться за жареную щуку (да и любую другую рыбу) в горячем исполнении. Клянусь, именно в данное время не нужно больше ничего, кроме горячей рыбы от костра или ободранной, мороженой щуки (патонки) с хорошего мороза, но это зимой. Как объяснить людям про свежемороженую щуку, нарезанную тонкими пластинами (так обычно снимают рубанком крупную стружку со свежей сосновой доски), посыпанную солью вперемешку с чесноком, чёрным и красным перцем. И закусить хорошую водочку, именно закусить, надо щукой в хантыйском исполнении.

Проснулся я очень поздно. Помню, что лёг в палатку, Максим ещё сидел у костра, дымил моими сигаретами и что-то пел на родном языке. Тишина и высохшая глотка. Солнечное утро и радуж-

ные круги от каждого предмета, на который я посмотрю. Костёр, и меня качает из стороны в сторону. Про себя думаю, как бы не наступить на огонь. Два раза вешал чайник на треногу, и оба раза мимо. Пришлось идти в третий раз, когда услышал недалёкий выстрел. Постоял, подумал и, набрав воды, решил не испытывать судьбу, просто поставил чайник на край костра. От выпитой воды в голове снова смутилось, всё кружившееся вокруг стало кружиться быстрее, и я снова ушёл в палатку.

Проснулся от толчка, это моим ботинком Максим будил меня на обед. Отваренное мясо двух рябчиков, лук, чеснок, хлеб, открытая банка тушёнки и разнообразие ягод — брусника, голубика, черника и клюква. «Э, пора, однако, обедать, а ты спишь, как медведь. Так можно и лентяем стать на охоте. Я уже на охотку сходил. Вишь, дичинку отварил, а ты храпишь, и тебя далеко слышно. Давай будем обедать и голову лечить. Где у тебя заначка?»

Бескорыстный и прямой, Максим всегда говорил то, что думает. Обед проходил в медленном темпе, дополнительная фляжка перекочевала под руку аборигена и осталась там навсегда. Мне была выделена только одна стопка спирта, так было всегда. «Э, какой ты, однако, слабый стал. Раньше, бывало, и не столько пили, нынче совсем плохой. Что, школа замучила? И как ты с детьми работаешь? Я вон своих двоих терпеть не могу, всё деньги требуют, давай, давай. Где я их возьму? Пенсию жена забирает, олешек мало, рыбу сейчас никто не покупает, не нужна. Соболей никто не принимает, отдашь их задаром. Помнишь, когда я у тебя был, дочка твоя старшая меня водила на выставку мехов и камней. Сейчас шкурки никому не нужны, всё готовое, только деньги давай».

Размышления охотника были справедливы. Уничтожили охотничьи хозяйства, позакрывали зверосовхозы, пустили в прах рыбозаготовку. То, что было нажито годами, пущено на самотёк. Можно по-разному относиться к бывшей партии и правительствам, можно хаять и проклинать, произносить речи и выражать своё несогласие с их политикой. Но нельзя отдавать на откуп случайным людям богатство и опыт, накопленные Россией годами. Никогда село или деревня не были богатыми, если один раз повезло, то нужно относиться к этому очень осторожно. Второго такого урожая или надоя молока может не случиться, и всё полетит в тартарары.

Именно в деревеньке залегает основа города, многие из нас вышли из деревни и туда стремятся в свободные дни. Здесь проходит хрупкая грань между бедностью и нищетой, которую будет трудно восполнить, несмотря на огромные капиталовложения. Посмотрите на молодого человека из далёкого села и на горожанина. Один — ещё честен, наивен, во многое верит, другой — говорит одно, делает совершенно другое и очень опытен в сфере оболванивания простых

людей. Первый через некоторое время станет таким же, как и все в городе. И плохо, если он применит тактику горожанина в своей деревне. Мы это уже знаем на опыте, когда путём мошенничества и оболванивания в частные руки переданы национальные интересы России. В корне согласен, что каждый должен жить по средствам, заработанным им, но не за счёт других. «О чём задумался, князь? Оставь всё это. Вот в город поедешь и там будешь думать, давай есть мясо, сам готовил. Мало-мало добавил разной травы. После обеда ещё прогуляюсь, надо на ужин что-то придумать. Со мной не ходи, от тебя много шума, да и толку не будет. Ладно?».

На следующее утро Максим разбудил меня спозаранку. Чайник уже был заварен, холодное мясо нарезано аккуратными ломтиками. Молча позавтракали, завернули остатки в газету и сунули в рюкзак. Максим положил в котомку чайник, вылив остатки чая в термос. Над моим термосом он посмеивался, предпочитая горячий чай с коистра. Мы с вечера договорились сходить к семейству волков, понаблюдать в бинокль лесную жизнь диких зверей. Дорога была долгой и утомительной, аганские увалы ещё раз доказали, что они чего-то стоят. «Слышишь, вертолётка летает? Чего он там так долго кружит? Мы как раз туда идём. Я пойду вперёд, посмотрю: Ты тихонько иди за мной, видишь вон тот кедр с поломанной верхушкой. Туда и иди, я тебя там встречу, от вертолёта скрывайся, не показывайся ему. Тут что-то не так. Иди тихо и смотри по сторонам».

Над тайгой летал вертолёт с распахнутой дверцей и открытыми иллюминаторами, откуда виднелись люди с ружьями. Железную птицу я не видел, но гул ее двигателей разносился над лесом. Она летала боком, плясала над землёй, принаравливаясь к какой-то точке на земле. Раздавались далёкие, хлётские одиночные и сдвоенные выстрелы. Потом вертолёт присел к земле за увалом, на речке и высадил людей. Держа ориентир на указанный кедр, я осторожно пробирался по тайге. В низинах увала росли мелкие деревья, на его склонах и вершинах кучками стояли сосны. С вершины увала из-за деревьев в бинокль уже было видно, как вертолёт что-то упорно загоняет на пеших охотников, цепью расположившихся вдоль крутого и обрывистого берега Ёгана. Выстрел, другой, дулет, снова беспорядочная стрельба.

Вертолёт подсел на открытый берег урия. Всколыхнулась и мелко задрожала земля, травяной сор и песчаная поросль накрыли тучей речку и урий и на некоторое время скрыли от меня всё это пространство. Из него стали выгружать какие-то картонные ящики, складные стулья и столики. Трое девиц в коротких юбках весело накрывали обеденный стол, расставляя по ранжиру одноразовые тарелки, ложки вилки. Возле них вертелся шустрый мальчик, открывавая бутылки. Три охотника, три лёгчика, трое девиц и бармен дружно

подняли стаканчики и вышли за прошедшую удачную охоту. Увлёкшись наблюдением в бинокль за событиями за столом, я не заметил, как подошёл ко мне Максим. «Лежи, лежи! Смотри, как они отдыхают. Видишь, один из них потащил девку за бугор, а она не сопротивляется. Вот пошёл народ, середь бела дня и на глазах у всех. Ты тут сиди и смотри за ними. Они весь волчий выводок постреляли. Может, кто-нибудь остался жив, я пройдуся. Там были самец и самка и трое волчат. Стреляли четырёх, это я точно знаю, где пятый? Видишь, на берегу речки лежат трупы. Я там был рядом и сам всё видел».

Отсутствовал он долго. Там, в низине, уже успели попить и поесть вельсать, сходить с девками в кусты все, кто желал. Отдохнувшие и бодрые, они погрузили в вертолёт волков и улетели в город. Через несколько минут со стороны речки раздался выстрел. Там внизу стоял Максим и махал мне рукой, приглашая к себе. Пока я спускался вниз, обходя кусты и деревья, выбирая удобный путь, охотник проверил всю поляну и нашёл полную бутылку дорогого виски. Бумагу поджёг, а пустые бутылки закопал в песок. Помахал мне рукой и пошёл на другой конец урия. Там на траве лежал связанный сыромятными ремнями полугодовалый волчонок. «Я его нашёл в ямке, видишь, уже успел укусить. В лапу попала пуля, но ничего страшного, правда, много крови потерял. На то он и волк, чтобы выжить. Я его к своей собаке приучу. Видишь, это будущий самец, хорошие будут у нас щенки, если не сбежит».

Волчонок мы положили в рюкзак, предварительно промыв водкой рану и забинтовав случайным бинтом из моего кармана. Он не крутился и не вертелся, не рычал и не визжал, дыша моим потом и усталостью. То ли от потери крови, то ли сморили его боль и усталость, но молча переносил тяготы пути. Когда возле палатки предложили ему варёное мясо, он отвернулся. Но потроха рябчиков съел в один присест и долго смотрел на нас, сложив голову на лапы, до поздней ночи, пока не улеглись спать. Утром вареное мясо исчезло. Напоили его водой, сами попили чаю и стали прощаться. «Когда приедешь? Если прилетишь, сделай круг над избушкой, ладно? Если будешь на лодке, то мимо меня никак не пройдёшь. Я тебя жду. Приезжай. Пока». Лодка скрылась за поворотом, а я не мог забыть, как жалобно-просящими глазами смотрел на меня волчонок.

Через полтора года мои ноги выбрали себе путь, сначала в посёлок Аган, а там, за две бутылки водки, нанял лодку до избушки Максима. Старый знакомый по работе, председатель сельского совета, или по-новому — глава администрации муниципального образования посёлка Аган, выделил мне 80 литров бензина на «общественные нужды» на мои же деньги. Четыре двадцатилитровые ка-

нистры — а Максиму они нужны как воздух — и в придачу пять литров автола сделали меня сказочно богатым. Шли ходко, прошли старый и новый аганский мост, ещё несколько поворотов — и, когда вечерело, издалека показался домик.

На последнем повороте нас по берегу сопровождали две собаки. Два выстрела в воздух дулетом холостыми патронами, и на берегу появилась небольшая фигурка Максима. Объятия, приветствия, и во дворе показались собаки, настороженные, готовые в любую минуту убежать. «Узнаёшь волчонка? Его тоже зовут Князь. Я его назвал так сразу, когда мы ушли от тебя тогда, помнишь?». Почти двухгодовалый волк прямо и смело смотрел на меня, не подходя и не отбегая, гордый и непреклонный. В нём было что-то царское, возвышенное. Взревевший мотор отъезжающей лодки отвлек моё внимание. Суeta заходящего дня, шумные сборы на дорогу и спокойный ужин. Вдруг мне в ладонь опущенной руки ткнулся чей-то мокрый нос. Я тихонько обернулся, на меня смотрел Князь, так же жалобно и просяще, как и более года назад. «Видишь, однако, он тебя узнал. Просит тебя взять его с собой на охоту. Скажешь нет, он отвернётся и забудет тебя. Хорошая память. Смотри сам. Но туда, где его стреляли, ходить не будем, волк может вспомнить и убежать. Пойдём на другую сторону, не пожалейшь. Ты ещё не знаешь, что такое хорошая охота».

Наши авторы

- ✓ **Алексеева Любовь Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета НГПИ.
- Антонова Инна Сергеевна**, методист ЦДТ.
- Бобков Юрий Валерьевич**, инженер отдела экологии института природопользования.
- Борискин Анатолий Федорович**, доцент кафедры прикладной математики и физики НГПИ.
- ✓ **Величко Наталья Ивановна**, старший научный сотрудник этнографического музея «Торум-Маа» (г. Ханты-Мансийск), соискатель кафедры истории России НГПИ.
- Винокуров Юрий Иванович**, директор института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН, доктор географических наук, профессор.
- Внукова Оксана Валерьевна**, учитель муниципальной средней школы № 2 г. Радужного, аспирант кафедры истории России.
- Гаврилова Надежда Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета.
- Гелашвили Давид Борисович**, заведующий кафедрой экологии Нижегородского государственного университета, доктор биологических наук, профессор.
- Гололобов Евгений Ильич**, старший преподаватель кафедры отечественной истории Сургутского педагогического института, кандидат исторических наук.
- Гребенюк Галина Никитична**, декан естественно-географического факультета НГПИ, кандидат биологических наук, профессор.
- Гумерова Галина Анатольевна**, доцент кафедры культурологии НГПИ.
- Даутбеков Амирсет Бикмурзаевич**, учитель физики МОСШ № 22.
- Еськова Наталья Григорьевна**, студентка нефтегазового университета.
- Зинченко Нина Николаевна**, тележурналист ТК «ТНР», член Союза журналистов России.
- Зубов Виталий Николаевич**, аспирант, преподаватель кафедры истории России НГПИ.

- Иванова Нина Александровна**, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии, экологии, естествознания НГПИ.
- Карпов Виктор Петрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета.
- Колобова Берта Алексеевна**, кандидат педагогических наук, старший преподаватель НГПИ.
- Кошкарева Альбина Михайловна**, доцент кафедры русского языка НГПИ.
- Кулемзин Владислав Михайлович**, профессор, доктор исторических наук, г. Томск.
- Мазин Владимир Алексеевич**, учитель русского языка и литературы МОСШ № 3, член Союза писателей России.
- Митрофанов Виктор Владимирович**, преподаватель истории МОСШ № 31, аспирант НГПИ.
- Розенберг Геннадий Самуилович**, директор института экологии Волжского бассейна РАН, член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор.
- Семенова Екатерина**, **Полковников Александр**, **Трушкин Антон**, **Мосина Ольга**, **Хачанкова Ирина**, **Гавриленко Екатерина**, **Меликова Ирада**, **Палчук Оксана**, **Сутягина Ксения**, **Танпова Алина**, ученики МОСШ № 29, члены научного общества «Экологический мониторинг».
- Скульмовская Любовь Григорьевна**, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры НГПИ.
- Смирнов Николай Павлович**, член Союза писателей России.
- Соколов Сергей Николаевич**, доцент кафедры географии, экологии и безопасности жизнедеятельности НГПИ, кандидат географических наук.
- Солодкин Яков Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России НГПИ.
- Троценко Наталья Николаевна**, аспирант кафедры истории России НГПИ.
- Цыс Валерий Валентинович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГПИ.
- Цыс Ольга Петровна**, старший преподаватель кафедры истории России НГПИ.
- Шевцов Алексей Александрович**, аспирант кафедры истории НГПИ.
- Яковлева Анастасия Михайловна**, ассистент кафедры романо-германской филологии, аспирант кафедры истории России НГПИ.

Оглавление

1. История. Историография	3
<i>Я.Г. Солодкин.</i> Воеводы и письменные головы Пелыма первых лет его существования	4
<i>Я.Г. Солодкин.</i> Начало Пелымской ссылки	21
<i>О.В. Внукова.</i> О служилых обязанностях ратных людей Западной Сибири.....	28
<i>О.П. Цысь.</i> Миссионерская деятельность среди мусульман Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX вв.	37
<i>В.В. Цысь.</i> Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургутского уезда.....	53
<i>Е.И. Гололобов.</i> Лесное хозяйство Обь-Иртышского Севера в 1920-е гг.	62
<i>Л.В. Алексеева.</i> Начало коллективизации и колхозное производство: планы и реальность (на материалах Северо-Западной Сибири).....	71
<i>Н.Н. Троценко.</i> О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920-х—начале 1930-х годов	85
<i>Н. Еськова.</i> «Большая нефть» Югры 60-х—начала 80-х гг.	93
<i>В.В. Митрофанов.</i> С.Ф. Платонов как исследователь колонизации Зауралья	102
<i>А.А. Шевцов.</i> Г.Ф. Миллер как историк Сибири в оценке С.В. Бахрушина.....	115
<i>В.Н. Зубов.</i> Поволжско-сибирская политика России времени Избранной рады в отечественной историографии 30—80-х гг. XX века (сопоставительный анализ)	125
<i>А.М. Яковлева.</i> Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е.К. Ромодановской	148
Материалы по истории края	
<i>Л.В. Алексеева.</i> «Акт обследования Ларьякского туземного райисполкома от 5 января 1929 года»	157
<i>Е.И. Гололобов.</i> Документы по истории лесного хозяйства	163

II. Социология	171
<i>Л.Г. Скульмовская.</i> Культура управления персоналом как одна из составляющих российских перемен: региональный аспект	172
<i>Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов.</i> Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы	179
III. Материалы по истории края. Этнология	199
<i>Г.А. Гумерова.</i> Мифологические воззрения ханты и манси	200
<i>В.А. Мазин.</i> Природосообразные характеры ханты и манси в литературе (обоснование школьного и вузовского изучения)	206
<i>В.М. Кулемзин.</i> Охотник по форме и содержанию	212
<i>Н.Н. Зинченко.</i> К оценке проверки архаичных ритуалов коренных народов Севера	221
<i>Н.И. Величко.</i> Н.В. Лукина как исследовательница народа ханты	226
IV. Лексикография	237
<i>А.М. Кошкарева.</i> Лексика ямского промысла северных районов Тюменской области	238
V. Природа. Экология	251
<i>Ю.И. Винокуров, Д.Б. Гелашвили, Г.Н. Гребенюк, Г.П. Краснощеков, Г.С. Розенберг, Ф.Н. Рянский.</i> Мифы и реальность устойчивого развития регионов Сибири	252
<i>С.Н. Соколов.</i> Оценка природно-ресурсного потенциала Западной Сибири и региональная политика	299
<i>А.Ф. Борискин.</i> Методологические вопросы формирования экологической компетентности учащихся	312
<i>Б.А. Колобова.</i> Эколого-воспитывающий потенциал спецкурса «Экология города»	322
<i>В. Захарова, Е. Гавриленко, И. Меликова, О. Мосина, О. Палчук, А. Полковников, Е. Семенова, К. Сулягина, А. Таипова, А. Трушкин, И. Хачанкова.</i> «Мониторинг географической среды 10-а микрорайона города Нижневартовска»	327
<i>Н.А. Иванова.</i> Фитонцидные свойства растений как фактор формирования внутренней среды в биогеоценозах ХМАО	349

Ю.В. Бобков. Зимнее население птиц северной тайги
в верхнем течении реки Глубокий Сабун 359

VI. Портреты земляков 365

Н.П. Смирнов. Люблю жить! 366

И.С. Антонова. Чудотворство выстраданной лирики 375

VII. Литературное краеведение 381

✓ *В.А. Мазин.* Воспитание юных литераторов в
Ханты-Мансийском автономном округе (из опыта работы
руководителя поэтической студии) 382

А.Б. Даутбеков. Деревенька моя! 387

Аганская сказка 390

Мудрость 395

Князь 401

Наши авторы 410

**ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ:**

Краеведческие записки.

Вып. 5

Ответственный за выпуск: В.И. Чернышова

(Книга издана по заказу муниципального учреждения
«Библиотечно-информационная система» г. Нижневартовска;
директор В.И. Чернышова)

Оператор ПЭВМ Пархимович Ю.С.
Художник Кухтерин А.С.
Корректор Тиунова Н.В.

Подписано в печать 08.01.2003 г.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Peterburg».

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. л. 24,18. Тираж 1000. Заказ №3548.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»

Лицензия ИД № 06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84.

e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru

<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».

640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.